4 961

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ.
КОМНАТА
ШКАФЪ
ПОЛКА
№
ИНВЕНТАРЯ

113771
2796

ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ.
IV.

Къ IV т. Всеобщ. Пут.

А. Ф. Крузенштернъ.

Ф24381

ВСЕОБЩЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ СВѢТА,

СОДЕРЖАЩЕЕ

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ДОНЫНѢ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ, КАКЪ-ТО: МАГЕЛЛАНА, ТАСМАНА, ДАМПІЕРА, АНСОНА, БАЙРОНА, ВАЛЛИСА, КАРТЕРЕТА, БУГЕНВИЛЯ, КУКА, ЛАПЕРУЗА, БЛЕЯ, ВАНКУВЕРА, АНТРКАСТО, ВИЛЬСОНА, БОДЕНА, ФЛИНДЕРСА, КРУЗЕНШТЕРНА, ПОРТЕРА, КОЦЕБУ, ФРЕЙСИНЕ, БИЛЛИНГСГАУЗЕНА, ГАЛЛЯ, ДЮПЕРРЕ, ПАУЛЬДИНГА, БИЧЕЯ, ЛИТКЕ, ДИЛЛОНА, ЛАПЛАСА, МОРЕЛЛЯ, И МНОГИХЪ ДРУГИХЪ,

СОСТАВЛЕННОЕ

ДЮМОНЪ-ДЮРВИЛЕМЪ,

КАПИТАНОМЪ ФРАНЦУЗСКАГО КОРОЛЕВСКАГО ФЛОТА,

СЪ

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

картъ, плановъ, портретовъ, и изображеній замѣчательнѣйшихъ предметовъ природы и общежитія во всѣхъ частяхъ свѣта, по рисункамъ Сенсона, сопровождавшаго Дюмонъ-Дюрвиля въ его путешествіи вокругъ свѣта.

Проверено 1933 г.

Часть четвертая.

Уральская Областная Библиотека Фундаментальная

Императорскаго Александровскаго Лицея-Библиотека

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1836.

Фундаментальный Научной библиотеки Ур. Г. У. ФОНД

Уральский Индустриальн. Ин-т им. С. М. Кирова Фундаментальн. библиотека

910.4

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Мая 27-го дня 1836 года.

Цензоръ Д. Перевощиковъ.

Пр. 1940

Пр. 2010

ВСЕОБЩЕЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Китай и Японія.

ГЛАВА XXXIV.

КИТАЙ. ПЕРЕѢЗДЪ ИЗЪ МАКАО ВЪ КАНТОНЪ.

Въ десять часовъ утра на другой день, мы явились на нашемъ пакетботѣ, который немедленно пустился въ путь. Погода была прекрасная и благопріятная, и скоро проплыли мы заливъ Макайскій. Тутъ вступили мы въ проток рѣки, широкій въ этомъ мѣстѣ на три льё, и пересѣкаемый въ разныхъ мѣстахъ утесистыми, голыми островками. Только одинъ изъ нихъ, *Линтинъ*, населенъ народомъ, самымъ негоднымъ изъ всѣхъ племенъ здѣшней стороны, но смѣлымъ болѣе Китайцевъ, и потому проводящимъ всю жизнь въ контрабандѣ опіумомъ. Хотя употребленіе этого зелья всеобще во всемъ Китаѣ, но законы запрещаютъ его подъ строжайшимъ взысканіемъ. Уголовное уложеніе назначаетъ каждому продавцу и потребителю опіума разныя наказанія, начиная съ ударовъ бамбука до висѣлицы. Но строгость законовъ недѣйствительна при потачкѣ исполнителей ихъ. Мандарины

являются чрезвычайно снисходительны къ провозителямъ опіума, пріобрѣтающимъ это снисхожденіе большими подкупами. Высшіе чиновники также не отказываются отъ участія въ тайныхъ торговыхъ сдѣлкахъ. Бывшая прежде въ Макао, торговля опіумомъ перешла послѣ того въ Вампоа, портъ Кантонскій, а наконецъ, съ 1824 года, въ Линтинъ.

Въ Бенгалѣ нарочно строятся особенныя суда для этого запрещеннаго торга; отлично идя на парусахъ, хорошо снабженныя людьми и хорошо вооруженныя, они идутъ противъ муссоновъ, и пристаютъ въ Линтинѣ. Тутъ окружаютъ ихъ лодки контрабандистовъ; легкія, хотя и очень длинныя, онѣ безъ парусовъ, но, при помощи двадцати гребцовъ съ того и другаго борда, лодки эти стрѣлою летятъ по водѣ. Англійскіе корабельщики продаютъ въ Линтинѣ товаръ свой не иначе, какъ за наличныя деньги. Получивъ плату, они пересыпаютъ опіумъ изъ ящиковъ въ мѣшки, чтобы удобнѣе было спрятать его контрабандистамъ. Едва перегрузка въ лодки сдѣлана, онѣ, управляемыя пятьюдесятью человѣками каждая, пускаются по самому быстрому прошоку, стараются избѣжать отъ богдыханскихъ сторожевыхъ жонкъ, въ случаѣ необходимости бьются съ ними каменьями и копьями, и сгружаютъ потомъ свою контрабанду въ уединенныхъ заливахъ, а иногда даже въ самомъ Кантонѣ. Когда свезли опіумъ на берегъ, немедленно принимаются тереть его въ порошокъ, и раскладывать въ маленькіе сосуды, для легчайшей разноски, но обыкновеннѣе скатываютъ порошокъ въ шарики, кото-

рые прячутъ разнощики въ плашьѣ и въ рукавахъ. Посредствомъ такихъ хитростей, злое зелье распространяется по всему Китаю, и проникаетъ даже въ чертоги самаго богдыхана. Въ извѣстныя времена года, посылаютъ изъ Кантона къ богдыхану разные подарки, а въ замѣну ихъ получаютъ разныя льготы, и между прочимъ привиллегіи, посредствомъ которыхъ корабли дѣлаются недоступны обыкновенному осмотру. Желая показать однакожь, что таможенная стража поддерживается съ строжайшею исправностію, каждые три мѣсяца, въ назначенный, и напередъ извѣстный день, мандаринъ приплываетъ изъ Кантона въ Линшинъ, въ великолѣпной жонкѣ. Онъ лично удостовѣряется, что государственныя постановленія по таможнямъ тщательно приводятся здѣсь въ исполненіе, что никакого тайнаго торговца опіумомъ нѣтъ на островѣ, и что даже ни одинъ Европейскій корабль не останавливается въ пристаняхъ Линшинскихъ. Увѣдомленные напередъ, Англійскіе корабли отплываютъ на время осмотра въ море, а контрабандисты тщательно прячутъ запрещенный товаръ. Все ограничивается обрядомъ свидѣтельства, и кончится богатыми подарками, безъ труда успокоивающими совѣсть правосуднаго мандарина. Полагаютъ въ 45-ть милліоновъ франковъ цѣнность опіума, ежегодно ввозимаго въ Китай. Опіумомъ такъ дорожатъ въ Китаѣ, что тщательно собираютъ остатки его послѣ куренья, перечищаютъ ихъ, и продаютъ дешевою цѣною бѣднякамъ.

Мы проплыли столь близко мимо Линтина, что могли различить множество Европейскихъ кораблей, стоявшихъ на рейдѣ его, вопреки богдыханскому запрещенію. Одни выгружали ящики съ опіумомъ на понтоны, мѣста для повѣрки вѣса продавцамъ и покупателямъ; другіе нагружались сарачинскимъ пшеномъ, привезеннымъ изъ Ява и Манилла прибрежными плавателями, чтобы воспользоваться льготою, данною отъ правительства, которое снимаетъ двѣ трети пошлинъ за плаваніе по Тигровой рѣкѣ, если судно нагружено этимъ припасомъ. Стеченіе кораблей и дѣятельность обмѣновъ дѣлаютъ изъ Линтина значительное мѣсто для торговли. Обитатели здѣшніе могли-бы обогатиться, если-бы не сдирали съ нихъ немилосердыхъ поборовъ ненасытные мандарины, попускающіе за то самую наглую контрабанду. Не думая быть благодарны Европейцамъ за то, что получаютъ отъ нихъ средства пропитанія и наживы, шуземцы здѣшніе обходятся съ ними нагло, и—горе Европейскому кораблю, если онъ разобьется близъ береговъ Линтина! Якорное мѣсто, посѣщаемое только при С. В. муссонѣ, находится здѣсь на западной сторонѣ острова; входъ въ него удобенъ, и грунтъ надеженъ для якоря.

Линтинъ остался за нами; мы плыли попомъ мимо безплодныхъ, пустынныхъ, гористыхъ береговъ; рѣдкія и тощія деревья показывались коегдѣ на крайней оконечности ихъ къ рѣкѣ; по временамъ выставлялись, то необработанные пещаники, то болотистыя низменности, и только тамъ

и сямъ мелькали кучки хижинъ, убѣжища бѣдныхъ рыбаковъ. Далѣе это дикое мѣстоположеніе кончилось; рѣка, доколѣ широкая, сжимается здѣсь между двумя стѣнами ущесовъ, среди которыхъ бѣлѣютъ въ разныхъ мѣстахъ красивыя деревеньки, окруженныя опоясками зелени и садовъ. Торговыя и военныя жонки, кампаны всякаго рода и разнаго груза, покрываютъ рѣку и плаваютъ во всѣхъ направленіяхъ, между нѣмъ, какъ множество лодокъ, съ ихъ рапановыми парусами, поддержанными и раздѣленными бамбукомъ, переходятъ отъ одного берега къ другому, съ грузами скопины, зелени и другими запасами.

Черезъ нѣсколько часовъ плаванія, мы были въ томъ мѣстѣ рѣки, которое Португальцы называютъ *Bocca de Tigris* (Тигрова пасть). Здѣсь *Чу-Кіангъ*, или *Тигровая рѣка*, сжимаясь постепенно берегами, представляетъ самый узкій проходъ, по причинѣ высокаго, круглаго острова, занимающаго самую средину рѣчнаго теченія. Изъ двухъ проходовъ, образуемыхъ здѣсь рѣкою, судоходенъ только правый, охраняемый безобразнымъ укрѣпленіемъ, поставленнымъ отчасти на берегу рѣки. Ничего не можетъ быть ничтожнѣе и беззащитнѣе этой Китайской крѣпости. При входѣ въ проходъ представляется родъ какого-то замка, развалинъ снабженныхъ множествомъ пушекъ, а выше ихъ, въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ прохода, прошивъ острова, прикрытаго также нѣсколькими окопами, протягивается зубчатая стѣна, и въ амбразурахъ ея помѣщено до 20-ти пушекъ. Обширная стѣна, опять

съ зубцами, идетъ отъ оконечностей баштареи, и подымается четыреугольникомъ на возвышенность, довольно крутую, оставляя такимъ образомъ обширную отгородку, совершенно открытую огню кораблей, которые захотѣли-бы пройдти по проходу. Былъ случай испытанія этой грозной крѣпостной защиты и мужества ея охранителей, когда проходилъ здѣсь, въ Ноябрѣ 1816 года, капитанъ Мексуэль, съ фрегатомъ *Альцеста*. Ему приказано было идти прямо въ Кантонъ, и дожидаться тамъ Англійскаго посла, лорда Амгерста, который долженъ былъ отправиться отъ устья рѣки Пеи-го по Желтому морю. Мексуэлю хотѣли запретить проходъ черезъ Тигровую пасть—онъ прошелъ насильно, и разсказъ его объ этомъ подвигѣ такъ любопытенъ, что я приведу его здѣсь:

« Китайскія укрѣпленія означеннаго проѣзда были недавно возобновлены » — говоритъ повѣствователь. «Тутъ построили новую баштарею о 40-ка пушкахъ, такъ, что 110 пушекъ различнаго калибра составляли защиту всѣхъ крѣпостей, считая отдѣленіе на островѣ *Вангъ-Тонъ*, лежащемъ противъ берега. Всѣ части укрѣпленій, находящіяся въ полувыстрѣлѣ одна отъ другой, снабжены были на это время гарнизономъ изъ 1200 человѣкъ. *Чумпи*, лежащее немного подалѣе другихъ, защищается 12-ю или 14-ю пушками, но его можно проплыть внѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Пока мы приближались сюда, нѣсколько военныхъ жонкъ составили противъ насъ линію, имѣя пушекъ по шести и человѣкъ по 60-ти каждая. Мы насчитали 17-ть, или 18-ть такихъ

жонкъ, и къ намъ явился переводчикъ мандарина, приказывая положить якорь, подъ опасеніемъ, что корабль нашъ, въ противномъ случаѣ, утопятъ выстрѣлами. Онъ сопровождалъ свое изъясненіе другими грозными рѣчами. «Я пройду сквозь огонь баттарей—отвѣчалъ ему Капитанъ—а потомъ повѣшу тебя на большой мачтѣ, за то, какъ ты смѣлъ такъ дерзко говорить съ Англичанами.» Дѣйствительно, веревку лодки его перерубили, а его самого оставили на кораблѣ плѣнникомъ. Тогда жонки начали стрѣлять холостыми зарядами; имъ отвѣчали тѣмъ-же, какъ будто принимая это за салютацію. Такъ продолжалось дѣло, пока Альцеста не подошла къ Чумпи. Китайцы открыли огонь съ крѣпости, и нѣсколько ядеръ просвистало въ нашихъ снастяхъ. Вѣтеръ стихъ; отвѣчать было невозможно; слѣдовало остановиться. Только къ 9-ти часамъ вечера дѣло приняло другой оборотъ. Альцеста двинулась снова; на многихъ жонкахъ зажгли сигналы тревоги, и крѣпости были освѣщены на всемъ ихъ протяженіи. Въ каждой амбразурѣ появился огромнѣйшій фонарь, будто свѣтлый шаръ, представляя этимъ превосходное средство къ вѣрному прицѣлу. Сильный, но дурно направленный огонь загорѣлся съ острова и съ берега; мы отвѣчали огнемъ медленнымъ, но правильнымъ, сколько могли достать наши пушки безъ задержки корабля, безпрерывно шедшаго впередъ. Вѣтра почти вовсе не было, и пальба способствовала еще болѣе его уничтоженію, а это сдѣлалось причиною, задержавшею насъ нѣсколько времени, пока мы при-

плыли на видъ главной баттареи. Наконецъ, мы подошли къ ней на пистолетный выстрѣлъ, и прежде нежели защитники успѣли навести на насъ всѣ свои громоносныя оружія, мы выпалили въ нихъ съ полнаго борта — дождь картечь засвисталъ надъ ихъ головами, сопровождаемый троекратнымъ: *ура!* раздавшимся съ нашего корабля.—Этого было довольно на береговую сторону: фонари потухли и баттареи замолчали. Противоположная сторона продолжала стрѣлять, но ядра летѣли черезъ корабль, и попадали прямо въ Китайскую крѣпость на берегу рѣки.—Миновавъ опасную точку шѣстины, мы пошли тихо, не заботясь о Китайской пальбѣ. Цѣлый часъ продолжался нашъ проѣздъ, и мы не потеряли ни одного человѣка; только два ядра попали въ корпусъ корабля; снасти не были повреждены нисколько. Съ выгодами позиціи Тигровой пасти, Европейскіе артилеристы могли-бы расщепать насъ въ дребезги.»

Черезъ нѣсколько дней потомъ, капитанъ Максуэль пріѣхалъ въ Каптонъ требовать удовлетворенія за обиду, нанесенную Англійскому Королевскому флагу. На это отвѣчали не прямо, но околичностями, увѣряя, что недоразумѣніе оказалось въ позволеніи на проѣздъ Англійскаго корабля, и мандарины, начальствовавшіе крѣпостями, не имѣя надлежащихъ повелѣній, принуждены были дѣйствовать по общимъ своимъ инструкціямъ Въ слѣдствіе такого оборота, Китайцы замяли все дѣло, увѣряя потомъ, что все оно состояло въ недоразумѣніяхъ по поводу салютацій.

Передъ устьемъ Тигровой рѣки обыкновенно стоитъ богдыханскій флотъ, наблюдая за безопасностью Кантона и спокойствіемъ южныхъ морей. Мы насчитали около тридцати жонкъ, тяжелыхъ, неловкихъ по виду и превысокихъ кораблей, у которыхъ въ заднихъ частяхъ пробито множество маленькихъ окошечекъ, освѣщающихъ каюты капитана и офицеровъ. По средней палубъ стоятъ на нихъ рядками по нѣскольку пушекъ разнаго калибра, выставляя наружу свои жерла, раскрашенныя красною краскою. Все вмѣстѣ взятое не показалось намъ ни красиво, ни страшно. Мы не замѣтили даже въ этомъ флотѣ Небесной имперіи опрятной и стройной наружности, чѣмъ отличаются купеческіе кампаны Китайцевъ.

Можно сказать, что настоящая Китайская земля начинается только съ Bocca de Tigris. Передъ этою грозною заставою, гористая, дикая, безплодная область предана во власть контрабандистовъ и рыбаковъ; нигдѣ не видно тутъ обработки постоянной и послѣдовательной. Но за крѣпостями, къ Кантону, начинается другая область, полная жизни и богатства, то сдвигаясь луговинами вдоль берега, то волнуясь холмами въ долинахъ, и безпрерывно являя взорамъ плавателя городокъ, мѣстечко, домикъ, мелькающіе изъ-за зеленыхъ обставокъ деревъ и рощицъ.

Отъ времени до времени видѣли мы селенія даже на самомъ берегу рѣки, у которыхъ лѣстницы, сходящія въ воду, образуютъ пристани. Тутъ каждый пловецъ причаливаетъ къ жилищу своего хозяи-

на. Домы, вытянутые по берегу, не лишены изящества. У нѣкоторыхъ, на перистиляхъ, поддержанныхъ деревянными столбами, выдвигаются внѣшнія галлереи, перилы которыхъ украшены выпуклыми изображеніями. На верхушкахъ кровель у многихъ домовъ видны украшенія, въ видѣ, либо рыбьяго хвоста, либо коровьихъ рогъ — фигуръ совсѣмъ некрасивыхъ, но Китайцы и ставятъ ихъ не для красы, а по суевѣрнымъ предосторожностямъ. Отъ мѣста до мѣста, по всему берегу показываются на вершинахъ холмовъ Китайскіе *та*, несправедливо называемые отъ Европейцевъ пагодами: это суть зданія, въ 5, 7, 9-пь этажей, съ изогнутыми навѣсами на каждомъ этажѣ. Долго думали, будто эти *та* имѣютъ какое нибудь религіозное назначеніе; но ихъ отдѣльная постановка, столпообразная, узкая форма и вышина показываютъ несправедливость такого мнѣнія. Посвящены-ли эти зданія памяти какихъ нибудь событій, или это памятники какихъ нибудь знаменитыхъ людей, или просто бельведеры, казенные и частные? Одно знаемъ мы удовлетворительно, что всѣ постройки зданій такого рода и такой формы чрезвычайно древни, и что нынѣ Китайцы уже не строятъ болѣе подобныхъ башенъ.

Весь берегъ Тигровой рѣки, отъ Тигровой пасти до Кантона, покрытъ безчисленнымъ народонаселеніемъ. Если гдѣ не образуетъ оно селенія, то гнѣздится отдѣльно, на каждомъ холмикѣ и протокѣ, занимая хижинки, довольно опрятныя, и даже укрываясь въ старыхъ лодкахъ, которыя по-

крываютъ сверху навѣсомъ изъ соломы, и преображаютъ такимъ образомъ въ жилье.

По мѣрѣ того, какъ поднимались мы вверхъ рѣки, плаваніе наше становилось труднѣе, отъ множества песчаныхъ отмѣлей. Мы пробились черезъ вторую тѣснину береговъ, лѣ въ пяти отъ крѣпостей; тутъ нерѣдко корабли особенно затрудняются большими мѣлями. Наконецъ, послѣ часоваго, или двухъ-часоваго плаванія отсюда, среди долинъ, пересѣкаемыхъ каналами и покрытыхъ засажденіями сарачинскаго пшена, прибыли мы въ Вампоа, третью тѣснину, за которую не переходятъ Европейскіе корабли, и которую можно почитать Кантонскою пристанью. Тутъ видѣли мы до 15-ти кораблей Остъ-Индской Компаніи; одни совсѣмъ были готовы къ отплытію; другіе только что прибыли; иные ожидали нагрузки чаемъ; остальные выгружали огромные тюки хлопчатой бумаги. Впрочемъ, кромѣ этихъ кораблей, взорамъ нашимъ явились представители почти всѣхъ морскихъ державъ Европы—корабли Голландскіе, Испанскіе, Французскіе, Датскіе, Португальскіе, и особенно Сѣверо-Американскіе.

Въ Вампоа, рѣка Чу-Кіангъ дѣлится на два рукава, узкіе и мѣлкіе, которые сливаются опять, лѣ въ пяти далѣе, уже подъ самымъ Кантономъ. Протокъ, называемый *рѣкою Жонкъ*, болѣе занятъ плаваніемъ. Всѣ окрестности усыпаны селеніями, почти сплошь, такъ, что смотря на общность ихъ, можно-бы подумать, что это одинъ безконечный городъ. Не взирая на постоянное пребываніе Европейцевъ, обитающихъ здѣшнихъ окрестностей оста-

ются непріязненны и недружелюбны. Изъ Кантона привозятъ сюда все что нужно для снабженія кораблей Европейскихъ, потому-ли что правительство Китайское такъ приказываетъ, или что характеръ жителей здѣшнихъ удаляетъ ихъ отъ сношеній съ чужеземцами. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ напрасно старались установить какіе нибудь промѣны между жителями Вампоа и кораблями Европейцевъ, здѣсь стоящими на якорѣ. Даже небезопасно кому нибудь изъ людей корабельнаго экипажа пускаться въ окрестныя селенія. Любопытный наблюдатель, торгашъ, ученый Европейскій, почти всегда возвратятся съ изорваннымъ платьемъ и испытавши множество обидъ, нерѣдко прибитые. Трусы, когда сила бываетъ равна, Китайцы становятся весьма храбры, если ихъ двадцать противъ одного; тутъ со всѣхъ сторонъ набѣжитъ народъ съ длинными бамбуковинами, бросится на беззащитную жертву и готовъ растерзать ее.

Отъ Вампоа до Кантона, рѣка болѣе и болѣе оживляется — вы предчувствуете, предугадываете близость обширнаго города: различныя формами суда плаваютъ во множествѣ, какъ стрѣлы мелькая по водѣ, съ грузами овощей, рыбы, мяса, плодовъ; они пересѣкаютъ другъ другу дорогу, обгоняютъ другъ друга, и никогда не сталкиваются — такъ искусно управляютъ кормщики длиннымъ весломъ, служащимъ вмѣсто руля. Видъ этихъ лодочниковъ, называемыхъ по-Китайски *водяными людьми*, открытый, добрый; и они шумливы, иногда дерзки, но всегда мирны и веселы. Одѣяніе ихъ составля-

юпъ широкіе шаровары, бѣлая рубашка, изъ грубой бумажной ткани; это прикрывается родомъ блузы, падающей до колѣнъ, у которой отверзтіе, не напереди, а съ правой стороны груди, означено пуговками. Длинная коса, висящая по всей спинѣ, и широкополая соломенная шляпа, острая къ верху, дополняютъ этотъ странный нарядъ.

Въ одной льё отъ Кантона, намъ указали населеніе, славное въ окрестностяхъ своими садами и оранжереями. Тутъ возращаютъ самыя рѣдкія деревья и растенія. Баронъ хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы при небольшомъ отдыхѣ взглянуть на Китайскую флору. Въ самомъ дѣлѣ, мы увидѣли здѣсь великолѣпные сады и огороды. Между избранными растеніями замѣтили мы большую піону, бѣлыхъ, красныхъ и смѣшанныхъ цвѣтовъ, прелестную *лимодору* (нагорникъ), науковый напильникъ, замѣчательный тѣмъ, что онъ можетъ возрастать безъ воды и безъ земли, двуличневую *кетмію* (проскурнякъ), *амбретту* (выхухольникъ), *Японскую камелію*, двойной смѣшанный цвѣтокъ, *большую алцею*, *алый амарантъ*, чудный *passe-velours* (родъ амаранта), *лавровую розу*, и наконецъ *yu-lan*, родъ магноліи, у котораго цвѣты являются прежде нежели распускаются листочки.

Лучшіе изъ пахучихъ цвѣтовъ были здѣсь: *франшипаны*, двойные *жасмины*, сладкіе *базилики*. Мы видѣли *хлоранту*, или *ингрину*, называемую Китайцами *chu-lan*, листочки которой иногда прибавляютъ они въ чай, чтобы придать ему особенный запахъ, пахучую маслину, Китайскую розу,

драгоцѣннѣйшую изъ всѣхъ извѣстныхъ розъ, тубе-розу, и широколиственную, съ сильнымъ запахомъ, *гарденію.*

Сорты плодовъ показались намъ особенно много-различны. Тутъ видно было множество родовъ фигъ, шелковицы, персиковъ, миндалю, ананасовъ, розовыхъ яблоковъ, *личи* (savonier), чрезвычайно уважаемаго Китайцами, померанцевъ, банановъ, *оu-long-chou* и *карамболій* (carambolier axillaire). Всему этому не уступало богатство овощей. Мы нашли тутъ: горохъ *soya*, *полистахій*, у котораго цвѣты образуютъ красивые, красные букеты, Индійскую *цитизу*, изъ которой дѣлаютъ знаменитое *бобковое молоко*, предлагаемое отъ богдыхана посланникамъ на торжественныхъ аудіэнціяхъ, огромную сладкую рѣдьку, лукъ, чеснокъ, перечникъ, сладкіе пататы, имбирь, Восточную капусту, изъ которой выжимаютъ масло, годное для стола. Тутъ-же были два рода табаку, лаковое деревцо, шафранъ, *картама*, спорышъ (renouée), вѣерная *рафіа*, служащая вмѣсто вѣеровъ простому народу, *зноелюбъ* (corette), бѣлая крапива, а наконецъ множество врачебныхъ растеній — пальмовый ревень, чернобыльникъ (armoise) и осенный корень (squine).

Наша небольшая ботаническая прогулка не могла продолжиться сколько хотѣлось-бы намъ, по привязчивости какого-то дрянного мандаринишка. Онъ заспорилъ, что не имѣя *шапа*, которымъ позволялся-бы намъ выходъ здѣсь на берегъ, онъ не можетъ допустить насъ къ нарушенію закона. Споримъ противъ этого строгаго исполнителя

законовъ было неловко; народъ, собравшійся толпою, могъ заступиться за него, и мы съ досадою отправились къ нашей шлюпкѣ. И безъ того около насъ раздавались уже ругательства; мы ихъ не понимали, но очень понятны были намъ грозныя, наглыя тѣлодвиженія здѣшняго неприступнаго народа.

Зрѣлище Кантонскихъ предмѣстій заставило насъ забыть досаду на наглецовъ. Приближаясь къ этому обширному городу, мы поражены были прежде всего множествомъ корабельныхъ верфей; потомъ открылись, по обоимъ бокамъ рѣки, длинныя протяженія деревянныхъ домовъ, построенныхъ на сваяхъ и выдвинутыхъ надъ водою; многіе даже вовсе не касались земли, возвышаясь въ рѣкѣ, и образуя, какъ будто пловучія улицы, на протяженіи многихъ миль. Чѣмъ долѣе вдвигались мы въ узкій проѣздъ, остававшійся между этими неподвижными надводными строеніями, тѣмъ труднѣе было намъ различать все встрѣчавшееся. Оглушенные звуками гонговъ, обыкновеннымъ призывомъ покупателей здѣшними купцами, спутанные множествомъ предметовъ, мелькавшихъ справа, слѣва, спереди, сзади, мы были въ какомъ-то оморочении, состояніи неописанномъ, мірѣ неопредѣленныхъ идей, при которомъ отказывается руководствовать нами разумъ, и какъ будто оставляетъ насъ на игру нашимъ чувствамъ, увлекая ихъ самыми фантастическими образами. Все вмѣстѣ составляло такой шумъ, такое смѣшеніе криковъ и звуковъ, такое пестрое и быстрое движеніе людей

и лодокъ, при странномъ зрѣлищѣ домовъ, съ ихъ флагами, лавокъ, съ ихъ вывѣсками, что глаза и уши едва могли опидавать отчетъ въ различныхъ впечатлѣніяхъ.

Все это прекратилось тогда только, когда мы пристали у набережной, на лѣвомъ берегу, гдѣ находятся Европейскія факторіи. Тутъ очутились мы на своей землѣ. Поставленные на высотѣ прекрасныхъ пристаней, флаги, Американскій, Англійскій и Голландскій, казалось, вызывали на борьбу Китайскую наглость. Они показывали намъ неутральную землю, гдѣ чужеземецъ поставилъ кочевой таборъ свой на неприступной отчизнѣ Китайца. Жилища и складочныя мѣста различныхъ факторій Европейскихъ составляютъ здѣсь общность прекрасныхъ зданій; всѣ они построены иноземцами, и принадлежатъ имъ, ибо только иноземецъ можетъ владѣть въ Китаѣ недвижимымъ имѣніемъ. Но легко можно было замѣтить, что не туземный вкусъ распоряжалъ путъ устройствомъ. Это уже не была Китайская архитектура, пелѣпая, уродливая, вся сложенная изъ разнообразныхъ частичекъ, но, напротивъ, прекрасное пропяженіе домовъ, съ великолѣпными террасами и крытыми галлереями, прохладными лѣтомъ, теплыми зимою; галлереи эти, отброшенныя, какъ будто арки отъ моста, отъ нижнихъ этажей, оканчиваются на предѣлахъ улицы. Между улицею и прибрежьемъ идетъ стѣна, образуя собою одну изъ сторонъ обширныхъ, усыпанныхъ пескомъ загородокъ, гдѣ выгружаются товары.

Мы вышли изъ пакетбота нашего передъ Англійскою факторіею, гдѣ уже ждали насъ. Письма изъ Макао, и рекомендація Барону, прямо отъ Калькутскаго Генералъ-Губернатора, доставили намъ пріемъ самый дружескій и самый великолѣпный. Изъ конторы факторіи, Англійскій Резидентъ повелъ насъ по смѣжной улицѣ, обставленной богатыми домами. Тутъ живутъ почти всѣ Европейцы. Онъ указалъ намъ на одинъ изъ этихъ домовъ, лучше всѣхъ отдѣланный, и увѣдомилъ, что здѣсь приготовлена для насъ квартира; мы заняли парадныя компаты. Можно было замѣтить, что домъ этотъ построенъ не для одного только щегольства: въ залахъ нижняго этажа, прикащики и Китайцы-переводчики писали фактуры, повѣряли образчики, печатали письма, пробовали на оселкахъ и потомъ считали піастры, накладенные кучами. Но только этотъ уголъ и обличалъ настоящее занятіе хозяевъ; повсюду въ другихъ частяхъ дома богатая мебель, огромныя зеркала, часы, бронза, щегольскіе ковры, показывали роскошь, привольную и утонченную. При взглядѣ на все это, лицо Барона прояснилось; невольно выпрямился онъ, и тотчасъ принялъ тонъ и манеры, подходившіе къ великолѣпію нашей квартиры. Совсѣмъ не принимая вида глупой, барской горделивости, Баронъ явился знатнымъ человѣкомъ, рожденнымъ среди всѣхъ этихъ удобствъ жизни, съ дѣтства знакомыхъ ему и не бывшихъ диковинкою.

Вечеромъ, когда насъ позвали ужинать, Баронъ одѣтъ былъ со всею утонченностью мастерскаго

шуалена; въ его одеждѣ было что-то изысканное и вмѣстѣ простое — этому не льзя выучиться, и даже изъяснить это трудно, но свѣтскіе люди знаютъ тайну подобнаго наряда. Баронъ достигъ своей цѣли; онъ успѣлъ *озадачить* Кантонское общество Англійской знати. Насъ окружили съ привѣтами, намъ начали задавать праздники, старались намъ угождать. За столомъ, мы сидѣли подлѣ самого Резиденна. Не стану описывать роскоши угощенія, обилія хрусталя и серебра, разнообразія кушаньевъ, выбора винъ и щегольскаго десерта. Богатое тщеславіе Англичанъ, соединенное съ утонченною нѣгою Креоловъ, находитъ въ здѣшней сторонѣ одно услажденіе — хорошій столъ. Послѣ этого сами судите: чего надобно было ожидать? Моимъ сосѣдомъ на сей разъ пришелся одинъ изъ тѣхъ добрыхъ, услужливыхъ колонистовъ Европейскихъ, въ родѣ Верже и Вильмота, съ которыми успѣваешь скоро ознакомишься, и которыхъ вездѣ встрѣтишь путешественникъ, какъ подарки провидѣнія, разсѣянные на пути его, для услажденія заботъ странническої жизни. Генрихъ Моршонъ, новый пріятель мой, находился въ Кантонѣ въ числѣ Компанейскихъ чиновниковъ. Замѣтивъ мое удивленіе на роскошь житья Кантонскаго, онъ отвѣчалъ мнѣ вздохомъ. «Не считаете-ли вы насъ большими счастливцами, при нѣкоторыхъ удобствахъ нашей жизни?» — спросилъ меня Моршонъ. — Но крайней мѣрѣ, vous en avez l'air (такъ кажется)—отвѣчалъ я.—«Да, правда, мы стараемся забыть свое горе, и смачиваемъ его шам-

нанскимъ, но, повѣрьте, что намъ здѣсь скука смертельная. Надобно-же развлечь ее чѣмъ нибудь? Какъ жители Востока развлекаютъ ее опіумомъ, чтобы не чувствовать тоски настоящаго и уловить хоть мечту, мы гуляемъ и роскошничаемъ. Да, къ чему ведетъ насъ все это? Навѣрное къ силину, или что еще хуже, отягощенію желудковъ и отвычкѣ отъ истинной жизни. Намъ недостаетъ здѣсь именно того, что могло-бы сдѣлать жизнь нашу настоящею жизнью — общества женщинъ.»—Въ самомъ дѣлѣ, я ихъ вовсе не вижу!—«И не увидите, потому, что здѣсь нѣтъ ни одной Европейской женщины. Эти узкоглазые болваны боятся ихъ, и богдыханскою волею запрещено Европейскимъ женщинамъ пребываніе въ Кантонѣ.»—Почему-же это?—«Почему! Подите спрашивайте у этого невидимаго Сына Небесъ, который живетъ въ своемъ *Юенъ-Мингъ-Юенъ*, у этого Восточнаго сатрапа, полу-Манджура, полу-Китайца, которому особенно нравится именно то, что особенно нелѣпо. Боятся-ли, чтобы наши Европеянки не подали дурнаго примѣра Китайскимъ красавицамъ, не научили ихъ жить на волѣ, не въ заперти, не заставили отказаться отъ своихъ крошечныхъ ножекъ — хотятъ-ли, чтобы мы считали здѣшнюю сторону мѣстомъ временнаго пребыванія, мѣстомъ изгнанія, и не думали прочно заселяться здѣсь: то и другое можетъ быть; да кто станетъ добиваться изъясненія у Его Богдыханства обо всемъ, что нелѣпо въ Китаѣ? Такъ ему угодно. Вотъ одно, что мы знаемъ».—Видя, что горячность, съ

какою говорено было все это, удивила меня, Мортонъ спѣшилъ прибавить: «Извините, если это шевелитъ меня такъ сильно — не повѣрите, какъ я сердитъ на Кантонъ! Вотъ ужъ два года, что я оставилъ въ Мадрасѣ мою добрую жену и двухълѣтнюю дочь. Неволя заставила меня разлучиться съ ними — я пожертвовалъ настоящимъ для блага будущаго. Тащить съ собою семью, съ цѣлъ, чтобы подвергнуть ее обидамъ здѣшняго запрещенія, или оставить въ Макао на жертву какого нибудь нечаяннаго бунта—избави Богъ!»—Но, почему, господа, не постараетесь вы уничтожить это нелѣпое распоряженіе, вы, Британцы, которые не боитесь Вангъ-Тонскихъ пушекъ?—«Мы ужъ думали объ этомъ, и въ 1828 году многіе изъ здѣшнихъ чиновниковъ отважно привезли съ собою свои семейства, и хотѣли оставить ихъ въ здѣшней факторіи. Вмѣсто негодованія, всѣ Канціонцы сбѣгались любоваться нашими Англичанками, и впечатлѣніе, произведенное ими, было самое благопріятное. Мы было думали, что дѣло какъ нибудь уладится, но черезъ нѣсколько дней Вице-Король загремѣлъ въ своемъ *шапѣ*, или приказѣ, прошивъ такой неслыханной новости. Онъ потребовалъ немедленнаго изгнанія нашихъ колонистокъ. Не можете представить, до какой степени это оскорбительное и повелительное требованіе взволновало наше самолюбіе! Мы заспорили. Мы сослались на достоинство Компаніи, на дружбу нашу съ Кишайцами. Дамы наши не оставляли Канціона, и для подкрѣпленія спора, тысячи полиоры мандрозовъ

сошли съ кораблей, составляя стражу на всякій случай. Китайцы остановили промѣны; Компанейскимъ кораблямъ запрещено было плаваніе по Чу-Кіангу; революція сдѣлалась ужасная, и Компанія прислала новыхъ управляющихъ въ Кантонъ. Послѣ этого дѣло было уже проиграно. Самолюбіе новыхъ пришлецовъ не страдало отъ уступки, а между тѣмъ имъ *приказано* было уступить. Компаніи надобенъ чай, и за эту негодную траву не послушались ни печали, ни слезъ нашихъ Англичанокъ, показавшихъ смѣлость характера и уступившихъ только въ самой крайности. Съ тѣхъ поръ, мы опять овдовѣли, и за нашими богатыми ужинами, при всѣхъ кушаньяхъ и винахъ, при блескѣ свѣчъ и фарфора, у насъ нѣтъ ни веселья, ни поэзіи; всякій живетъ здѣсь мимоходомъ, и думаетъ только о томъ, какъ-бы поскорѣе уѣхать отсюда.»—А сколько должно продолжиться изгнаніе, которое вы стараетесь усладить такъ роскошно?—«Три, пять, десять, двадцать, тридцать лѣтъ, смотря по волѣ Компаніи и по честолюбію чиновника; насъ заваливаютъ жалованьемъ: 300 фунтовъ стерлинговъ въ первый годъ, 400 во второй, 500 въ третій, 1000 въ пятый 3000 въ десятый; нѣкоторые изъ старшихъ получаютъ по 5000 ф. с. ежегодно. Этимъ можно упрочить себѣ безпечную будущность, и кто уменъ, тотъ возвращается отсюда съ деньгами.»—Думаю, потому что куда-же вамъ дѣвать ихъ здѣсь? — «Вотъ то-то и бѣда, что выходитъ иначе. Не повѣрите, что̀ за нелѣпую роскошь, что̀ за пустые расходы ввели мы здѣсь въ моду! Мы

щеголяемъ тѣмъ, кто болѣе истратитъ по пустякамъ. Пусть-бы еще старшіе, которымъ необходимъ блескъ для ослѣпленія пуземцевъ; но младшіе чиновники могли-бы наблюдать болѣе порядка и экономіи, а между тѣмъ они-то и тратятъ болѣе. Всего чаще, проживши здѣсь много лѣтъ, ѣдутъ обратно такими-же бѣдняками, какими пріѣхали сюда.»—По крайней мѣрѣ, васъ можетъ за все это награждать удовольствіе въ жизни, дружеское согласіе—васъ такъ немного здѣсь.—«Правда, только согласія здѣсь такъ-же мало, какъ и наслажденія. Къ несчастію, зависть и корысть дѣйствуютъ здѣсь болѣе, нежели гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Не только факторія Англійская въ вѣчной враждѣ съ другими факторіями, но даже и между Англичанами вражда вѣчная: Компанія пользуется монополіею, и послѣ этого каждый свободный торговецъ врагъ ея. Чиновники Компаніи безпрерывно должны преслѣдовать разныя покушенія частныхъ людей, нарушающія права исключительнаго торга. Мы раззоряемъ этихъ бѣдняковъ, потому, что мы сильнѣе, богаче, знакомѣе здѣсь, не говоря уже о томъ, что для насъ открыта Англія, а они должны тихонько въ нее прокрадываться (вы знаете, что до 1834 года, только Компаніи предоставлено было привозить чай въ Англію): кто можетъ послѣ этого съ нею соперничать?»—Кажется, что теперь это не продолжится (говоря такимъ образомъ, я не думалъ быть предвѣщателемъ).—«Но Компаніи, повѣрьте мнѣ, мало горя: у нея здѣсь все заведено, все устроено, ка-

питалы огромные; лучшіе чаи всегда ей достанутся, и если разрушатъ ея привиллегію, тѣмъ прочнѣе будетъ ея стараніе снабжать Англію хорошимъ чаемъ, а это вѣрное ручательство за выгоду, лучше всякой монополіи. Соперничество страшно только бѣднякамъ—богачъ долженъ желать его; оно всегда будетъ въ его выгоду.»

Разговоры наши продолжились до самаго конца ужина. Говоря объ уничтоженіи чайныхъ монополій Компаніи, мы не воображали, что 1-е Апрѣля 1834 года, Кантонское торжище будетъ открыто для всѣхъ Англійскихъ кораблей на равныхъ правахъ. Уничтоженіе Компанейской монополіи чаемъ было тогда такъ-же неизвѣстнымъ будущимъ, какъ теперь неизвѣстны слѣдствія, какія должна повести за собою столь важная перемѣна въ торговлѣ Ость-Индской Компаніи съ Китаемъ.

ГЛАВА XXXV.

КИТАЙ. КАНТОНЪ. ТРИ ГОРОДА ВЪ ОДНОМЪ.

Баронъ такъ-же скоро подружился съ Моршомъ, какъ и я. Съ другаго дня по пріѣздѣ нашемъ, мы трое были уже неразлучны. Послѣ завтрака у нашего новаго, добраго знакомца, мы положили вмѣстѣ осматривать городъ. «Кстати, и я пойду —говорилъ Моршонъ.—«Эти господа Китайцы такъ вѣжливы съ нами, что до сихъ поръ увольнялъ я себя отъ взаимнаго имъ визита.» Онъ позвалъ своего служителя. «Зонтики намъ, Мьу, и ты поведешь насъ по Кантону.» — Черезъ нѣсколько минутъ, мы пустились въ наше странствованіе.— Оставивъ факторіи направо, а рѣку назади, мы вошли въ извилистыя, набитыя домами городскія улицы. Двѣ главныя, названныя Англичанами: *Новая Китайская* (New-China-Street) и *Китайская* (China-Street), съ честью могутъ занять мѣсто въ Европейскихъ столицахъ. Онѣ длинны, ровны и удивительно опрятны. Домы, деревянные, почти всѣ

съ галлереями у нижнихъ этажей, съ кровлями странно срѣзанными, далеко выдвинутыми наружу. Всѣ фасады расписаны яркими красками, особенно въ тѣхъ домахъ, гдѣ внизу находятся лавки. Вмѣсто безпорядочнаго смѣшенія товаровъ, какимъ щеголяютъ магазины у насъ въ Европѣ, Кантонскіе торговцы дѣлятся по разрядамъ торговли: тутъ собраны торгаши фарфоромъ, здѣсь торговцы чаемъ; въ одномъ мѣстѣ продаютъ только шелковыя ткани, въ другомъ только бумажныя. Но среди раздѣленія торговой промышленности, одно обще всѣмъ — удивительное искуство разложить, показать, представить въ порядкѣ и чистотѣ товаръ. Ничего не можетъ быть обольстительнѣе мастерства въ Китайскомъ расположеніи самыхъ послѣднихъ бездѣлокъ. Какъ хорошо разставлены эти лаковыя мебели, съ ихъ золотымъ, малиновымъ рисункомъ, отѣненнымъ по блестящему полю! Какое безконечное терпѣніе выказано въ работѣ этихъ вѣеровъ изъ слоновой кости, этихъ красивыхъ зонтиковъ! А роскошь этого искусно подобраннаго фарфора? А эти китайки, которымъ все еще такъ дурно подражаютъ наши Европейскія мануфактуры? И эти крепы тысячи цвѣтовъ, столь хорошо обрисовывающіе формы тѣла, столь плотные, столь мягкіе—прелестные шарфы, прочныя, блестящія *канфы* и *канчи*, ткани, вышитыя шелкомъ, ковры, ширмы, шторы? Что за чудеса промышленности, неистощимой на изобрѣтеніе и работу!

По улицамъ, гдѣ разставлены всѣ эти обольстительныя приманки, толпа, непроходимая и пре-

занятая, тѣснится, толкается, движется. Ганисты въ палапкинахъ; бродящіе торгаши, неся запасы на какомъ-то родѣ коромысла, съ котораго уравновѣшиваются два кружка, а средина котораго утверждается на плечѣ; Китайцы всѣхъ званій, всѣхъ занятій—все это наполняетъ узкіе проходы, остающіеся между домами. Въ мѣстахъ, гдѣ улица, расширяясь, образуетъ родъ площадей, обыкновенно становится съ своею подвижною лавочкою, съ своимъ однозвучнымъ колокольчикомъ, Китайскій Фигаро, и подъ открытымъ небомъ, среди шума и толкотни, бритъ своею треугольною бритвою безволосую голову соотчича, краситъ ему брови, чиститъ ему платье. Подлѣ держатся—продавецъ кушанья, бродячая кухня; торговка, съ корзиной, повѣшенной на шеѣ и наполненной закусками; кочующіе лавочники, которыхъ легко узнать по странному и нелѣпому крику ихъ. За пѣмъ, встрѣчается Кантонскій гражданинъ, пѣмъ горделивѣе, пѣмъ важнѣе, чѣмъ выше его званіе; его отличіе по жилету съ металлическими пуговками, по длинному, развѣвающемуся кафтану, по бритой головѣ, по ужасной косѣ, по шелковымъ башмакамъ, по зонтику съ бамбукомъ. Въ низшихъ званіяхъ, кафтанъ идетъ только до половины бедръ, и шаровары, широкія сверху, завязываются выше икръ. Иногда также, вмѣсто зонтика, бѣдные Китайцы носятъ просто вѣеръ. Мандарины и богатые люди никогда не выходятъ безъ служителя, который провожаетъ ихъ, и держитъ зонтикъ надъ головою своего господина.

Простонародный костюмъ показался намъ довольно однообразенъ у всѣхъ. Обыкновенно: родъ куртки, рубашка голубаго цвѣта, большая соломенная шляпа, кончащаяся къ верху конусомъ. Народъ рабочій показываетъ собою видъ силы и здоровья, такъ, что любо смотрѣть на него. Бѣдно, но опрятно одѣтые, простолюдины не носятъ на загорѣломъ лицѣ своемъ ни малѣйшаго слѣда грубаго и скотскаго выраженія—вы замѣчаете только важность, съ какою-то особенною рѣшительностью. Не шумливые, не вздорливые, какъ бываетъ это между чернью въ самыхъ образованныхъ земляхъ, люди, занятые даже грубою, тяжелою работою, кажутся здѣсь живущими во взаимномъ согласіи, и чрезвычайно привѣтливы одинъ къ другому.

Среди этого страшнаго волненія народа, мы не видали ни тѣлегъ, ни лошадей, даже собаки встрѣчаются весьма рѣдко. Изъ женщинъ немногія, и то самыхъ низшихъ званій, осмѣливаются вмѣшиваться въ толпу мужчинъ. Мы долго шѣснились на Ново-Кишайской улицѣ, среди домовъ съ плоскими крышками, убранныхъ цвѣтными шариками, среди двухъ рядовъ угловатыхъ и ошвѣсныхъ вывѣсокъ, на коихъ золотыми буквами по красному полю написаны имена хозяевъ и роды товаровъ. Мортонъ вводилъ насъ въ нѣкоторыя изъ лавокъ, гдѣ торговали его знакомые. Тутъ вездѣ ласково удовлетворяли всѣмъ нашимъ вопросамъ, показывали намъ товары, и мы не знали: чему удивляться болѣе, прочности-ли работы, или искусству выдѣлки? Купцы говорили съ нами изломаннымъ Анг-

Фундаментальная библиотека

лійскимъ языкомъ, которому носовое произношеніе ихъ придавало особенный характеръ. Намъ показали на этомъ базарѣ предметы роскоши, поддѣланные подъ образцы, привезенные изъ Парижа и Лондона, столь хорошо, что незнатокъ могъ-бы обмануться и почесть ихъ Европейскими. Терпѣливые, ловкіе, смышленые, Китайскіе мастеровые достигли до поддѣлки самыхъ превосходныхъ плакированныхъ и серебряныхъ издѣлій нашихъ, и такъ какъ работы стоятъ здѣсь гораздо дешевле, нежели въ Европѣ, то, вмѣсто требованія отъ насъ, Китай отпускаетъ теперь множество издѣлій на манеръ Европейскихъ, не только въ Индію, но даже въ Англію.

За торговыми улицами, смѣжными съ факторіями Европейцевъ, начинается другой городъ и другой народъ. Въ China-Street, вы находитесь еще на землѣ неутральной, въ атмосферѣ на половину Англійской, на половину Китайской; появленіе чужеземца встрѣчаютъ здѣсь ласково, не отворачиваются при его приближеніи; съ посѣтителемъ Европейскимъ говорятъ, смѣются; корысть побѣждаетъ здѣсь предразсудокъ и національное отвращеніе. Но когда перешли вы эту торговую грань, физіогноміи перемѣняются, лица мрачнѣютъ. Тѣ же купцы, которые такъ ласково принимали васъ въ своихъ лавкахъ, отворачиваются отъ васъ въ той части города, гдѣ находятся ихъ жилища и ихъ семейства. Спросите о дорогѣ: обидный, грубый смѣхъ будетъ вамъ единственнымъ отвѣтомъ. Горе вамъ, если вы, когда мимо васъ несутъ на-

ланкинъ какой нибудь знатной Китайки, не прильпеше какъ нибудь къ стѣнѣ, чтобы избѣжать толчка носильщиковъ паланкина! Васъ собьютъ съ ногъ, черезъ васъ пойдутъ, васъ прибьютъ, ограбятъ, и съ трудомъ успѣете вы спастись и убѣжать отъ этого негостепріимнаго народа!

Но и въ этой части города, совершенно Китайской, всѣмъ владѣетъ мѣлочная и гурповая торговля; магазины занимаютъ нижніе этажи домовъ; столовыя комнаты находятся сзади лавокъ; въ верхнихъ комнатахъ помѣщаются товары и прикащики. Цѣлый день, хозяева домовъ сидятъ у дверей, съ трубкою въ зубахъ, и ждутъ прихода покупщиковъ. Хозяинъ обыкновенно бываетъ гордъ и важенъ; покупателю указываетъ онъ на сидѣльцевъ лавки, которые показываютъ ему требуемую вещь и торгуются въ цѣнѣ; хозяинъ вмѣшивается рѣдко, и то развѣ только для окончанія торга.

Такъ какъ всѣ эти люди имѣютъ по два дома, одинъ для своей торговли, другой для жилья собственно, то и невозможно опредѣлять народонаселенія Кантонскаго пространствомъ, какое занимаетъ этотъ обширный базаръ. Вотъ что было причиною преувеличенныхъ итоговъ, которые для него подводили многіе: миссіонеръ Лекомтъ опредѣлялъ число жителей Кантона въ полтора милльона, Дюгальдъ въ милльонъ, иные гораздо болѣе обоихъ числителей. По странной противоположности, если одни слишкомъ много назначали

для народонаселенія Кантонскаго, другіе слишкомъ сбавляли и уменьшали его. Такъ Соннера, Кукъ и Малтебрюнъ не придержались никакого правдоподобія, опредѣляя на весь Кантонъ отъ 100,000 до 250,000 жителей. Кажется, самый вѣрный цыфръ будетъ между 500,000 и 600,000. Желая продолжить нашу первую прогулку такъ далеко, какъ только было намъ это возможно, мы осмѣлились дойдти до входа въ *Монгольскій*, или *Китайскій городъ*, строго закрытый для Европейцевъ. Тутъ увидѣли мы узкія, низенькія, небрежно охраняемыя ворота, и стѣну, черезъ которую ничего не стоило перелѣзть. Въ этой части Кантона живутъ вице-король и чиновники, находящіеся подъ его начальствомъ. Изъ воротъ могли мы видѣть каменный домъ мандарина, построенный, безъ всякихъ украшеній, въ одинъ этажъ. Обширные дворы окружаютъ его со всѣхъ сторонъ, и тяжелыя ворота, кажется, болѣе годились-бы для тюрьмы, нежели для жилища вельможескаго. Мортонъ разсказалъ намъ, какимъ образомъ площадь подлѣ этихъ воротъ бываетъ иногда театромъ самыхъ страшныхъ явленій. Когда Европейцы подадутъ прошеніе вице-королю, черезъ его мандариновъ, и удовлетвореніе не послѣдуетъ вскорѣ, они полагаютъ, что просьба осталась въ рукахъ низшихъ чиновниковъ, и что надобно поступить рѣшительнѣе, если хотѣть дать ей надлежащій ходъ. Просители собираются толпою, человѣкъ двадцать, тридцать, вооружаются дубинами, единственнымъ оружіемъ, позволеннымъ Европейцу

въ Китаѣ, и нечаянно нападаютъ на лавки запрещеннаго имъ города. Тутъ бьютъ они по стѣнамъ, по прилавкамъ, по головамъ, во что попало, и производятъ такой ужасный шумъ, что мандаринъ, которому ввѣрено благочиніе въ городѣ, рѣшается наконецъ унять вздорливыхъ буяновъ. Тогда окружаютъ его, кричатъ, принуждаютъ взять списокъ съ поданной просьбы, такъ, чтобы послѣ публичнаго волненія не льзя было ему запереться въ принятіи просьбы. Дѣло иногда удается хорошо, но бываетъ, что оно обращается и въ невыгоду забіячливыхъ просителей. Если Китайцы предварительно замѣтятъ предположенное нападеніе Европейцевъ, то прячутся въ ближнихъ улицахъ, и сами съ дубьемъ нападаютъ на безпокойныхъ просителей. Тутъ чья возьметъ, и—вотъ какъ производятся дѣла Европейцевъ въ такой странѣ, гдѣ съ большими издержками содержатъ Европейскія государства своихъ консуловъ и торговыя конторы!

Мы уже столько насмотрѣлись на Кантонъ, что могли опредѣлить его физіогномію. Одинъ изъ составляющихъ его городовъ прошли мы во всю длину; въ другой заглянули. Первый можно назвать *полу-Европейскимъ предмѣстьемъ*, застроеннымъ около факторій торговыхъ, и богатымъ отъ этого сосѣдства. Другой, настоящій *Китайскій городъ*, есть мѣсто пребыванія чиновниковъ и правителя.

Въ первомъ изъ этихъ городовъ свирѣпствовалъ,

4-го Ноября 1823 года, достопамятный пожаръ, истребившій около 10,000 домовъ. По закопчёлымъ отъ дыма стѣнамъ, видимымъ въ разныхъ сторонахъ, легко еще и теперь представить себѣ это бѣдствіе, живое въ воспоминаніи всѣхъ здѣшнихъ жителей. Загорѣлось ночью, въ одной изъ самыхъ многолюдныхъ частей города. Раздуваемый жестокимъ сѣвернымъ вѣтромъ, огонь обхватилъ богатые магазины, гдѣ находится столько сгарасмыхъ вещей, растопилъ даже металлы, лившіеся потомъ горящими потоками по улицамъ, и отъ дома къ дому, изъ улицы въ улицу, отъ одного квартала къ другому разнесся такъ быстро, что вся обширность города представилась пламенѣющею печью. Вообразите, среди этого безмѣрнаго пожара, *сто тысячъ* Китайцевъ, изгнанныхъ изъ жилищъ свирѣпостью огня, бѣгущихъ къ рѣкѣ, тщетно умоляющихъ о спасеніи плавучее отдѣленіе Кантона, которое спѣшило удалиться отъ береговъ; вообразите полунагихъ дѣтей, въ зимній холодъ, Европейцевъ, осажденныхъ въ своихъ конторахъ и принужденныхъ бросить все для своего спасенія; вообразите суда, лодки, нагруженныя бѣгущими, тонущія въ рѣкѣ; перепутайте въ это смѣшеніе раздирающихъ сердце воплей, стона, слезъ, гдѣ тысячи ужасовъ отъ огня и воды не были еще единственнымъ бѣдствіемъ. Среди этого позорища гибели, въ городъ ворвалось болѣе 5000 разбойниковъ, жадныхъ добычи и крови, завладѣвшихъ дымящимися развалинами, грабившихъ все, что попадалось въ жилищахъ, разрушав-

шихся въ пламени. Злодѣи безжалостно рѣзали тѣхъ, кого щадилъ огонь, завладѣли потомъ пепелищемъ Кантона, и едва только 30,000 присланнаго войска могли изгнать ихъ изъ страшнаго притона, гдѣ основали они свое временное владычество. Тогда можно было оцѣнить великость потерь, сосчитать дѣтей, стариковъ, женщинъ, погибшихъ въ смятеніи пожара; цѣлыя семейства изчезли совершенно, и почти въ каждомъ оплакивали какую нибудь потерю. Кто-бы повѣрилъ, слыша разсказъ объ этомъ бѣдствіи, что черезъ два года будутъ уже изглажены слѣды столь страшнаго событія? Сгорѣвшій городъ, будто волшебною силою, выстроился вновь, и сдѣлался еще краснѣе, обширнѣе, величественнѣе прежняго. Нынѣшняя постройка factoрій, столь простая и столь щегольская съ нѣмъ вмѣстѣ, эти строенія и прочныя набережныя, обширные магазины, боковыя улицы, возникли послѣ пожара.

Подлѣ двухъ Кантоновъ, одного Европейскаго, другаго Китайскаго, должно поставить и третій городъ, который видѣли мы съ самаго пріѣзда нашего, и который назвалъ я *плавучимъ отдѣленіемъ* Кантона. Онъ составляется изъ кампановъ, или судовъ, которые, стоя на якоряхъ, въ нѣсколько рядовъ унизываютъ собою оба берега рѣки, на пространствіи многихъ льё. Тутъ каждое семейство занимаетъ свою отдѣльную лодку, опрятную, красивую, съ рогожеинымъ навѣсомъ. Это городъ бѣдняковъ; они живутъ тутъ, презираемые другими званіями, но довольные, спокойные и прудо-

любивые. Женщины бываютъ тутъ хозяйками и лодочницами; онѣ *правятъ* здѣсь, въ полномъ смыслѣ этого слова, потому, что правятъ хозяйствомъ и лодкою, употребляя половину ея для перевоза желающихъ, когда въ другой половинѣ помѣщается вся семья лодочницы; мужъ ея бѣгаетъ между тѣмъ по Каншону сухопутному — онъ коммиссіонеръ, дрягиль, мѣлочникъ, поденьщикъ.

Ничего не можетъ быть разнообразнѣе зрѣлища этого водянаго города, въ которомъ пловучія жилища, то сближаются, то раздѣляются по частямъ, то, слѣдуя силѣ теченія, крѣпятъ свои причалы къ берегу, то предаются на волю рѣчныхъ волнъ, перемѣняютъ положеніе ежечасно, переворачиваются, движутся при каждомъ приливѣ. Надобно видѣть, какъ этотъ жилой флотъ совершаетъ свои различныя движенія, съ какимъ порядкомъ и правильностью каждое судно выдвигается и снова вдвигается здѣсь въ свое мѣсто. Ничего не можетъ быть любопытнѣе зрѣлища этого народа, жителей его, которые родятся и умираютъ на своихъ баркахъ и лодкахъ, никогда не оставляютъ ихъ, не ищутъ себѣ крова на сухомъ пути, и не завидуютъ жребію людей, защищаемыхъ отъ непогоды каменными стѣнами. Рѣдко женщины и дѣти оставляютъ, хоть-бы на часъ, свои пловучія помѣщенія. Управленіе и содержаніе лодки требуютъ ихъ безпрестаннаго присутствія. Палимыя солнцемъ, особливо при отраженіи лучей его въ водѣ, бѣдныя Китайки водянаго города вообще загорѣлы, но черты лицъ у нихъ пріятны и выражаютъ доброту,

тѣло ихъ гибко, талія у нихъ прелестная, всѣ члены нѣжны и складны. Платье лодочницы, сшитое по Китайской модѣ, дѣлается обыкновенно изъ темной и грубой ткани; оно закрываетъ рубашку, изъ бѣлой ткани, надѣтую сверхъ шароваровъ; волосы на головѣ поднимаютъ пукомъ на верхушку.

Но не одни суда, служащія прибѣжищемъ бѣднаго народа, составляютъ надводное отдѣленіе Кантона. Среди безчисленныхъ кампановъ и барокъ, видимо здѣсь множество огромныхъ судовъ, или расшивъ, въ нѣсколько этажей, похожихъ на плавучія купальни, построенныя по рѣкамъ въ многихъ Европейскихъ городахъ. Эти громады раскрашены, раззолочены, обременены горшками цвѣтовъ, внутри убраны красивыми люстрами и великолѣпною мебелью. Въ иной изъ нихъ устроена гостинница, въ другой отведено мѣсто для публичныхъ праздниковъ, и наконецъ многія суть жилища Китайскихъ нимфъ веселья. Едва зайдетъ солнце и прохлада освѣжитъ берега, Кантонскіе жители толпами идутъ въ плавучій городъ, мѣсто забавъ и наслажденій: здѣсь тѣснится народъ у Китайскихъ ресторатёровъ; тамъ собираются отдыхать и слушать музыку; одни наслаждаются здѣсь освѣщеніемъ, другіе утонченностями веселья и разврата. Волны Чу-Кіанга сверкаютъ, освѣщенныя безчисленными огнями; вездѣ видны бумажные фонари, пропитанные масломъ, раскрашенные, блестящіе зелеными, красными, синими, фіолетовыми огнями; на всякой плывущей лодкѣ зажигаютъ тогда цвѣтной фонарь, огонь котораго будто бѣжитъ по

волнамъ, между тѣмъ какъ ряды неподвижныхъ огней у береговъ свѣтятся въ водѣ и играютъ въ безконечныхъ отраженіяхъ. Это время музыки, веселья и праздника, и непроходимая толпа движется шумъ въ знаменитыхъ ресторацiяхъ, объѣдаясь славною похлѣбкою изъ салангановыхъ гнѣздъ и рыбными соусами.

Ни одинъ изъ обыкновенныхъ вечеровъ на рѣкѣ Кантонской не сравнится однакожъ съ вечерами праздниковъ, совершаемыхъ въ Китаѣ каждое новолуніе. Тогда веселье народное бываетъ въ полномъ разгулѣ; Чу-Кіангъ весь горитъ огнями; ракеты и фейерверочныя штуки шипятъ, змѣятся, хлопаютъ во всѣхъ сторонахъ; гонги усиливаютъ свои дикіе звуки, похожіе на громовой раскатъ; народъ шумитъ, оркестры не умолкаютъ, лодки скользятъ и мелькаютъ во всѣхъ направленіяхъ, и безумная веселость продолжается во всю ночь, до утра.

Такимъ образомъ, съ самаго перваго дня нашего пріѣзда въ Кантонъ, мы успѣли взглянуть на общность его, и намъ оставалось только собирать подробности. Мы взяли обратную дорогу къ факторіямъ, предводимые Мьу, слугою Мортона, ловкимъ, услужливымъ, и едва-ли не первымъ бездѣльникомъ изъ всей Небесной Имперіи.

При его пособіи, продолжительную прогулку нашу кончили мы не испытавши ни малѣйшей непріятности. Въ отдаленныхъ частяхъ города, прав-

да, загораживали намъ дорогу кой-какія рожи, недовольныя и сердитыя, но Мьу успѣвалъ прогонять ихъ, сказавши имъ нѣсколько какихъ-то словъ. Я просилъ изъясненія Моршона на эти таинственныя слова. «Чортъ его знаетъ!» отвѣчалъ онъ. «По-Китайски говорить не такъ легко выучишься, какъ вы думаете, и притомъ у насъ съ Китайцами введенъ особенный языкъ, забавная смѣсь испорченнаго Малайскаго, Португальскаго, Англійскаго и Китайскаго. Думаю, что наглецовъ, грозившихъ намъ, Мьу стращалъ именемъ мандарина; но крайней мѣрѣ, это лучшее средство отвязаться отъ нападка. Китайскіе слуги здѣшніе могутъ назваться почти приставниками нашими отъ Китайскаго правительства; они составляютъ особенное, уважаемое отдѣленіе жителей Кантона, и пользуются довѣренностью земляковъ; ихъ поддерживаетъ и защищаетъ покровительство высшаго званія служителей, обыкновенно называемыхъ *compradores* (факторы, или поставщики), которые поддерживаются въ свой чередъ уже отъ мандариновъ. Comprador—это пенсенданъ въ домѣ Европейца, назначаемый и надзираемый мандариномъ; ему поручаютъ всѣ покупки для домашняго хозяйства; онъ поставщикъ всѣхъ припасовъ для стола, онъ и экономъ — закупаетъ все, и пропивъ счетовъ его мы не смѣемъ спорить, потому, что мандаринъ, которому на него пожалуешься, дѣлится съ нимъ во всемъ, что онъ украдетъ у своего хозяина. Тутъ круглая порука, и плутовство опредѣляется самымъ законнымъ образомъ,

по шремъ степенямъ: мандаринъ назначаетъ Европейцу *компрадора;* этотъ, нанимаетъ для него слугъ, своихъ помощниковъ, и всѣ вмѣстѣ обкрадываютъ Европейцевъ; младшіе получаютъ меньше, старшіе больше—главный счетъ изъ этого обширнаго круга плутовства достаешся мандарину и вице-королю. Все это дѣлается такъ явно, что мы хохочемъ отъ чистаго сердца. Вотъ вамъ недавній примѣръ: Голландскій Резидентъ получилъ бочку превосходнаго Констанцскаго. Бочка была единственная въ цѣломъ Кантонѣ. Нѣсколько разъ собиралъ насъ къ себѣ хозяинъ этой бочки, подчивалъ насъ — вино было въ самомъ дѣлѣ превосходное, но Резидентъ надоѣлъ безпрестаннымъ повтореніемъ о томъ, какъ трудно имѣть подобное вино, и кончилось тѣмъ, что одинъ изъ гостей его ударился съ нимъ объ закладъ, обѣщая поподчивать его виномъ нисколько не хуже. Всего забавнѣе, что пробу спорному вину опредѣлили на другой-же день. Голландецъ догадывался въ чемъ была тутъ хитрость, взялъ всѣ мѣры предосторожности, и — не смотря ни на что, дюжина бутылокъ вина его перешла ночью въ погребъ его пропивника, и Голландецъ проигралъ закладъ. —

«Но какъ-же можете вы терпѣть при себѣ послѣ этого вашихъ Китайскихъ бездѣльниковъ?» А что-жъ прикажете дѣлать, если другихъ слугъ нѣгдѣ намъ взять? Не самимъ-же сдѣлаться слугами! Они обкрадываютъ насъ, шпіонятъ за нами, но за то они самые ловкіе слуги. Едва-

ли какой нибудь Европеецъ сравнится съ ними въ трезвости, дѣятельности, умѣ, покорности, старательности, искуствѣ услужить. И какой-же Европейскій слуга не обманываетъ прибомъ своихъ господъ?

ГЛАВА XXXVI.

КИТАЙ. КАНТОНЪ. ГУПУ. ГАНИСТЫ.

Окна квартиры нашей выходили прямо на набережную, гдѣ могли мы подробно видѣть безпрерывную торговую дѣятельность Кантонскихъ факторій. Внимательно смотрѣлъ я на это позорище—суда, привозившія и отвозившія грузы товаровъ; дрягилей Китайскихъ, переносившихъ на себѣ огромныя тяжести; повѣрку, перевѣску привоза и вывоза; старательность, хлопотливость таможенныхъ чиновниковъ, одѣтыхъ подобно другимъ Китайцамъ и передающихъ одинъ другому распоряженія; шутки и кулачные бои между Китайцами и Европейскими матрозами; вмѣшательство высшихъ чиновниковъ, прибѣгавшихъ на всякій шумъ, если только дѣло шло о пользахъ таможеннаго сбора. Все это занимало меня и увлекало мое вниманіе. Но мои наблюденія были-бы ребячествомъ, если-бы я не постарался присоединить къ нимъ ключа для разгадки всѣхъ этихъ таможенныхъ и торговыхъ

движенiй и устройства здѣшней торговли. Никто лучше Моршона не могъ вразумить меня во всѣ подробности, и онъ согласился удовлетворить любопытству моему, съ самою дружескою привѣтливостью. Вотъ что слышалъ я отъ него:

Когда разсуждаемо было о томъ, чтобы *Тсіангъ-Джіннамъ* (Западнымъ людямъ) позволить поставить ногу на землѣ Китайскаго государства, двѣ мысли особенно занимали Китайское правительство: первая—образовать торговлю, которая приносила-бы ему выгоды; вторая—сохранить Китай отъ всякаго покушенiя честолюбивыхъ пришельцевъ на прочное пребываніе въ Китаѣ.

Терпѣть ихъ, но угнѣтать постоянно, пресѣчь имъ всякое непосредственное сношеніе съ Китайцами и затруднять ихъ во всемъ, но такъ, чтобы не отогнать отъ себя рѣшительно—такова была цѣль сложныхъ дѣйствій, какія предписала себѣ Китайская политика при сношеніяхъ съ иностранцами въ Кантонѣ. Къ этой цѣли направили множество частныхъ распоряженій: запрещеніе Европейцамъ привозить съ собою женщинъ; запрещеніе выступать за предписанную черту города и пріобрѣтать недвижимыя имѣнія въ Китаѣ; запрещеніе Китайцамъ посѣщать иностранцевъ свободно и безъ дѣла, учить ихъ Китайскому языку, говорить съ ними о чемъ нибудь другомъ, кромѣ торговли, и проч.

Когда все это было *запрещено*, открыли Европейцамъ маленькій уголокъ Кантона. Но и тутъ, правительство Китайское не захотѣло само войд-

пи въ прямыя торговыя сношенія съ ними; оно смѣшало пользы частныхъ людей съ пользами чужеземцевъ, предоставляя себѣ только поборъ и окупъ за эти пользы. Въ слѣдствіе этого, исключительная привиллегія на торговлю съ иностранцами дана была особенному торговому обществу, составленному изъ богатѣйшихъ купцовъ Кантонскихъ. Привиллегія эта казалась для нихъ прибыльною, но ее опутали тяжкими обязанностями. Общество называется *Конгъ-Гангъ*, и отъ того произошло названіе двѣнадцати членовъ его: *Ганисты* (hanistes). Когда Европейскій корабль является въ Вампоа, онъ долженъ избрать изъ ганистовъ *фактора* (factor), или *ручателя*, который отвѣчаетъ Богдыхану, не только за ввозную и вывозную пошлину, но и за всѣ дѣйствія и поступки прибывшихъ на кораблѣ; за то, порука этотъ дѣлается маклеромъ всѣхъ продажъ и покупокъ, всѣхъ привезенныхъ на кораблѣ и вывозимыхъ на немъ товаровъ.

Таможенный директоръ Кантонскій есть начальникъ ганистовъ. Онъ называется *Гупу*, то есть *правитель пошлинъ*, назначается Богдыханомъ, и живетъ въ обширномъ домѣ подлѣ факторій Европейскихъ. На дверяхъ этого дома, вмѣсто герба, прибиты четыре доски съ изображеніями головъ драконовыхъ, и съ привосокупленіемъ къ этому цѣпей и плетей, какъ будто показывающихъ, что хозяину дома предоставлено право суда и наказанія. Помощниками Гупу служатъ три переводчика (linguas) и цѣлое войско осмотрщиковъ.

Когда корабль выбралъ себѣ ганиста, Гупу обыкновенно отправляется на этотъ корабль, съ толпою своихъ подчиненныхъ. Предлогомъ посѣщенія берется измѣреніе корабля, какъ средство для взысканія пошлины, слѣдующей за стоянку въ гавани. Но настоящею цѣлью посѣщенія бываетъ полученіе подарка, товаромъ или деньгами. Посѣщеніе совершается съ нѣкоторыми обрядами; посѣтителямъ представляютъ угощеніе; они до него не дотрогиваются, по заведенному обычаю. Когда Гупу отправится обратно, корабль принадлежитъ уже не хозяину Европейцу, но Китайскимъ караульнымъ, которыхъ оставитъ онъ на кораблѣ. Караулъ этотъ, при малѣйшей неосторожности, превращается въ безстыдное воровство; забытая столовая вещь, столовое бѣлье, всякая бездѣлка плохо оставленная, все будетъ украдено, если не остерегутся. Желая поскорѣе избавиться отъ офиціяльныхъ мошенниковъ, спѣшатъ перегрузить товаръ въ лодки и отвезти на нихъ въ факторіи. Перегрузку эту производятъ подъ надзоромъ десяти, или двѣнадцати таможенныхъ коммиссаровъ, записывающихъ все, что свозится съ корабля. Матрозы провожаютъ ихъ до мѣста выгрузки, безпрерывно наблюдая за ловкими руками и ненасытными карманами почтенныхъ смотрителей Китайскихъ. Въ складочныхъ магазинахъ, на берегу, начинается новый разбой: особенные коммиссары, посланные отъ Гупу, разсматриваютъ, разбираютъ, раскладываютъ и облагаютъ пошлиною всѣ товары, по мѣрѣ того, какъ они привозятся и распаковы-

ваются. Въ этомъ пересмотрѣ, бездѣльничество доходитъ до высокой степени. Чтобы прибавить какой нибудь лишекъ въ пошлинѣ, коммиссары перемѣняютъ по своему названія и назначенія предметовъ— одѣялы называются сукнами, оконничныя стекла зеркалами, кремни агатами; мѣру тканей утрояютъ, учетверяютъ, и противъ всего этого нѣтъ ни споровъ, ни повѣрки, потому, что съ одной стороны, присутствующіе Европейцы ничего не понимаютъ что̀ такое говорятъ и пишутъ чиновники Китайскіе; съ другой потому, что ганистовъ вовсе не слушаютъ, сколько-бы они ни кричали и ни спорили. Такое-же плутовство, такой-же обманъ бываютъ когда провѣряется нагрузка и берется съ нея пошлина, но только, по причинѣ большей извѣстности качества, вѣса и мѣры Китайскихъ товаровъ, и происходящей отъ того легчайшей оцѣнки ихъ, произвольное примѣненіе тарифа дѣлается сноснѣе и поспѣшнѣе.

Но это еще не все. Корабль сдалъ привозный товаръ, нагрузился чаемъ, куркумою, другими Китайскими товарами; ему надобно плыть. Тутъ начинается окончательный счетъ пошлинъ по тарифу, и пока отвѣтствующій ганистъ не передастъ въ таможенную казну полной суммы всего слѣдующаго по вычетамъ таможни, отъѣзднаго *шапа* ему не выдадутъ, и корабль долженъ будетъ терять время и тратить расходы по пустому, платя лишнее за стоянку и за все.

Согласитесь, что все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ превосходную систему распоряженій,

при которой не явится у Европейцевъ большой охоты на торговлю съ Китайцами, и всегда останутся они подъ властью правительства Китайскаго, тяжелою и унизительною. Рѣдко начальникъ таможни пускается на прямое притѣсненіе факторій; онъ обыкновенно гнетъ и тѣснитъ гаписновъ, компрадоровъ, слугъ. Чуть только переводчикъ, приставленный къ кораблю по повелѣнію Гупу, забылъ какую нибудь опредѣленную мѣлочь обряда— его бьютъ бамбуковинами; чуть Европеецъ выступилъ изъ опредѣленныхъ для него правилъ—гаписа принуждаютъ расплатиться за нарушеніе устава. Иногда, бѣда нейдетъ даже и на деньгу: одинъ Китаецъ изъ числа гаписовъ, за то, что какой-то Европейскій корабельщикъ, бывшій на его поручительствѣ, хотѣлъ скрытно перевезти на берегъ ящикъ съ кремнями, былъ осужденъ на заключеніе въ тюрьму, просидѣлъ въ ней цѣлый мѣсяцъ, и едва отдѣлался, заплативъ выкупу 20,000 піастровъ! Невольники и жертвы таможенныхъ смотрителей, умѣющихъ всячески вымучивать у нихъ огромныя суммы, гаписы стараются вознаградить себя притѣсненіемъ Европейцевъ, повышая и понижая безпрерывно и неожиданно цѣны товаровъ. Съ своей стороны, Европейцы стараются всячески защититься, и изъ всего этого выходитъ сцѣпленіе хитростей, интригъ и взаимныхъ торговыхъ тонкостей въ промѣнахъ по Кантонскимъ факторіямъ. Гаписы, говоря собственно, невольное орудіе въ рукахъ Гупу, и отъ того пороки ихъ должно приписывать несчастному поло-

женію ихъ, болѣе нежели безсовѣстности врожденной и личной. Подвергнутые системѣ невыносимыхъ обязанностей, безпрерывно обременяемые непомѣрными взятками, принужденные дарить за всякую льготу по дѣламъ, расплачиваться за всякую прихоть, не только начальника таможни, но и самаго правителя Кантонскаго, иногда они рѣшительно раззоряются, и на цѣлое общество ганистовъ падаетъ тогда отвѣтственность по взысканіямъ съ неплатящаго должника, потому что Пекинское правительство не хочетъ терять ни одной копѣйки изъ своего дохода. Можно понять, что при всѣхъ столь ущѣсненительныхъ условіяхъ была, честность дѣлается для бѣдныхъ ганистовъ сущею невозможностью. Ихъ грабятъ, имъ не даютъ никакого средства защиты, имъ пресѣчена вся возможность требовать правосудія высшаго начальства—что̀ остается имъ дѣлать? Грабить самимъ и дѣлиться. Жалоба, даже малѣйшая угроза жалобою на Гупу, наказываются конфискаціею всего имѣнія ганиста, и ссылкою его самого въ Тартарію. Послушные рабы, эти бѣдные Китайскіе торговцы обязаны еще, при каждомъ новолуніи, испытывать торжественное униженіе: приходить къ начальнику таможни, благодарить его, и въ награду за то терпѣть самый горделивый пріемъ; нерѣдко, знаменитый обиратель кармановъ ихъ не соизволяетъ даже допускать поздравляющихъ съ праздникомъ въ свое присутствіе, и передаетъ имъ милостивый отзывъ черезъ своихъ писцовъ.

Должно послѣ всего отдать справедливость, что

въ ганистахъ находится еще довольно честности, не смотря на ихъ трудную и унизительную жизнь. Смѣло можете поручить имъ въ сохраненіе деньги, и даже если ящики съ чаемъ, черезъ ихъ руки перешедшіе, при повѣркѣ въ Европѣ окажутся маловѣснѣе, ниже добротою противъ фактуры, ганисты вѣрятъ на слово, и немедленно пополняютъ всѣ понесенные убытки.

Превосходное средство для выгодъ торговли, общество ганистовъ служитъ еще Китайскому правительству политическою чучелою, для прикрытія своихъ дѣйствій: при помощи Конгъ-Ганга, Китайское правительство никогда не входитъ прямымъ образомъ въ сношенія съ иностранцами. Случись такъ, что притѣсненные Европейцы стали-бы сильно жаловаться, правительство до послѣдней крайности будетъ отыгрываться невѣдѣніемъ. Начни Европейцы жаловаться рѣшительно—оно заговоритъ, но сложитъ всю вину на ганистовъ. Такимъ образомъ, бѣдняки эти точно мячикъ, бросаемый съ рукъ на руки притѣсненіями мандариновъ и неудовольствіями Европейцевъ; никто не уважаетъ, не любитъ ихъ, всѣ на нихъ жалуются, всѣ ихъ обвиняютъ. Право, извинительно, если за всѣ такія непріятности и за всѣ униженія, они стараются вознаградить себя хоть какими нибудь барышами....

Изъ числа Европейскихъ торговыхъ обществъ, или факторій, въ Кантонѣ находящихся, и подчиняющихъ себя установленію Конгъ-Ганга, первою считается Англійская Компанія, поставленная внѣ

ряда другихъ; потомъ слѣдуютъ факторія Голландская и Сѣверо-Американскіе купцы; наконецъ торговцы, являющіеся въ меньшемъ количествѣ, Французскіе, Испанскіе, Португальскіе, Шведскіе, Датскіе.

Должно сознаться, что Франція далеко отстала въ Китайской торговлѣ отъ другихъ Европейскихъ народовъ. Едва-ли пять, шесть кораблей Французскихъ въ годъ являютъ флаги свои на присани Макао, или Вампоа. Что это означаетъ со стороны Французскихъ торговцевъ: разсчетъ, или безсиліе? Развѣ неизвѣстны имъ выгоды и средства Кантонской торговли? Или, зная ихъ, потому самому не хотятъ они заводить безполезной борьбы съ соперничествомъ Англичанъ въ Кантонѣ? Кажется, что и другое равно причиною удаленія Французовъ отъ Кантонскаго торжища. Впрочемъ, первая и главная причина совсѣмъ не зависитъ отъ частныхъ купеческихъ разсчетовъ: она соединяется съ важнымъ вопросомъ о тарифѣ Французскихъ таможенъ, объ этой *покровительствующей*, какъ называютъ ее у насъ, тарифной системѣ, когда надобно-бъ было называть ее убійственною системою для Французской торговли и промышленности. Дѣйствительно: въ какую-бы часть свѣта ни направилъ плаваніе свое Французскій корабельщикъ, всюду преслѣдуютъ его наши таможенныя установленія, съ своими запретительными ужасами. Еще не наполняя корабля своего товаромъ, капитанъ его долженъ хорошенько разсчитать и сообразить: сколько, и не все-ли при-

дется ему отдать неумолимому охранителю каждой Французской гавани, таможенному надзору? Забота объ этомъ всюду преслѣдуетъ его, и нигдѣ не угрожаетъ она ему такъ, какъ съ приближеніемъ его къ берегамъ Китайскимъ. Прошивъ Китая направлены самыя стѣснительныя правила нашего таможеннаго: «*Не позволямъ!*» Всѣ шелковыя ткани Китайскія объявляются во Франціи контрабандою— этимъ хотятъ защищать шелковыя издѣлія Ліонскія, хотя имъ вовсе не нужна такая защита, и хотя отъ этого они болѣе теряютъ, нежели выигрываютъ. Китайскіе предметы роскоши — лаковыя издѣлія, вѣера, зонтики, мѣлкая мебель, обременены у насъ такою пошлиною, что цѣна ихъ послѣ этого никогда не допуститъ до всеобщаго употребленія, и навсегда оставитъ ихъ дорогою рѣдкостью. Китайка запрещена во Франціи совершенно, хотя никто и при дозволеніи не сталъ бы носить ее, и хотя Французскіе торговцы сами готовы снабжать Китайцевъ такою-же тканью, дешевле и лучшей доброты.

Но вотъ что еще хуже: когда послѣ всеобщаго мира, Французская торговля рѣшилась было на опытъ сношеній съ Китаемъ, учредители тарифовъ Французскихъ, по видимому, посовѣстились немного отваги частныхъ людей, и вздумали пособить новому торговому движенію: пошлина на Азіятскій сахаръ была уменьшена. Что-же? Я говорилъ уже, описывая торговлю Филиппинскихъ острововъ, какое ободреніе родилось было отъ самой небольшой сбавки пошлинъ. И въ Китаѣ

оказалось то-же самое, были потомъ и слѣдствія тѣ-же самыя. Вывозя отсюда сахаръ, Французскіе корабельщики имѣли въ немъ вѣрный предметъ вывоза, котораго безъ этого у нихъ не было, по причинѣ малаго требованія на чай во Франціи и запрещенія Китайскихъ шелковыхъ тканей и китаекъ (которыхъ и безъ этого у насъ не кому продать). Въ сахарѣ видѣли они такимъ образомъ предметъ, могущій замѣнить балластъ, и по привозѣ во Францію довольно ходкій, безъ убытка сбываемый. Не льзя не удивиться, какъ оживилась было отъ этого маленькаго разсчета вся наша торговля съ Восточною Индіею. Въ Бордо, Гаврѣ, Нантѣ, Марсели начали строить немедленно огромныя трехъ-мачтовыя суда, на манеръ Англійскихъ *country-ships*, и множество сахару навезено было во Францію изъ Манилла, Турана и Кантона. Но дѣятельность не продолжилась. Привиллегированныя колоніи наши возопіяли. Если угодно, онѣ имѣли на это право: мы велимъ имъ брать произведенія Французскихъ мануфактуръ, а онѣ основаны для того, чтобы Франція брала ихъ произведенія. Выгодны-ли подобныя условія, разсуждать не дѣло колонистовъ. Кажется и никто разсуждать объ этомъ не подумалъ. Старыя привиллегіи возобновили, и дѣятельность нашей Индійской и Китайской торговли тотчасъ упала; корабли, снаряженные для Кантонской факторіи, проданы съ убытком для строителей. Такъ справедливо, что ложная система есть истинный лабиринтъ ошибокъ, изъ котораго трудно выбрать-

ся, какъ-бы кто уменъ ни былъ, пока рѣшительно не сломаете этого лабиринта.

Впрочемъ, торговыя отношенія Франціи къ Китаю никогда не могли стать на ту степень, на которой стоятъ отношенія факторій Англійской и Голландской. Въ странѣ дышащей самымъ утонченнымъ плутовствомъ, Европейцу надобно избрать вѣрное средство защиты, и это средство — строгая точность въ дѣлахъ и отношеніяхъ. Во всѣ времена, факторіи Англійская и Голландская соперничали этимъ; за каждую связку товара, выходящую изъ ихъ конторы, онѣ строго заставляли производителей ручаться своимъ именемъ, требуя, чтобы фактура была точно выполнена счетомъ и добротою товара. Доказанное безчисленными опытами, это утвердило довѣренность покупателей, и факторіи тщательно поддерживаютъ донынѣ такую довѣренность. Она дошла до того, что теперь Китайцы даже не повѣряютъ товара, покупаемаго у Англичанъ и Голландцевъ. Такъ нѣкогда поступали они и съ Французскими привозами, но многократно обманутые капитанами и купеческими прикащиками, спекулянтами, дѣйствовавшими раздѣльно, не понимавшими пользы хорошей репутаціи торговой, ганисты стали недовѣрчивы, разборчивы, подозрительны съ Французскими торговцами, и даже неохотно вступаютъ съ ними въ дѣла. Торгуясь съ Французомъ, кажется, какъ будто они берутся за непривычное имъ дѣло, и все это падаетъ на выгоды торговли, дѣлая предпріятія Французскихъ корабельщиковъ

маловыгодными. Дѣйствуя обществомъ, наблюдая въ дѣлахъ съ Китайцами строгій общественный надзоръ, дружно установляя весь размѣръ и всѣ подробности дѣлъ своихъ, Англичане не боятся въ слѣдствіе сего соперничества Французовъ, своевольныхъ и невольниковъ въ одно время—своевольныхъ потому, что нѣтъ на нихъ никакой общей обязанности; невольниковъ потому, что на нихъ лежатъ тяжкія оковы тарифа Французскаго. И такова несчастныя слѣдствія ограниченій и запрещеній нашей Французской таможни, что никакая монополія, столь губительная для Англичанъ, не можетъ сравниться съ вредомъ нашихъ Французскихъ тарифовъ! Какъ будто нарочно, для поясненія истинныхъ понятій о торговлѣ, для утвержденія всего, что говоритъ теорія, въ Кантонѣ должны были явиться Американцы, новички въ здѣшнихъ дѣлахъ, но почти опередившіе уже Англичанъ и всѣхъ другихъ народовъ. У купца Сѣверо-Американскаго нѣтъ монополій, заставляющихъ его въ промѣнѣ слѣдовать однообразному направленію; нѣтъ также и тягостныхъ платежей, которыми онъ долженъ окупать товаръ свой по привозѣ въ отечество. Смѣло беретъ и везетъ онъ все, что кажется ему выгодно, платя потомъ незначительную ввозную пошлину. Свободно дѣйствуя внѣ, свободно дѣйствуя у себя, легче переносятся притязанія Китайца, потому, что только съ Кантонскою таможнею надобно ему имѣть затруднительныя отношенія, онъ смѣло поступаетъ при выборѣ потребнаго ему товара, идетъ послѣ того, куда

ему угодно, въ Манчестерѣ и Бирмингамѣ закупаетъ товаръ и въ Кантонѣ соперничаетъ этимъ товаромъ съ самими Англичанами, продаетъ дешевле ихъ, потому, что не обязанъ на столько расходовъ, какъ они, покупаетъ то, на что не льзя имъ рѣшиться, въ слѣдствіе своихъ различныхъ стѣснительныхъ постановленій. Все это сдѣлало то, что мало по малу, Американцы разбили въ Китаѣ Британскую монополію, какъ ловкіе тирольеры разбиваютъ тяжелую пѣхоту, выбѣгая изъ засадъ, и приводя въ недоумѣніе, отнуда берутся всѣ эти смертельные выстрѣлы, разрѣжающіе тяжелодвижимые полки непріятеля? Соперничество Американцевъ и Англичанъ въ Кантонѣ явило удивительный примѣръ дѣйствій ловкихъ, оборотливыхъ мѣлочныхъ торгашей противъ богатыхъ, опытныхъ, но связанныхъ привычками и условіями старинныхъ купцовъ. Въ послѣдніе годы, Американцы усѣяли кораблями своими Тигровую рѣку. Не всѣ обороты ихъ были одинаково удачны, но здѣсь надобно смотрѣть, не столько на слѣдствія въ настоящемъ, сколько на то, что обѣщаютъ они въ будущемъ, на живость этой раждающейся торговли Американской, на преуспѣяніе торговой дѣятельности, несвязанной ни тарифами, ни исключеніями, словомъ — на рѣшеніе вопроса, которое производится нынѣ повсюду на практикѣ, торговцами всѣхъ націй, и должно опытомъ подтвердить теоретическіе выводы Политической Экономіи.

Теперь Американцы вступятъ однакожъ въ Кантонѣ сильное соперничество въ новыхъ постановленіяхъ Ость-Индской Компаніи, и въ свободѣ Англійской торговли, ими доставляемой. Два сильные народа вступятъ послѣ того въ битву съ равными силами. Освобожденіе Англійской чайной торговли, уничтоженіе Компанейскихъ монополій, создадутъ въ Кантонѣ отдѣльную, частную торговлю Англичанъ. Изъ этого, безъ сомнѣнія, должно произойдти новое образованіе Кантонскихъ факторій. Англійская Компанія рѣшительно не захочетъ уступать соперничеству другихъ. — Она должна будетъ измѣнить сущность дѣлъ своихъ— безъ этого не льзя. Такимъ образомъ, ей придется, можетъ быть, взять въ образецъ экономическое сооруженіе кораблей, которое изобрѣли Американцы, которому подражаютъ Голландцы, которое перенимаютъ частные Англійскіе торговцы, и о которомъ до сихъ поръ не думали Французы. Компанія, вѣроятно, откажется отъ своихъ огромныхъ кораблей и обширныхъ заведеній, отъ безмѣрнаго штата чиновниковъ и страшнаго жалованья этому штату, отъ своего манера дѣйствовать привычкою и исключительными привиллегіями, отъ системы подкуповъ, которая необходимо надобна была ей всюду для успѣха.

Хлопоты и затрудненія Компаніи будутъ большія, потому, что не съ одними чужеземцами надобно будетъ ей сражаться; каждый Англичанинъ будетъ ея соперникомъ, при одинаковыхъ средствахъ для выгодной покупки и продажи. Что по-

слѣдуетъ изъ этого — угадать невозможно. Компанія на торжищѣ Кантонскомъ, безъ привиллегій своихъ, уже не Компанія прежняя, но просто торговое общество съ большими капиталами. За нее станутъ опытность въ дѣлахъ, заведенныя изстари связи, денежныя средства, кредитъ. Противъ нея будутъ тяжелая привычка къ старому, столь свойственная богачамъ, горделивая увѣренность на свои силы, трудность убѣдиться въ необходимости реформы по управленію и направленію дѣлъ. Но если Компанія пойметъ необходимость реформы, и захочетъ исполнить ее, будетъ-ли у нея достаточно силъ и средствъ преоборать всѣ препятствія противъ этого исполненія? — Да, это очень сомнительно.

Если дѣйствователямъ по Китайской торговлѣ предстоитъ, можетъ быть, преобразованіе, то напротивъ, ничего не льзя представить себѣ неизмѣннѣе предметовъ, составляющихъ сущность этой торговли. Главный, самый прибыльной, исключительно принадлежащій Китаю товаръ, по торговлѣ съ Европою, есть и будетъ *чай*. Думаю, всѣ знаютъ уже, что чай листочки дерева, болѣе или менѣе насаждаемаго почти во всѣхъ областяхъ Китайскаго государства. Но особенно родится чай въ областяхъ между 25-мъ и 33° широты, въ гористыхъ мѣстахъ и по склоненіямъ тамошнихъ холмовъ. Растетъ онъ медленно, продолжительно, и достигаетъ надлежащей зрѣлости только въ шесть и восемь лѣтъ. Тогда деревцо бываетъ 4-хъ и 5-ти футовъ вышиною. Различіе въ сортахъ

чаю долго приписывали Европейскіе естествоиспытатели различію чайныхъ деревцовъ, съ которыхъ Китайцы собираютъ листочки. Теперь намъ уже достовѣрно извѣстно, что чайное деревцо бываетъ одного рода, и различіе въ сортахъ чаю происходитъ единственно отъ степени зрѣлости листочковъ, времени сборки ихъ, приготовленія, свойствъ почвы, климата и мѣста, гдѣ оно растетъ; словомъ: причины различія чаю въ Китаѣ тѣ-же, отъ которыхъ происходитъ въ Европѣ различіе винъ, и потому не только чай бываетъ неодинаковъ въ разныхъ областяхъ, но даже въ одной и той-же области, смотря по мѣстности и обрабонкѣ.

Только черезъ три, или четыре года послѣ насажденія чайнаго деревца начинаютъ сборку съ него листочковъ; она производится два раза въ годъ, весною (въ Апрѣлѣ) и осенью (въ Сентябрѣ). Листочки первой сборки даютъ лучшій и болѣе уважаемый чай. Когда листочки сняты и разобраны, погружаютъ ихъ въ кипящую воду, на полминуты, вынимаютъ оттуда, даютъ имъ обсчечь, и бросаютъ ихъ потомъ на желѣзныя сковороды, огромныя и плоскодонныя, вмазанныя сверху печей особеннаго устройства. Печи эти бываютъ сильно разогрѣты; листочки проворно мѣшаютъ на горячихъ сковородахъ, и потомъ разбрасываютъ ихъ на столахъ, покрытыхъ скатертями. Тутъ привычные мастера начинаютъ свертывать листочки, водя по нихъ ладонями рукъ, пока еще листочки не простыли, и между тѣмъ огромнымъ

вѣромъ освѣжаютъ воздухъ при этой работѣ. Для чаю обыкновеннаго скатываютъ вдругъ помногу листочковъ, но въ чаяхъ лучшихъ сортовъ почти каждый листочекъ свертывается отдѣльно. Всевозможныя предосторожности принимаются, чтобы въ хорошихъ сортахъ сохранить ароматъ и изящный вкусъ растенія. Если вѣрить разсказамъ Китайцевъ, служащій для употребленія Богдыханскаго чай садятъ на особенной почвѣ, въ извѣстныхъ мѣстахъ, отъ отборныхъ деревцовъ, и многочисленныя предосторожности въ сборкѣ и приготовленіи его доходятъ до смѣшнаго суевѣрія. Только дѣвицамъ, или несовершеннолѣтнимъ юношамъ, позволяютъ общипывать листочки съ деревца, и тутъ на руки имъ надѣваютъ перчатки, чтобы прикосновеніемъ пальцевъ не заморить свѣжести чая. Въ приготовленіи берутъ пошомъ не менѣе осторожности. Впрочемъ, чай столь высокаго сорта почти не доходитъ въ Европу; нѣсколько ящиковъ его, какъ говорятъ, получается только въ Россіи, гдѣ продаютъ его дороже 25 рублей за фунтъ. Два главныя различія чаевъ суть: чай *зеленый* и чай *черный*, подраздѣляемые еще на безчисленное множество разныхъ сортовъ и разборовъ. Сорты чаю зеленаго вообще бываютъ зеленоватаго цвѣта, иногда сѣроватаго, или сѣрозеленаго; вообще вкусомъ они крѣпче и запахомъ ароматнѣе черныхъ, которые цвѣтомъ болѣе или менѣе темны, на вкусъ слабѣе зеленыхъ, и настой съ нихъ бываетъ цвѣта болѣе жидкаго. Зеленый чай, употребляемый въ Россіи, въ Сѣверной Аме-

рикѣ, въ Англійской Индіи, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы, идетъ главнѣйшіе изъ областей *Кіангъ-Нанъ*, *Кіангъ-Си* и *Ше-Кіангъ*. Черные чаи, привозимые въ Англію, производитъ область *Фо-Кіенъ*, за исключеніемъ трехъ, которую составляетъ чай, вообще называемый Англичанами *бое*, его вывозятъ изъ сѣверной части Кантонской области, называемой *Вопингъ*. Впрочемъ, однѣ и тѣ-же области равно производятъ чаи зеленые и черные. Въ числѣ зеленыхъ должно отличать: чай *гизонъ* или *гейсвинъ* (hyswin), самый употребительный, зелено-голубоватаго цвѣта, длинными листочками, весьма вяжущій на вкусъ, и запаха весьма крѣпкаго; чай *жемчужный*, скатанный круче гизона, почти шариками, темнѣе цвѣтомъ, пріятнѣе запахомъ, выдѣлываемый изъ нѣжныхъ, молодыхъ листочковъ; чай *пороховой*, отборный изъ двухъ упомянутыхъ сортовъ; листочки его еще круглѣе скатаны, вкусъ и запахъ его пріятнѣе, и потому онъ дорогъ и рѣдокъ. Наконецъ, самый лучшій сортъ называется *жуланъ*, но его мало въ торговлѣ. Черные чаи суть: *сучонъ*, темный, почти черный; это самый обыкновенный, крѣпче зеленыхъ, выдѣлывается изъ нѣжныхъ листочковъ, и бываетъ худо свернутъ; чай *пеко*, называемый Французами *thé à pointes blanches*, Русскими *цвѣточнымъ чаемъ*; его выдѣлываютъ изъ молоденькихъ, еще покрытыхъ пухомъ листочковъ; онъ пріятнѣе, ароматнѣе всѣхъ сортовъ, и особливо хорошъ для употребленія тѣхъ, у кого раздражительны нервы, и кто по этому не можетъ переносить другихъ сортовъ чаю. —

Всѣ сорты чаевъ, послѣ приготовленія ихъ, ссыпаются въ ящики, сколоченные изъ тонкихъ дощечекъ, куда предварительно влагается обкладка изъ тонкихъ свинцовыхъ листочковъ, плотно запаиваемая, чтобы сохранить аромать чаю.

Количество чаю, вывозимаго въ Европу и въ Америку, Русскими черезъ Кяхту, другими Европейцами, и Американцами, черезъ Кантонъ, составляетъ ежегодно до *шестидесяти пяти милліоновъ* фунтовъ. Изъ этого количества, Русскіе берутъ 26-ть, Англія и ея колонія 28-мь, Сѣверо-Американцы 6-ть, Голландцы 3, остальные народы 2,000,000. Вывозъ чаю изъ Кантона составляетъ сумму цѣнности въ $3\frac{1}{2}$ милліона фунтовъ стерлинговъ (77,500,000 франковъ). Остальное количество вывоза отсюда товаровъ состоитъ въ шелкѣ, сырцѣ и обработанномъ, шелковыхъ тканяхъ, хлопчатой бумагѣ и тканяхъ изъ нея, сахарѣ, краскахъ, коштенили, камфарѣ, фарфорѣ, черепахѣ, мускѣ, Китайской бумагѣ, стеклянныхъ корольках, ящичкахъ и другихъ лаковыхъ мѣлочахъ, бамбукѣ, рогожкахъ, мебели, и проч.—Цѣнность чаю, получаемаго Англичанами, равняется ровно цѣнности всѣхъ другихъ товаровъ, какіе берутъ они въ Китаѣ. Прежде довольно значительная торговля Русскихъ производилась караванами въ Пекинъ, но уже давно прекратилась она, и всѣ торговыя сношенія Китая съ Россіею ограничиваются только промѣнами въ *Кяхтѣ*, городѣ, находящемся на границѣ Монголіи, противъ Китайскаго городка *Маймачина*. Русскіе увѣряютъ, будто чай, провозимый

ими въ Европу сухимъ путемъ, черезъ Сибирь, бываетъ ароматнѣе того, который доставляется моремъ, переходя черезъ палящій зной экватора, при чемъ будто-бы теряетъ онъ настоящій вкусъ свой. Но если это и дѣйствительно правда, за то перевозка его черезъ степи сѣверной Азіи дѣлаетъ его болѣе цѣннымъ. Прежде Русскіе получали еще отъ Китайцевъ значительное количество бумажной ткани, вообще называемой ими *китайкою* (особенный родъ нанки), но теперь замѣнили ее собственнымъ издѣліемъ. Въ обмѣнъ за чай, шелковыя ткани, лаковыя вещи, сахаръ, и особеннаго рода грубый чай, называемый Русскими *кирпичнымъ*, употребляемый Монголами и Сибиряками, Русскіе отдаютъ мѣха и шкуры звѣрей, сукна, кораллы, и проч. —

Предметовъ, привозимыхъ въ Кантонъ изъ Европы, далеко недостало-бы на замѣнъ вывоза, если бы Бенгальскій опіумъ не уравновѣшивалъ требованій Европейцевъ. Съ 1818-го по 1834-й годъ, ввозъ опіума въ Китай дошелъ отъ 5000 ящиковъ до 15,000. Теперь ввозится его въ Китай ежегодно на 80-ть милліоновъ франковъ, и все *контрабандою*! Если положить народонаселеніе Китая въ 140,000,000 человѣкъ — цыфръ самый достовѣрный—по крайней мѣрѣ, самый вѣроятный, то выйдетъ ужасное потребленіе этого губительнаго зелья: почти *фунтъ* ежегодно на *шестдесятъ шесть* человѣкъ, и ввозъ Индійскаго яда сравнивается вполнѣ съ количествомъ чая, вывозимаго на Англійскихъ корабляхъ. Другія статьи привоза въ

Кантонъ суть: шелковыя и бумажныя ткани, Англійскіе и Голландскіе камлоты, сталь и желѣзо въ издѣліяхъ, морскіе припасы. Благодаря требованію на опіумъ, при малочисленности всѣхъ другихъ привозныхъ Европейскихъ товаровъ, нѣтъ уже теперь надобности, какъ прежде, возить въ Кантонъ піастры и слитки серебра для заплаты за вывозные Китайскіе товары. Это уравниваетъ пользы съ обѣихъ сторонъ, избавляетъ отъ излишнихъ притязаній и своевольныхъ требованій, и равно выгодно Европейцамъ и Китайцамъ, производя соревнованіе промышленности, дающей жизнь милльонамъ народа: въ этомъ заключается важный успѣхъ нынѣшней торговли Европейцевъ съ Китаемъ, а не въ томъ мнимомъ выигрышѣ, что мы перестали платить за товары Китайскіе золото и серебро. Многіе въ Европѣ не такъ думаютъ, и — истинно не льзя понять, какъ въ наше время, не шутя, люди разсудительные могутъ имѣть подобныя дѣтскія понятія! Кто не станетъ смѣяться, если почтемъ богачемъ только такого человѣка, который склалъ въ сундукъ свои деньги, и умираетъ голодомъ, сидя на этомъ сундукѣ, и думая, что онъ раззорится, если употребитъ часть денегъ своихъ на покупку платья, хлѣба, мебели? Но люди, которымъ все еще мерещатся выгоды *торговаго баланса,* и богатство только въ приливѣ серебра и золота — право, забавнѣе подобнаго чудака. Пусть пересмотрятъ они всю исторію, съ тѣхъ поръ, какъ говоритъ она о появленіи на бѣлый свѣтъ, такъ называемыхъ ими, *драгоцѣнныхъ*

металловъ, пусть оглянутся кругомъ: ни одинъ народъ, кажется, не питался и не питается золотомъ и серебромъ, не замѣнялъ и не замѣняетъ имъ ни жилища, ни одежды. Золото и серебро суть средства удовлетворять необходимымъ потребностямъ, а послѣ удовлетворенія необходимостей, если угодно, страстямъ и наслажденіямъ. Если у народа есть уже необходимое, онъ хочетъ излишняго. Умные умѣютъ все это уравнять, оставляя запасъ на будущее, глупые копаютъ и тратятъ безъ запаса; но, все тутъ не золото, не серебро цѣль: они только средства, и никто не станетъ собирать ихъ, если велите ему *только собирать.* Въ самомъ Китаѣ, прибыль отъ чая повела за собою требованіе опіума, потому, что получаютъ вкусъ употребляя что нибудь, а употреблять невозможно, если нѣтъ средства достать предметъ употребленія. Теперь пусть Европейцамъ откроютъ, привычки къ потребностямъ явились съ обѣихъ сторонъ, и остановить торговыхъ сношеній своихъ не могутъ ни тѣ, ни другіе, безъ сильнаго общаго потрясенія. Какія-бы опасенія ни таилъ Пекинскій Дворъ, онъ видитъ себя попавшимъ въ неразрушимыя связи съ Европейцами, и принужденъ дозволять то, чего запретить не можетъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе привыкаютъ Китайцы къ торговлѣ съ Европою, убѣждаясь опытомъ, что безмѣрное народонаселеніе Китая находитъ здѣсь источники дѣятельности и богатства. Переселенія, совершаемыя вопреки строгихъ постановленій Китайской имперіи, кон-

трабанда, производимая въ столь огромномъ количествѣ, измѣненіе въ отношеніяхъ къ Европейцамъ — все предвѣщаетъ Китаю переворотъ, если не скорый, то, по крайней мѣрѣ, неизбѣжный. Въ первый разъ, можетъ быть, Китайцы постигаютъ, что неподвижность законовъ и обычаевъ не можетъ быть вѣчною, и что успѣхи торговыхъ сношеній неминуемо ведутъ за собою успѣхи общественности.

Вотъ что слышалъ я отъ моего привѣтливаго Мортона, и старался записать, такъ, какъ слышалъ отъ него, безъ порядка, но сколько могъ вѣрнѣе. Когда мой добрый пріятель объяснилъ мнѣ сущность Кантонской торговли — «Этого не довольно — сказалъ онъ — что вы знаете теперь дѣла наши съ Китайцами: вамъ надобно еще узнать людей, съ которыми производятся у насъ дѣла. Одинъ изъ ганистовъ нашей факторіи даетъ сегодня обѣдъ главнѣйшимъ изъ Компанейскихъ Англійскихъ чиновниковъ; вы пойдете съ нами: вамъ надобно это видѣть.»

И вотъ, въ четыре часа по полудни, мы были уже на пути къ жилищу Панъ-ке-куа, почетнаго ганиста Кантонскаго. Жилище это составлялъ не домъ, но цѣлый рядъ отдѣльныхъ строеній, между которыми находились куртины зелени, и разставлены были вазы съ водою, въ которой плавали прекрасныя *присы*. Проходя по цѣпи этихъ садиковъ и комнатъ, мы проходили тутъ сквозь крестообразныя арки, столь употребительныя въ живописи на Китайскомъ фарфорѣ, и наконецъ всту-

пили въ почетную залу, убранную только фонарями изъ крашеной бумаги; посрединѣ ея поставленъ былъ столъ, окруженный стульями изъ плетенаго бамбука.

Первое блюдо обѣда нашего состояло въ роскошномъ салангановомъ супѣ; его подали намъ въ маленькихъ фарфоровыхъ чашечкахъ; вкусъ его походилъ на супъ съ вермишелью, и мнѣ понравился. Въ особыхъ блюдцахъ, не въ счетъ кушаньевъ, поставили на столъ разныя, возбудающія аппетитъ снѣди. Тутъ были: вкусные червяки, соленые, сушеные и вареные, соленая рыба, ветчина, Японская кожа, моченая въ водѣ, наконецъ *суаа*, сокъ, выжимаемый изъ бобовъ, и почитаемый Китайцами весьма полезнымъ для желудка. Между тѣмъ, пока забавлялись мы, заставляя изъяснять намъ всѣ эти превосходныя снадобья, множество окрошекъ, залитыхъ соусами, носили около стола. Мы насчитали двадцать перемѣнъ; блюдамъ не было счета. Намъ изъясняли, и мы повѣрили на-слово, что имѣли честь быть угощаемы голубями, душеными въ соку, фрикасе изъ лягушекъ, солеными гусеницами, аккульими перьями, маседуаномъ изъ утокъ и цыплятъ, и что все это пропитано удивительною вышяжкою изъ мокрицъ. Дичину, фазановъ, куропашокъ, разрѣзанныхъ въ кусочки, подносили намъ на крошечныхъ тарелочкахъ. Не имѣя, вмѣсто вилокъ и ножей, ничего, кромѣ какихъ-то тоненькихъ палочекъ изъ слоновой кости, полированныхъ и обдѣланныхъ въ серебро, мы не знали, чѣмъ донести намъ какой нибудь кусокъ до на-

шихъ ртовъ. Баронъ, казалось мнѣ, рѣшался уже просто постничать, а я старался поймать палочками хоть какіе нибудь кусочки, но, спасибо Морпону—онъ вмѣшался въ наше затруднительное положеніе. Кое-какъ научились мы брать кушанье, и не боясь, что желудки наши не смогутъ управиться со всѣмъ предлагаемымъ нашему вкусу, рѣшились отвѣдывать — даже ѣсть всѣ Китайскія окрошки, аккулъ, червей, гусеницъ, морскихъ кубышекъ, морскихъ раковъ, толченыхъ скилловъ, и тысячу другихъ вещей, безъ именъ, но каждая съ своимъ особеннымъ вкусомъ и запахомъ. Казалось, что мы ударились объ закладъ съ Барономъ, кто кого перещеголяетъ въ похвалѣ гастрономіи Китайской, кто изъ насъ лучше другаго оправитъ себя, полнѣе другаго наполнитъ себѣ желудокъ всякими жирными соусами и пахучими мясами. Безпрестанно запивали мы произведенія Китайской кухни *сей-гингомъ*, или *камчу*, подогрѣтымъ пойломъ, похожимъ на бѣлое вино. Камчу пьютъ изъ маленькихъ металлическихъ чашечекъ, похожихъ на фіалы Древнихъ; слуги, съ огромными серебряными кувшинами въ рукахъ, безпрестанно подливаютъ это питье гостямъ. Когда головы наши поразогрѣлись отъ угощенія, было предложено нѣсколько *тостовъ:* за здоровье Богдыхана, за успѣхи Компаніи, за благополучіе *Квонгъ-Ганга,* за счастливый путь намъ, почетнымъ гостямъ гаписта. Послѣ провозглашенія каждаго тоста, надобно было брать чашечку съ камчу обѣими руками, и дѣлать *чинъ-чинъ*, то есть, качать головою

нѣсколько разъ, выпивая потомъ все что было въ чашечкѣ, и показывая другимъ дно ея, чтобы доказать, что она точно осталася пустая.

За первою перемѣною кушанья слѣдовала вторая, составленная изъ пирожнаго и печенья. Къ этому подали салатъ изъ молодыхъ бамбуковыхъ отпрысковъ, и графины съ какою-то водою, которая пахла чѣмъ-то — пріятнымъ только для Китайскаго носа. Напослѣдокъ принесли десертъ — корзины цвѣтовъ, подносы, заставленные двадцатью родами конфектовъ, укладенные превосходными пирожками и различными фруктами — померанцами, сахарными мандаринами, бананами, личи, орѣхами, яблоками, виноградами, грушами; плоды изъ этихъ лакомствъ принадлежали жаркимъ климатамъ, другія были привезены изъ сѣвернаго Китая.

Вставши изъ-за стола, мы очень хорошо чувствовали, какъ нелегко Европейцу обѣдать у Китайца. Къ счастію, заведенный здѣсь обычай — пить чай тотчасъ послѣ стола, помогъ намъ спастись отъ всякихъ непріятныхъ слѣдствій, при пособіи нѣсколькихъ благодѣтельныхъ чашекъ чаю. И *какого* чаю, и *гдѣ* еще мы пили его? Въ Кантонѣ, въ домѣ знаменитаго Китайскаго торговца чаемъ! Послѣ этого надобно-бы дать обѣщаніе уже *никогда* и *нигдѣ* не пить болѣе чаю во всю жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, это было что-то превосходное: ароматъ, вкусъ чудный — что-то такое бархатное, и вмѣстѣ съ тѣмъ пряное, и столь усладительное притомъ, что ничто не могло сравниться съ этимъ драгоцѣннымъ напиткомъ. Боясь,

чтобы не потерялось какое нибудь изъ драгоцѣнныхъ свойствъ Китайскаго нектара, его подавали намъ въ закрытыхъ чашкахъ, и напрасно спали-бы мы просить сахару, дерзая портить такою прибавкою чудный вкусъ чаю: Китайскіе служители посмотрѣли-бы на насъ съ изумленіемъ, а хозяинъ разсердился-бы за такое безчестье. Старый этотъ гаписпъ, почтенный этотъ Панъ-ке-куа почелъ-бы требованіе наше просто наглою насмѣшкою; онъ походилъ въ подчиваньи своимъ чаемъ на тѣхъ Европейскихъ знатоковъ въ винахъ, которые не потерпятъ, чтобы *кремень* и *букетъ* ихъ драгоцѣнностей не былъ принятъ въ желудокъ гостя съ подобающимъ систематическимъ благоговѣніемъ. Извѣстный во всемъ Кантонѣ, какъ самый первый знатокъ чаевъ, Панъ-ке-куа подчивалъ насъ теперь самымъ первымъ изъ всѣхъ чаевъ всего Китая. Правда, ему надобно было по совѣсти такъ поступить: оправивши насъ своею Китайскою стряпнею, надобно было дать намъ какого нибудь противоядія. Мы разстались дружески, уже при наступленіи ночи. Служители, съ фонарями изъ крашеной бумаги, провожали насъ до факторій.

Начавши этимъ обѣдомъ наши Кантонскія гуляпки, мы уже не хотѣли остановиться въ разгульѣ и веселыхъ. На другой день, будто ревнуя почести, оказанной посѣщеніемъ нашимъ товарищу, другой участникъ Квонгъ-Ганга, Чунъ-Куа-Дзи, задалъ намъ большой обѣдъ, уже на Англійскій манеръ, но за обѣдомъ слѣдовалъ Китайскій спектакль. Театръ сгородили на открытомъ воздухѣ,

въ саду, устроивъ его изъ холстинъ и крашеныхъ досокъ; сцену, въ двадцать футовъ шириною и пятнадцать вышиною, увеличивала перспектива. Намъ хотѣли показать одну изъ самыхъ знаменитыхъ трупъ Китайскихъ актеровъ, наканунѣ только пріѣхавшую изъ Пекина, и располагавшую прожить въ Кантонѣ нѣсколько недѣль.

Представленіе началось, только что сѣли мы за обѣдъ, оглушающими звуками цымбаловъ, трубъ и тамъ-тамовъ; къ этому присоединились звуки арфы, лютни, стукъ барабановъ. Послѣ самой оглушительной увертюры, слѣдовала большая историческая пантомима, въ которой пять Богдыхановъ были попеременно возводимы на тронъ, и свергаемы съ трона. Такая борьба великихъ особъ и цѣлыхъ династій не могла совершаться безъ сильной драки, и въ самомъ дѣлѣ—на сценѣ дрались цѣлый часъ, дрались отчаянно и жестоко. Воины, богато одѣтые, украшенные лентами всякихъ цвѣтовъ, бросались другъ на друга, съ дубинами, щитами, сѣкирами. Они повертывались во всѣ стороны съ удивительною быстротою, и страшно размахивали оружіемъ, но все такъ искусно, что ни разу не задѣли другъ друга, какъ ни тѣсно было поприще битвы ихъ. Музыка одушевляла всѣ эти битвы, слѣдуя за каждымъ движеніемъ сражавшихся, успѣхами и неудачами дѣйствующихъ лицъ, и превратилась наконецъ въ несносный ревъ, когда, въ слѣдствіе погибели четырехъ похитителей, законный наслѣдникъ прекратилъ, вступленіемъ своимъ

на прародительскій престолъ, продолжительныя междоусобія.

Послѣ пантомимы явились знаменитые актеры въ драмѣ, одной изъ самыхъ любимыхъ драмъ Китайской публики. Сидя между Моршономъ и Барономъ моимъ, старался я разгадать, что̀ такое играется, прося изъясненія знатоковъ въ темныхъ мѣстахъ. Вотъ что могъ я выразумѣть изъ всего видѣннаго и слышаннаго мною: какая-то Китайская Гертруда вздумала убить супруга своего; пользуясь временемъ его отдыха, она крадется тихонько по сценѣ, держа въ рукахъ маленькій топоръ, бьетъ по лбу бѣднаго мужа, и убѣгаетъ. Жестоко раненый, мужъ встаетъ съ кровавою раною на лбу, шатается, поетъ, оплакиваетъ свою горькую участь, какъ дѣлаютъ это герои, умирающіе въ нашихъ операхъ. Потомъ падаетъ онъ, и— конецъ дѣлу. Но убійцу подозрѣваютъ въ смерти мужа, берутъ подъ стражу, ведутъ къ судьѣ, и рѣшаютъ содрать съ нея кожу. Приговоръ исполняютъ на сценѣ. Да этого мало: въ слѣдующемъ актѣ, Китайская Гертруда является не только нагая, но совсѣмъ ободранная. Женщинъ не допускаютъ у Китайцевъ на сцену, и потому обыкновенно, либо евнухъ, либо молодой, еще безбородый мальчикъ, представляютъ женскія роли. Ободранной преступницѣ остается еще столько силъ, что она плачетъ и поетъ добрые полчаса. Можете представить, сколь отвратительно и безобразно было все это зрѣлище, и какъ ни пріучены мы теперь къ ужасамъ сцены новѣйшими романтическими

драмами, но, право, Китайская драма была для насъ вовсе невыносима. Напротивъ, Китайскіе собесѣдники наши выражали восторгъ свой громкими рукоплесканіями.

Репертуаръ Китайскій обилуетъ сочиненіями въ такомъ страшномъ родѣ. Нигдѣ отвратительная нагота ужасныхъ картинъ и грубая наглость разговора не доведены до такой степени, на какой находятся онѣ на Китайской сценѣ. Отсутствіе женщинъ, которымъ строго запрещено смотрѣть на всѣ сценическія позорища, вѣроятно, много способствовало ко введенію такого страннаго вкуса въ драматическую словесность Небесной имперіи.

Историческія драмы Китайцевъ бываютъ двухъ родовъ: однѣ сочинены до завоеванія Китая Монголами, другія появились послѣ сей эпохи. Первыя, гдѣ актеры являются въ старинныхъ костюмахъ Китайскихъ, лучше по составу своему, и болѣе уважаются. Въ нѣхъ и другихъ, декламировка актера есть что-то похожее на однообразный речитативъ; дѣйствующее лицо понижаетъ и повышаетъ голосъ свой, смотря потому, что̀ надобно ему выразить—гнѣвъ или печаль. На каждомъ окончаніи куплета, или перерывѣ, раздаются звуки духовой музыки, стараясь выразить положеніе или страсти актера. Роль оркестра въ Европейской мелодрамѣ довольно походитъ на участіе Китайскихъ дудокъ въ исторической драмѣ Китайцевъ. Промежутки въ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ опредѣляются музыкальною интермедіею, а при сильныхъ мѣстахъ пьесы тамъ-тамы и гонги при-

нимаются за работу, чтобы придать болѣе силы выраженію. Обыкновенно слѣдуетъ за тѣмъ пѣсня, веселая или печальная, выражая радость или отчаяніе.

Китайскій театръ строго придерживается Аристотелевскихъ правилъ, хотя Китайцы и не слыхивали объ имени Стагирскаго философа. Постоянно наблюдается на Китайской сценѣ *единство дѣйствія*. Если надобно перемѣнить мѣсто, зритель долженъ воображать, что оно перемѣнилось. Такимъ образомъ, если полководцу надобно отправиться въ отдаленный походъ, онъ садится верхомъ на палочку, беретъ плетку, хлещетъ ею по полу, и объѣзжая два, три раза около сцены, поетъ между тѣмъ пѣсню, для развлеченія дорожной скуки. Потомъ, когда думаютъ, что довольно уже пѣсни и прогулки, актеръ останавливается, соскакиваетъ съ своего рѣзваго коня, говоритъ: «Мое странствованіе кончилось,» и начинаетъ новый рѣчитативъ. Публика очень хорошо можетъ понять изъ этого, что герой драмы переѣхалъ назначенное пространство, и находится въ новой сторонѣ.

Иногда, если недостаетъ декорацій, ихъ замѣняютъ весьма остроумными выдумками. Согласно всѣмъ нашимъ піитикамъ и риторикамъ, мы придаемъ разумѣніе и слово бездушнымъ и неговорящимъ предметамъ—спѣнѣ, дереву, камню, рѣкѣ. Въ Китайской драмѣ дѣло бываетъ на оборотъ: люди превращаются въ предметы неодушевленные и неговорящіе. Надобно-ли изобразить на сценѣ взятіе

крѣпости, а стѣнъ подъ рукою нѣтъ, тотчасъ становятся рядомъ нѣсколько человѣкъ; герой лѣзетъ на эту стѣну, ломаетъ ее, и бѣдная стѣна терпитъ, падаетъ и не шевелится, разломанная на части. Это напоминаетъ остроумное изъясненіе Ника Боттома (Midsummer Night's Dream): «Надобно, чтобы одинъ изъ насъ представлялъ стѣну; вотъ надобно его помазать известкою, глиною и землею, и будетъ онъ походить на стѣну.»

Когда спектакль дается походнымъ образомъ, сценическія приготовленія всего менѣе бываютъ затруднительны. Строятъ наскоро деревянный сарай, покрываютъ его бамбуковыми листьями, и дѣлятъ на двѣ части, *сцену* и *фойе*, гдѣ одѣваются актеры. До начала пьесы, является директоръ походной труппы, съ бумагою въ рукахъ, на которой написано названіе пьесы, какую приготовляются играть; потомъ приноситъ онъ на сцену кресты, столы, ширмы, представляющіе все, что велятъ имъ представлять—крѣпости, горы, города, домы. Актеръ даетъ разумѣть зрителямъ значеніе каждой вещи. Онъ говоритъ, напримѣръ: «А, вотъ дверь (разумѣется, двери нѣтъ), и вотъ я отворю ее» — и онъ дѣлаетъ тѣлодвиженіе, какъ будто отворяетъ дверь. Зритель обязанъ послѣ этого вѣрить, что въ назначенномъ мѣстѣ дверь точно существуетъ, и что ее отворили.

Но если всѣ эти театральныя вольности мѣшаютъ сценическому очарованію, въ замѣну того, актеры не затрудняютъ зрителей догадкою, ка-

кое именно лицо выступаетъ на сцену, потому, что каждое изъ дѣйствующихъ лицъ объявляетъ при входѣ своемъ, какъ бывало это, говорятъ, въ древнихъ Греческихъ драмахъ: « Я буду шѣмъ-шо, » Агамемнонъ, Эдипъ—« Шунъ-дзи-пхей-чао, Тзунъ-пхей-сы-шуэнъ. » Есть у Китайцевъ пьесы, въ которыхъ дѣйствіе продолжается сто лѣтъ. Европѣ издавна извѣстна Китайская трагедія: *Сирота изъ поколѣнія Чао,* плохо переведенная отцомъ Премаромъ, но доставившая Вольтеру содержаніе трагедіи его: *l'Orpheline de la Chine.* Эта пьеса находится въ числѣ *ста* другихъ такого-же рода, собранныхъ вмѣстѣ Китайцами, какъ образцы вкуса и изящества. Кажется, что съ того времени, когда сдѣлано было это собраніе, искусство драматическое упало въ Китаѣ, и театръ Китайскій, какъ нашъ Французскій театръ, сдѣлался добычею страннаго романтическаго своеволія, представляя только безстыдные фарсы.

Актеры, игравшіе у Чунъ-Куа, не оставили насъ безъ подарка пьесою новаго рода. Едва только кончилось представленіе большой драмы, начался водевиль, истинный водевиль, начиненный куплетами, колкостями, двусмысленностями, заставлявшими зрителей помирать со смѣха. Вообразите, что водевиль, который *le Français, né malin* (по словамъ Буало), почиталъ своимъ изобрѣтеніемъ—вотъ гдѣ отыскался онъ — въ Китаѣ, и со всѣми его условіями, съ настоящимъ его характеромъ! Въ числѣ актеровъ водевиля Китайскаго были лица, въ которыхъ, не зная Китайскаго языка, можно

было угадать роли Перле, Потье, Одри Каштонскихъ, потому, что такой актеръ не могъ сдѣлать ни одной гримасы, ни одного тѣлодвиженія, даже открыть рта, или пройдти по сценѣ, безъ того, чтобы не произвесть всеобщаго хохота и не возбудить самаго веселаго восторга зрителей. Роли женщинъ были выполняемы эвнухами, молодыми, довольно пріятной наружности, хорошо одѣтыми, хорошо причесанными. Въ одной изъ сценъ водевиля была представлена внутренность Китайскаго гарема, и шесть Китаекъ, сидя за работою и разматывая шелкъ, пѣли довольно пріятную пѣсню, общимъ хоромъ.

Такимъ образомъ, одно послѣ другаго, высмотрѣли мы за одинъ разъ балетъ, историческую драму, комедію, водевиль, и готовы уже были отказаться отъ дальнѣйшаго продолженія зрѣлища, когда явились Китайскіе эквилибристы, и показали намъ разныя гимнастическія штуки, доказывавшія необыкновенную силу и проворство. Одинъ изъ нихъ, настоящій атлетъ, съ исполинскими формами тѣла, выдвинулъ впередъ грудь свою, и образовалъ изъ нея родъ подножія, на которое прыгали его товарищи, перескакивая потомъ черезъ плечи его. Поставили послѣ того посреди сцены высокій столъ, и тридцать человѣкъ скакали черезъ него, поочередно и вмѣстѣ, дѣлая на воздухѣ разныя кривляпья. Наконецъ, какъ будто въ довершеніе этихъ Омировскихъ игръ, исполинъ-атлетъ поставилъ подлѣ себя трехъ товарищей, и потомъ еще шестерыхъ, которые всѣ

обхвативши его руками; онъ поднялся, обвитый такимъ образомъ, какъ будто легкою цѣпочкою, девятью сильными человѣками. Для большаго доказательства силы его, одинъ изъ эквилибристовъ сталъ еще на головѣ его, составляя такимъ образомъ пирамиду.

Добрый знакомецъ нашъ, ганистъ Панъ-ке-куа не хотѣлъ остаться побѣжденнымъ отъ гостепріимнаго Чинъ-Куа, узнавши все, чѣмъ онъ насъ подчивалъ, и черезъ нѣсколько дней потомъ вздумалъ угостить насъ еще разъ, особеннымъ праздникомъ, который былъ для насъ занимательнѣе всѣхъ другихъ. По милостивому позволенію, выпрошенному подъ рукою у Вице-Короля, намъ позволено было посѣтить настоящую Китайскую землю, ту часть города, которая простирается по другому берегу Тигровой рѣки, противъ факторій. Тамъ былъ устроенъ у нашего знакомца превосходный садъ, и онъ, казалось, былъ въ совершенномъ восторгѣ, что можетъ принять и угостить насъ въ настоящемъ своемъ домѣ. Будучи отличенъ званіемъ мандарина, съ золотыми шариками, и человѣкъ весьма богатый, Панъ-ке-куа имѣлъ значительный вѣсъ въ той части города, гдѣ жилъ, и по этому могъ распорядиться такъ, чтобы мы не были оскорблены Китайскимъ непріязненнымъ простолюдьемъ. Родъ особеннаго надзирателя, ловкій Китаецъ сопровождалъ насъ, и безпрестанно повторялъ какія-то шипящія слова, послѣ чего никто изъ проходящихъ не показывалъ неудовольствія, видя насъ въ запрещенной части горо-

да. По мѣрѣ приближенія нашего къ Китайскому отдѣленію, лучше и красивѣе раскрывалась передъ нами картина его, съ высокими башнями, фигурными воротами, выгнутыми, угловатыми кровлями зданій. При вступленіи въ городскія ворота, могли мы обозрѣть всю пеструю общность города. Чѣмъ далѣе шли мы, тѣмъ оживленнѣе и веселѣе являлась она передъ нами, перерѣзанная каналами, обставленная набережными и магазинами, гдѣ безпрестанно складывали товары съ большихъ лодокъ. Множество узкихъ, но освѣженныхъ чистымъ воздухомъ улицъ, представляли намъ, по обѣ стороны, ряды домовъ, прочно построенныхъ, и отъ одного мѣста до другаго обширныя отдѣленія, закрытыя заборами. Эти заборы означали жилища мандариновъ. Черезъ четверть часа ходьбы, путеводитель нашъ остановился подлѣ низенькихъ, незначительной наружности воротъ; онѣ отворились по данному отъ него знаку. Мы вступили въ нанятственное Китайское жилище, убѣжище нашего почтеннаго Панъке-куа. Ворота были со сводомъ внутрь жилища, и по какому-то темному корридору прошли мы до низенькой залы, составлявшей самую средину жилья. Отсюда, во всѣхъ направленіяхъ, видны были переходы, аллеи, дворики, образовывавшіе собою что-то похожее на лабиринтъ.

Хозяинъ ожидалъ насъ въ главномъ отдѣленіи дома, на срединѣ почетной комнаты. Едва успѣли мы отвѣчать на его Китайскія привѣтствія нашими Европейскими учтивостями, намъ подали

чай и конфекты. Убранство этой пріемной комнаты было богато, но безъ всякаго вкуса въ уборкѣ; ее составляла смѣсь туземныхъ и иноземныхъ украшеній и мебелей, и все это было наставлено, набросано безъ порядка. Французскія зеркала, неловко поставленныя, закрывали стѣны, а часами съ музыкою были заставлены всѣ столы. Изъ четырехъ сторонъ комнаты, три казались совершенно глухими; четвертая была открыта, въ садъ, во всю длину и вышину. На-зиму, эта сторона задвигается бамбуковою плетушкою, убранною черепками устрицъ, обдѣланными весьма искусно, но такая подвижная закрышка дѣлаетъ комнату темною, и худо защищаетъ отъ холода.

Задняя часть комнаты была занята высокимъ, узкимъ столомъ, въ видѣ жертвенника, и на немъ стояло изображеніе какого-то Китайскаго божества, передъ которымъ разставлены были цвѣты и плоды. Передъ этимъ жертвенникомъ находилось почетное сѣдалище, родъ канапе, возвышеннаго уступомъ надъ поломъ комнаты; оно было сдѣлано изъ полированнаго дерева и украшено зеркальцами. Табуретъ и подушки ставятся на него — первый для того, чтобы положить книгу, поставить чашку съ чаемъ, другія, чтобы сидя опираться на нихъ локтями. Только двое могутъ усѣсться на этомъ почетномъ мѣстѣ, потому что весьма рѣдко три особы одинакаго достоинства сходятся у Китайцевъ для бесѣды. Китайцы сидятъ на-манеръ Турковъ, поджавши подъ себя ноги. Для насъ поставлены были особенныя канапе и

креслы. Закрытыя двери вели изъ почетной комнаты въ другіе внутренніе покои. Въ каждомъ изъ угловъ почетной комнаты поставлены были столики, разнообразнаго вида, убранные различными предметами роскоши — вазами, часами, цвѣтами, музыкальными орудіями, а на одной изъ стѣнъ видѣнъ былъ цѣлый пукъ длинныхъ, тоненькихъ трубокъ; въ разныхъ мѣстахъ висѣли съ пололка лампы, или фонари, зажигаемые только по торжественнымъ днямъ. Одни изъ нихъ дѣлаются прозрачные роговые, въ видѣ шаровъ, другіе изъ цвѣтнаго флера, восьми-угольные, иные стеклянные и бумажные, и всѣ украшаются бахрамами, кистями, стеклянными шариками. Вмѣсто обоевъ, стѣны комнатъ покрываютъ живописью по лаку, на которой золотыми буквами изображаютъ надписи и нравственныя изрѣченія. Въ дни религіозныхъ праздниковъ, Китаецъ нестритъ свою почетную комнату съ удивительною роскошью, развѣшиваетъ въ ней золотыя и шелковыя шкапи, и жжетъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, палочки благовоннаго дерева на своемъ домашнемъ алтарѣ.

Другія комнаты, которыя одну за другою показывалъ намъ хозяинъ, представляли почти такія-же подробности и такую-же уборку. Въ иной только, вмѣсто нравственныхъ изрѣченій, стѣны украшены были довольно грубыми картинами, зеркалами, или сплошною живописью. Но библіотека представляла нѣкоторое отличіе отъ другихъ комнатъ. Множество рукописей было тутъ расположено, въ особенномъ порядкѣ и устройствѣ,

на полочкахъ, укрѣпленныхъ по одной стѣнѣ. Китайцы знаютъ и употребляютъ въ дѣло типографское искусство, но книгъ печатныхъ у нихъ почти нѣтъ; рукописи, писанныя отмѣнно красиво, до сихъ поръ замѣняютъ имъ печатанье. Для письма употребляютъ они сушеныя чернилы, столь извѣстныя у насъ подъ именемъ *туши*, или *Китайскихъ чернилъ;* напираютъ немного размоченной палочки такихъ чернилъ на кусокъ мрамора, или какого нибудь драгоцѣннаго камня, берутъ краску кисточкою, и рисуютъ ею буквы по желтоватой, тонкой, бархатистой на осязаніе бумагѣ, весьма обыкновенной въ Китаѣ, но отмѣнно уважаемой въ Европѣ, подъ названіемъ *Китайской* (depapier de Chine). Кромѣ извѣстнаго намъ рода тонкой бумаги, въ Китаѣ есть еще особенный родъ, который менѣе уважается, но по отдѣлкѣ его гораздо драгоцѣннѣе. Бѣлизна этой бумаги удивительна, а плотность ея такова, что сгибаясь, она не ломается. Такая бумага служитъ обыкновенно для Китайскихъ картинокъ; она чрезвычайно бархатиста, и потому придаетъ изображеніямъ птицъ и цвѣтовъ особенный колоритъ, которому мы подражать не можемъ. — Чернилица, или лучше сказать, писальный камень нашего хозяина, состояла изъ агата, обдѣланнаго въ золото; онъ говорилъ намъ объ ней, какъ о родовой драгоцѣнности; отецъ его написалъ съ этого камня множество письменныхъ памятниковъ, и онъ хотѣлъ передать его своимъ дѣтямъ, чтобы и они также почерпали изъ него наслѣдственныя вдохновенія.

На полочкахъ другой стѣны, пробивъ полочекъ съ книгами, видно было множество разныхъ предметовъ Естествознанія: куски ископаемаго дерева, окаменѣлости, образчики драгоцѣнныхъ каменьевъ, ониксы, агаты, аметисты; тутъ-же были бронзовыя статуйки, и собраніе монетъ, гдѣ находились всѣ роды золотой монеты, какая только обращается въ торговлѣ; каждая изъ нихъ обозначалась Китайскимъ ярлычкомъ; мы видѣли тутъ цехины, суверены, луйдоры, наполеондоры, квадрупли, и проч. — Далѣе разставлены были рѣдкія земныя произведенія: превосходныя издѣлія лаковыя и фарфоровыя, Японскія вещи, весьма уважаемыя въ Китаѣ, по блеску цвѣтовъ и прочности лакировки.

Изъ нижняго этажа перешли мы въ верхнія комнаты, преимущественно назначаемыя для домашняго обихода. Ихъ составляли ряды покоевъ, всѣ съ каминами на холодное время года. Въ каждомъ находились кровати, и все показывало, что тутъ живутъ постоянно, но Мортонъ, давно знакомый съ гаишеномъ, и очень дружный съ нимъ, напрасно просилъ его показать намъ отдѣльныя комнаты, занимаемыя его женами; тщетны были и наши просьбы. Все, что могли мы вымолить у него, состояло въ томъ, что онъ рѣшился показать намъ свою церемоніяльную комнату, гдѣ, съ большою пышностью, развѣшено было его мандаринское одѣяніе и почетное одѣяніе старшей супруги его, какъ жены мандарина.

Одежду мандарина составлялъ широкій, нисходящій ниже колѣнъ, зеленаго цвѣта кафтанъ, съ прорѣзами на обоихъ бокахъ, и съ рукавами широкими и висячими. Кафтанъ этотъ былъ изъ шелковой прочной ткани, цвѣта яркаго, вышитый странными узорами. На груди его изображались два дракона, почетный знакъ достоинства мандаринскаго, оттѣненный на остальномъ пространствѣ фантастическими фигурами, похожими на тѣ, которыя опливаются по шелковой объяри. Открытый спереди, кафтанъ этотъ давалъ замѣтить широкія шелковыя шаровары, къ низу висѣвшія на голенищахъ сапоговъ изъ черной кожи, съ загнутыми носками, съ толстыми подошвами, почти въ вершокъ; сверхъ кафтана надѣвалось агатовое, или коралловое ожерелье. Шляпа — важная часть наряда—была круглая, пуховая, сине-фіолетоваго цвѣта, убранная чернымъ бархатомъ, и на верхушкѣ ея укрѣпленъ былъ синій шарикъ — предметъ честолюбія Китайцевъ, столь-же драгоцѣнный Китайцу, какъ драгоцѣнна Европейцу какая нибудь звѣзда и лента! Шарикъ на шапкѣ есть отличительный, всегдашній знакъ достоинства мандарина — это Китайская табель о рангахъ. Первый классъ мандариновъ носитъ шарики розовые, второй красные, третій синіе. Общность всего этого одѣянія была блестяща и внушала уваженіе. Панъ-ке-куа одѣлся передъ нами въ полный нарядъ свой, и онъ весьма хорошо шелъ къ его физіогноміи, холодной и важной. Для дополненія своей одежды, онъ вынялъ даже, изъ-подъ стекляннаго

колокола, мандаринскій жезлъ свой, который удостоился получить прямо изъ рукъ самого богдыхана. Жезлъ этотъ составляла палочка въ нѣсколько дюймовъ длиною, изъ драгоцѣннаго дерева, въ которое врѣзаны золотыя украшенія. Подлѣ церемоніяльныхъ платьевъ мандарина и супруги его находились драгоцѣнныя украшенія и уборы невидимой подруги Китайскаго чиновника. Этими уборами могла-бы подорожить богатая Европейская дама. Жемчугъ, алмазы въ нѣсколько каратъ, рубины, агаты блистали въ дорогой оправѣ, составляя выборъ щегольской и весьма цѣнный. Не льзя было опредѣлить всему видѣнному нами цѣны, менѣе 300,000 франковъ.

Изъ комнатъ отправились мы въ садъ. Тутъ ничего не было естественнаго, и все было поддѣльное: пригорки, ручейки, ущесы; во всемъ этомъ, при маленькомъ размѣрѣ, являлась какая-то забавная пародія на огромныя созданія природы. Ни одна аллея не протягивалась прямою линіею. Желая достигнуть всевозможнаго смѣшенія всего, что только могъ выдумать, художникъ, при расположеніи сада, не щадилъ ни перспективы, ни сильныхъ оптическихъ печалностей. Каждый предметъ, казалось, поставленъ былъ тутъ съ намѣреніемъ удивить; для этого взрыли тутъ землю, наставили на ней кіосковъ самыхъ странныхъ формъ, навалили ущесовъ, накопали водопадовъ, набросали мостиковъ, исковеркали деревья и расставили лужки; все въ этомъ загороженномъ углу было направлено къ миніатюрному передраз-

ниванью красотъ дикихъ и величественныхъ, какъ будто хотѣли этимъ утѣшить бѣдныхъ затворницъ, супругъ мандарина, которымъ, какъ всѣмъ женщинамъ въ Китаѣ, строго запрещенъ свободный воздухъ полей и лѣсовъ. Тутъ могутъ онѣ, заперныя въ стѣнахъ, лишенныя даже способности ходить, въ маломъ видѣ наслаждаться поддѣлкою всего, что внѣ тюрьмы ихъ свободно творитъ могущая природа. Зимою, когда дождь препятствуетъ гулять по дорожкамъ сада, усыпаннымъ пескомъ, террасы изъ плитняка, или изъ муравленыхъ кирпичей, представляютъ имъ мѣста для прогулки, безъ опасенія вымочить свои крошечныя ножки.

Насъ поразило всего болѣе въ этомъ саду, не устройство поддѣльныхъ холмовъ и утесовъ, не извилины лабиринтовъ, не уродливость разнообразныхъ мостиковъ, не кіоски съ цвѣтными стеклами, но блескъ, красота, благоуханіе тысячи цвѣтовъ, всюду пестрѣвшихъ передъ нами. Хозяинъ показывалъ намъ цвѣты свои одинъ послѣ другаго, и страхъ какъ гордился ими. «Шесть садовъ почтеннаго господина Тати-пхай-дзина,» говорилъ онъ, «самые великолѣпные во всемъ Кантонѣ, не представятъ вамъ такого богатства и разнообразія камелій, какъ мой маленькій садикъ!» Въ самомъ дѣлѣ, трудно было даже исчислить все разнообразіе этихъ прелестныхъ цвѣтовъ. Цѣлая аллея была убрана ими. Тутъ видно было еще множество деревьевъ въ маломъ видѣ— буковъ, ясеней, вязовъ, возращенныхъ искусственно, въ формахъ и видѣ настоящихъ буковъ, ясеней и

вязовъ. Иной изъ такихъ уродцевъ росъ еще притомъ на спинѣ фарфороваго буйвола, на головѣ птицы, на хвостѣ собаки. Въ такихъ нелѣпыхъ изобрѣтеніяхъ, чѣмъ страннѣе мысль, чѣмъ труднѣе исполнить ее, тѣмъ болѣе прельщаешь она Китайца; не соразмѣрность, но неправильность есть для него самое высшее выраженіе искусства. Коверкать природу, придавашь ей каррикатурный видъ уродливой старухи, переворачивашь стройность ея, такъ, чтобы произрастаніе являлось угловатое и горбатое — вотъ къ чему стремится искусство Китайскаго садовника. Не хотятъ-ли этимъ Китайцы показать намъ эмблемму образованія своего, дряхлаго, тощаго, и между тѣмъ ухищреннаго, и гордаго именно этою ухищренностью?

Подробное разсмотрѣніе Китайскаго дома и житья, продолжительная прогулка по садамъ, и вниманіе къ тому что мы видѣли, все это заставило насъ обрадоваться обѣду, и потомъ пообѣдать очень хорошо; къ тому-же и обѣдъ на этотъ разъ былъ безъ чиновъ, а кушанья Китайскія перемѣшаны были съ Англійскими. Вмѣсто теплаго камчу, къ десерту хозяинъ велѣлъ принести превосходнаго Шампанскаго. Баронъ встрѣтилъ этого пришельца изъ Европы, какъ стараго, добраго знакомаго, а я какъ земляка. Мы охотно пили его оба, Моршонъ не думалъ уступать, и даже самъ гостепріимный Панъ-ке-куа соединился съ гостями. Подвеселясь нѣсколькими бокалами Шампанскаго, этотъ Китаецъ сталъ совсѣмъ другой человѣкъ — шутилъ,

смѣялся, рѣшился даже—показать намъ, но только какъ можно скрытнѣе и осторожнѣе, одну изъ женъ своихъ; она гуляла въ саду, и мы, спрятанные за садовыми куртинами, могли хорошо разсмотрѣть супругу мандарина, ребенка, котораго вела она за руку, и служанку, шедшую за ними. Одежду госпожи составляло длинное шелковое платье, богато вышитое, и немного разрѣзанное къ низу, спереди, шакъ, что можно было видѣть изъ-подъ него широкую исподницу, сшитую изъ легкой шафты. Полусапожки, сжатые на ступнѣ, и широкіе къ верху, были превосходной работы. Молодая и красивая, не смотря на узкіе глаза, Китайская красавица отличалась особенно искусною уборкою волосовъ, собранныхъ на темѣ головы, и точно полированныхъ — шакъ сильно были они намаслены. На лбу у нея былъ надѣтъ родъ *севинье*, съ брильянтомъ, а по обѣимъ сторонамъ головной уборки приколоты искуственные цвѣты. Серьги и ожерелья изъ благовонныхъ шариковъ дополняли уборъ. На лицѣ, бѣломъ и румяномъ, видны были слѣды большаго употребленія притираньевъ. Брови явно выведены были черною краскою, и яркій алый цвѣтъ нижней губы ротика также обличалъ подкраску. Дитя и служанка не представляли собою ничего особеннаго. У служанки видно было въ головной уборкѣ нѣсколько длинныхъ булавокъ, заколотыхъ на манеръ Тирольскій, и, по обычаю всѣхъ простолюдинокъ, у кистей рукъ ея были надѣты оловянныя, грубой работы запястья.

Съ перваго взгляда можно было замѣтить, что жена нашего ласковаго хозяина, какъ и всѣ Китайки, была почти совершенно лишена употребленія ногъ. Она не шла — она едва плащилась, шаталась на ногахъ, и ее можно было почесть разслабленною ногами. Этому неудобству подвергаются почетныя Китайки, по милости нелѣпой уродливости, на которую осуждаютъ ихъ съ самаго дѣтства. Малостью ноги измѣряется здѣсь преимущественно званія для женщины, и отъ того съ дѣтства подвергаютъ бѣдныхъ дѣвочекъ ужасной пыткѣ, зашивая имъ ноги въ крѣпкія перевязки; четыре пальца подгибаются отъ этого подъ подошву насильно, и только одинъ большой палецъ образуетъ окончаніе ноги. Въ слѣдствіе такого мучительнаго принужденія природы, нога взрослой Китайки рѣдко бываетъ болѣе $5\frac{1}{2}$ дюймовъ въ ступнѣ.

Доставивъ намъ удовольствіе видѣть то, что строго запрещено показывать Европейцамъ, хозяинъ нашъ повелъ насъ въ комнату, гдѣ собрались тогда его дѣти и внучата. Ихъ было всѣхъ около десятка, и надъ ними надзиралъ учитель— настоящая фарфоровая Китайская кукла. Маленькіе Китайцы разыгрались съ нами, и угрюмый педагогъ напрасно журилъ и унималъ ихъ. Дѣти были рѣзвы, веселы, бѣленькія, краснощекія, но уже отличенныя типомъ туземной физіогноміи. Съ пяти лѣтъ, каждый изъ нихъ начинаетъ свое ученье, подъ руководствомъ узкоглазаго философа-учителя, и каждый до 16-ти лѣтъ долженъ корпѣть надъ

простонародною грамотою, послѣ чего переходишь къ высшей азбукѣ мандаринской.

Когда мы вышли изъ дѣтской комнаты, было уже четыре часа по полудни. Мы все видѣли въ домѣ нашего пріятеля, и обиталище Китайское сдѣлалось для насъ тягостнымъ; его запрещныя стѣны, его поддѣльная природа, воздухъ его, тяжелый и душный, все это заставляло насъ желать поскорѣе дохнуть внѣшнимъ воздухомъ, освѣжиться полемъ, свободнымъ небосклономъ. Мы простились съ хозяиномъ, въ самыхъ нѣжныхъ и дружескихъ выраженіяхъ.

Едва ступили мы за порогъ, какъ намъ пришло въ голову, что смѣшно будетъ ворошиться въ факторію, не испытавши маленькой прогулки по запрещенной Китайской землѣ. Моршонъ, правда, говорилъ намъ, что эта сторона предмѣстья не слишкомъ безопасна для иноземца, но при веселомъ расположеніи духа, въ какомъ всѣ мы были тогда, едва-ли благоразумная осторожность могла одержать преимущество надъ другими желаніями. Мы согласно положили отважиться на опасное путешествіе между Китайцами. При пособіи двухъ золотыхъ монетокъ, факторъ ганисца согласился провожать насъ и удалять всякія опасности.

Едва ступили мы сотню шаговъ, какъ уже были награждены за нашу смѣлость новыми открытіями. Чего не могла представить намъ внутренность Кантона, чего недоставало въ нашихъ прогулкахъ по городу полу-Европейскому—правы, совершенно Китайскіе, обычаи, одежды, физіономіи, безъ при-

мѣси чуждаго, все это встрѣтили мы немедленно. При поворотѣ въ одну улицу, лицомъ къ лицу увидѣли мы какого-то бѣдняка, осужденнаго на наказаніе *кангою*. Полицейскій служитель велъ его на желѣзной цѣпи, держа въ рукахъ плеть. Европейцы называютъ *кангой*, орудіе казни, которое Китайцы именуютъ *га*. Это собственно два толстые деревянные отрубка, у которыхъ съ внутренней стороны вырублены полукружія. Вложивъ шею преступника въ кругъ, образуемый ими, накрѣпко соединяютъ обѣ половины, и мандаринская печать, наложенная на спай отрубковъ, гдѣ на широкой бумагѣ описывается преступленіе и приговоръ, удерживаетъ сторожа отъ всѣхъ покушеній на жалость, и отъ подкупа, могущаго облегчить страданіе осужденнаго. Въ двѣ другія дыры, сосѣдственныя такимъ-же образомъ, вкладываются руки преступника. Тяжесть канги бываетъ отъ 60-ти до 200 фунтовъ, смотря по мѣрѣ преступленія и строгости приговора. Уложеніе подробно объясняетъ, какимъ образомъ, по какому случаю и сколько времени должна канга обременять плеча и шею виновнаго. Наказаніе продолжается иногда мѣсяцъ, два, три, и даже четыре, безпрерывно. Каждый день служители правосудія приходятъ въ темницы за тѣми преступниками, которымъ опредѣлено въ тотъ день являть на себѣ всенародному позору зрѣлище своихъ мученій и неумолимой строгости правосудія. Преступниковъ тащатъ на цѣпяхъ къ городскимъ воротамъ, или на большія площади. Тутъ даютъ имъ

средства облегчать тяжесть канги только тѣмъ что позволяютъ прислониться къ стѣнѣ, или къ дереву. Но такой отдыхъ бываетъ непродолжителенъ. Полагая, что преступникъ перевелъ дыханіе, приставникъ бьетъ его плетью, и заставляетъ снова идти и нести свою тяжкую колодку. Несчастный жалостно умоляетъ прохожихъ смиловаться надъ нимъ; умирая отъ голода и жажды, онъ питается только тѣмъ, что жалостливые люди положатъ ему въ ротъ, но изъ тысячи людей, ругающихъ его, едва-ли находится одинъ, который дастъ бѣдняку какую нибудь горсть пшена. Осужденный, встрѣтившійся съ нами и согбенный подъ тяжестью канги, казался однакожъ веселъ и беззаботенъ; увидя насъ, онъ началъ просить милостыни, и мы отвѣчали ему парою піастровъ, которая, кажется, очень хорошо утѣшила его и облегчила его страданія.

Мы достигли наконецъ до конца предмѣстья, гдѣ увидѣли отрядъ Монгольскій, охраняющій городъ съ этой стороны. Солдаты, составлявшіе здѣсь стражу, были двухъ разборовъ: одни принадлежавшіе къ обыкновенной милиціи; другіе изъ корпуса избранныхъ войскъ, недавно прибывшаго изъ внутреннихъ областей. Одѣяніе первыхъ грубо, неудобно, обременено непужнымъ излишествомъ. Двойной кафтанъ, сходящій до икръ, кираса изъ китайки, съ металлическими бляхами, желѣзная шапка, съ пукомъ крашенныхъ волосовъ на остроконечной верхушкѣ, колчанъ съ стрѣлами, висящій назади плечъ, коробка, родъ чемодана, свѣшенная

на правомъ боку, гдѣ находятся лукъ и запасныя стрѣлы, все это, взятое порознь и вмѣстѣ, не представляетъ ничего, ни воинскаго, ни щеголеватаго. Намъ гораздо красивѣе показалось одѣяніе избраннаго войска, которое миссіонеры называютъ *военными тиграми;* оно легко, и состоитъ изъ сплошныхъ шароваровъ и курпки, полосатыхъ, съ капишономъ на головѣ изъ той-же ткани, кончащимся съ верху двумя полумѣсяцами, которые довольно похоже изображаютъ уши тигра: отъ этой забавной прибавки къ головѣ воина, и отъ полосатой одежды, обтянутой по всему тѣлу, произошло названіе «военныхъ тигровъ.» Вооруженіе этихъ тигровъ заключается въ довольно плохой саблѣ, и щитѣ изъ ивовыхъ прутьевъ и крѣпкаго бамбука, столь хорошо переплетенныхъ, что щитъ этотъ выдерживаетъ самые жестокіе удары меча. На такомъ защитительномъ оружіи рисуются обыкновенно волшебные знаки, или какія нибудь нелѣпыя, вымышленныя чудовища.

Военная стража пропустила насъ безъ всякаго спроса, и мы спокойно вышли въ чистое поле. Всю окрестность покрываютъ тутъ обширные посѣвы сарачинскаго пшена, попеременно съ четыреугольными полями пшеницы и бакчами овощей. Каналы усѣяны жонками, плавающими во всѣхъ направленіяхъ, и придающими всей сторонѣ этой видъ дѣятельности и довольства. По мѣрѣ удаленія нашего отъ города, физіогноміи людей, встрѣчавшихся съ нами, являлись недовѣрчивѣе, и безъ сомнѣнія, если-бы столкнулись мы съ кучею народа,

а не встрѣчали Китайцевъ по-одиначкѣ, непріятное приключеніе могло-бы кончить нашу отважную прогулку.

Въ затишьѣ долины рѣшились мы отдохнуть, и съ удовольствіемъ смотрѣли здѣсь на семейство какого-то Китайскаго крестьянина. Мать, стоя на ногахъ, и держа въ зубахъ свою трубку, придерживала на спинѣ, посаженнаго въ суму, маленькаго, еще груднаго ребенка. Отецъ, сидя близъ дороги, игралъ съ другимъ дитятей, между тѣмъ какъ третье дитя, расположивъ передъ собою свою чашку пшена, съ палочками въ рукахъ, принималось за ѣду. Одежда отца не разнилась отъ одежды городскихъ жителей; на поясѣ у него видны были мѣшокъ съ табакомъ, ножны для ножа, кремень и огниво. Мать, въ цвѣтномъ китайчатомъ платьѣ, показывала щегольство только въ головномъ уборѣ; волосы ея были такъ хорошо причесаны, какъ будто у знатной Кантонской дамы, и такъ напитаны масломъ, что ихъ можно было почесть лакированными. Сзади головы была завязанъ кожаный ремень, и все это скрѣплялось маленькими черепаховыми и костяными булавками.

Далѣе увидѣли мы нѣчто болѣе любопытное: это былъ развощикъ съѣстныхъ припасовъ, катившій въ городъ товаръ свой, въ тѣлежкѣ съ парусомъ. Лоскутъ ткани, растянутый на двухъ палкахъ, на концѣ тѣлежки, двигалъ по вѣтру кочевую лавочку и облегчалъ трудъ его. Въ тѣлежкѣ были накладены травы, стоялъ ящикъ съ чаемъ, и кромѣ того корзины съ фруктами. Трудно

представить себѣ необыкновенную силу, какую придастъ вѣтеръ парусу шлежки.

Мы рѣшились-бы на прогулку гораздо далѣе, еслибы не убѣдилъ насъ въ противномъ нашъ Китайскій проводникъ. Опасеніе его было такъ основательно, что мы наконецъ уступили его просьбамъ, требуя, чтобы за то, онъ показалъ намъ какой нибудь пагодъ. Онъ обѣщалъ, и черезъ двадцать минутъ ходьбы очутились мы передъ входомъ Китайскаго капища. Капище это выходило во дворъ, обнесенный высокими стѣнами, оканчиваясь длиннымъ сводомъ къ внутренней залѣ. Все это было построено тяжело, безвкусно, скорѣе въ Индійскомъ, нежели въ туземномъ родѣ устройства воздушныхъ *та*. Внутри видны были четыре деревянные болвана, футовъ по двадцати вышиною, сидящіе, и довольно соразмѣрныхъ формъ. Поставленные по угламъ храма, каждый изъ нихъ показывалъ особенный характеръ; съ одной стороны видны были два генія зла, съ другой два генія добра. Первые изображали собою самыя отвратительныя фигуры, какія только можете себѣ представить гаже. Мужчина, вымазанный краснымъ, съ волосами Медузы, съ черными усами, съ кровавыми глазами, съ кабаньими клыками во рту, держалъ въ рукѣ огромную саблю, какъ будто угрожая всякому приходящему; женщина, безобразная и огромная подобно мужчинѣ, по одеждѣ и по всему походила на самую злую вѣдьму, какая только когда нибудь являлась въ чертовскихъ шабашахъ на своемъ помелѣ. Двѣ противоположныя имъ фигуры ра-

зительно отличались отъ нихъ; онѣ изображали старика и старуху, съ опущенными въ землю глазами, съ руками, положенными на колѣни; ихъ зеленая одежда, ихъ спокойное и привѣтливое положеніе, являли въ нихъ божества кротків и благотворительныя.

Въ глубинѣ внутренней ограды находится главный пагодъ, родъ прямоугольнаго сарая, съ крышею въ двойную пирамиду, съ покрышкою на вершинахъ муравленою черепицею. Зданіе пагода было пусто, когда мы вошли въ него; въ меньшемъ видѣ, оно напоминало намъ пагоды Пондишери и Мадраса. Главный алтарь, съ мѣдными подсвѣчниками, съ расписными въ подсвѣчникахъ свѣчами, съ вазами, наполненными искусственныхъ цвѣтовъ, и съ покрышкою въ родѣ сѣни, а выше ея съ позолоченною статуею, изображающею сидящаго человѣка, въ естественную величину, вотъ все, что поразило взоры наши въ этомъ святилищѣ. Статуя представляла *Фо*, Китайскаго Будду, обожаемаго въ Китаѣ всѣми низшими званіями; но всѣ высшія званія слѣдуютъ здѣсь религіи Конфуція.

Главные обряды Буддійскаго вѣрованія Китайцевъ совершаются въ новолуніе. Тогда бонза, или жрецъ, окуганный своею эпипрахилью, приходитъ въ пагодъ пѣть установленныя молитвы, и всѣ присутствующіе повторяютъ ихъ хоромъ, стоя на колѣняхъ.

Случилось такъ, что едва вошли мы въ пагодъ, бонзы вступили въ него, для посвященія двухъ кандидатовъ въ званіе бонзъ. Каждый бонза по-

мѣстился на круглой рогожкѣ, въ разстояніи фу-товъ трехъ одинъ отъ другихъ, образуя такимъ образомъ кругъ, которому центромъ служилъ главный начальникъ. Этотъ жрецъ одѣтъ былъ въ широкое фіолетовое платье, а другіе бонзы въ желтыя платья. Стоя на ногахъ, сложа руки на груди, отъ времени до времени падали всѣ они на колѣни, по нѣскольку разъ ударяясь головою въ полъ, и потомъ вставали опять.

За молитвою слѣдовалъ обрядъ, въ которомъ участвовали всѣ сорокъ два бонзы и два новые ставленика, одѣтые еще въ свѣтское платье. Только послѣ окончательныхъ молитвъ, оба ставленика начали брать съ алтаря, штуку за штукою, духовное облаченіе, и показались наконецъ въ одеждѣ жреческой, сѣраго цвѣта, съ большими рукавами, и съ головою совершенно обритою.

Когда обрядъ посвященія кончился, одинъ изъ бонзовъ подошелъ къ намъ, прося подаянія. Едва бросили мы нѣсколько серебряныхъ монетъ въ кошелекъ его, онъ пригласилъ насъ осмотрѣть строенія, назначенныя для жительства жрецовъ пагода. Строенія эти состоятъ изъ длинныхъ, грубыхъ, низенькихъ, выбѣленныхъ снаружи зданій, раздѣленныхъ внутри на маленькія кельи, футовъ по восьми квадратныхъ каждая, составляя такимъ образомъ нечистыя, душныя, темныя капуры, украшенныя изображеніями идоловъ и крашеными картинками. Кухня и пекарня, надзираемыя бонзами, казались не такъ гадки; нѣсколько грубыхъ орудій для работы, глиняные горшки, и особенно огромный же-

лѣзный котелъ, вмазанный въ печь, составляли всѣ украшенія и снаряды обоихъ заведеній. Трапеза была устроена нѣсколько нарядиѣе; алтарь занималъ въ ней углубленіе, и нѣсколько картинокъ украшали стѣны. Тутъ видѣли мы столы и скамьи, и на каждомъ и на каждой изъ нихъ было означено имя бонза, который имѣлъ право хозяйничать тѣмъ и другимъ. Обыкновенная пища Китайскихъ бонзовъ состоитъ изъ пшена и овощей; мясо имъ запрещено.

Уставъ обрекаетъ также бонзовъ на строгое цѣломудріе. Изъ всего этого видно, что установленіе Китайскихъ бонзовъ похоже на наши Католическіе монашескіе ордена, и даже по самому платью своему бонзы походятъ на нашихъ монаховъ. Только среди низшихъ званій Китайскіе бонзы пользуются нѣкоторымъ уваженіемъ; они астрологи и хироманшики, торгуютъ предвѣщаніями худа и добра, опредѣляютъ счастливые и несчастливые дни, совѣтуютъ и приказываютъ простолюдинамъ во имя своего бога. Имъ принадлежитъ весь мѣлкій обиходъ домашняго богослуженія Китайцевъ, всѣ эти идолы, вымазанные краснымъ, иногда одинакіе, иногда тройные, передъ которыми день и ночь горятъ лампадки въ лавкѣ Китайскаго торгаша, кампанѣ моряка, мастерской ремесленника, хижинѣ земледѣльца.

Кромѣ мужскихъ обителей, есть также, какъ говорятъ, обители бонзокъ, но до сихъ поръ Европейцы не имѣли возможности повѣрить, до какой степени справедлива эта молва. Впрочемъ, если

она и правда, Европейцамъ невозможно ничего узнать о нравахъ Китайскихъ монахинь, ихъ религіозномъ значеніи, вліяніи ихъ на общество и образованіи ихъ.

Прежде нежели мы оставили пагодъ, бонза, путеводитель нашъ, непремѣнно хотѣлъ показать намъ еще священныхъ свиней, питаемыхъ въ пагодахъ благоговѣніемъ поклонниковъ. Блаженныя эти живопныя едва ходятъ съ жиру; назначенныя жить и спокойно умереть во храмѣ, они дѣлаютъ собою честь щедрому усердію благочестивыхъ подавателей милостыни. Имъ не страшенъ ножъ жертвоприношенія, потому что, какъ я сказалъ выше, употребленіе мяса воспрещается бонзамъ, и запрещеніе это они соблюдаютъ строго. Священнымъ свиньямъ пагода остается околѣвать отъ пресыщенія, либо отъ старости.

Хорошо осмотрѣвъ пагодъ и жилища бонзовъ, мы отправились наконецъ по дорогѣ къ факторіямъ. Было уже очень поздно, и Китайцы, какъ намъ казалось, пришли въ неописанное негодованіе, едва увидѣли трехъ Европейцевъ, спокойно идущихъ по запрещеннымъ предмѣстіямъ Кантона, и даже прилежно заглядывающихъ въ лицо каждой Китайкѣ, которая попадалась на встрѣчу. При переходѣ черезъ одну изъ площадей Кантонскихъ, досада узкоглазаго народа чуть было не перешла въ настоящее возстаніе противъ насъ. Баронъ подошелъ къ какой-то лавкѣ, будто торговать разложенные тутъ фрукты, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы разглядѣть поближе хорошенькую голов-

ку молодой Китайской лавочницы. Старикъ отецъ ея взбѣсился, закричалъ, звалъ на помощь земляковъ, и вотъ—сосѣди и прохожіе сбѣжались съ длинными бамбуковинами. Доходило до того, что только при помощи нашего оружія могли-бы мы спастись отъ разъяренной толпы, и то, вѣроятно, кое-какъ, избитые, ограбленные. Но къ счастью нашему, въ паланкинѣ, мимо насъ, несли въ это время полицейскаго мандарина здѣшней части города. Почтенный блюститель правосудія бросился на шумъ, и піастровъ за дюжину обдѣлалъ все превосходно, потому что съ помощію звонкой монеты въ Китаѣ можно дѣлать все что угодно. Мы благополучно доспѣли домой, поплатившись только испугомъ и деньгами. День, проведенный нами, былъ не безъ усталости и не безъ убытка, но чего не наглядѣлись мы за то въ Китаѣ *въ одинъ день?*

ГЛАВА XXXVII.

КИТАЙ. СНОШЕНІЯ СЪ ЕВРОПЕЙЦАМИ. ПОСОЛЬСТВА. НЕЙГОФЪ, МАКАРТНЕЙ, ТЗИНТЗИНГЪ И ФАНЪ-БРАМЪ, ЛИНДЗЕЙ И ГУТЦЛАВЪ.

Слишкомъ продолжительна и—сдва-ли не безполезна была-бы исторія первобытныхъ временъ Китая — смѣсь догадокъ и предположеній, а не вѣрныхъ фактовъ, дѣло безконечныхъ споровъ, гдѣ уже сколь давно бьются Европейскіе историки и изслѣдователи. Въ безразсудномъ ослѣпленіи хвастливою ученостью Китайцевъ, многіе, а особливо миссіонеры, считавшіе Китай вторую отчизною, и честь Китайцевъ своею честью, до безмѣрности увеличили могущество, образованіе, мудрость и древность земли, которую старались просвѣтить проповѣдью Евангелія. Въ новѣйшее время, безпристрастная повѣрка уничтожила уже многое изъ ошибокъ, сдѣлавшихся почти общимъ повѣрьемъ. Теперь идетъ война системъ и ученой тактики—памъ она вовсе нелюбопытна.

Что не подвержено спору, это рѣшительное незнаніе Китая древними Греками и Римлянами. Ни Омиръ, ни Иродотъ не говорятъ о Китайцахъ. Утверждали нѣкоторые, будто Императорскій Римъ имѣлъ сношенія съ ними, и ихъ землю означалъ названіемъ *Шелковой земли* (Серики). Утверждались въ этомъ на словахъ Флора, писавшаго черезъ сто лѣтъ послѣ Августа, и говорившаго о посольствѣ Сериковъ къ этому императору, но объ этомъ посольствѣ не упоминаетъ ни одинъ современный писатель.

Дѣло выходитъ опять спорное, такое, которое трудно опровергнуть, и еще труднѣе доказать. Тоже надобно сказать и о глубокой древности Китая, утверждаемой Китайскими книгами, гдѣ столько лжей и преувеличеній, и вычеты астрономическіе оказываются невѣрны. Царствованія *Фу-Ги* и *Гоангъ-Ти*, будто-бы за четыре тысячи лѣтъ до Р. Х., и владычество *Яо*, болѣе близкое и болѣе славное, также такія дѣла, которыя прежде надобно доказать, а потомъ разсказывать, какъ достовѣрную быль. Безпорядокъ и темнота прекращаются со временъ *Конфуція* (Кунгъ-Дзея), перваго историка Китайскаго, такъ-же, какъ былъ онъ первый Китайскій нравоучитель. Конфуцій опредѣлилъ порядокъ династій царскихъ и правильное лѣточисліе Китайское.

Сколько можно разсмотрѣть изъ всего, престолъ былъ наслѣдственный въ Китаѣ почти за 2000 лѣтъ до Р. Х., но законное наслѣдованіе его не оставалось безъ смятеній и жестокой борьбы,

какъ думали это прежде. Во времена новѣйшія, когда лѣтописи Китайцевъ являются болѣе достовѣрны, въ теченіе восмнадцати столѣтій, мы видимъ восмнадцать династій, слѣдовавшихъ одна за другою. Изъ числа ихъ ни одна не прекращалась за недостаткомъ наслѣдниковъ, и всѣ были низвергнуты насильственно, иная измѣною министра, другая возмущеніемъ полководца. Перемѣны, колебавшія весь Китай, странно противорѣчатъ неподвижности законовъ, нравовъ, языка и обычаевъ Китайскаго народа. Если отъ этого общаго факта перейдемъ къ изслѣдованію частностей, безъ сомнѣнія, мы найдемъ въ длинномъ спискѣ богдыхановъ, о которыхъ говорятъ Китайскіе лѣтописцы, нѣсколько властителей благодѣтельныхъ, справедливыхъ, добродѣтельныхъ и просвѣщенныхъ, но гораздо большее число было тиранновъ, безъ вѣры и правды, отцовъ, губившихъ дѣтей своихъ, дѣтей, возставшихъ на отцовъ. Какъ всякая другая исторія (Азіятская), и болѣе нежели другая, Китайская исторія представляетъ намъ возмущенія народа и вельможъ, бѣдствія, страшныя расплаты за злодѣйство, изгнанія и междоусобія.

Постоянныя сношенія Китая съ Европою восходятъ не далѣе трехъ-сотъ лѣтъ, хотя и прежде этого времени, нѣкоторые изъ неутомимыхъ искателей приключеній отдѣльно посѣщали Китай. Первымъ изъ всѣхъ былъ, кажется, монахъ, котораго Китайцы называютъ *О-ло-пенъ*, и котораго имени и Европейской отчизны мы не можемъ раз-

гадать изъ этого испорченнаго названія. Догадываются, что это былъ Сирійянинъ, сектаторъ церкви Монофизитовъ. Онъ прибылъ въ Си-анъ-Фу, въ девятый годъ чингъ-куанъ (535-й отъ Р. Х.), въ царствованіе великаго богдыхана Тай-Тсунга, истиннаго основателя династіи Тангъ. Богдыханъ—говорятъ Китайскія лѣтописи—отправилъ своихъ чиновниковъ на встрѣчу Олопена, даже до западнаго предмѣстія столицы, ввелъ его въ свои чертоги, и приказалъ перевесть священныя книги, имъ представленныя. Надпись, найденная въ Си-анъ-Фу, будто-бы относящаяся къ 781-му году по Р. Х., извѣщаетъ насъ о слѣдствіяхъ этой первоначальной миссіи. Олопенъ изложилъ богдыхану свое ученіе; мудрецы Китайскіе отозвались объ немъ благосклонно, и самъ богдыханъ утвердилъ его, говоря, что всякая вѣра можетъ быть хороша, смотря по мѣсту и времени. Тогда построили храмъ, которому дали двадцать одного священника, и на памятникѣ Си-анъ-Фускомъ надписали, что истинный законъ, позабытый въ Китаѣ при династіи Чеу, и унесенный на западъ Лао-Тзеу, являлся возвратившимся къ своему первоначальному источнику, для умноженія славы царствованія великаго поколѣнія Тангъ, владѣющаго Китаемъ. Религія Олопена, или *Христіанская,* какъ говорили потомъ миссіонеры, основалась такимъ образомъ въ Китаѣ съ древнѣйшихъ временъ. Но *Христіанство-ли* это было? И если Христіанство, то, вѣроятно, это была *Несторіянская ересь,* столь сильная въ Азіи. Въ Китаѣ держалась церковь Олопе-

нова около 200-ти лѣтъ, и потомъ уничтожилась казнью и изгнаніемъ ея послѣдователей, по причинѣ перемѣны династіи, или по опасеніямъ политическимъ.

Въ началѣ XIII-го вѣка, множество Греческихъ христіанъ явилось въ Китаѣ, въ слѣдъ за побѣдоносными полчищами Чингизъ-Хана, завоевавшими Китай. Монгольскіе государи, даже покровительствовали обращенію новыхъ своихъ подданныхъ. *Хубилай-Ханъ, Ши-тзу* по Китайскимъ лѣтописямъ, основавъ пребываніе свое въ Пекинѣ, далъ Католическимъ миссіонерамъ землю внутри города, для построенія церкви. Политика Монголовъ, дѣйствительно, требовала уменьшенія новою религіею силы древнихъ установленій и прежнихъ вѣрованій Китая. Впрочемъ, Монголы и не были уже тогда такими варварами, какъ спараются представить ихъ многіе историки. Ученые изъ Балка и Самарканда, слѣдовавшіе за Татарскою арміею, передали Китайцамъ первыя начала Астрономіи, заимствованныя ими отъ Арабовъ; съ большими издержками привезены были усовершенствованные инструменты для наблюденій, произведены наблюденія, передѣланъ туземный календарь. Тогда-же соединили длиннымъ каналомъ, требовавшимъ великихъ усилій, двѣ части Китая, дотолѣ раздѣленныя, и устроили систему водоходства внутренняго, отъ которой далеко отстала нынѣшняя система водныхъ сообщеній въ Китаѣ.

Около этого времени посѣтилъ Китайцевъ *Маркъ-Павелъ*, этотъ чудесный путешественникъ,

котораго по возвращеніи его на родину, въ Венецію, почли лжецомъ и мечтателемъ. Въ юныхъ лѣтахъ явился онъ съ отцомъ своимъ при Дворѣ Хубилая, сдѣлался любимцемъ этого государя, и зная языки Татарскій и Китайскій, путешествуя въ качествѣ посланника отъ владыки Китая и Монголіи, въ земляхъ Татарскихъ, Китайскихъ, по островамъ Зондскимъ, въ странахъ Сіамцевъ и Бирмановъ, первый изъ всѣхъ Европейцевъ могъ онъ передать Европѣ достовѣрныя свѣдѣнія о Восточной Азіи, богатствъ которой тогда и не подозрѣвали. По возвращеніи въ отчизну, послѣ 16 ти лѣтняго отсутствія, Маркъ-Павелъ разсказывалъ землякамъ обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ. Слушатели его пожимали плечами, смотрѣли на него съ видомъ жалкаго недовѣрія, и такъ какъ безпрестанно говорилъ онъ о мильонахъ, то его и не называли иначе, какъ *il signor Marco millione* (Господинъ Маркъ мильонщикъ). Къ счастію Марка, его отдаленныя путешествія принесли ему не одно познаніе Азійскаго Востока— онъ воротился богачемъ, и ему мало было нужды, вѣрятъ ему или не вѣрятъ. Не убѣдивъ современниковъ въ истинѣ словъ своихъ, Маркъ хотѣлъ оставить по крайней мѣрѣ потомству память о своей кочевой жизни, и написалъ книгу: *Delle maraviglie del mondo* (о чудесахъ міра). Тутъ, среди ошибокъ и сказокъ, находятся статистическія и географическія свѣдѣнія драгоцѣнныя, замѣчанія о нравахъ и обычаяхъ, важные матеріялы для Азійской исторіи.

Во время владычества Монголовъ, нѣсколько Арабскихъ музульмановъ проникли во внутреннюю Китая. Поборники исламизма, еще юнаго и пылкаго, они съ жаромъ принялись за обращеніе Китайцевъ, доступныхъ всякимъ религіознымъ мнѣніямъ; нарочно покупали они дѣтей у бѣдняковъ, подвергали ихъ обрѣзанію и воспитывали въ догматахъ Мугаммеда. Но всѣ такія усилія остались безплодны. Безмѣрное разстояніе Китайской отрасли отъ основнаго корня Мугаммедовой вѣры, мало по малу, уничтожило всѣ отношенія между послѣдователями Корана и обожателями Фо и Конфуція.

Христіанство казалось здѣсь прочнѣе и крѣпче. Не только остатокъ Олопеновыхъ Несторіянъ поддерживался еще въ Китаѣ, хотя въ маломъ числѣ, въ концѣ XIII-го вѣка, но кромѣ того монахъ ордена Францискапскаго, *Іоаннъ де-Монте-Корвино,* прибылъ въ Камбалыкъ (Ханъ-Пеликъ, *Пекинъ*) и не смотря на ухищренія соперниковъ, поставилъ тамъ католическую церковь, съ колоколами, которыми торжественно возвѣщалъ основаніе христіанства въ Китаѣ. Хотя Корвино былъ безъ помощниковъ, но совершилъ обращенія многочисленныя: 6000 Китайцевъ было крещено, и еще 30,000 готовились къ этому таинству, но злоумышленія завистниковъ разстроили дѣло. Многіе изъ знатнѣйшихъ Китайцевъ послѣдовали проповѣди Корвино, и въ числѣ обращенныхъ былъ начальникъ Керапповъ. Не смотря на усильныя просьбы, Римскій первосвященникъ долго не по-

сылалъ никакого подкрѣпленія дѣятельному проповѣднику, при безмѣрныхъ трудахъ его. Кельнскій Францисканъ *Арнольдъ* прибылъ къ нему только черезъ двѣнадцать лѣтъ, и только въ 1314 году, папа Климентъ V-й послалъ въ Китай *Андрея*, урожденца Перузскаго, возведя церковь Пекинскую въ званіе архіепископіи.

Послѣ Корвино опять прекратились сношенія Европы съ Китаемъ. Слѣды теряются до 1521 года, когда путешественникъ *Ѳома Перезъ*, отправленный посланникомъ отъ Фернанда Переза де-Андрада, начальника Португальской эскадры, прибылъ въ Пекинъ. Онъ долженъ былъ вручить богдыхану письмо отъ короля Эммануеля, но какъ бродяга былъ онъ прогнанъ за дерзкія рѣчи, принужденъ бѣжать въ Кантонъ, и наконецъ посаженъ былъ въ тюрьму. Жребій этого Португальца оспался неизвѣстенъ: одни говорятъ, будто онъ былъ замученъ, вмѣстѣ съ своими товарищами; другіе, что освобожденъ въ послѣдствіи, остался въ Китаѣ, женился, и обратилъ жену свою въ христіанство.

Послѣ него явились въ Китаѣ миссіонеры, столь знаменитые въ его исторіи. Первый, едва коснувшійся предѣловъ Китая, былъ іезуитъ *Францискъ Ксаверій*, умершій въ 1552 году, въ Санъ-Шіанѣ, перешедши, по словамъ его товарищей, во все время своихъ благочестивыхъ странствованій, *тридцать тысячъ льё*, пѣшкомъ, черезъ горы, степи, лѣса и палящіе пески. За этимъ проповѣдникомъ вдругъ явились *Валиньянъ*, *Рожеръ*, *Пазіо*, и ученый

Матвѣй Риччи, настоящій основатель Китайскихъ миссій.

Получивъ позволеніе поселиться съ своими товарищами въ Чао-кингъ-фу, въ 1583 году, Риччи понялъ, что дѣйствія его и товарищей, какъ проповѣдниковъ, будутъ гораздо легче и дѣйствительнѣе, если они покажутъ въ себѣ Китайцамъ, вмѣстѣ съ добродѣтелями и благочестіемъ, ученость и мудрость. Будучи отличнымъ географомъ, Риччи составилъ для Китайцевъ *карту міра*, на которой назначилъ Китай по самой срединѣ, слѣдуя въ этомъ неизмѣнному вѣрованію туземному, котораго ни за что не согласилась-бы уступить горделивая ученость Китайская.

Но, только послѣ продолжительныхъ и трудныхъ странствованій по Китаю, Риччи успѣлъ наконецъ, въ 1600 году, достигнуть Пекина, облеченный одеждою Китайскаго ученаго. Богдыханъ принялъ его ласково, и казался доволенъ многими изъ даровъ его, особливо стѣнными часами и карманными часами съ боемъ; но и другое было тогда новостью въ Китаѣ.

Милость Богдыхана облегчила послѣ этого дорогу миссіонерамъ. Замѣчательныя обращенія въ Христіанство ознаменовали пребываніе ихъ въ Китайской столицѣ, не менѣе ученыхъ трудовъ. Когда Риччи скончался, въ 1610 году, подвиги проповѣдниковъ были значительны, и при томъ *Адамъ Шаль*, замѣчательный неменѣе предшественника, наслѣдовалъ миссію Риччи. Онъ уподобился этому патріарху миссіонеровъ, какъ пропо-

вѣдникъ и какъ ученый человѣкъ. Въ царствованіе перваго богдыхана изъ Манджурской династіи, называемаго Европейцами *Шунъ-чи*, наименованъ онъ былъ однимъ изъ совѣтниковъ *трибунала небесныхъ дѣлъ* (des affaires célestes), съ особеннымъ титуломъ *Магистра утонченныхъ ученій* (Maître des doctrines subtiles).

Богдыханъ оказывалъ даже, какъ говорятъ, столь великое личное уваженіе Шалю, что четыре раза въ годъ приходилъ дружески бесѣдовать съ нимъ, въ его жилищѣ, сиживалъ въ его кабинетѣ и вкушалъ притомъ плоды изъ его сада. Въ правленіе Шунъ-чи, съ 1650-го по 1664 годъ, миссіонеры окрестили болѣе 100,000 Китайцевъ. Но по кончинѣ Шунъ-чи, во время малолѣтства *Канъ-хи*, Шаль подвергся жестокимъ преслѣдованіямъ. Обремененный цѣпями, вмѣстѣ съ тремя своими товарищами, девять мѣсяцевъ влачимый изъ судилища въ судилище, осужденный быть разрубленнымъ на 10,000 кусочковъ, онъ обязанъ былъ крайнимъ отдыхомъ только ужасу, какой причинило въ Китаѣ лунное затмѣніе. Новыя жестокости были потомъ опять устремлены противъ него; онъ претерпѣлъ тяжкое наказаніе кангою, и скончался отъ изнеможенія и скорби, 15 го Августа 1669 года.

Астрономическій календарь, начатой миссіонерами, послѣ смерти Шаля переданъ былъ невѣждѣ Китайцу; но ошибки, отъ того происшедшія, заставили Пекинское правительство возвратить іезуитамъ это ученое занятіе ихъ, и знаменитый

миссіонеръ Вербьестъ сдѣлался продолжателемъ трудовъ Шаля.

Въ это время (1690 года) явилось въ Китаѣ начало Французскихъ миссій, съ столь различными намѣреніями составленныхъ Колбертомъ и Лашезомъ. Богдыханъ Канъ-хи царствовалъ тогда, и объявилъ себя покровителемъ ученыхъ чужеземцевъ, вѣроятно, не столько по усердію къ вѣрѣ, какую они проповѣдывали, сколько по соображенію пользы, какую могли они распространить въ Китаѣ своею ученостью. Вмѣстѣ и порознь, члены миссіи старались оправдать благосклонность богдыхана трудами, удивлявшими Китайцевъ. Географы, филологи, естествоиспытатели, физики, астрономы, математики, они сдѣлались необходимы для ученыхъ заведеній, находившихся въ столицѣ Китайской. Знаменитая была эта эпоха для миссіонеровъ, когда столь блестящее поприще было открыто ихъ религіозному и общественному вліянію. Тогда наслѣдовали одинъ другому миссіонеры, бывшіе въ первой присылкѣ 1684 года, и прибывшіе послѣ того — Ташаръ, Фонтаней, Лекомтъ, Ноель, Буве, Фуке, Виделу, Сибо, Паренненъ, Жербильонъ, Аміотъ, Режисъ, и особенно Премаръ и Гобиль.

Двое послѣднихъ до того проникли въ тайны Китайскаго языка, что книги, писанныя ими, какъ книги Риччи и Вербьеста, имѣли честь быть помѣщенными въ собраніе избранныхъ твореній Китайскихъ, составляющее *сто шестдесятъ тысячъ томовъ*, каталогъ которымъ былъ составленъ потомъ

по повелѣнію богдыхана *Кіанъ-Лунга*. Премаръ и Гобиль изъяснили и перевели собраніе книгъ, именуемое *Кингъ*, одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Китайской литературы, до миссіонеровъ понимаемый немногими изъ самыхъ ученыхъ Китайцевъ.

Счастливые, спокойные и уважаемые въ правленіе Канъ-хи, миссіонеры сами начали уничтожать свое выгодное положеніе ссорами, какія возстали у нихъ между братіями разныхъ орденовъ монашескихъ, бывшихъ тогда въ Китаѣ. Іезуиты, превышая образованіемъ другихъ собратій, почитали необходимымъ, съ самаго начала, смотрѣть сквозь пальцы на нѣкоторые обряды и обычаи Китайцевъ, заключавшіе въ себѣ болѣе политическій и нравственный смыслъ, нежели идолослужительное вѣрованіе. Такъ, напримѣръ, обожаніе предковъ, и поклоненіе, воздаваемое тѣнямъ ихъ, были терпимы іезуитами, потому, что опасно было разрушать столь основный догматъ Китайской религіи. Но изъ этого произошли страшные споры. Досадуя на успѣхи другихъ орденовъ, Доминиканы и Францисканы возстали противъ снисходительнаго потворства своихъ соперниковъ, возопіяли объ искаженіи чистоты христіанской религіи идолослужительскими прибавленіями, и сильно начали дѣйствовать въ совѣтѣ Папскомъ, требуя, чтобы Римскій первосвященникъ рѣшилъ важный вопросъ о чистотѣ православія Китайской церкви. Съ своей стороны, іезуиты, сильные покровительствомъ богдыхана, и опираясь на успѣхи проповѣди, так-

же ходатайствовали въ Римѣ, гдѣ за нихъ было много защитниковъ. Долго продолжалась борьба. Посольство слѣдовало за посольствомъ, булла за буллою. То получали повелѣніе строго предписать новообращеннымъ христіанамъ совершенное оставленіе всѣхъ прежнихъ суевѣрій, допуская въ нѣдра церкви христіанской православіе безъ всякихъ, условій; то, принимая системѣ дѣйствій менѣе строгую, дозволяли незначительныя послабленія и уваженіе старыхъ предразсудковъ Китайскихъ. Война въ проповѣдяхъ, война полемическими книгами, сдѣлалась наконецъ столь сильна, что возбудила опасеніе правительства Китайскаго. Изъ всѣхъ областей присылались богдыхану безпрерывныя жалобы. Ордена непользовавшіеся покровительствомъ богдыхана, желая подорвать силу своихъ соперниковъ, не думали, что губятъ будущность христіанства въ Китаѣ. Они начали вопіять противъ судей, противъ чиновниковъ Китайскихъ; наконецъ заговорили противъ самого богдыхана и его наслѣдника.

Слѣдствія всѣхъ этихъ несчастныхъ раздоровъ оказались однакожъ не прежде кончины богдыхана Канъ-хи. Сынъ его, *Іонъ-Чингъ*, едва вступилъ на престолъ, какъ и показалъ себя противникомъ христіанскихъ проповѣдниковъ. Немедленно было объявлено общее ихъ изгнаніе, и только ученые миссіонеры, причисленные къ ученымъ заведеніямъ Пекинскимъ, были исключены изъ общаго осужденія. Смыслъ приказа не казался однакожъ ни строгъ, ни оскорбителенъ. Многіе изъ проповѣдниковъ рѣ-

шились, къ несчастію, защищаться, прямо или косвенно, и отъ того явились съ одной стороны преслѣдованія, съ другой жертвы упорства. Многихъ заключили въ тюрьмы; другіе были погублены казнью; иныхъ подвергли наказанію кангою. Іонъ-Чингъ, прежде изгнанія іезуитовъ изъ Пекина, призвалъ ихъ къ себѣ, и вотъ какъ разсуждалъ онъ съ ними, по пересказу о. Парениена: «Вы, Люди Западные, хотѣли уничтожить наши законы, возмутить наши народы. Мнѣ должно воспрепятствовать такому покушенію. Что сказали-бы у васъ, если-бы я послалъ къ вамъ нашихъ бонзовъ и ламъ, и они стали-бы возмущать у васъ порядокъ? Вы изгнали-бы ихъ. Теперь хотите вы, чтобы мои подданные были христіанами, и приняли-бы вашу вѣру. Хорошо, да за чѣмъ-же вы отвлекаете ихъ отъ повиновенія моей власти? Начнется возмущеніе, и ослѣпленные слушаться будутъ васъ, а не меня. Знаю, что теперь отъ васъ опасности еще нѣтъ, но если братья ваши подкрѣпятъ васъ тысячью кораблей, а потомъ десятью тысячами, изъ этого можетъ быть дѣло нехорошее.»

И съ того времени (1723, 1724 года) Китай былъ потерянъ для христіанства. Миссіи сами себя подорвали, и уже не могли возстать никакими усиліями.

Нѣсколько іезуитовъ остались въ Пекинѣ, и удержались тамъ, но не какъ проповѣдники, а просто какъ ученые люди. Нѣкоторые изъ миссіонеровъ скрылись въ народѣ, и тайно проповѣдывали христіанское ученіе. Правительство оставляло

безъ вниманія такое нарушеніе приказа, потому болѣе, что успѣхи оказывались ничтожны, въ такой странѣ, гдѣ политика всегда управляла религіею. Наслѣдникъ Іонъ-Чинга, *Кіанъ-Лунгъ*, поддерживалъ распоряженія своего предмѣстника гораздо строже; нѣсколько тайныхъ миссіонеровъ были захвачены въ разныхъ областяхъ, и мало по малу совершенно уничтожилась христіанская церковь въ Китаѣ; теперь она не существуетъ вовсе.

Старанія Европейской дипломаціи и Европейскихъ торговцевъ проникнуть въ Китай, всегда оставались и остались гораздо безуспѣшнѣе усилій распространить въ немъ христіанскую вѣру. Въ разныя времена, отъ различныхъ народовъ Европы посыланы были въ Пекинъ посольства, стоившія большихъ издержекъ, но всѣ оканчивались гордымъ отказомъ и неудовольствіями.

Первое изъ такихъ значительныхъ покушеній относится къ 1656 году. На двухъ Голландскихъ корабляхъ, отправленныхъ изъ Батавія, прибыли въ Китай полномочными посланниками Соединенныхъ Нидерландскихъ Штатовъ, Петръ фанъ-Гойеръ и Яковъ фанъ-Кейзеръ. Остановясь въ Кантонѣ, посланники получили позволеніе ѣхать въ Пекинъ, для представленія ихъ глубокаго почтенія богдыхану. Разсказъ объ этомъ путешествіи, и приключеніяхъ, бывшихъ притомъ, подробно переданъ намъ Іоанномъ Нейгофомъ, метрдотелемъ посольства; книга его, переведенная на Французскій языкъ по повелѣнію Колберта, и напечатанная на иждивеніе

Французскаго Правительства, содержитъ подробности любопытныя и добродушно разсказанныя.

Послѣ продолжительнаго плаванія по внутреннимъ рѣкамъ и каналамъ, переѣхавши такимъ образомъ области Кіангъ-Зи и Нанкингъ, Посланники прибыли въ Пекинъ, 17-го Іюля 1656 года, гдѣ помѣстили ихъ въ домѣ, завиѣвшемъ отъ дворца богдыханскаго. На другой день явились къ нимъ съ посѣщеніемъ мандарины и освѣдомлялись объ ихъ здоровьѣ, а съ нѣмъ вмѣстѣ, отъ имени богдыхана, пересмотрѣли они всѣ подарки, чтобы дать своему государю объ нихъ отчетъ. «Спрашивали насъ они еще и о томъ,» говоритъ Нейгофъ, «не въ морѣ-ли родятся Голландцы, и не въ водѣ-ли обыкновенное ихъ пребываніе? А если есть у насъ на землѣ какая нибудь страна, то какъ зовутъ ее, какъ она управляется и въ какой части свѣта находится? Посланники скромно отвѣчали на всѣ сіи вопросы, хотя и были очень удивлены первымъ вопросомъ, который надули въ уши Китайцамъ злые происки Португальцевъ, внушавшихъ богдыхану, будто море была родина и отчизна Голландскаго народа. Посланники открыто сказали, что есть у насъ родная земля, весьма извѣстная, называемая *Голландіею*. Но всѣ такіе отвѣты не были довольно сильны къ разувѣренію мандариновъ, и ниспроверженію и уничтоженію коварныхъ навѣтовъ враговъ нашихъ, а потому Посланники разложили всеобщую карту, и заставили Китайцевъ своими собственными пальцами увѣриться въ существованіи Голландіи. Мандарины унесли

карту съ собою, чтобы яснѣе растолковать все это дѣло Его Богдыханскому Величеству».

Легко можно вообразить, что̀ должно было послѣдовать изъ переговоровъ, когда имъ предшествовали подобныя сомнѣнія. Мандарины спрашивали еще у Петра фанъ-Гойера и Якова Кейзера: какое было правленіе въ ихъ государствѣ, и были-ль они, Посланники, члены семейства царствующаго въ Голландіи государя? Далѣе былъ вопросъ: откуда шли привезенные подарки, и что̀ такое значитъ: *Батавія?* Наконецъ, подобные вопросы просперлись до наглости, самой упорной, и привязчивости, самой мѣлочной. Разсказывая все это, Нейгофъ складываетъ большую часть оскорбленій на внушенія Адама Шаля, называя его *Адамомъ Скалигеромъ Кельнскимъ* (таково было Латинское именованіе этого іезуита). Шаль находился въ то время въ полной силѣ при Пекинскомъ Дворѣ, и весьма понятно, что онъ всячески противился успѣхамъ посольства, прибывшаго изъ *еретической* земли.

Долго терзали Посланниковъ унизительными обрядами и проводили обѣщаніями. Богдыханъ перемѣнилъ тогда мѣсто своего пребыванія, и Посланники принуждены были идти и совершать *коту*, или обрядъ поклоненія, передъ пустымъ тропомъ его. «Привели насъ—говоритъ Нейгофъ—на одну долину, пройдя̀въ какого-то возвышеннаго входа, гдѣ увидѣли мы маленькій, старый и ветхій тронъ, со всѣхъ сторонъ запертый рѣшетками. Здѣсь-то надлежало намъ становиться на ко-

лѣни три раза, и преклонять головы и плечи наши до земли, по возгласу герольда.»

Наконецъ, послѣ безчисленныхъ отсрочекъ, дипломатическихъ переговоровъ, прямыхъ и косвенныхъ приглашеній, богдыханъ назначилъ аудіэнцію Голландскимъ посланникамъ, или, лучше сказать, далъ дозволеніе поклониться ему, вмѣстѣ съ посланниками Монгольскими. Вотъ разсказъ Нейгофа:

«Отъ мѣста дворцовой ограды повели насъ во внутренній дворъ, гдѣ находился тронъ, и гдѣ присутствовалъ Его Богдыханское Величество. Приближаясь туда, увидѣли мы *двадцать два человѣка* молодыхъ господъ, державшихъ желтаго цвѣта зонтики, сдѣланные изъ тканей, съ уборами; потомъ еще *десять* другихъ, державшихъ позолоченные круги, въ видѣ солнцевъ, подлѣ которыхъ было еще *шесть* человѣкъ, державшихъ круги, представлявшіе полумѣсячія и полулунія; *шестнадцать* отдѣльныхъ особъ находилось окрестъ сихъ полумѣсяцевъ, держа каждый въ рукахъ большую палку, у которой конецъ украшенъ былъ на манеръ букета космами, или кистями шелковыми, распещренными всякаго рода цвѣтами. *Тридцать шесть* человѣкъ присоединялось еще къ этимъ, держа хоругви, съ гербами, въ видѣ золотыхъ драконовъ, что составляетъ гербъ богдыхана. Мы увидѣли потомъ еще *четырехъ* человѣкъ, великолѣпно одѣтыхъ, держащихъ каждый позолоченную палицу, орудіе великаго Геркулеса; потомъ *четырехъ* алебардистовъ, и еще нѣсколько носителей

сѣкиръ, символовъ кроваваго жертвоприношенія и власти государя Китайскаго.

«Въ такомъ порядкѣ находились всѣ означенные особы по правую сторону престола; лѣвая сторона была обставлена такимъ-же образомъ, и потомъ обѣ сіи стороны смыкались и соединялись множествомъ придворныхъ, у которыхъ одежды, всѣ сдѣланныя на одинъ манеръ, были вышиты, вышиты, разцвѣчены золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями.

«Пройдя дверей, по срединѣ залы, къ самому трону богдыханскому, находилось двадцать камней, разставленныхъ порядкомъ, въ которыхъ утверждены были маленькія мѣдныя дощечки, исписанныя буквами и цыфрами Китайскими, означая мѣста и дѣйствія, какія должно было знать и наблюдать, являясь предъ престоломъ монарха. Вицекороль Ту-шангъ далъ знакъ нашимъ Посланникамъ остановиться подлѣ десятаго камня. Тогда герольдъ провозгласилъ громкимъ голосомъ: «*Идите и явитесь предъ троном!*» По этому повелѣнію пошли мы впередъ. Онъ закричалъ потомъ: «*Занимайте вашу степень!*» и мы это исполнили. Онъ вскричалъ еще: «*Наклоняйтесь по-трижды!*» Когда сдѣлали мы это, возгласилъ онъ намъ: «*Возстаньте!*» и окончательно, когда воскликнулъ онъ: «*Возвратитесь на свои мѣста!*» мы возвратились на мѣста свои.

«Повели потомъ Посланниковъ нашихъ и Монгольскаго Великаго Хана къ возвышенію, на которомъ была небольшая сѣнь, возвышенная на

15-шь, или 16-шь фушовъ; сюда всходили различными ступенями, между алебастровыми опгородками, прескусно сдѣланными. Мы обязаны были еще колѣнопреклоняться шушъ одинъ разъ, и наклонять голову.

«Когда окончились всѣ сіи обряды, насъ посадили, и подали намъ, въ маленькихъ деревянныхъ чашечкахъ, Тапарскій чай, смѣшанный съ молокомъ. Потомъ, когда сошли мы отсюда внизъ, многіе знатные господа подошли къ намъ и подчивали насъ чаемъ. Во время этихъ промежушковъ услышали мы звонъ небольшаго колокола, и въ одно мгновеніе каждый изъ насъ сталъ на колѣни, возводя очи свои къ трону.

«Мы не имѣли тогда счастія хорошо видѣть великаго монарха Китайскаго на знаменитомъ престолѣ его, по причинѣ великаго множества князей, окружавшихъ престолъ.

«Впрочемъ скажу, что сидѣлъ онъ на тронѣ, который блисталъ золотомъ, алмазами, карбункулами, рубинами, гранатами, амандинами, аметистами, изумрудами, сапфирами, опалами, хризопрасами, хризолитами, хризобериллами, сардониксами, халцедонами, перлами, и другими драгоцѣнными украшеніями, великой цѣны. Опоры этого трона, представлявшія двухъ великихъ драконовъ, покрывали его такъ, что Посланники не могли вполнѣ разсмотрѣть лица его. По сторонамъ были вице-короли, князья царской крови и главнѣйшіе вельможи, и всѣ они пили чай изъ деревянныхъ чашечекъ. Невозможно описать вамъ вполнѣ одѣяній

всѣхъ сихъ господъ, по причинѣ безмѣрнаго ихъ великолѣпія, и довольно уже будетъ съ васъ и то узнать, что были всѣ они въ шелковыхъ платьяхъ голубаго цвѣта, усѣянныхъ зміями, вышитыми золотомъ, и унизанныхъ алмазами и перлами. Каждый носилъ при себѣ особенный знакъ, дававшій уразумѣть его званіе, достоинство и должность. Сорокъ стрѣльцовъ, безъ мундировъ, но великолѣпно одѣтыхъ, охраняли обѣ стороны трона.

«Едва побылъ богдыханъ съ четверть часа на своемъ тронѣ, какъ поднялся и удалился, будучи послѣдуемъ всѣми своими князьями. Пока Посланники наши сходили съ возвышенія, господинъ посланникъ Яковъ Кейзеръ, на котораго богдыханъ смотрѣлъ очень внимательно, замѣтилъ, что богдыханъ собою дороденъ, что лицо у него желто, цвѣтъ тѣла бѣлый, ростъ вышины посредственной, глаза блестящіе, какъ двѣ маленькія звѣзды, корпусъ тѣла тученъ и крѣпокъ, а чело исполнено величія. Платье его, снизу до верху, казалось, какъ будто соткано было изъ золота и алмазовъ.

«Мы было сначала удивились, видя, что онъ отпустилъ Посланниковъ ничего имъ не сказавши, или, по крайней мѣрѣ, не изъявивъ имъ лично какого нибудь знака уваженія. Но изъяснили намъ послѣ того толмачи наши, что большая часть Восточныхъ государей показываются своимъ подданнымъ весьма рѣдко, а еще менѣе иноземцамъ, и что сей обычай тѣмъ строже наблюдается въ государствѣ Китайскомъ, ибо государство Китайское продолжается уже сотни тысячъ лѣтъ»...

Когда Посланниковъ порядкомъ поводили такимъ образомъ отъ церемоніи къ церемоніи, когда они довольно попёрли кожу на лбахъ своихъ, принимавшись случайно ими нёсколько разъ въ землю, передъ проломъ Его Богдыханскаго Величества, Сына Небесъ Шунъ-чи, дали имъ, въ видѣ отпуска, при обѣда, при чемъ каждый разъ, не садясь еще за столъ, обязаны они были кланяться въ землю, обращясь на западъ, то есть, по тому направленію, въ какомъ находилась столовая, гдѣ въ то время обѣдалъ богдыханъ, сидя одинъ. Ихъ не выпускали изъ-за обѣдовъ, пока не проглатывали они порядочнаго количества теплаго камчу, и набивали имъ полны карманы тѣми кушаньями, которыхъ они не могли съѣдать.

Окончательно—посольство ни въ чемъ не могло успѣть, кромѣ униженія. Его отослали обратно изъ Китая, съ кое-какими подарками Голландскому генералу, управлявшему тогда въ Батавіи, Іоанну Маццуйкеру, при богдыханскомъ письмѣ, гдѣ было сказано: «Просили вы у меня дозволенія пріѣзжать торговать въ моемъ государствѣ, и привозить ваши товары, обмѣнивая ихъ на наши, для общаго удовольствія и для пользы моихъ подданныхъ. Но по причинѣ дальняго разстоянія отъ вашей земли до моей, свирѣпыхъ бурь, часто сокрушающихъ корабли жестокими вѣтрами, и по причинѣ снѣговъ, градовъ, льдовъ, смыкающихъ часто наши рѣки и наши гавани, весьма грустно было-бы мнѣ слышать о бѣдствіяхъ, которыя легко могутъ приключиться всякому, кого пошлете

вы къ намъ. Если находите вы однакожь полезнымъ подвергаться всѣмъ этимъ случайностямъ, то совѣтую вамъ посылать въ восемь лѣтъ не болѣе ста человѣкъ, изъ которыхъ двадцать могутъ приходить ко мнѣ,» и проч. и проч. — Такимъ образомъ, двадцати Голландцамъ позволено было являться въ Пекинъ черезъ восемь лѣтъ, и въ этомъ заключалась вся милость, пріобрѣтенная девяносто однимъ днемъ униженныхъ моленій. Письмо, заключавшее въ себѣ богдыханское рѣшеніе, было вручено Посланникамъ торжественно, какъ величайшая драгоцѣнность. «Края письма — говоритъ Нейгофъ — были позолочены, и оборотная сторона его была усѣяна золотыми и серебряными блестками, и все оно вокругъ было расписано золотыми драконами. Когда сообщили нашимъ Посланникамъ, что̀ содержалось въ немъ, богдыханскій совѣтникъ свернулъ его и положилъ въ кусокъ пикани, шелковой, желтаго цвѣта, а потомъ вложили его въ трубочку, завернутую въ желтую ткань. Послѣ сего передано было оно Посланникамъ, принявшимъ его съ преклоненіемъ колѣна на землю и съ наклоненіемъ головы. Совѣтникъ богдыханскій взялъ его потомъ опять и привязалъ на спину одного изъ толмачей, который понесъ его до воротъ дворца, мгновенно отворившихся, когда извѣщено было, что несутъ письмо Его Богдыханскаго Величества.»

Первое посольство Голландцевъ было послѣдуемо вторымъ, явившимся въ Пекинѣ 20-го Іюня 1667 года, и выѣхавшимъ оттуда 5-го Августа. Оно

было слѣдствіемъ перваго, и кончилось подобно ему.

Черезъ нѣкоторое время потомъ, Россія рѣшилась въ свою очередь вступить въ тѣснѣйшія дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Политическія отношенія Русскихъ и Китайцевъ начались съ распространеніемъ Русской власти въ восточной Сибири. Нѣсколько посланниковъ были отправляемы изъ Москвы въ Пекинъ въ XVII-мъ вѣкѣ. Построеніе Русскими городовъ по берегамъ рѣки Амура, на границахъ Монголіи, заставило Китайцевъ приняться за оружіе. Они разорили селенія Русскія, и отвели въ Пекинъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ Россіянъ. Тамъ поселили ихъ особенною слободою, при которой позволено было плѣнникамъ имѣть священника Русскаго. Въ 1689 году, Русскій посолъ Головинъ заключилъ съ Китайцами миръ, въ Нерчинскѣ, опредѣлилъ взаимныя границы, отказался отъ Амура, и установилъ торгъ караванами въ Пекинъ. Такъ оставались дѣла, когда Петръ Великій вздумалъ отправить къ богдыхану посольство, начальникомъ котораго былъ гвардейскій капитанъ *Левъ Измайловъ*. Докторъ Бель сопровождалъ Измайлова, и оставилъ намъ описаніе, весьма любопытное.

Посольство отправилось изъ Москвы 9-го Сентября 1719 года, и прибыло въ Пекинъ 18-го Декабря 1720 года. Въѣздъ его въ Китайскую столицу былъ торжественный, при безчисленномъ стеченіи любопытныхъ зрителей. Остановясь въ особенномъ дворѣ, гдѣ жили Русскіе караванные тор-

говцы, и который потому назывался *Русскимъ домомъ*, Посланникъ Петра Великаго, подобно Голландцамъ, потерялъ много времени переговаривая и споря объ обрядахъ пріема. Рѣшено было наконецъ, что Посланникъ долженъ сообразоваться съ обрядами Китайскими въ Пекинѣ, хотя это и не обязывало Китайцевъ взаимно слѣдовать Русскимъ обрядамъ, еслибы посольство ихъ явилось въ Петербургъ. Миссіонеры, находившіеся тогда въ Пекинѣ, Парениенъ и Фриделли, старались всячески убѣдить Китайское правительство на измѣненіе строгости церемоніяльныхъ поклоновъ для Посланника великаго Русскаго царя. Но убѣжденія оставались безполезны: отмѣнить поклоны вовсе не согласились ни за что, и только уменьшили ихъ. Аудіэнція у богдыхана была наконецъ назначена 28-го Декабря въ *Чанъ-Шу-Іангъ*, богдыханскомъ дворцѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Пекина. Русскій Посланникъ отправился туда, и вотъ описаніе Белево:

« Черезъ четверть часа ожиданія, богдыханъ вошелъ въ пріемную залу, заднею дверью, и сѣлъ на тронѣ. Всѣ немедленно встали. Начальникъ обрядовъ пригласилъ Посланника войдти въ залу, держа его за руку, между тѣмъ, какъ въ другой держалъ онъ царскія граматы; ихъ положили на столикъ; по знаку богдыхана, Посланникъ подошелъ къ трону, преклонилъ колѣно, подалъ царскія граматы; богдыханъ прикоснулся къ нимъ рукою, и спросилъ потомъ о здоровьѣ царя.

«Во все это время, свита Посланника оставалась на погахъ, внѣ залы пріема. Мы думали, что если грамашы приняты, то уже дѣло кончено; но начальникъ обрядовъ, вывелъ Посланника, и всѣмъ намъ было приказано становиться на колѣни, и по-прежды дѣлать земные поклоны Его Богдыханскому Величеству. Послѣ каждыхъ трехъ поклоновъ, мы должны были подыматься на ноги и преклонять колѣна снова. Начальникъ обрядовъ давалъ знаки всему этому, произнося какія-то Тапарскія слова: *Morgu* и *Boss*, что значило, какъ намъ объясняли: «Поклапяйтесь» и «Вставайте.» Мнѣ кажется, я въ вѣкъ не забуду этихъ проклятыхъ словъ. — Когда поклоны кончились, начальникъ обрядовъ препроводилъ Посланника и шестерыхъ чиновниковъ его свиты, съ переводчикомъ, въ залу пріема. Насъ посадили на подушкахъ, всѣхъ рядомъ, по правую сторону трона, аршинахъ въ шести разстояніемъ, и непосредственно за нами сѣли три миссіонера, одѣтые по-Китайски, и всюду сопровождавшіе Дворъ. При настоящемъ случаѣ, они служили вмѣсто переводчиковъ.»

Впрочемъ, богдыханъ, царствовавшій въ то время, былъ знаменитый *Канъ-хи*, государь просвѣщенный и мудрый. Удовольствовавшись необходимостью изъ всѣхъ обрядовъ, онъ оставилъ мѣлочныя подробности, и вопреки горделивому безмолвію предшественника своего Шунъ-чи, какъ будто въ награду за неуступку основнаго обряда, дружески разговаривалъ съ Русскимъ Посланникомъ объ Европейскихъ дѣлахъ, о Царѣ, прислъ пере-

дать Петру Великому свое мнѣніе, что напрасно подвергаетъ онъ личной опасности свою высокую особу въ битвахъ, и особливо плавая по морямъ, гдѣ бури и опасности бываютъ великія, отъ которыхъ не спасаютъ ни умъ, ни храбрость. Потомъ онъ подалъ Посланнику изъ своихъ рукъ чашку *тарасуна*, или горячаго камчу, напитка, перебродившаго изъ смѣшенія разнаго рода зеренъ.

«По лѣвую сторону трона богдыханскаго—говоритъ Бель—сидѣли пять князей, и съ ними вельможи и знатные придворные; потомъ вошли въ залу восемь, или десять юныхъ внучатъ Его Величества. Всѣ они были красивы собою, и одѣты просто, такъ, что ничѣмъ не отличались отъ другихъ особъ, кромѣ дракона о пяти лапахъ, который вышитъ былъ на верхнемъ платьѣ каждаго изъ нихъ, и полукафтаньевъ изъ желтаго атласа, украшенныхъ такою-же эмблеммою. На головахъ у нихъ были надѣты небольшіе калпаки, спереди отороченные соболями. Богдыханъ сидѣлъ на тронѣ, поджавъ подъ себя ноги. На немъ была легкая соболья шуба, мѣхомъ наружу, подбитая овчинками съ мѣлкихъ барашковъ, а подъ этою шубою видѣнъ былъ длинный кафтанъ, изъ шелковой ткани желтаго цвѣта, съ нашивкою дракона о пяти лапахъ. Такого пятилапаго чудовища никто не можетъ имѣть на своемъ платьѣ, кромѣ богдыхана и его семейства. На головѣ Его Величества былъ надѣтъ маленькій круглый калпакъ, спереди украшенный черною лисицею. На верхушкѣ калпака замѣтилъ я огромную, превосходную жемчужину, по-

хожую фигурою на грудѝ, съ шарикомъ изъ краснаго шелка, утвержденнымъ подъ жемчужиною. Въ этомъ только и состояло все особенное украшеніе монарха, столь великаго и знаменитаго. Тронъ, такъ-же какъ и все другое, отличался простотою, былъ деревянный, только работы превосходной; онъ возвышался отъ полу на пять ступеней, открытый къ той сторонѣ, гдѣ мы сидѣли, но съ двухъ другихъ сторонъ защищали его отъ теченія воздуха двои огромныя Японскія ширмы.

« Начальникъ обрядовъ и нѣкоторые другіе сановники были въ своихъ государственныхъ одеждахъ, изъ парчи, или изъ глазета, съ большими драконами, вышитыми на груди и на спинѣ. Многіе другіе вельможи, напротивъ, были одѣты весьма просто, не имѣя на себѣ никакихъ украшеній; иныхъ отличали только большіе драгоцѣнные каменья — рубины, сафиры, изумруды. »

Послѣ пріема Посланника слѣдовалъ пиръ, при чемъ увеселяли гостей Татарскою музыкою. Богдыханъ прислалъ Посланнику нѣсколько фазановъ съ своего стола. Обыкновенные споры о представленіи подарковъ, посѣщенія мандариновъ, театръ, увесселенія, праздники всякаго рода, занимали все время Русскаго Посланника, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, которые прожилъ онъ въ Пекинѣ. Богдыханъ, знатнѣйшіе государственные чиновники, миссіонеры, тогда весьма сильные при Дворѣ, всѣ были, каждый въ своемъ отношеніи, ласковы и снисходительны чрезвычайно. Праздновали даже пребываніе Русскаго посольства самыми необыкновен-

ными увеселеніями; таковы были, между прочимъ, великолѣпный фейерверкъ и охота, въ которой Канъ-хи, не смотря на 78-ми лѣтнюю старость, принималъ личное участіе. Разсказъ объ этихъ праздникахъ сколь любопытенъ, что его не льзя не выписать:

«На другой день увеселенія опять возобновились. Но мы не являлись однакожъ ко Двору до самаго вечера, потому, что фейерверку надлежало быть только послѣ захожденія солнца, въ пять часовъ по полудни. Сигналъ для начала его подали ракѣтою, пущенною съ галлереи, гдѣ находился богдыханъ, и въ нѣсколько минутъ зажжено было множество тысячь фонарей; сдѣланы были они изъ бумаги различныхъ цвѣтовъ, красные, голубые, зеленые, желтые, и повѣшены на высокихъ подставкахъ, въ шесть футовъ, разставленныхъ по саду, что составляло зрѣлище чрезвычайно пріятное. По другому сигналу начали пускать ракеты; онѣ взлетали на высоту удивительную и распадались звѣздами. Ракеты сопровождались петардами, хлопавшими, какъ будто изъ пушекъ, между тѣмъ, какъ изъ нѣдръ ихъ летѣли огни всякихъ цвѣтовъ.

«Въ противоположной сторонѣ, противъ богдыханской галлереи, висѣлъ огромнѣйшій круглый буракъ, почти 20-ти футовъ въ поперечникѣ, между двумя столбами, футовъ 30-ти вышиною. Ракета, пущенная изъ галлереи богдыханской, зажгла фитиль, спускавшійся изъ бурака, отъ чего съ ужаснымъ трескомъ отвалилось дно этой махины. Тогда выпало къ низу что-то въ видѣ рѣшетки,

горѣвшее яркимъ огнемъ, и оставалось минутъ десять между буракомъ и землею, сверкая разноцвѣтными красками. Когда рѣшетка эта, будто волшебствомъ зажженная, погасла, мы увидѣли фишиль, запылавшій по срединѣ бурака. Едва догорѣлъ онъ до верха, придцать прелестныхъ бумажныхъ фонарей, разныхъ цвѣтовъ, появились изнутри, спускаясь прямою линіею, одинъ надъ другимъ, отъ бурака до земли; они загорѣлись потомъ, и образовали столпъ, весьма правильный, составленный изъ цвѣтныхъ огней. Десять, или двѣнадцать такихъ столбовъ выпадали одинъ за другимъ, такой-же формы, освѣщаясь по мѣрѣ того, какъ они выпадали, и все это продолжалось до шѣхъ поръ, пока изъ бурака не вышло тысячи фонарей, уменьшавшихся въ величинѣ своей, постепенно по мѣрѣ появленія, такъ, что послѣдніе фонарики были уже весьма маленькіе, и зрѣлище это было истинно восхитительное.»

Фейерверкъ, данный въ честь Русскаго посольства, кромѣ того представлялъ собою доказательства искусства необыкновеннаго. Надобно было изумляться, видя, что гору, сверкавшую синими и бѣлыми огнями, столь похоже на живой водопадъ, что зрѣніе невольно обманывалось; что явленіе слоновъ, лошадей, тигровъ, бѣгущихъ среди полей, виноградомъ покрытыхъ. Гроздья виноградныя составлялись изъ огней, бѣлыхъ, красныхъ и синихъ.

Богдыханская охота представила потомъ зрѣлище гораздо болѣе любопытное и драматическое. «Февраля 21-го—говоритъ Бель—въ день, назначен-

ный для охоты, лошади присланы были къ намъ въ первомъ часу по полуночи, для Посланника и всѣхъ тѣхъ, кто долженъ былъ ему сопутствовать. Мы сѣли на присланныхъ лошадей, и послѣ шести миль пути, на юго-западъ отъ столицы, достигли на разсвѣтѣ до воротъ дворца, называемаго *Шай-За*, гдѣ встрѣтилъ насъ чиновникъ, и проводилъ черезъ лѣсъ къ сельскому дому, почти на одну милю разстояніемъ отъ дворца. Богдыханъ пріѣхалъ сюда наканунѣ и ночевалъ здѣсь. Только что вошли мы въ домъ, Его Величество, вставшій за часъ до нашего прибытія, прислалъ одного изъ своихъ эвнуховъ поздравить Посланника, и приказать, чтобы насъ угостили чаемъ и разными кушаньями. Послѣ завтрака, богдыханъ, страшный охотникъ до хорошаго оружія, попросилъ Посланника прислать ему поглядѣть свое охотничье ружье, и прислалъ намъ посмотрѣть многія изъ своихъ ружей; всѣ они были съ фитилями. Китайцы говорятъ, будто кремни въ ихъ климатѣ волгнутъ, такъ, что нѣтъ возможности стрѣлять изъ ружей съ курками, но я не замѣтилъ однакожъ подобнаго дѣйствія климата надъ нашими ружьями.

«Тогда дали сигналъ къ богдыханскому выѣзду. Немедленно всѣ сановники построились въ рядъ, отъ внутреннихъ ступеней дворца до самой дороги, ведущей въ лѣсъ. Всѣ были пѣшіе, вооруженные луками и стрѣлами, и въ охотничьемъ платьѣ. Нарядъ охотничій тотъ-же самый, что у конныхъ Китайскихъ офицеровъ въ походѣ. Намъ указали наше мѣсто, и когда Богдыханъ проѣзжалъ мимо

насъ, що онвѣчалъ на поклоны наши самою благосклонною улыбкою, давая намъ знакъ слѣдовать за нимъ. Сложивъ подъ себя ноги, сидѣлъ онъ въ открытомъ паланкинѣ, несомомъ четырьмя человѣками на носилкахъ, которыя лежали на ихъ плечахъ; передъ нимъ были охотничье ружье, лукъ и пукъ стрѣлъ. Этотъ способъ ѣзды на охоту принялъ богдыханъ съ нѣсколькихъ лѣтъ, когда пересталъ ѣздить верхомъ на лошадяхъ.

«Едва пронесли мимо насъ богдыхана, всѣ мы сѣли на лошадей, и слѣдовали за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи. Остановились только достигнувъ луговины въ лѣсу, гдѣ вся свита образовала полукругъ, въ срединѣ котораго помѣстился богдыханъ. Тогда растянули полукружіе, и выпустили множество зайцевъ, въ направленіи къ богдыхану; онъ убилъ многихъ на бѣгу, стрѣлами. При каждомъ промахѣ давалъ онъ знакъ князьямъ, которые преслѣдовали добычу и убили также много штукъ; но кромѣ ихъ, никто не дерзалъ ни стрѣлять, ни оставлять своего мѣста.

«Отсюда направили мы путь на западъ, къ мѣсту, покрытому кустарниками и тростникомъ, откуда вспугнули къ намъ множество фазановъ, куропатокъ и перепелокъ. Его Величество оставилъ свой лукъ и свои стрѣлы, взялъ на руку сокола, и спускалъ его, каждый разъ, когда подмѣчалъ близкую добычу. Соколъ богдыханскій безпрестанно промахивался на воздухѣ, но если дичь бросалась въ тростникъ, или въ кустарникъ, онъ ее схватывалъ быстро.

«Продолжая углубляться такимъ образомъ въ лѣсъ еще на двѣ, или на три мили, мы достигли большаго лѣса, гдѣ находилось много разныхъ звѣрей. Молодые охотники пустились въ чащу, и начали пугать ихъ, пока другіе захватили у нихъ выходы изъ лѣса. Хотя мимо насъ бѣжало множество добычи, но никто не смѣлъ стрѣлять, пока богдыханъ не убилъ оленя, очень ловко попавши въ него стрѣлою съ широкимъ копейцомъ. Послѣ того позволено было стрѣлять князьямъ въ дикихъ козъ; между убитыми нашлась коза мускусовая, которую называютъ въ Сибири *кабаргою*.

«Шесть часовъ были уже мы безпрестанно на лошадяхъ, и по моему счету проѣхали около 15-ти миль. Конца лѣса все еще не было видно. Мы оставили его, повернувъ на югъ, и достигли болотъ, поросшихъ высокимъ тростникомъ, откуда поднялось множество кабановъ, но какъ тогда было время года, въ которое не бьютъ ихъ, то имъ дали полную свободу разбѣжаться. Охота за кабанами почитается здѣсь самою опасною, послѣ охоты за львами и тиграми. Каждый старался уклониться отъ свирѣпости этихъ звѣрей; но, не смотря на то, нѣкоторые изъ кабановъ бросались съ бѣшенствомъ въ тѣ мѣста, гдѣ наиболѣе находилось лошадей. Богдыханъ предусмотрительно огородилъ палатками свой отрядъ людей, вооруженныхъ пиками.

«Послѣ обѣда, богдыханъ прислалъ двухъ изъ своихъ главныхъ евнуховъ, привѣтствовать Посланника, и извѣстить его, что хочетъ показать

ему правлю трехъ тигровъ, которыхъ нарочно берегли нѣсколько времени, запертыхъ въ желѣзныхъ клѣткахъ. Шатеръ богдыханскій стоялъ на возвышеніи, окруженный многими рядами стражей, вооруженныхъ длинными пиками. Другой отрядъ стражи поставленъ былъ передъ Посланникомъ и его свитою, чтобы охранять ихъ отъ свирѣпости яростныхъ животныхъ. Перваго тигра выпустилъ изъ клѣтки человѣкъ, прискакавшій на легкой лошади, отворивъ дверцы издалека, помощью веревки. Тигръ выскочилъ, и сначала только радовался, видя передъ собою свободное пространство, катался по травѣ, прыгалъ, рычалъ отъ удовольствія, и все это дало средства всаднику, выпустившему его, ускакать во всю прыть. Но черезъ нѣсколько минутъ веселья, тигръ поднялся сердито, поглядѣлъ вокругъ себя, казался изумленнымъ, видя повсюду людей и копья—заворчалъ, началъ грозно похаживать. Три раза выстрѣлилъ въ него богдыханъ, но разстояніе было велико, и онъ промахивался, хотя цѣлилъ очень ловко. Тогда велѣлъ онъ сказать послаянику, что позволяетъ ему попробовать свое ружье на тигрѣ. Посланникъ зарядилъ ружье одною пулею, поѣхалъ прямо на звѣря, сопровождаемый десятью копейщиками, на случай неудачи; надѣясь, что разстояніе соразмѣрно, онъ приложился, и отъ выстрѣла его тигръ мгновенно свалился мертвый.

«Тогда отворили клѣтку втораго тигра, но всадникъ, выпускавшій его, давъ ему время броситься на траву, выстрѣлилъ въ него изъ лука

стрѣлою, и, взбѣшенный полученною раною, звѣрь вспрыгнулъ отъ ярости, погнался за всадникомъ, преслѣдовалъ его, столь упорно, что тотъ едва успѣлъ ускакать и укрыться за ряды копейщиковъ. Приблизившись къ этой живой оградѣ, тигръ нѣсколько разъ старался перескочить ее, вспрыгнулъ наконецъ такъ высоко, что упалъ на копья, поднятыя къ верху, и издохъ, покрытый ранами.

«Третій тигръ, едва только увидѣлъ себя на свободѣ, какъ направилъ бѣгъ прямо къ богдыханскому шатру, и былъ убитъ почти подлѣ богдыхана. Надобно имѣть добрую лошадь и быть хорошо вооруженнымъ для охоты за тиграми въ дикихъ лѣсахъ, гдѣ они должны являться гораздо сильнѣе и проворнѣе, нежели видѣнные нами на травлѣ богдыханской. Легко можно было понять, что отъ долговременнаго сидѣнья въ тѣсной клѣткѣ, и отъ недостатка движенія, члены видѣнныхъ нами звѣрей не могли имѣть надлежащей силы и гибкости.

«Травлею тигровъ кончились увеселенія охоты. Послѣ ужина явился отъ Его Величества чиновникъ, и принесъ Посланнику кожу убитаго имъ тигра, объявляя, что она принадлежитъ ему по законамъ охоты.»

Среди всѣхъ этихъ праздниковъ, Русскій Посланникъ не забывалъ о цѣли своего посольства, и старался уговорить Китайцевъ на ближайшія сношенія торговыя и дипломатическія. Русскому Царю хотѣлось имѣть постояннаго агента при Пе-

кинскомъ Дворѣ; Кишайцы не согласились, но Посланникъ разстался однакожъ съ ними дружески. Тщетно уговаривали потомъ Кишайцевъ допустить въ Пекинъ архіерея, который былъ-бы наспыремъ плѣнныхъ Россіянъ и ихъ потомства, оставшагося въ Пекинѣ. Кажется, что Рускіе нарочно не желали возвращенія плѣнныхъ своихъ, стараясь имѣть всегдашнюю причину къ сношеніямъ съ Китаемъ. Кишайцы позволили наконецъ быть при Русской слободѣ архимандриту. Въ 1727 году отправился въ Пекинъ полномочный Посолъ Русскій, графъ Рагузинскій, но едва не поссорился съ Кишайцами, по причинѣ горделиваго своего обращенія. Положено было торговать послѣ того только на Китайской границѣ, въ мѣстечкѣ Кяхтѣ. Опасаясь мщенія Рускихъ за оскорбленіе Рагузинскаго, вовлеченные притомъ въ войну съ Калмыками, Кишайцы присылали дважды посланниковъ въ Петербургъ, при императрицѣ Аннѣ. Не смотря на двукратное прекращеніе торговли при императрицѣ Екатеринѣ, миръ продолжился, и въ началѣ нынѣшняго столѣтія новый опытъ посольства былъ произведенъ Рускими, но оказался рѣшительно неудачнымъ, такъ, что посолъ, графъ Головкинъ, воротился, едва переѣхавши Русскую границу. Дипломатическія сношенія между Китаемъ и Россіею продолжаются безпрестанно черезъ начальниковъ пограничныхъ областей, а при Пекинской Русской церкви постоянно живетъ Русскій архимандритъ, съ небольшимъ числомъ причетниковъ. Къ сожалѣнію, Рускіе до сихъ поръ

почти ничего не издавали изъ своихъ любопытныхъ извѣстій, прежнихъ и новыхъ, такъ, что Европѣ остаются неизвѣстными подробности ихъ посольствъ въ Китай и сношеній съ Китаемъ. Только въ послѣднее время, Іакинѳъ Бичуринъ, нѣсколько лѣтъ бывшій въ Пекинѣ архимандритомъ, напечаталъ нѣсколько переводовъ съ Китайскаго, доказывающихъ обширныя свѣдѣнія его въ Китайской литературѣ.

Замѣтимъ, что послѣ посланника Измайлова являлось въ Пекинѣ посольство отъ Папы, въ 1721 году, а потомъ, въ 1753 году, посольство Португальское. То и другое не имѣли никакого успѣха, и кончились спорами объ обрядахъ.

Наконецъ, Англичане вздумали отважиться на опытъ дипломатическихъ сношеній съ Китаемъ. Лордъ Макартней, уполномоченный посолъ Сенъ-Джемскаго Двора, отправленъ былъ, въ 1792 году, изъ Спитида, на корабляхъ: *Левъ*, 74-хъ пушечномъ линейномъ, и *Индостанъ*, Компанейскомъ, въ 1200 тоннъ груза. Путешествіе расположили такъ, чтобы посольству осмотрѣть въ Китаѣ области, доселѣ никѣмъ изъ Европейцевъ невидѣнныя. Для этого, вмѣсто направленія на Макао и Кантонъ, Макартнею было предписано плыть по Желтому морю, и пристать къ восточному берегу Китая. Посѣтивъ Яву и Кохинхину, эскадра Англійская прошла Формозскимъ проливомъ, направилась къ сѣверу, осматривала берега, останавливаясь нѣсколько разъ, и иногда даже не въ виду берега—такъ мѣлко Желтое море—наконецъ, въ Августѣ

1793 года, достигла устья рѣки *Пей-го*, цѣли своего путешествія. Здѣсь посолъ перешелъ съ своею свитою на Китайскую яхту, назначенную для плаванія его по рѣкѣ Пей-го въ Пекинъ.

Сопровождаемое естествоиспытателями, физиками, рисовальщиками, посольство Макартнея долженствовало быть гораздо полезнѣе для успѣха знаній, нежели всѣ предшествовавшіе ему путешествія Европейцевъ въ Китай. Въ продолженіе пути, рисовальщикъ Александръ снималъ своимъ искуснымъ карандашемъ все, что встрѣчалось любопытнаго, между тѣмъ, какъ Барровъ и Георгъ Стаунтонъ занимались изслѣдованіями, касательно жителей и земли.

Сбѣгаясь смотрѣть на невиданныхъ чужеземцевъ, народонаселеніе области *Пе-чи-ли* покрывало оба берега рѣки. Ежечасно, ежемгновенно сцена измѣнялась: то, когда посольская яхта, выгадывая сокращеніе пути, входила во внутреннія каналы, путешественники видѣли округлявшійся передъ ними какой нибудь одинъ изъ тѣхъ красивыхъ мостовъ, объ одной аркѣ, надъ которыми строятся въ Китаѣ торжественныя врата; то, когда мѣстоположеніе вдругъ возвышалось, плавателей изумлялъ Китайскій способъ гидравлики, замѣняющій у нихъ наши шлюзы: не находя средства перемѣнить уровень воды, Китайцы подымаютъ и переносятъ суда изъ одного канала въ другой; это дѣлается посредствомъ складенной изъ камней покатости, образующей собою наклоненный уголъ, около сорока градусовъ. Суда тянутъ воротами

на вершину покатости, и когда они достигнутъ точки перехода на другую сторону, охранительные канаты поддерживаютъ ихъ, пока не сойдутъ они на уровень высшей воды; широкіе вѣера, изъ новыхъ прутьевъ, поставляемые спереди, защищаютъ между нѣмъ переправляемую жонку отъ сильнаго удара по водѣ.

Въ *Тонгъ-гу-фу* посольство прекратило свое плаваніе по рѣкѣ Пей-го, и отправилось сухимъ путемъ. Три тысячи носильщиковъ тащили на своихъ плечахъ, до самаго Пекина, вещи посольства и подарки, назначенные для Богдыхана. Послѣ нѣсколькихъ часовъ пути, по дорогѣ, выложенной гранитомъ, среди безчисленной толпы зрителей, посольство завидѣло вдали стѣны Пекинскія. Обставленныя четыре-угольными башнями, и окруженныя рвомъ, стѣны эти составляютъ громаду, въ 25 футовъ толщиною снизу, и въ 12-ть футовъ сверху; вышина ихъ отъ 25-ти до 30 футовъ; камнемъ обложена только наружность ихъ, а самый пустръ, между двухъ стѣнокъ, набитъ землею.

Слѣдуя по направленію стѣнъ Пекинскихъ, посольство приблизилось къ однимъ изъ воротъ столицы. Оно остановилось шутъ за мостомъ, переброшеннымъ черезъ ровъ, и вступило потомъ въ Пекинъ на-лѣво отъ полукруглаго поворота стѣны. Всѣхъ воротъ въ Пекинѣ считается девять, и постройкою онѣ похожи однѣ на другія; только углы, образуемые къ нимъ стѣною, близъ иныхъ оставлены квадратные, около другихъ округлены.

Когда посолъ и свита его прошли подъ сводомъ отверзтія, образуемаго воротами, *Пекинъ* раскрылся передъ взорами ихъ. Широкія, въ 20, 30 туазовъ, и длинныя по соразмѣрности улицы, прямо пролянутыя и хорошо содержимыя; домы, въ одинъ этажъ, украшенные расписанными фасадами; красивыя лавки съ товарами, съ вывѣсками раззолоченными, съ вѣющимися значками—вотъ что представила общность Китайской столицы послу Британскому. Принужденные ѣхать съ одного конца города на другой, чтобы достигнуть дворца Юанъ-мингъ-Юанъ, находящагося за городскою стѣною, Англичане могли разсмотрѣть все великолѣпіе Пекина. Въ иномъ мѣстѣ особенно изумляли ихъ какія-нибудь торжественныя врата, или *пай-зангъ*, воздвигнутыя въ славу, или воспоминаніе знаменитаго человѣка—памятники, обыкновенно, деревянные, рѣзные и раскрашенные, съ тремя проходами, и съ кровлею фигурною, изображающею что-то въ родѣ лебединой шеи, или въ формахъ еще болѣе странныхъ и узорчатыхъ; въ другомъ мѣстѣ не льзя было не полюбоваться, подлѣ такого, по обѣту воздвигнутаго зданія, высокою крѣпостью, у которой на стѣнахъ развѣвалось богдыханское знамя, и ходилъ часовой съ пикою въ рукахъ. Въ иномъ мѣстѣ, уже за городскою стѣною, возвышалась сквозная высокая башня, *та*, или *тапсъ*, лучшій образецъ которой находится въ Сьу-Чьу, въ тамошнемъ странномъ созданіи Китайскаго зодчества, башнѣ съ десятью навѣсами, въ видѣ восьми-

угольныхъ раковинъ, обкладенной муравленными кирпичами, обвѣшенной звонкими колокольчиками.

Проѣхавъ городъ во всю длину его, среди удушающей пыли, и въ толпахъ народа, любопытнаго которыхъ не могла унимить даже бамбуковая палка полицейскихъ служителей, посольство достигло наконецъ до дворца Юанъ-мингъ-Юанъ, гдѣ богдыханъ, бывшій иногда въ Монголіи, назначилъ мѣсто для пребыванія Англійскаго посла и свиты его. Но только докторъ Двиди и Барровъ остановились здѣсь; другіе Англичане убѣдительно просили препроводить ихъ обратно въ Пекинъ, а самъ Макартней, на другой-же день, долженъ былъ отправиться съ частью свиты въ богдыханское иногдашнее мѣстопребываніе Іе-го.

Юанъ-мингъ-Юанъ, что значитъ по-Китайски: « круглый блистающій домъ, » считается однимъ изъ чудесъ сѣвернаго Китая. Дворецъ этотъ составляютъ множество строеній, расположенныхъ съ величественною соразмѣрностью, и раздѣленныхъ дворами, садами и лугами. Фасады зданій его блестятъ золотомъ, лакомъ и красками. Китай, Японія, Европа соединили здѣсь всякія произведенія свои, для украшенія внутренности этого великаго дворца. Подарки пословъ, предметы иноземной роскоши, разставлены тутъ, безъ порядка, въ большой пріемной залѣ. Зала эта построена на громадѣ камней, возвышающей ее отъ земли, а крыша зданія, самыхъ странныхъ фигурныхъ формъ, поддерживается деревянными столбами, между которыми размѣщены окна, на манеръ готическихъ.

Но сады дворцовые еще удивительнѣе дворцовыхъ строеній. Тутъ, на пространствѣ 60,000 акровъ— горы, озера, рѣки, нагромождены, ископаны, устроены руками человѣческими. Природа вся искуственная и поддѣльная, но она поддѣлана въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что возбуждаетъ невольное изумленіе; горы покрыты здѣсь цвѣтущими деревьями, рѣки унизаны красивыми, великолѣпными жонками; на озерахъ разбросано безчисленное множество зеленѣющихъ острововъ. Тамъ и здѣсь, среди этой испещренной цвѣтами и зеленью, искуственной природы, видны прицѣпленные на спремнахъ ущесовъ, взгроможденныхъ по лугамъ, или перенесенныхъ цѣликомъ издалека, съ неимовѣрными издержками, кіоски, бельведеры, фарфоровыя башни, торжественныя врата; все это считаютъ здѣсь тысячами. Во всякой долинѣ поставленъ тутъ особый увеселительный домъ, или лучше сказать, дворецъ; такихъ дворцовъ находится въ Юанъ-мингъ-Юанѣ — *двѣсти!* У каждаго свой особенный фасадъ съ колоннами, свои раззолоченныя, раскрашенныя, разлакированныя стѣны, свои навѣсы и кровли, унизанныя черепицами, алыми, желтыми, голубыми, зелеными, фіолетовыми, изображающими узоры, не столько изящные, сколько странные. — Мраморъ, кирпичъ, кедръ — все это, вмѣстѣ и порознь, употреблено безъ счета въ здѣшнихъ зданіяхъ. Самое превосходное изъ всѣхъ строеній, поставленное посреди искуственнаго озера, растянутаго на половину льё въ поперешникѣ, воздвигнуто среди громады искуствен-

ныхъ ушесовъ. Это зданіе изумительно; въ немъ *сто комнатъ*, великолѣпно убранныхъ, и отдѣлка всего такъ превосходна, что даже Европеецъ невольно принужденъ удивляться.

Сентября 2-го, лордъ Макартней отправился въ Іе-го, тогдашнюю резиденцію богдыхана, устроенную въ Монголіи, подлѣ знаменитой *Великой стѣны*, старинной границы Китайскаго государства.

Этотъ пограничный оплотъ, это исполинское созданіе, одно изъ самыхъ удивительныхъ, какія только производила рука человѣческая, громадная каменная мысль, существующая уже двадцать столѣтій, простирается болѣе нежели на 1300 миль протяженія, считая съ западной оконечности его въ Шенъ-Зи, до восточнаго края, въ Пе-чи-ли. Великая стѣна Китайская вздымается на самыя крутыя горы, нисходитъ въ глубокія ущелья ихъ, перерѣзываетъ собою потоки, и пересѣкается столько большими рѣками; ее составляетъ параллельная кладка въ двѣ стѣны кирпичей, между которыми промежутки набиты землею и каменникомъ; основаніе утверждается на огромныхъ дикихъ каменьяхъ, поддерживающихъ эту безмѣрную громаду. Высота Великой стѣны вообще простирается до 24-хъ, а ширина до 13-ти футовъ. Черезъ каждые сто шаговъ находятся на ней башни, защищаемыя пушками. Барровъ, въ своемъ описаніи Макартнеева посольства, приводитъ слѣдующія вычисленія, можетъ быть, болѣе остроумныя, нежели исправныя: «Великая стѣна Китайская такъ огромна — говоритъ онъ — что если предполагать — и это,

кажется, никѣмъ еще не было оспорено — протяженіе ея на 1500 миль, а толщину вездѣ ту, какую видѣли мы въ мѣстахъ, черезъ которыя проѣзжали съ лордомъ Макартнеемъ, но матеріялы, употребленные на постройку всѣхъ домовъ въ Англіи и Шотландіи, полагая ихъ въ числѣ 1,800,000, и на каждый считая 2000 кубическихъ футовъ, составятъ массу, едва столько равную массѣ Великой стѣны Китайской, не принимая еще въ соображеніе огромныя башни, на ней поставленныя. Одѣ башни эти, предположивъ, что на протяженіи всей стѣны разставлены онѣ на разстояніяхъ, какія можетъ перелетѣть стрѣла, изъ лука пущенная, будутъ заключать въ себѣ кирпичей и камня столько, сколько содержится ихъ въ зданіяхъ всего Лондона. Желая дать себѣ понятіе о громадности Великой стѣны, сообразите одно то, что матеріяловъ, на нее употребленныхъ, достаточно-бъ было построить стѣну, въ шесть футовъ вышиною и два фута толщиною, которая *два раза* обогнетъ весь земной шаръ при этомъ размѣрѣ, считая по прямой линіи» . . . .

Приписываютъ богдыхану Тзинъ-ши-Гоангу, царствовавшему за два столѣтія до Р. Х., сооруженіе этого изумительнаго памятника. Желая защититься отъ набѣговъ воинственныхъ, кочевыхъ народовъ, приходившихъ на Китай изъ средины Азіи, Тзинъ-ши-Гоангъ совершилъ столь громадное сооруженіе (по словамъ Китайскихъ историковъ) въ *пять лѣтъ*, употребивъ на работу *шестаго* человѣка изъ всего народонаселенія Китай-

скаго государства. Кончивъ сооруженіе стѣны, назвали ее *Вань-ли-Чингъ* (десяти тысячь ли). Но не смотря на эту охранительную громаду, Китай дважды былъ завоеванъ въ послѣдствіи, въ первый разъ Монголами, въ другой Манджурами.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Англійское посольство проѣзжало сквозь Великую стѣну, она идетъ двойнымъ рядомъ укрѣпленій, изъ которыхъ второй начинается отъ однихъ воротъ ея и оканчивается при другихъ. Охранный корпусъ Монгольскаго войска расположенъ въ срединѣ обширнаго пространства, замкнутаго въ этихъ двухъ стѣнахъ, и онъ раздвигаетъ кочеванье свое далѣе, въ горное ущелье, составляющее дорогу къ Іе-го. Земля плодоносна, не смотря на дикую внѣшность ея; стада барановъ и воловъ, маленькіе домики, разставленные, то отдѣльно, то купами, показываютъ народонаселеніе, не столь тѣсное, какъ въ настоящемъ Китаѣ, но за то привольнѣе живущее.

Сентября 12-го посольство прибыло въ Іе-го, а 14-го было принято на аудіэнціи, царствовавшимъ тогда богдыханомъ Кіангъ-Лунгомъ. Два мандарина, *Вань-та-гинь* и *Шонъ-та-гинь*, церемоніймейстеры при посольствѣ, со времени плаванія его по Пей-Го, сопровождали лорда Макартнея до шатра, приготовленнаго къ его пріятію, и находившагося вблизи шатра богдыханскаго. Вмѣсто *ко-ту*—этого непзмѣннаго поклоненія при Китайскомъ Дворѣ, для котораго, какъ говоритъ капитанъ Максуэль, надобно имѣть на лбу запасную кожу, лордъ Макартней только преклонилъ колѣно, когда богды-

ханъ шелъ мимо его, для вступленія на тронъ свой; въ этомъ состояло все униженіе, которымъ удовольствовалась Китайская церемоніяльность отъ Британской гордости.

Едва богдыханъ сѣлъ на тронѣ, посолъ Англійскій появился у входа въ шатеръ его, и прямо пошелъ къ трону, неся въ золотой коробочкѣ, украшенной брилльянтами, грамату своего короля. Богдыханъ принялъ ее, и въ обмѣнъ вручилъ, какъ знакъ *ейши* (символъ миролюбія), агатъ, или змѣевикъ, назначенный Англійскому королю. Два другіе ейши, меньшей цѣны подарены были самому послу и сиру Стаунтону, предназначенному остаться полномочнымъ посломъ при Пекинскомъ Дворѣ. По обычаю, обѣдъ слѣдовалъ за пріемомъ, и самъ богдыханъ передавалъ изъ рукъ своихъ чашечку съ камчу лорду Макартнею.

Другой праздникъ данъ былъ въ Іе-го, по случаю дня рожденія богдыханскаго, и Макартнея пригласили на этотъ праздникъ. Великіе сановники Китайскіе, оскорбленные слишкомъ вольнымъ обращеніемъ посла на пріемной аудіэнціи, надѣялись, что обряды при этомъ приглашеніи дадутъ имъ средство отмстить гордому Англичанину, но надежда ихъ не сбылась. Англійскій посолъ хладнокровно предоставилъ подданнымъ богдыхана стучать лбомъ и сгибать колѣна передъ Его Богдыханскимъ Величествомъ, на сей разъ невидимымъ, сидѣвшимъ на тронѣ за занавѣсомъ, но самъ не слѣдовалъ общему примѣру. Среди праздниковъ, Макартней старался всячески заводить рѣчь о тор-

говыхъ дѣлахъ Англіи съ Китаемъ, главномъ предметѣ своего посольства; но богдыханъ уклонялся отъ прямой рѣчи, или заграждалъ уста Англійскому дипломату какими нибудь подарками, то посылая къ нему драгоцѣнный камень, то книжечку, самимъ имъ писанную, или кошельки для арека, а наконецъ прислалъ маленькую коробочку Японскаго фарфора, старинной работы, съ оправою драгоцѣнными каменьями; коробочка эта, назначенная отъ Кіангъ-Лунга Англійскому королю, уже восемь сотъ лѣтъ принадлежала Китайскимъ богдыханамъ, какъ увѣряли Макартнея Китайцы, съ благоговѣніемъ передавая ее.

Продолжительно было-бы входить во всѣ подробности увеселеній, которыми ознаменовалось пребываніе Англійскаго посольства въ Іе-го. Тутъ, одно за другимъ, слѣдовали обѣды, фейерверки, спектакли, такъ, какъ бывало это при угощеніи другихъ Европейскихъ посольствъ, являвшихся при Дворѣ Пекинскомъ. Вотъ отрывокъ изъ описанія, какое передалъ намъ Макартней, говоря о придворномъ спектаклѣ; спектакль этотъ можно было назвать опытомъ наутическаго (водянаго) театра.

«Послѣднею изъ представленныхъ пьесъ — говоритъ Макартней—была большая пантомима, и по громкимъ рукоплесканіямъ, какія заслужила она, кажется, что въ понятіяхъ Китайцевъ эта пантомима составляетъ чудо механическаго изобрѣтенія и сценическаго дарованія. Сколько могъ я понять, хотѣли изобразить на театрѣ бракъ *земли* и *моря*. Земля показывала тутъ многообразіе своихъ оби-

шашелей и своихъ произведеній, вывела на сцену драконовъ, слоновъ, тигровъ, орловъ, спрофокамиловъ, дубы, сосны, деревья всякихъ родовъ. Море не хотѣло уступить ей чести, и по его повелѣнію явились богатства водянаго царства—киты, тюлени, морскія чудовища, показались корабли, вышли мѣли, раковины, губки, кораллы. Все это было представляемо людьми, скрытыми въ машинахъ, и выполнявшими свои роли превосходно. Когда все подвластное землѣ и морю наполнило сцену, показало себя зрителямъ, раздѣльно и вмѣстѣ, и потомъ выдвинулось впередъ театра, послѣ нѣсколькихъ оборотовъ дѣйствующія лица разошлись направо и налѣво, и дали мѣсто огромнѣйшему киту; извивая громадное тѣло свое, чудовище приблизилось къ самому переднему краю сцены, противъ ложи богдыхана, открыло пасть свою, и извергло изъ нея страшное количество воды, которая хлынула и утекла въ дыры, нарочно сдѣланныя въ партерѣ. Этому особенно апплодировали зрители, и двое, или трое знатныхъ Китайцевъ, сидѣвшихъ подлѣ меня, просили меня обратить особенное вниманіе на видѣнное нами диво. «*Гао! Кунгъ гао* (прелестно, превосходно)!» восклицали они въ восторгѣ.

Сады и парки *Іе-госкіе* считаются одною изъ самыхъ знаменитыхъ рѣдкостей Китая. Макартней соглашается, что дѣйствительно они возбуждаютъ удивленіе. Китайское названіе этой богдыханской резиденціи *Ванъ-Шу-Юанъ* (рай десяти тысячъ деревъ), и богдыханъ весьма рѣдко даетъ

дозволеніе осматривать этотъ рай. Парки здѣшніе состоятъ изъ двухъ отдѣленій, совершенно различнаго вида: въ одномъ поверхность неровная, волнистая, и въ срединѣ находится обширное озеро, усѣянное островами, обставленное по берегамъ мысами и заливами. Тутъ, на высочѣ мѣстахъ, разбросаны произведенія искусства, которое силилось подражать красотамъ природы, и старалось соединить ихъ съ предметами поразительными: среди дикаго лѣса возвышается пагодъ; на красивомъ утесѣ поставленъ дворецъ; при выходѣ изъ искривленной дорожки видите кіоскъ. Но другая половина парка являетъ красоты болѣе величественныя и болѣе многочисленныя: тутъ безмѣрные, столѣтніе лѣса, дикіе утесы и стремнины, населенные сернами и оленями, сосны, дубы, лиственницы, каштаны, что выходящіе изъ гребней скалъ, и иглами возвышенные къ небу, что ползущіе по ребрамъ стремнинъ, и купающіе вершины свои въ кипящихъ потокахъ водопадовъ; все это усѣяно увеселительными домами и убѣжищами для охоты, маленькими, красиво построенными храмами, пустынными обителями — нѣтъ пробитыхъ дорогъ, нѣтъ аллей, пескомъ усыпанныхъ — утесы голые, дикіе видны повсюду. Съ трудомъ перебираясь черезъ нихъ, Макартней достигъ наконецъ до павильона, поставленнаго на высотѣ горы. «Видъ отсюда,» говоритъ онъ, «простирается, по крайней мѣрѣ, на 20-ть миль въ окружности, и никогда не думалъ я увидѣть что нибудь столь богатое, многообразное, величест-

венное! Все различалъ я отсюда, какъ будто на раскрашенной ландкартѣ: пагоды, дворцы, селенія, фермы, долины, луга, орошенные безчисленными ручьями, горы, украшенныя волнистыми лѣсами, пастбища, покрытыя стадами. Мнѣ казалось, что всѣ эти предметы были у ногъ моихъ, и что мнѣ надобно было только шагнуть, чтобы къ нимъ достигнуть.»

Съ этой высоты, Макартней могъ также видѣть, построенный на скатѣ горы Марбури, одинъ изъ великихъ памятниковъ Ламайской вѣры, обитель *Ботала*, или *По-та-ла*. Здѣсь, въ лѣтнее время, живетъ *Далай-Лама*, первосвященникъ Буддійскаго исповѣданія, папственный властитель Тибета. Храмъ здѣшній, почитаемый лучшимъ изъ всѣхъ Тибетскихъ храмовъ, до 312 футовъ въ вышину; крышка его сплошь позолочена. Въ зданіяхъ около храма устроено болѣе 10,000 келлій, каждая съ окошкомъ на которую нибудь изъ сторонъ фасада. Башни и обелиски, облитые золотомъ и серебромъ, драгоцѣнныя статуи Будды, разсыпаны здѣсь въ неисчислимомъ множествѣ.

Послѣ недѣли, проведенной въ шумныхъ праздникахъ, Англійское посольство воротилось въ Пекинъ, Сентября 26-го. Во время отсутствія Макартнея, Барровъ и Двинди были жертвою мѣлкой интриги евнуховъ Юанъ-минъ-Юанскихъ. Они приходили въ отчаяніе, слыша, какъ успѣшно идутъ дѣла Макартнея въ Іе-Го, и сердились на Англичанъ жестоко. Удостоившись чести видѣть лицомъ къ лицу повелителя Небесной имперіи, и не хо-

шѣнь бишь передъ нимъ лбомъ объ полъ—это казалось имъ неслыханнымъ оскорбленіемъ чести Китая, которой иначе не могли объяснишь себѣ спражи богдыханскаго гарема. Въ досадѣ своей, мстили они всякими мѣлочными привязками за оскорбленіе славы и чести отечественной. Прибывшіе Макартнея и богдыхана избавило бѣдныхъ Англичанъ отъ сплетней придворнаго міра Пекинскаго.

Въ Пекинѣ начались было снова дипломатическіе переговоры объ обрядахъ поздравленія и необходимости земныхъ поклоновъ. Макартней держался упрямо въ своихъ условіяхъ, и не смотря ни на какіе происки Китайскихъ мандариновъ, всѣ препирательства кончились наконецъ, какъ прежде—только преклоненіемъ колѣна. Аудіэнція для поднесенія подарковъ была утверждена, и немедленно послѣ нея Англійскій посолъ получилъ указъ богдыхана, что пребываніе Англичанъ въ Пекинѣ не должно быть отсрочено далѣе 7-го Октября. Сопутники Макартнея спѣшили пользоваться остальнымъ временемъ, стараясь подробнѣе разсмотрѣть столицу Китайскую.

Пекинъ состоитъ собственно изъ двухъ городовъ, совершенно различныхъ; сѣверный именуется *Кингъ-Чингъ*, или *Манджурскій* городъ, и образуетъ собою почти квадратъ; южный именуютъ *Лао-Чингъ* (старый городъ), или еще *Вай-ло-Чингъ*; онъ составляетъ продолговатый четыреугольникъ. Въ первомъ обитаютъ Манджуры, во второмъ собственно Китайцы.

Манджурское отдѣленіе, безспорно, превосходитъ Китайское; домы въ немъ красивѣе по наружности и гораздо лучше убраны внутри. Кромѣ двухъ главныхъ своихъ дѣленій, Пекинъ заключаетъ еще 12-ть предмѣстьевъ, каждое по двѣ мили длиною. Такимъ образомъ, столица Китайская объемлетъ ужасное пространство земли, и потому, можетъ быть, многіе возводили народоселеніе Пекина до преувеличенной степени. Гобиль, а въ новѣйшее время Тимковскій (Русскій чиновникъ, сопровождавшій въ Пекинъ одного изъ Русскихъ архимандритовъ), полагали число жителей въ Пекинѣ до 2,000,000; кажется, что уменьшая этотъ цыфръ на 1,400,000, мы болѣе приблизимся къ вѣроятію.

Послѣ главнаго дѣленія на двѣ половины, Пекинъ подраздѣляется на части, и каждая изъ нихъ составляетъ городъ чрезвычайно обширный; три такихъ части считаютъ въ Манджурскомъ отдѣленіи; у каждой своя особенная стѣна. Въ одной изъ этихъ частей находится богдыханскій дворецъ *Тсу-кинъ-Чингъ*, едва-ли не обширнѣйшій изъ всѣхъ дворцовъ, какіе только существуютъ въ мірѣ. Окружность его составляетъ до 2000 туазовъ. Отдѣляютъ его отъ всѣхъ строеній зубчатыя стѣны, складенныя изъ кирпичей и покрытыя желтою черепицею. Внутренность дворца составляетъ пространеніе дворовъ, обставленныхъ колонпадами, и зданій, убранныхъ съ величайшимъ великолѣпіемъ. Лучшее изъ всѣхъ зданій дворца обширный портикъ *Туанъ-Мень;* потомъ слѣдуютъ два

храма, *Тай-Miao*, гдѣ обожаютъ изображенія Манджурскихъ богдыхановъ и *Ше-Тсу-Тана*, возведеннаго Китайцами въ достоинство духа, благодѣтеля земледѣлія. Въ богатой залѣ *Тай-го-Тіанъ* (великаго единства) богдыханъ принимаетъ чиновниковъ государства и иностранныхъ посланниковъ. Наконецъ замѣчательно особенное жилище богдыхана; названіе его значитъ *Пребываніе свѣтлаго неба*. Это самое высокое, богаче всѣхъ убранное, великолѣпнѣе всѣхъ построенное отдѣленіе богдыханскаго мѣстопребыванія. Въ другой половинѣ дворца, или *Гуангъ-чингѣ*, отдѣленномъ особенною стѣною, видѣнъ славный храмъ Будды, или Фо, съ истуканомъ этого бога, бронзовымъ, позолоченымъ, 60-ти футовъ вышиною и со ста руками. Тутъ-же находится обширный Монгольскій храмъ, *Сунгъ-Чу-Шу*, гдѣ живетъ *Кутухта*, первый изъ трехъ великихъ первосвященниковъ Далай-Ламской религіи, пребывающій въ Пекинѣ; при его жилищѣ находится типографія, для печатанія книгъ на языкѣ Тибетскомъ. Въ *Гуангъ-Чингѣ* устроены еще залы для театральныхъ представленій, сооруженныя *Кіангъ-Лунгомъ*, и видны пять искусственныхъ холмовъ; на одномъ изъ этихъ холмовъ, *Кингъ-Шанѣ*, или *Блестящей горѣ*, возвышенной надъ другими, *Гоей-Тзунгъ*, послѣдній богдыханъ изъ династіи Мингъ, зарѣзалъ дочь свою, и потомъ самъ повѣсился на деревѣ, чтобы не отдаться живому въ руки бунтовщика *Ли-тсу-Чинга*. Кромѣ всѣхъ упомянутыхъ мною зданій, въ *Гоангъ-Чингѣ* заключается еще множество другихъ, весьма замѣ-

чательныхъ. Тутъ судилища, храмы, жилища придворныхъ, и даже есть лавки, предоставленныя нѣсколькимъ привиллегированнымъ торговцамъ. Во второй оградѣ воздвигнутъ дворецъ, окруженный обширнымъ каналомъ, черезъ который построенъ мостъ изъ чернаго яшпса, созданіе странное и смѣлое. Если вѣрить миссіонеру Магаллансу, мостъ этотъ изображаетъ собою дракона, у котораго ноги составляютъ столбы, а изогнутое тѣло арки мостовыя.

Китайское отдѣленіе Пекина уступаетъ богатствомъ Манджурскому, но заключаетъ въ себѣ также замѣчательные памятники. *Храмъ Неба*, или *Тіань-Танъ*, считается первымъ во всемъ Китаѣ, по своей постройкѣ и убранству. Въ этотъ храмъ ежегодно ѣздитъ богдыханъ въ день зимняго равноденствія, для принесенія жертвы богу. Особенная комната въ этомъ храмѣ, *Чай-Кунгъ* (мѣсто уединенія и покаянія), служитъ богдыхану для житья во время трехъ-дневнаго поста, которымъ приготовляется онъ къ такому жертвоприношенію; главная зала кругла, изображаетъ собою небо, и украшена 82-мя столбами, расписанными золотомъ и лазурью. На величественную высоту выставляются надъ нею три отдѣленія кровель, каждая особаго цвѣта, голубаго, желтаго и зеленаго. Въ храмѣ живутъ 500 музыкантовъ, опредѣленныхъ для его служенія. Неподалеку отсюда другой храмъ, посвященный изобрѣтателю земледѣлія. Сюда ежегодно, весною, приходитъ богдыханъ, торжественно берется за плугъ, и проводитъ боро3-

ду по землѣ—обрядъ, умно придуманный и имѣвшій нѣкогда, можетъ быть, политическое значеніе, но теперь просто сдѣлавшійся обрядомъ.

Исчисленіе всѣхъ примѣчательныхъ зданій, какія замыкаетъ въ стѣнахъ своихъ безконечный Пекинъ, могло-бы завлечь далеко. Упомяну только еще о двухъ, особенно характеристическихъ памятникахъ, касающихся исторіи и религіи Китайцевъ: это храмъ *Тиванъ-Міао* и храмъ Конфуція *(Кунъ дзе*, или *Конъ-фу-тзе)*. Въ первомъ находятся скрижали, или портреты славнѣйшихъ богдыхановъ, начиная съ Фу-ги до династіи Тзинъ. *Фу-ги* изображенъ тутъ съ полумѣсяцами на обѣихъ сторонахъ головы, писальнымъ грифелемъ въ рукѣ, и своими священными таблицами, передъ нимъ лежащими. Подлѣ него видно изображеніе божества, называемаго Европейцами *Китайскимъ Юпитеромъ*, фантастическаго генія, съ драконовыми ногами, птичьимъ носомъ и распростертыми крыльями; поставленный въ кругѣ, обвѣшенномъ маленькими парашанами, онъ взмахиваетъ жезломъ, какъ будто-бы хотѣлъ въ нихъ ударить.—*Храмъ Конфуція* находится въ богдыханскомъ коллегіумѣ. Здѣсь приносятъ въ память великому мудрецу поклоненія и кровавыя жертвы, отъ имени всего государства. Зала жертвованій находится по срединѣ двора, и въ ней, рядомъ съ портретомъ великаго Конфуція, находятся еще скрижали *Менъ-дзея*, или Менція, и двухъ, или трехъ другихъ философовъ втораго разряда; девяносто шесть скрижалей раз-

ныхъ мудрецовъ, составляющихъ третій разрядъ, поставлены отдѣльно.

Обожаніе людей мудрыхъ и ученыхъ, заведенное въ Китаѣ съ незапамятныхъ временъ, вѣроятно, было главною причиною множества заведеній ученыхъ и учебныхъ, какими обилуютъ Пекинъ и весь Китай. Въ столицѣ находится трибуналъ исторіи и литтературы Китайской, родъ университета, предназначенный для воспитанія семейства богдыханскаго и для собранія лѣтописей Китая. Кромѣ того замѣчательны: богдыханскій коллегіумъ; богдыханская обсерваторія, построенная въ 1279 году, и обновленная миссіонеромъ Вербіестомъ, когда былъ онъ предсѣдателемъ математическаго трибунала; типографія; трибуналъ медицинскій; домъ для незаконнорожденныхъ дѣтей; публичныя училища; осленное заведеніе; собранія предметовъ естествознанія, и наконецъ богдыханская библіотека, гдѣ, по извѣстіямъ Абель-Ремюза, находится около 300,000 томовъ разныхъ книгъ.

Наши Европейскія столицы, какъ-бы ни отличались онѣ населеніемъ и промышленностью, дадутъ только несовершенное понятіе о шумѣ, движеніи и народонаселеніи Пекина. Въ каждомъ нижнемъ этажѣ дома находится здѣсь лавка; у каждой лавки своя вѣха, украшенная красными, голубыми, зелеными, бѣлыми флагами, для привлеченія проходящихъ; на каждой такой вѣхѣ вывѣска, гдѣ не только означено имя торговца, но исчислены еще его торговая родословная, похвалы ему, и частныя достоинства, рекомендующія его вниманію по-

купателей, подлѣ исчисленія главныхъ предметовъ его торговли. При пестротѣ и смѣшеніи такихъ вѣхъ, значковъ и вывѣсокъ, каждая улица Пекина походитъ на пристань, покрытую множествомъ кораблей, распещренныхъ флагами. Улицы Пекинскія наполнены кромѣ того безчисленнымъ множествомъ переносныхъ лавочекъ, подвижныхъ цырюленъ, бродящихъ заведеній мѣдниковъ, чебопарей, кузнецовъ. Посреди этихъ, безпрерывно движущихся и работающихъ мастерскихъ, видите и осѣдлые мѣлочные притоны мѣлкой торговли, чаемъ, плодами, варенымъ сарачинскимъ пшеномъ, разными закусками, такъ, что не смотря на ширину улицъ Пекинскихъ, остается по срединѣ ихъ узкій проходъ, едва достаточный для проходящихъ взадъ и впередъ. Въ этомъ свободномъ промежуткѣ тѣснятся тысячами люди всѣческихъ званій и состояній — солдаты и офицеры Манджурскіе, мандарины всѣхъ степеней и всѣхъ шариковъ, чиновники полицейскіе, богатые Китайцы, сопровождаемые множествомъ служителей, несущихъ зонтики, знамена, крашеные фонари и разные отличительные знаки ихъ достоинствъ. Тутъ идутъ и пробираются въ толпѣ *погребальныя шествія*, сопровождаемыя печальными процессіями, и *веселыя свадьбы*, съ веселыми звуками шамъ-шама и длинными вереницами гостей—два предмета, безпрерывно видимые на углу каждой улицы, какъ будто въ спорѣ за жизнь и смерть, избирая для этого свадьбу и похороны, два главныя событія жизни человѣка. Между ними тянутся нескончаемыя цѣпи верблю-

довъ, приходящія изъ Монголіи, навьюченныя углями, и тысячи запряженныхъ шѣлегъ, или ручныхъ шѣлежекъ и повозокъ, наполненныхъ овощами и другими припасами, привозимыми изъ окрестностей. Все это народонаселеніе Пекина, то отдыхающее, то движущееся, кричащее, шумящее, хохочущее, плачущее, спорящее, это смѣшеніе предметовъ, клички торгашей, которою каждый изъ нихъ извѣщаетъ о своемъ товарѣ, цырюльники, звенящіе въ свои блюдца, все вмѣстѣ взятое, не столько увлекаетъ, сколько уничтожаетъ вниманіе, пестритъ, рябитъ въ глазахъ на вѣчной Пекинской ярмаркѣ.

На Пекинскихъ улицахъ увидите много женщинъ. Китайки выходятъ вообще мало, и обыкновенно ходятъ пѣшкомъ. Но женщины Монгольскихъ и Калмыцкихъ поколѣній безпрестанно внѣ дома, и всегда верхомъ на лошади; онѣ обыкновенно одѣваются въ длинныя шелковыя платья, закрывающія ихъ до самыхъ пятокъ, но всего легче узнать ихъ по величинѣ ногъ, столь-же огромныхъ, сколь малы и коротки ножки Китайскія. Уборка головы у нихъ почти такая-же какъ у Китаекъ—волосы вылощены, вымазаны, подняты къ верху; хотя лица Монголокъ покрыты бываютъ бѣлилами и румянами, но легко замѣтить, что природный цвѣтъ тѣла ихъ лучше, нежели у Китаекъ.

Нѣтъ, кажется, въ цѣломъ мірѣ полиціи лучше Пекинской. На концѣ каждой улицы, и часто, въ видѣ лѣсенки, по самымъ улицамъ, поставлены

рогатки, съ будками и часовыми, не считая множества военныхъ гаупивахтъ, повсюду разсѣянныхъ. Кромѣ такихъ оффиціяльныхъ надзирателей, существуетъ еще надзоръ особенный, незамѣтный, и его принимаютъ на себя жители, для которыхъ всего драгоцѣннѣе соблюденіе тишины. Отъ каждыхъ десяти домовъ, поочередно, хозяева обязаны отвѣтствовать за безопасность и покой отдѣленій города. При малѣйшемъ нарушеніи порядка въ томъ или другомъ десяткѣ домовъ, чередовой десятникъ-обыватель бѣжитъ на ближнюю гаупивахту, и ему дается на помощь отдѣлъ полицейскихъ служителей. Ночная стража отправляется особенными людьми, въ родѣ Англійскихъ ночныхъ сторожей (watchmen), которые не кричатъ часовъ, но въ извѣстное время стучатъ въ пустыя бамбуковины, производя тѣмъ рѣзкій и пронзительный звукъ.

Лордъ Макартней отправился изъ Пекина Октября 7-го, далеко не достигнувъ отъ своей поѣздки всѣхъ торговыхъ и дипломатическихъ выгодъ, какихъ надѣялись Англичане и ихъ правительство. Въ замѣну $2\frac{1}{2}$ милльоновъ, истраченныхъ Компаніею, посольство вывезло нѣсколько подарковъ богдыхана, и грамату, содержаніе которой ничего не рѣшало. Октября 8-го началось обратное плаваніе Макартнея по рѣкѣ Пеи-Го, и тутъ можно было видѣть, какія бѣдныя селенія, какое нищенское многолюдство окружаютъ столицу Китая. Изъ Пеи-Го Англичане выплыли въ *Эй-Го*, и отсюда

вошли въ знаменитый каналъ, который, слѣдуя миссіонерамъ, Европейцы привыкли называть *Императорскимъ*.

Безспорно, этотъ каналъ есть одно изъ самыхъ прекрасныхъ и самыхъ полезныхъ произведеній человѣка на землѣ. Докторъ Джонсонъ говаривалъ, что какого-бы высокаго званія ни былъ человѣкъ, но онъ долженъ гордиться, когда можетъ сказать: «Дѣдушка мой видѣлъ Императорскій каналъ въ Китаѣ.» Сравнивая съ этимъ безмѣрнымъ объемомъ искусственныхъ водъ наши водныя сообщенія, должно назвать ихъ бѣднымъ, ребяческимъ трудомъ. Китайцы и Монголы спорятъ о чести созданія Императорскаго канала. Одни говорятъ, будто онъ гораздо древнѣе Великой стѣны; другіе утверждаютъ, что онъ не старѣе XIII-го столѣтія. Какъ-бы то ни было, но Императорскій каналъ показываетъ въ созидателяхъ своихъ болѣе знанія и силы характера, нежели видимъ ихъ у нынѣшнихъ обитателей Китая. Надобно было провести эту громаду, на пространствѣ 800 миль въ длину, такъ, чтобы воспользоваться всѣми большими рѣками государства, не истощивъ, не умаливъ обилія водъ ихъ. На этомъ основаніи взяты были участки изъ Эй-Го, Желтой рѣки и Янгъ-Тзе-Кіанга, и каналъ поддержанъ былъ между нѣмъ повсюду на одинакомъ уровнѣ водъ, такъ, что ни засуха, ни наводненіе не измѣняютъ его. Прибавьте, что на столь великомъ объемѣ, воды его никогда не застаиваются; это производится посредствомъ огромныхъ шлюзовъ, изъ одного мѣ-

ста до другаго пересѣкающихъ Императорскій каналъ.

Исполняя всю эту исполинскую работу, надобно было побѣждать величайшія препятствія, чтобы выровнять общій объемъ канала съ различными частями подкрѣпляющихъ его водъ. Въ иныхъ мѣстахъ, землю выкапывали для этого на 70 футовъ въ глубину; въ другихъ, среди глубокихъ озеръ, въ нѣдрахъ тонкихъ, безконечныхъ болотъ, выводили высокіе, широкіе и прочные водопроводы. Даже черезъ большія озера вели такимъ образомъ каналъ, иногда на пространствѣ многихъ миль, и воды его возвышены надъ водами озеръ, такъ, что отъ этого происходитъ плаваніе въ два яруса, по озеру и по каналу. Тамъ и здѣсь видны мосты, различныхъ формъ, построенные изъ разныхъ матеріяловъ; у однихъ арки походятъ на готическія, у другихъ онѣ полукруглыя, у третьихъ наконецъ онѣ складены въ видѣ лошадиной подковы. Есть арки съ столбами, столь высокими, что корабли въ 200 тоннъ груза проходятъ свободно подъ ними на всѣхъ парусахъ.

Вся эта часть внутренняго Китая, черезъ которую путешествовали Макартней и свита его, возвращаясь изъ Пекина, обилуетъ озерами, на берегахъ которыхъ живутъ семейства рыбаковъ. Рыбную ловлю производятъ они посредствомъ *леутзе*, или *баклановъ-рыболововъ* (pelicanus sinensis). Отправляясь по утру на ловлю, берутъ этихъ птицъ 10, или 12-ть, не кормя ихъ, и несутъ на бамбуковинѣ; пришедъ на извѣстное мѣсто, рыба-

ки пускаютъ по одному, или по два своихъ ручныхъ ловцовъ въ воду, и отбираютъ у нихъ рыбу, которую вытаскиваютъ они изъ воды на поверхность. Величиною птица эта не превосходитъ утки, но часто схватываетъ и вытаскиваетъ изъ воды рыбу неменѣе себя вѣсомъ. Когда бакланъ утомился, даютъ ему въ награду нѣсколько мелкой рыбы, и смѣняютъ другимъ. Тысячи лодокъ и плотовъ покрываютъ озера, на которыхъ рыбаки производятъ ловъ рыбы такимъ образомъ.

За озерами начинается лучшая часть Китайскаго государства, наполненная храмами, памятниками, селеніями, городами. Но полямъ все покрыто пшеницею и хлопчатою бумагою; даже покатости горъ обработаны до самыхъ вершинъ, оканчивающихся купами деревьевъ. Подлѣ каждаго домика видѣнъ садикъ, огородъ, съ цвѣтами, плодами, овощами всѣхъ родовъ. Посольство приблизилось къ *Желтой рѣкѣ*, и какъ будто для того, чтобы приготовить путешественниковъ къ великанскимъ своимъ размѣрамъ, Императорскій каналъ раскрылся передъ ними вдругъ на *тысячу футовъ* шириною, съ шоссе и набережными, обложенными мраморомъ и гранитомъ. Еще не приступая къ переѣзду въ каналъ по быстрому теченію рѣки, Китайскіе плаватели хотѣли принести обыкновенную жертву духу властителю рѣчныхъ водъ. Птицы, свиньи, утки были зарѣзаны на яхтахъ, и разложены на переднихъ частяхъ ихъ, подлѣ чашекъ и блюдъ съ вареными мясомъ. По знаку, данному звукомъ гонговъ, капитаны яхтенные сбросили все изъ чашекъ

и блюдъ въ рѣку, а запасы перенесли въ кухни яхтенныя, для раздачи матрозамъ. Петарды и хлопушки ознаменовали потомъ окончаніе жертвоприношенія.

Свободно вступившія въ каналъ, яхты прошли мимо городовъ: *Саупу, Янгъ-Чу* и *Сьу-Чьу*, находящихся въ области *Янгъ-тзе-Кіянгъ*; послѣдній изъ нихъ почитается мѣстомъ щегольства и модъ; отсюда переходятъ въ серали богатыхъ Китайцевъ женщины самыя красивыя и самыя образованныя.

Послѣ *Янгъ-тзе-Кіанга*, посольство миновало *Ше-Кіангъ*, гдѣ главный городъ, *Гангъ-Чьу*, находится на берегахъ озера *Си-Гу:* это знаменитый *Кинсай* Марка-Павла, столица *Китая Сонговъ*, или *Южнаго*. За этимъ городомъ земля являлась возвышеннѣе, гористѣе, города вспрѣчались рѣже; но все еще множество мѣстечекъ, селеній, хижинъ было разсыпано по высотамъ. Вскорѣ насажденія чайнаго деревца, до сихъ мѣстъ незамѣчаемыя, стали являться чаще, съ каждымъ днемъ и каждымъ часомъ пуще.

Два или три раза надобно было переѣзжать нѣкоторыя переволоки сухимъ путемъ. Лошади и бамбуковыя носилки приготовлены были для этого повсюду. Такъ, водою и сухимъ путемъ, Англичане достигли наконецъ озера *Пойана*, самаго печальнаго, пустыннаго и дикаго мѣста, которое походитъ своими ужасами на Дантевъ Адъ; но Рай поставленъ съ нимъ рядомъ: область *Хіангъ-*

Зи раскрылась немедленно, съ землею, какъ будто сплошь покрытою народонаселеніемъ, съ безчисленными заведеніями промышленности, храмами, увеселительными домами и дворцами. За шёмъ раздвигается *Кантонская* область, границы которой находятся близъ вершины горы *Мелинъ*.

До сихъ мѣстъ посольство было встрѣчаемо почтительнымъ привѣтомъ отъ Китайцевъ всѣхъ званій, но едва вступило оно въ Кантонскую область, какъ начало испытывать оскорбленія всякаго рода отъ обитателей, нарочно выбѣгавшихъ изъ селеній своихъ грозить и ругаться. Напрасно мандарины, сопровождавшіе по волѣ правительства лорда Макартнея, хотѣли препятствовать столь оскорбительнымъ явленіямъ; они умножались по мѣрѣ того, какъ посольство близилось къ Кантону. «Иноземные черти! Чужеспранные дьяволы!» раздавалось по всей дорогѣ. Англичане принуждены были молчать. Плывя по рѣкѣ Тигровой, путешественники любовались на безпрерывныя измѣненія прибрежныхъ видовъ. Тутъ видѣнъ былъ имъ ушесъ, фушовъ семи сотъ вышиною, выдвинувшійся въ рѣку; тамъ храмъ, посвященный богинѣ *Пуза*, и населенный пустынниками. Направо и налѣво безпрерывно мелькали насажденія сарачинскаго пшена, сахарнаго тростника и табаку. Наконецъ, Декабря 14-го, послѣ шестидесяти-трехъ дневнаго странствованія черезъ всю обширную землю Китайскую, Англійское посольство вступило въ Кантонъ, встрѣченное множествомъ праздничныхъ яхтъ, высланныхъ на встрѣчу ему изъ факторій. Вице-

Король Кантонскій принялъ посла въ тотъ-же день на торжественной аудіэнціи. Во все время продолжительнаго пути, посольство было на содержаніи богдыхана, и по счетамъ мандариновъ, сопровождавшихъ его, оно должно было, всего-навсе, стоить Китайскому правительству не менѣе 4-хъ милліоновъ франковъ.

Посольство Макартнея, безуспѣшное, но столь ласково принятое, какъ будто подстрекнуло честолюбіе Голландцевъ; они рѣшились возобновить свою дипломацію, и въ 1794 году отправили въ Пекинъ двухъ посланниковъ, *Исаака Тзинтзинга* (Isaac Tsintsing) и *фанъ-Брама*. Посланные проѣхали черезъ весь Китай, и прибыли въ Китайскую столицу въ большой нуждѣ, потому что ничего не было приготовлено для содѣланія имъ дороги легкою и удобною. Въ Пекинѣ, потому-ли, что Китайцамъ стали казаться подобные пріѣзды Европейцевъ слишкомъ частыми, или пріемы ихъ слишкомъ убыточными, или наконецъ, полагали Китайцы, что уважать Голландцевъ наравнѣ съ Англичанами нѣтъ особенной надобности, только богдыханъ не вошелъ въ большія издержки для пріема нежданныхъ гостей. Имъ отвели плохое помѣщеніе, кормили ихъ безъ всякаго старанія и когда пришелъ день аудіэнціи, на бѣдныхъ посланникахъ Голландскихъ вымѣстили все, что принуждены были уступить непочтительной гордости Англичанъ. Дошло до того даже, что однажды заставили посланниковъ стучать лбомъ девять разъ въ землю передъ кушаньемъ, которое богдыханъ

прислалъ имъ съ своего стола; потомъ принудили ихъ повторять тоже передъ ящикомъ изюму, передъ блюдомъ пирожковъ, увѣряя, что все это даруется съ богдыханскаго стола. Утромъ, въ три часа по полуночи, въ сильный холодъ, подняли бѣдныхъ посланниковъ, для того только, что богдыханъ отправлялся на поклоненіе въ какой-то храмъ, и потребовалъ, чтобы и они были въ числѣ его свиты и снова кланялись ему. Словомъ, все пребываніе Голландскихъ посланниковъ въ Пекинѣ было только безпрестанное повтореніе *ко-ту* или земныхъ поклоновъ. Посланники слушались приказаній богдыхана, и кланялись такъ усердно, что въ 37-й день по пріѣздѣ ихъ въ Пекинъ, богдыханъ прислалъ благодарить ихъ за исправное послушаніе. Что это означало: насмѣшку, или въ самомъ дѣлѣ «спасибо» за постоянное смиреніе? Богъ знаетъ; но только посольство, предназначенное единственно для переговора о торговыхъ выгодахъ, не имѣло ни однажды случая даже поговорить о своемъ дѣлѣ, сбитое съ толку поклонами и обрядами. Богдыханъ объявилъ въ заключеніе свою благодарность «людямъ, которыхъ прислали къ престолу его изъ Батавіа, поклонишься ему, какъ властителю Небесной Имперіи,» и—этимъ ограничились всѣ слѣдствія Голландскаго посольства.

Надобно сказать, что Англичане видѣли не болѣе успѣха, когда отправили въ Китай, въ 1814 году, новаго посла, лорда Амгерста, племянника Питтова, бывшаго потомъ Генералъ-Губернаторомъ въ Индіи и воевавшаго съ Бирманами. Едва до-

спигнувъ Китая, Амгерстъ заспорилъ о несчастномъ *ко-ту*, Китайцы не уступали, и черезъ сутки по прибытіи въ Пекинъ, посолъ долженъ былъ отправиться обратно. Все замѣчательное въ этомъ предпріятіи заключилось тѣмъ, что корабль Англійскаго посла разбился въ Индійскомъ морѣ, посолъ едва спасся въ Батавіа, и возвращаясь въ Европу завернулъ на островъ св. Елены, гдѣ Наполеонъ забросалъ его вопросами о Китаѣ.

Съ тѣхъ поръ, ни одно Европейское посольство не проникало въ неприступныя стѣны Пекина. Какъ будто опасаясь болѣе и болѣе усиливающагося дѣйствія Европейцевъ по Кантонской торговлѣ, Китайскій богдыханъ, по видимому, рѣшительно не хочетъ допускать ни малѣйшаго вліянія Европейцевъ на столицу своей Небесной Имперіи, и упорно затворяетъ Западнымъ Людямъ врата чертоговъ своихъ. Только объ одномъ любопытномъ новѣйшемъ путешествіи Европейцевъ въ Китай можно здѣсь упомянуть: это было плаваніе Компанейскаго корабля *Лордъ Амгерстъ*, въ 1832 году. На немъ находились Компанейскіе агенты Линдсей и Гутцлавъ, и осмотрѣли все восточное приморье Китая. Остановясь сначала въ Кантонѣ, *Лордъ Амгерстъ* посѣтилъ послѣ сего *Эмуи*, въ области *Фо-Кіенской*, гдѣ Линдсей и Гутцлавъ сходили на берегъ, не смотря на сопротивленіе Китайскихъ чиновниковъ. Превосходно зная Китайскій языкъ, агенты Компаніи вполнѣ имѣли возможность произвесть подробныя и вѣрныя наблюденія надъ нравами и обычаями жителей.

Продолжая свое плаваніе, *Лордъ Амгерстъ* остановился подлѣ острова *Ки-танъ*, гдѣ находился тогда Китайскій адмиралъ *Тсунгъ-Пингъ* или *Ванъ-Тагинъ*. Вотъ какъ описываетъ Линдсей свое свиданіе съ этимъ Китайскимъ чиновникомъ: «Мы приняли адмирала на нашемъ кораблѣ съ почестями, приличными его сану, и привѣтствовали его тремя пушечными выстрѣлами, но казалось, будто понятія, какія имѣлъ онъ случай пріобрѣсть о характерѣ иностранныхъ народовъ, не вразумили его, что на учтивость нашу надобно было отвѣчать также учтивостію. «Откуда вы? Какая ваша земля? Поѣзжайте отсюда немедленно!» Вотъ что заговорилъ онъ съ нами съ перваго слова. Только что началъ было я свой отвѣтъ, какъ Его Превосходительство быстро поворотился къ Гунцлаву, и сказалъ ему: «Вы Китайцы?» Гунцлавъ отвѣчалъ отрицаніемъ. Адмиралъ попросилъ его снять шляпу, и показать: нѣтъ-ли у него косы. Требованіе его исполнили. «Понимаю,» сказалъ онъ, «вы Португальцы.» Я изъяснилъ ему, что нашъ корабль Англійскій. Онъ, казалось, этому не повѣрилъ, отвѣчая мнѣ: «Вѣдь я самъ жилъ въ Макао, и знаю всѣхъ васъ, Западныхъ Варваровъ, а вашъ корабль изъ Макао.» Я возразилъ, что мнѣ странно видѣть недовѣрчивость Его Превосходительства и подозрѣніе въ обманѣ; что мы точно Англичане, и корабль нашъ Англійскій, не смотря на то, что Его Превосходительство изволилъ жить въ Макао и знаетъ всѣхъ Европейцевъ. Тутъ взялъ я карандашъ, написалъ по-Китайски на ло-

скупкѣ бумажки; «*Ta-Ying-Kwo* (Великая Британія) есть моя земля,» и отдалъ адмиралу эту бумажку. Онъ взглянулъ на нее презрительно, расхохотался и вскричалъ: «Какая нелѣпость! *Великая* Британія! Ты, вѣрно, хотѣлъ сказать: *Маленькая* Британія! Вотъ какъ ты лжешь!» До сихъ поръ сохранялъ я совершенное хладнокровіе, отвѣчалъ вѣжливо на всѣ грубости, но, признаюсь, дерзость послѣднихъ словъ воспоржествовала совершенно надъ моими миролюбивыми намѣреніями. Я вырвалъ записку изъ рукъ грубіяна, все еще продолжавшаго насмѣхаться надъ нею, схватилъ его за руку, и сказалъ: «Если ты пришелъ на корабль нашъ только для поруганія моего славнаго *Ta-Ying-Kwo*, то я прошу тебя немедленно отъ насъ удалиться.» Соединяя потомъ слова съ дѣйствіями, я потащилъ адмирала за руку изъ каюты. Его Превосходительство замѣтилъ тогда, что изволилъ заговориться слишкомъ, и поспѣшилъ оправдаться передо мною: «Прошу меня извинить; не было моего намѣренія оскорблять васъ. Извѣстно вамъ, что есть *Ta-se-Ying* и *Leaon-se-Yang* (*Большая* и *Малая* Португалія; первымъ означаютъ Китайцы Португалію-собственно, а вторымъ Гоа), и думалъ я такъ, что есть тоже *Ta-Ying-Kwo* и *Leaon-yang-Kwo* *Большая* и *Малая* Британія); признаю свою ошибку, и прошу извинить меня.» Такое остроумное изъясненіе было сопровождено множествомъ поклоновъ и вѣжливостей, столь-же почтительныхъ, сколь грубы и неучтивы были сначала поступки Адмирала. Онъ долго оставался потомъ

у насъ на кораблѣ, но все казалось въ немъ такъ нелѣпо, что мы начали подозрѣвать, въ полномъли разумѣ этотъ знаменитый чиновникъ? Сомнѣніе наше подтвердили офицеры изъ его свиты, говоря, что онъ дѣйствительно очень глупъ.»

Отъ острова Ки-Тана, гдѣ Англійскіе мореплаватели имѣли успѣшныя сношенія съ шуземцами, *Лордъ Амгерстъ* отправился далѣе по берегу до высоты *Фу-шо-фу*; тутъ находится мѣсто пребыванія главнаго начальника области *Ше-Кіангъ*. Не смотря ни на какія препятствія и отказы, смѣлые агенты Компаніи достигли въ главный городъ области, и упрямо требовали свиданія съ Вице-Королемъ. Забравши мѣстныя указанія, прямо пошли они къ жилищу его, но тщетно однакожь старались видѣться съ нимъ. Ихъ хотѣли даже заставить переночевать на лодкѣ, обыкновенномъ жилищѣ самыхъ бѣдныхъ Китайцевъ, но твердость и рѣшительность Линдсея и Гутслава принудили Китайцевъ перемѣнить тонъ. Здѣсь можно было замѣтить отличительную черту Китайскаго характера. «Весьма замѣчательно — говоритъ Линдсей — что едва только начинали мы не уважать власти мандариновъ, большая часть ихъ, сначала казавшись неприступными, становились ласковы, и обращеніе самаго *Вана-Ше-Кіангскаго*, сначала гордое и презрительное, тотчасъ сдѣлалось разсудительно и сговорчиво, при нашемъ упорствѣ. Это покажется страннымъ и противнымъ общему закону человѣческой природы, но точные опыты могутъ убѣдить въ вѣрности мо-

его замѣчанія. При всѣхъ важныхъ и неважныхъ случаяхъ, ни отъ правительства, ни отъ чиновниковъ Китайскихъ вовсе ничего, или весьма немного пріобрѣтете покорными прошеніями и ласковыми совѣтами; но перемѣнивъ тонъ, тотчасъ увидите уступчивость, и что еще удивительнѣе, они станутъ послѣ того оказывать вамъ даже болѣе искренности и уваженія.»

Съ перваго до послѣдняго дня пребыванія своего въ Фу-шо-Фу, надобно было Англичанамъ безпрестанно бороться съ дѣятельною хитростью и тайнымъ плутовствомъ Китайскихъ купцовъ. Однажды агенты Компаніи принуждены были даже приблизиться съ кораблемъ своимъ къ берегу, и угрожать силою получить удовлетвореніе въ обидѣ таможенныхъ чиновниковъ Вице-Короля. — Пріемъ въ *Нингъ-По* былъ учтивѣе и церемоніяльнѣе, но равная неприступность была встрѣчена здѣсь въ переговорахъ. Напрасно агенты Компаніи рѣшились краснорѣчиво доказывать передъ толпою народа выгоды, какія взаимно пріобрѣтутся отъ сношеній болѣе частыхъ и легкихъ; мандарины спорили, что этого не позволяютъ коренные законы Китая и формальное запрещеніе богдыханское. *Въ Шангъ-Ге*, въ области *Кіангъ-Су*, сопротивленіе Китайскихъ властей было такъ упорно, что для полученія справедливости и покровительства, Англичане принуждены были насильно вломиться въ чертоги областнаго правителя. Наконецъ, послѣ обозрѣнія береговъ *Корейскихъ*, Англійскій корабль воротился въ Макао, въ концѣ 1832 года. Совер-

нивъ путешествіе столь отважное, Линдсей и Гунцлавъ заключаютъ, изъ всего видѣннаго ими, что старинное отвращеніе Китайцевъ отъ сношенія съ чужеземцами, или *варварами*, по значенію слова, которое употребляютъ Китайцы, говоря о чужеземцахъ, начинаетъ замѣняться, даже въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Китая, желаніемъ и необходимостью торговыхъ связей, равно полезныхъ Китаю и Европѣ. Только политика Китайскаго правительства останавливаетъ еще полное развитіе подобныхъ сношеній, но невозможно, кажется, чтобы эта политика долго выдержала сопротивленіе новыхъ преобразованій и промышленныхъ успѣховъ, которые непримѣтно, но явно проникаютъ въ Китай.

ГЛАВА XXXVIII.

КИТАЙ. ВЫВОДЪ ОБЩІЙ. ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПРИРОДЫ, ПРАВЛЕНІЕ, РЕЛИГІЯ, НРАВЫ, ОБЫЧАИ, ЗАКОНЫ, ЛИТТЕРАТУРА, НАУКИ, ИСКУСТВА.

Географія Китая дѣло столь неопредѣленное, среди противорѣчащихъ извѣстій и обширности размѣровъ, что надобно написать нѣсколько томовъ, если захотѣть привесть ее въ какую нибудь ясность и точность. Легко-ли—сами подумайте—выпутаться изъ лабиринта 1572-хъ городовъ, 2796-ми храмовъ, 3158-ми мостовъ, 10,809-ми важнѣйшихъ зданій, или изъ 765-ми названій озеръ и 14,605 названій горъ, что все исчислено и поименовано въ книгахъ Китайскихъ географовъ! Естествознательное описаніе Китая, опредѣленное въ однихъ частяхъ, остается сомнительно въ другихъ, и вообще чрезвычайно неполно.

На пространствѣ земель, простирающемся между 69-мъ и 141° долготы восточной, и 18-мъ и 51°

широты сѣверной, среди положенія поверхности самаго разнообразнаго, какое только можете себѣ вообразить, вмѣщая и гористыя области и затопляемыя водою долины, степи и болота, тучныя равнины и плодоносныя покатости, изрытый водами, исчерченный каналами, Китай долженъ производить все, что̀ только захочетъ производить, и изъ царства растительнаго, вѣроятно, немного деревьевъ и растеній цѣлаго міра не войдетъ въ обширные каталоги ботаническаго описанія Китая.

Земледѣліе съ незапамятныхъ временъ уважается въ Китаѣ, и въ извѣстное время года отправляютъ здѣсь даже празднество въ честь его; самъ богдыханъ принимается за плугъ, и своими царскими руками проводитъ борозду по землѣ. Очевидцы передали намъ поэтическое описаніе этого необыкновеннаго торжества. Въ 15-й день перваго годоваго новолунія, въ сопровожденіи князей крови, родственниковъ, и съ главнѣйшими сановниками государства, богдыханъ отправляется на мѣсто, опредѣленное для праздника. Кругомъ поля тѣснятся областные земледѣльцы, приходящіе наслаждаться торжествомъ своего занятія. Вступивъ на поле, богдыханъ преклоняется на землю, и девять разъ касается головою земли, воздавая обожаніе *Тіену*, Богу небесъ; громогласно произноситъ онъ молитву, и потомъ заколаетъ вола, какъ жертву Подателю всѣхъ благъ. Послѣ сего приводятъ богато убранныхъ воловъ, запряженныхъ въ особенный плугъ. Богдыханъ берется за ручку плуга, погоняетъ воловъ, и начинаетъ паханье; князья

смѣняютъ его немедленно въ трудѣ; мандарины слѣдуютъ за ними; простые землепашцы оканчиваютъ богдыханскую полосу, въ одинъ и тотъ-же день во всемъ государствѣ, вице-короли исполняютъ этотъ обрядъ во имя богдыхана. Посѣвы празднуются съ такою-же пышностью, тѣми-же самыми особами, при тѣхъ-же самыхъ свидѣтеляхъ. Но ко всему этому должно прибавить, что нѣкоторые путешественники изображали богдыханское паханье и Китайское земледѣліе совсѣмъ не въ роскошныхъ черкахъ; по разсказамъ ихъ, торжественное исполненіе обряда тѣмъ не менѣе оставляетъ земледѣльчество Китайцевъ далеко не на той степени совершенства, о которой столь много наговорили пристрастные хвалители Китайцевъ. Истина этого подтверждается ужаснымъ голодомъ, который отъ времени до времени опустошаетъ народонаселеніе Китая. Легко можно себѣ вообразить, что въ государствѣ, которое упорно отвергаетъ ввозъ иностраннаго хлѣба, ошибка въ разсчетѣ урожая должна имѣть слѣдствія самыя ужасныя, при многолюдствѣ заселенія.

Всѣ домашнія животныя, обыкновенныя въ Европѣ, находятся въ Китаѣ, и кромѣ того здѣсь водится еще *верблюдъ*, впрочемъ малорослый выродокъ. Въ лѣсахъ Китайскихъ живутъ: слонъ, однорогій носорогъ, безгривый левъ, тигръ, изъ породъ обезьянъ—долгорукій *гиббонъ*, безобразный *мако*, *пивпкъ*, подражающій всѣмъ движеніямъ и даже хохоту человѣка—олень, кабанъ, лисица, и множество другихъ звѣрей. Птицъ обиліе, особливо утокъ.

Особенно должно замѣтить Китайскихъ серебрянаго и золотаго фазана, сарселлу и баклана-рыболова. Китайскій тупоголовъ, украшеніе садовыхъ бассейновъ въ Китаѣ, давно перевезенъ въ Европу, также и у насъ считается украшеніемъ.

Въ Китаѣ есть серебряные рудники, но ихъ худо обрабатываютъ. Золото добываютъ въ пескѣ нѣкоторыхъ рѣкъ. *Тутенагъ*, извѣстный бѣловатый металлъ, особенно принадлежитъ Китаю; туземцы употребляютъ его на выдѣлку чашъ и подсвѣчниковъ. Желтая мѣдь служитъ для битья мѣлкой монеты, употребительной въ Китаѣ. Ртуть и сѣрнистый мышьякъ находятся здѣсь во множествѣ. Изъ драгоцѣнныхъ и замѣчательныхъ каменьевъ должно отличить: лаписъ-лазури (лазуревикъ), ясписъ, горный хрусталь, нефритъ (jade néphretique), магнитъ, гранитъ, порфиры, различные мраморы (въ числѣ ихъ черный, чрезвычайно звонкій, который многіе путешественники называли *музыкальнымъ камнемъ*). Три вещества, входящіе въ составъ Китайскаго фарфора, суть: *пе-тунъ-тзе* (бѣловатый, пластинчатый фельдшпатъ), *као-линъ* (глиновидный фельдшпатъ) и *ше-као* (сѣрнистый баритъ).

Правленіе Китая есть полный неограниченный деспотизмъ, допускающій право посредничества только извѣстнымъ званіямъ государственныхъ сановниковъ. Верховная власть исключительно принадлежитъ богдыхану, принимающему наименованіе *Сына Небесъ*. Престолъ наслѣдственный, и съ древнѣйшихъ временъ наслѣдство утверждается толь-

ко по мужескому колѣну, впрочемъ, право первородства не составляетъ неизъемлемой принадлежности. Аристократія въ Китаѣ неизвѣстна, если подъ этимъ именемъ разумѣть наслѣдственное право на благородство, передающее чины и почести изъ рода въ родъ въ опредѣленномъ, ограниченномъ числѣ вельможескихъ родовъ. Но въ Китаѣ есть своя особенная, личная, такъ сказать, аристократія, совсѣмъ не зависящая, какъ думаютъ многіе, отъ прихоти богдыхана, но утверждаемая на незыблемыхъ правилахъ основнаго закона и обычаемъ установляемой іерархіи: это *аристократія учености*, которую опредѣляютъ экзаменъ и успѣхи въ знаніяхъ. Всѣ юные Китайцы, безъ различія званій, могутъ быть допускаемы къ полученію по экзамену третьей степени ученой. Люди, получившіе ее, диспутуются между собою за вторую степень, послѣ которой можно вступить въ отправленіе публичныхъ должностей. Съ этой второй степени, человѣкъ ума превосходнаго можетъ возвыситься на первую степень и занять самыя важныя государственныя должности. Такое установленіе почета по образованію и учености восходитъ къ VII-му столѣтію, и съ тѣхъ поръ продолжается оно постоянно, не смотря на нашествія варваровъ и завоеванія Китая. Можно допустить, что ослабляя воинскій духъ, оно открывало предѣлы Китая Монгольскимъ ордамъ, но за то ему одолженъ Китай тѣмъ, что побѣдители приняли Китайское образованіе, и покорились духу мѣстности, вмѣсто преобразованія Китая

по своей волѣ; ему также одолжены Китайцы этимъ продолжительнымъ рядомъ цѣлыхъ столѣтій тишины, этимъ внутреннимъ порядкомъ, этимъ уваженіемъ народной толпы къ установленнымъ предметамъ, и совершеннымъ повиновеніемъ народа древнимъ законамъ. Преимущество, даруемое образованію и уму, но не рожденію — вотъ основаніе Китайскаго правительства. Наслѣдственныя преимущества въ Китаѣ предоставлены только князьямъ богдыханскихъ семействъ и потомкамъ Конфуція, Менція и Лао-Кіума.

Военная іерархія, составляемая мандаринами военными, бываетъ также слѣдствіемъ состязанія. Но только для нея надобно, вмѣсто доказательствъ ума и образованія, доказать свои воинскія способности, силу и искуство въ воинскихъ занятіяхъ. Впрочемъ, военныя степени считаются вообще гораздо ниже ученыхъ. Гражданскихъ мандариновъ во всемъ государствѣ считается 14,000, раздѣленныхъ на восемь степеней, изъ которыхъ каждая отличена шарикомъ на шапкѣ; имъ предоставляются уваженіе народа и милости богдыхана. Военныхъ мандариновъ считается 20,000, но всѣ они суть низшіе чиновники; имъ повинуются солданы, но вліяніе ихъ на государство гораздо незначительнѣе.

Управленіе областями раздѣлено между многими чиновниками, которые не зависятъ одни отъ другихъ, и должны переносить къ богдыханскому Двору всѣ дѣла, касательно взаимныхъ между со-

бою отношеній. Намѣстники, или, какъ привыкли ихъ называть Европейцы, вице-короли (*вицероп*), почти всегда имѣютъ подъ властью своею по двѣ области. Кромѣ того, въ каждой области есть еще областной интендантъ, начальникъ надъ ученіемъ, управляющій финансами, уголовный судья, и два надзирателя, одинъ надъ запасами соли, другой надъ хлѣбными магазинами. Отдѣленія, округи, уѣзды, каждый управляются отдѣльными судьями, соединяющими въ себѣ власть правительственную и судебную. Самъ богдыханъ назначаетъ во всѣ сіи должности, разсматривая по тройному списку кандидатовъ, способныхъ для того, или другаго занятія. Донесенія и оффиціяльныя приказанія богдыхана всѣ печатаются въ придворной Пекинской газетѣ, и повторяются потомъ въ областныхъ газетахъ. Если указъ богдыханскій касается чьей либо особенной выгоды, или можетъ встрѣтить какое нибудь противодѣйствіе въ народѣ, богдыханъ вступаетъ, при обнародованіи его, въ оффиціяльную полемику, доказывая необходимость, принудившую его къ тому или другому рѣшенію. Дѣло доходитъ въ этомъ отношеніи иногда такъ далеко, что по случаю какого нибудь бѣдствія, какъ-то: голода, землетрясенія, болѣзни, Сынъ Небесъ беретъ на себя отвѣтственность за такое зло передъ своими подданными, кается въ грѣхахъ, обвиняетъ себя торжественно въ несоблюденіи обязанностей передъ Богомъ, и обѣщаетъ умилостивить его постами, уединеніемъ и необыкновенными молитвами.

Богдыханъ есть верховный властитель государства и войска. Число воиновъ, которыми можетъ располагать повелитель Китая, было предметомъ различныхъ мнѣній. Барровъ говорилъ о *двухъ милліонахъ;* миссіонеры считали *милліонъ четыреста тысячъ;* Мальтебрюнъ только *полъ-милліона.* Кажется, вѣрнѣе всѣхъ должно почесть вычисленіе Русскаго путешественника Тимковскаго, который раздѣлялъ все Китайское регулярное войско на четыре корпуса: *первый*, составленный изъ Манджуровъ, войско отборное, числомъ 67,000 человѣкъ, имѣющее большія преимущества; *второй* корпусъ Монгольскій, 15,000; *третій*, 27,000-й, Китайскій; наконецъ, *четвертый*, самый многочисленный, состоящій изъ 500,000, также Китайцевъ. Между двумя послѣдними корпусами та разница, что предки меньшаго изъ нихъ присоединились къ Манджурамъ съ первыхъ лѣтъ ихъ нашествія, и помогали имъ воевать своихъ соотчичей, между тѣмъ, какъ другіе Китайцы сражались за свою родину. Избранные полки обыкновенно находятся въ столицѣ и ея окрестностяхъ; другія войска разсѣяны въ *двухъ тысячахъ* укрѣпленныхъ мѣстъ Китайскаго государства. Съ подвижною милиціею, число которой восходитъ до 125,000, вся военная сила Китая составитъ около 740,000 человѣкъ, и въ томъ числѣ конницы 175,000. Кромѣ того, какъ независимые союзники, есть еще Монгольскіе конники, похожіе своимъ установленіемъ на Русскихъ казаковъ; число ихъ полагаютъ въ 500,000 человѣкъ.

Почти всѣ солдаты Китайскіе женаты, и дѣти ихъ, которыхъ вписываютъ въ составъ корпусовъ при самомъ рожденіи, служатъ потомъ къ пополненію войска, вмѣсто отцовъ. Кромѣ оружія, лошади, дома, и опредѣленнаго раціона сарачинскаго пшена, каждый солдатъ трехъ первыхъ корпусовъ получаетъ еще ежемѣсячнаго жалованья три, или четыре *лана* (отъ 24-хъ до 32 рублей). На эти деньги долженъ онъ одѣваться, и какъ одѣванье производится не только на собственный счетъ солдатскій, но и по собственному вкусу каждаго солдата, то изъ этого слѣдуетъ, что въ обмундировкѣ Китайскаго войска нѣтъ никакого порядка; иные шьютъ себѣ куртки синія, съ красною опорочкою, а другіе темныя съ желтою; одни носятъ широкіе шаровары, другіе гораздо уже, съ сапогами сверхъ шароваровъ. Здѣсь видите стрѣлка въ длинномъ кафтанѣ изъ бумажной ткани, съ маленькими пуговками, подпоясаннаго кушакомъ; тамъ встрѣчается фузелеръ, съ картонною, либо кожанною шапкою, у которой висятъ лопасти на щеки и на плеча.

Четвертому корпусу, изъ 500,000 состоящему, даются участки земель для собственнаго обрабатыванья. Находя въ этомъ спасеніе отъ голодной смерти, бѣдняки во множествѣ добиваются милости быть записанными въ солдаты этого корпуса, и потому укомплектованіе его производится весьма легко.

Изъ всѣхъ Китайскихъ солдатъ развѣ только въ конницѣ есть еще какая нибудь важность и

воинственность. Пѣхотинцы, вооруженные плохими ружьями, безъ курковъ, съ фишелями, трусливы, и вовсе не знаютъ порядка службы; артиллерія въ ребяческомъ состояніи, до того, что артиллеристы съ робостью подходятъ къ своимъ пушкамъ. По исчисленію Тимковскаго, содержаніе всей арміи Китайской стоитъ ежегодно до 87,400,000 лановъ (около 700,000,000 рублей).

Многіе и весьма много говорили о Китайскихъ законахъ и ихъ вѣковой неподвижности. Каковобы ни было мнѣніе, которое можно имѣть объ нихъ, смотря съ философической точки зрѣнія, но не льзя однакожь оспорить, что они удивительно приспособлены къ мѣстной политикѣ и характеру туземцевъ: это, какъ говоритъ Мальтебрюнъ, хорошія полицейскія постановленія, соединенныя съ хорошими нравственными постановленіями. Властитель уважаетъ законы своей земли, потому что они служатъ превосходнымъ орудіемъ для прямаго и косвеннаго поддержанія его владычества. Мандарины также не находятъ выгоды измѣнять ихъ, ибо ими поддерживаютъ они повиновеніе къ себѣ народа, если и не находятъ защиты противъ старшихъ себя. Въ Китаѣ низшій и слабый бываетъ всегда виноватъ — это необходимо по сущности Китайскаго правленія, и хотя учреждены судилища, куда, для формы, низшій можетъ подать жалобу на высшаго, но всякій напередъ знаетъ, что наказаніе непремѣнно послѣдуетъ за подобную дерзость. Въ слѣдствіе этого, всѣ принуждены кое-какъ ладить между со-

бою, а въ случаѣ нужды бамбуковая палка уравниваетъ всякія ссоры и притязанія. Народъ не думаетъ спорить, потому что онъ прусливъ, но хитеръ и ловокъ, и своею хитростью умѣетъ направлять волю своихъ начальниковъ, какъ ему угодно. Его грабятъ, да за то даютъ ему средства воровать и мошенничать, и онъ превосходно пользуется средствами вознаграждать себя. Правосудіе оказывается плохо, но только тѣмъ, кто худо платитъ, и потому богатый всегда остается въ выигрышѣ, а бѣднякъ молчитъ и терпитъ по неволѣ. Когда Китайцу приходится умирать голодною смертью, онъ дѣлается морскимъ или сухопутнымъ разбойникомъ; его повѣсятъ, если поймаютъ, и если онъ не въ состояніи будетъ прошибиться, но ежели онъ силенъ и уменъ, съ нимъ договорятся, дадутъ ему даже мандаринское мѣсто, только-бы унять его, и правительство извлечетъ еще пользу изъ его вредной опытности.

Впрочемъ, все — воспитаніе, обычаи, обряды въ общественныхъ сношеніяхъ, пріучаютъ Китайца съ самаго дѣтства къ повиновенію. Ему шагу не льзя сдѣлать безъ того, чтобы какой нибудь поклонъ, какая нибудь учтивость, даже раболѣпство не были предписаны закономъ. Такимъ образомъ, врожденная гордость человѣка уничтожается уставомъ общества. Но важнѣйшая тайна Китайской политики, самая главная причина неподвижной самобытности Китая, есть — повѣрятъ-ли этому? — пасиграфическая система Китайскаго письма, ко-

торая не даетъ возможности письменными знаками выражать звуки разговорнаго языка. «Поставьте основныя, или вообще необходимыя для васъ идеи, въ какомъ угодно порядкѣ — говоритъ Малтебрюнъ—и подъ этими идеями главными поставьте всѣ другія идеи, какія передаетъ вамъ языкъ разговорный, или какія только можете вы себѣ вообразить; придайте главной вашей идеѣ какой нибудь представляющій ее знакъ, только самый произвольный и безобразный; пусть эти знаки, какъ ключи вашего языка, будутъ основаніемъ прибавочныхъ знаковъ, также совершенно произвольно къ нимъ присовокупленныхъ — вы образуете себѣ то, что составляетъ въ Китаѣ, такъ называемый, *ученый*, или *письменный* языкъ. Главныхъ ключей въ немъ 214-ть, и какъ они, такъ и присовокупляемые къ нимъ знаки, числомъ болѣе 800,000, выражаютъ не *слова*, но *идеи*; ихъ читаютъ глазами и понимаютъ памятью; воображеніе не пробуждается этими произвольными начертаніями, и голосомъ не льзя выразить и сотой ихъ части. Красота Китайской поэмы состоитъ въ томъ, чтобы ее невозможно было передать декламаціею, и великіе ученые люди Китая спорятъ между собою, рисуя на воздухѣ своими вѣерами начертанія, которыя не соотвѣтствуютъ ни одному слову разговорнаго языка.»

Что касается до разговорнаго языка Китайскаго, онъ составленъ изъ односложныхъ звуковъ, и едва-ли ухо Европейца можетъ отыскать въ нихъ болѣе 350-ти различій. Но при помощи раз-

ныхъ измѣненій голоса, Китайцы отличаютъ этихъ различій число несравненно бо̀льшее. Такъ, на примѣръ, смотря по произношенію, слово: *гунъ*, можетъ значить: *господинъ, свинья, кухня, столпъ, щедрый, приготовлять, старуха, невольница, плѣнникъ.* Въ другихъ случаяхъ самое произношеніе совершенно одинаково, но множество смысловъ придается между тѣмъ одному и тому-же слову: *не* краткое, на примѣръ, значитъ: *сѣверъ, бѣлый, кипарисъ, сто*, и еще нѣсколько другихъ предметовъ. Словосочиненіе, кромѣ того, отличается самобытностью совершенно варварскою: не имѣя ни спряженій, ни склоненій, оно замѣняетъ тѣ и другія самыми смѣшными изворотами. Ученый, или письменный языкъ, съ своей стороны, отвергая всѣ пособія разговорнаго, составляетъ свои идеслова, подразумѣвая связь ихъ различныхъ отношеній. Хотятъ-ли сказать: «Безпредѣльное море», пишутъ: «Море»—«нѣтъ»—«предѣлъ.» Сухой, темный, отставшій, письменный языкъ Китайскій носитъ на себѣ всѣ признаки глубокой древности, хотя, кажется, долженъ почесться вѣтвью одноплеменною съ Тибетскимъ и Аннамскимъ.

Между тѣмъ вліяніе тайнописанія Китайскаго на политическое образованіе государства гораздо бо̀льшее, нежели можно-бы подумать съ перваго взгляда: имъ держится народъ въ младенчествѣ, и всѣ понятія, сколько нибудь высшія, остаются внѣ всякаго народнаго разумѣнія. Языкъ разговорный, поставленный такимъ образомъ, въ низшую степень, не участвуетъ въ успѣхахъ ума, совер-

шаемыхъ въ отдѣльной сферѣ, а языкъ письменный, ограниченный условными знаками, съ трудомъ находитъ формулы для идей и выраженій новыхъ.

Слишкомъ превознесены и увеличены были въ прежнее время литературныя и ученыя познанія Китайцевъ. До прибытія Европейцевъ въ ихъ землю, Китайцы рѣшительно не знали Математики, и всѣхъ зависящихъ отъ нея свѣдѣній. Астрономическія наблюденія Китайцевъ были невѣрны и неточны, и невольное убѣжденіе самихъ Китайцевъ въ превосходствѣ Европейскихъ способовъ вычисленія, подтвержденномъ множествомъ опытовъ, послужило однимъ изъ главныхъ средствъ для миссіонеровъ пріобрѣсть уваженіе, какъ великимъ астрономамъ и физикамъ; имъ послѣ того переданы были всѣ занятія сего рода, и они поставили Астрономію Китайцевъ почти на ряду съ Европейскою. Доказательство, что Европейцы были въ семъ случаѣ единственною причиною успѣха, служитъ упадокъ Астрономіи снова, съ тѣхъ поръ, какъ миссіонеры были изгнаны изъ Китая. Когда посольство Макартнея прибыло въ Китай, тамошніе астрономы находились въ величайшемъ затрудненіи, до того, что президентъ Математическаго трибунала явился съ просьбою къ Баррову и Двинди — пособить ему въ Астрономическихъ вычетахъ для составленія обыкновеннаго календаря. До тѣхъ поръ кое-какъ пробивался онъ, употребляя извѣстный календарь Французскій (Connaissance des temps), присыланный ему изъ Парижа; но Революція Французская прервала

всѣ сношенія между Парижемъ и Пекиномъ, и бѣдный Математическій трибуналъ принужденъ былъ ограничиваться своими собственными свѣдѣніями, почти на удачу опредѣляя небесныя явленія. Съ величайшею благодарностью принялъ Президентъ трибунала отъ Двинди собраніе морскихъ календарей, по которымъ вычены астрономическіе учинены были на Гренвичскій меридіанъ до 1800 года.

Другія знанія оказали въ Китаѣ успѣховъ не болѣе Математики и Астрономіи. Объ Искусствахъ и Художествахъ Китайскихъ можно судить по обращикамъ, привозимымъ въ Европу: странное считается здѣсь изящнымъ; зодчество, живопись, ваяніе производятъ фантастическихъ чудовищъ. Только два важныя изобрѣтенія кажутся исключительно самородными въ Китаѣ, хотя и въ несовершенномъ состояніи: печатанье рѣзными досками и компасъ. Полярность магнита была безспорно вѣдома Китайцамъ, еще во времена Марка Навла. Подвержено сомнѣнію, но вѣроятно, не они ли первый вывезъ отсюда и открылъ тайну компаса Европейцамъ, а мнимый Ипальянскій изобрѣтатель не на практикѣ-ли только осуществилъ мысль, переданную ему славнымъ путешественникомъ.

Но не смотря на это, мореплаваніе Китайцевъ самое жалкое и грубое. Китайскіе корабли суть огромные ящики, хотя иногда бываютъ въ 1000 тоннъ груза. Верхняя высокая надстройка дѣлаетъ ихъ совсѣмъ неспособными къ плаванью. Негодныя для управленія парусами по вѣтру, Китайскія

жонки безпрерывно разбиваются; изъ ста кораблей, вышедшихъ въ море, навѣрное гибнетъ пятдесятъ. Якори дѣлаются деревянные. Не зная нашихъ инструментовъ для наблюденій на морѣ, кормчій правитъ по видимости берега, и по положенію звѣздъ, если потеряетъ изъ вида берега. Изъ всѣхъ судовъ Китайскихъ, кампаны суть самые красивые, щегольскіе и опрятные; ихъ покрываютъ прекраснымъ желтымъ лакомъ, и паруса на нихъ дѣлаются изъ тонкихъ рогожекъ. Снасти корабельныя плетутъ обыкновенно изъ бамбуковой коры. Только механическія издѣлія достигли въ Китаѣ достаточнаго совершенства, относительно ко всему другому; но и въ нихъ, такъ-же какъ въ шкацкихъ издѣліяхъ, фарфорѣ, лакѣ, и другихъ произведеніяхъ Китайской промышленности, видите плоды болѣе смышленаго теривнія, нежели изобрѣтательности Китайцевъ.

Я говорилъ уже о памятникахъ Китайскихъ. Что касается до литтературы, видимъ, что въ ней немногое найдется для насъ, хотя произведенія философовъ, поэтовъ и историковъ Китайскихъ усердно переводятся теперь на Европейскіе языки. У Китайцевъ есть много печатныхъ книгъ, особливо въ Пекинѣ, гдѣ обилуютъ ими богдыханскія библіотеки, а также и во многихъ областяхъ, гдѣ есть библіотеки въ публичныхъ заведеніяхъ и у многихъ ученыхъ Китайцевъ. Между другими твореніями, Китайцы имѣютъ Энциклопедію въ 64-хъ томахъ, составленную *Вангъ-гонгъ-шаномъ*, знаменитымъ ихъ писателемъ, жившимъ около

1600 года, почти въ эпоху прибытія миссіонеровъ въ Китай. Сынъ помогалъ въ этомъ огромномъ сочиненіи Вангъ-гонгъ-шану. Среди многаго замѣчательнаго находимъ извѣстіе объ огнестрѣльномъ оружіи Европейцевъ. Распредѣленіе предметовъ, странное съ одного конца книги до другаго, само по себѣ разумѣется, не походитъ на систему, принятую въ Энциклопедіи Даламбера и Дидеро. Вотъ какъ распредѣлилъ всю область вѣдѣній Китайскій энциклопедистъ: 1, Астрономія; 2, Географія; 3, портреты замѣчательныхъ людей и различныя вѣры разныхъ народовъ; 4, таинства великаго Цикла и Пакуа; 5, Зодчество; 6, орудія и снаряды военные, земледѣльческіе, садовые и рыболовные; 7, Анатомія; 8, одежды; 9, шахматная и другія игры; 10, древнія письмена Китайскія; 11, Ботаника и Естествознаніе различныхъ странъ; 12, искусство сражаться и биться на кулачкахъ; 13, искуство дровосѣка; 14, танцованье; 15, различныя средства сохранять здоровье и быть долговѣчнымъ; 16, битвы воловъ и пѣтуховъ; 17, монеты, съ изображеніями.

Поэзія составляетъ важный отдыхъ ученыхъ людей, и даже самые великіе богдыханы Китайскіе оставили доказательства своихъ стихотворческихъ способностей. Кіанъ-Лунгъ находится въ числѣ здѣшнихъ великихъ поэтовъ. Самый извѣстный въ народѣ отрывокъ его стихотворенія Ода на чай, изображаемая на всѣхъ Китайскихъ чайникахъ. Вотъ какъ начинается это знаменитое стихотвореніе Кіанъ-Лунга: «На небольшомъ огнѣ

поставь сосудъ, утвердивъ его на треножникѣ; наполни сосудъ чистою снѣговою водою; кипяти воду, сколь долго, сколько потребно сдѣлаться рыбѣ бѣлою, а ракамъ краснымъ,» и проч.

Философическія сочиненія уважаются однакожь въ Китаѣ болѣе, нежели забавы поэтическія. Ученіе Конфуція, основная философія Китайцевъ, составленное въ краткихъ изреченіяхъ, излагаемыхъ повелительнымъ образомъ, темно въ своихъ догматахъ, но ясно въ отношеніи нравственности, не оставляя никакихъ сомнѣній о сущности религіозныхъ и гражданскихъ обязанностей. Таково, на примѣръ, слѣдующее изреченіе Китайскаго мудреца:

«*Три добродѣтели основныя: скромность для разсмотрѣнія; благосклонность для общаго блага; мужество для сохраненія.*»

Ученіе Конфуція составляетъ, кажется, религію образованныхъ званій въ Китаѣ. До него, шуземная религія была какимъ-то философическимъ пантеизмомъ (натуробожіемъ). Кажется, что въ отдаленной древности, Китайцы признавали бытіе Бога, мздовоздаятеля за добро и зло, и изъ многихъ мыслей Конфуція можно замѣтишь, что этотъ мудрецъ допускалъ сей основный догматъ. Но темный и неопредѣленный смыслъ его изреченій, его основанія естественной нравственности и всеобщаго согласія, сдѣлали изъ Китайской религіи совершенный Спинозизмъ, смѣшанный съ матеріализмомъ и атеизмомъ. Совершенно политическое обожаніе неба, геніевъ земли, звѣздъ,

горъ и рѣкъ, поклоненіе тѣнямъ предковъ—все это есть собственно гражданскій обрядъ, безъ всякихъ религіозныхъ основаній. Здѣсь не пріемлется никакое видимое изображеніе божества, нѣтъ и жрецовъ; каждый начальникъ гражданскій отправляетъ обряды въ своемъ мѣстѣ, а богдыханъ является политическимъ понтифомъ Китая. Конфуцій украшаетъ своимъ изображеніемъ Китайскіе храмы, но на него смотрятъ какъ на портретъ достойнаго уваженія человѣка, и потому только жгутъ передъ нимъ благовонія, ладонъ, кусочки сандальнаго дерева и позолоченой бумаги. — Секта *Тао-тзе* допускаетъ понятія и обряды, похожіе на Эпикурейство. Созерцательная жизнь есть одно изъ ея главныхъ основаній, но съ тѣмъ вмѣстѣ допускаются Астрологія и колдовство. Считаютъ до 1500 храмовъ въ Китаѣ, посвященныхъ Конфуцію, и полагаютъ, что весною и осенью приносятъ въ нихъ на жертву до 27,000 свиней, 2800 барановъ, 2800 дикихъ козъ, и 27,000 зайцевъ; приношенія благочестивыхъ людей въ сіи храмы составляютъ до 27,000 кусковъ шелковыхъ тканей.

Обожаніе Конфуція и Тао-Тзея, слишкомъ отвлеченное для простолюдиновъ, никогда не исходило въ высшія званія. Но за то, едва только Индійскій Буддизмъ появился въ Китаѣ, народъ принялъ его, подъ именемъ религіи бога *Фо*. Я объяснялъ уже въ чемъ состоитъ эта религія, распространенная нынѣ во всемъ Китаѣ.

Мнѣ остается дополнить легкій очеркъ Китая, представленный мною, нѣкоторыми забытыми подробностями и замѣчаніями о домашнемъ бытѣ Китайцевъ.

Затворническая жизнь Китайскихъ женщинъ не распространяется на деревенскихъ Китаекъ; онѣ свободно ходятъ въ народѣ, и на нихъ лежатъ самые тяжелые труды земледѣльческіе; нерѣдко онѣ даже сами пашутъ землю. Но затворничество женское строго соблюдается въ высшихъ званіяхъ, гдѣ всѣмъ управляютъ неизмѣнность церемоній, обряды, и какой-то родъ семейственной іерархіи. Единственная, неизмѣнная добродѣтель, которая за то и служила любимою темою, на которой разыгрывались неумѣренныя похвалы Китаю, есть почтеніе дѣтей къ родителямъ, доходящее до совершеннаго изліяніе. Въ Китаѣ, какъ нѣкогда въ Римѣ, отецъ можетъ продать сына своего въ рабство, и Китайцы, по своенравію, или по бѣдности, часто пользуются этимъ правомъ. Дочери особливо, почти всегда, бываютъ предметомъ торга между отцами и женихами. Всего страннѣе, что женихъ покупаетъ невѣсту не видавши ея. Впрочемъ, покупатель въ правѣ разорвать договоръ въ самую рѣшительную минуту: когда закрытая повозка, въ которой привозятъ невѣсту въ домъ жениха, остановится передъ входомъ въ это жилище, хозяину вручаютъ ключъ отъ дверецъ повозки; онъ можетъ отпереть дверцы, взглянуть на свою будущую жену, и если она не понравится ему, немедленно отправить ее

обратно къ отцу. Но подарки и плата за невѣсту оставаются въ такомъ случаѣ у отца невѣсты, въ награду отказа женихова.—Поѣзды Китайскихъ свадебъ, сопровождаемые музыкою и веселыми пѣснями, довольно походятъ на обряды свадебные у древнихъ Грековъ, которые возили молодыхъ по улицамъ городовъ своихъ, на великолѣпныхъ колесницахъ; единственная разница въ томъ, что Китайская невѣста бываетъ при этомъ случаѣ невидима для народа, а на Гречанку открыто устремлялись любопытные и восхищенные взоры всѣхъ проходившихъ по улицѣ.

Многоженство позволено въ Китаѣ, какъ во всѣхъ другихъ земляхъ, гдѣ женщины составляютъ вещь и по́варъ; но при всеобщей трудности содержанія, большая часть Китайцевъ, едва имѣя пропитаніе для одной жены и дѣтей, отъ нея происходящихъ, не пользуются правомъ такого злоупотребленія законовъ природы. Только знатные люди имѣютъ гаремы, изъ шести, восьми, десяти женщинъ, смотря по охотѣ и средствамъ. Что касается до богдыханскаго сераля, онъ многочисленъ и хорошо бываетъ выбранъ. Каждые три года, великій властитель Китая дѣлаетъ смотръ всѣмъ дочерямъ Манджурскихъ чиновниковъ и знатнѣйшихъ людей своего государства, достигнувшимъ двѣнадцати-лѣтняго возраста. Называясь общимъ отцомъ всѣхъ своихъ подданныхъ, какъ отецъ, онъ имѣетъ право выбирать изъ этихъ дѣвочекъ, кого ему угодно и сколько угодно, въ жены и въ простыя наложницы. Тѣ, ко-

торыхъ не назначаютъ въ третій разъ, послѣ двукратнаго пересмотра, исключаются изъ числа невѣстъ богдыханскихъ. Женщины для прислугъ во дворцахъ, числомъ около 5000, берутся изъ третьяго перебора, и иногда удостоиваются благосклонности богдыханской; но если такая милость будетъ сопровождаема рожденіемъ сына, или дочери, счастливица вступаетъ въ отдѣленіе женъ богдыханскихъ, и принимаетъ званіе законной жены его, вмѣстѣ съ другими.

Впрочемъ, живость страстей у Китайцевъ обнаруживается только въ одномъ—пристрастіи къ игрѣ. Рѣдко выходитъ Китаецъ изъ дома безъ того, чтобы въ карманѣ его не было каршъ, или косточекъ; за недостаткомъ ихъ, начинаютъ *тзой-мой*, родъ игры въ пальцы, Французскаго *Мурра*, до которой такъ пристрастны Неаполитанскіе бродяги. Кромѣ того, въ Китаѣ извѣстны еще свои особенные шахматы, бой пѣшуховъ, перепелокъ, стрекозъ, кузнечиковъ.

Деспотизмъ, тяготѣющій надъ Китаемъ, конечно, не могъ-бы справиться съ вещественнымъ образованіемъ народа, столь далеко достигнувшимъ совершенства, въ сравненіи съ другими Азіятцами, если-бы природный характеръ Китайцевъ не способствовалъ злоупотребленію власти. Этому должно приписать безмѣрное распространеніе бамбуковины, стражи спокойствія и безопасности въ Китаѣ. Малѣйшая погрѣшность, малѣйшее преступленіе сопровождается, болѣе или менѣе достаточнымъ, пріемомъ бамбуковыхъ ударовъ, зависящимъ

почти всегда отъ воли мандарина, подводящаго законную мѣру наказанія.

Бамбуковая палка и бѣдность—вотъ двѣ стихіи, отъ которыхъ униженъ характеръ Китайцевъ. Человѣколюбіе, родительская любовь, благотворительность суть добродѣтели незнаемыя въ Китаѣ. Пусть человѣкъ упадетъ на улицѣ, пораженный параличемъ—онъ можетъ спокойно умирать, и никто объ немъ не позаботится. Ремесленникъ, видя товарища своего, вмѣстѣ съ нимъ работающаго, и издыхающаго отъ болѣзни, или нечаянно, даже не подумаетъ спросить, что такое съ нимъ сдѣлалось. Если жонка тонетъ въ рѣкѣ, сбѣжавшіеся люди сперва постараются спасти грузъ, а потомъ подумаютъ о погибающихъ плавателяхъ; такъ въ пожарномъ случаѣ, каждый Китаецъ старается спасти только свое, и ни одинъ не подумаетъ о бѣдствіи сосѣда.

Безъ сомнѣнія, этому безчувственному эгоизму должно приписать ужасное количество дѣтоубійствъ, безпрерывно совершаемыхъ въ Китаѣ. Не только не противится правительство этому страшному преступленію, но терпитъ его, даже потакаетъ жестокости родителей. Одну изъ обязанностей Пекинской полиціи составляетъ подбираніе по улицамъ каждое утро дѣтей, которыхъ выкинутъ по ночамъ изъ домовъ; несчастныхъ младенцевъ этихъ складываютъ въ пѣлеги, и безъ разбора везутъ ихъ, мертвыхъ и живыхъ, на кладбище, неподалеку отъ города. Нѣкоторые изъ путешественниковъ пола-

гаютъ въ 30,000 число дѣтоубійствъ, ежегодно совершаемыхъ въ цѣломъ государствѣ, но другіе ограничиваютъ его 10,000-ми. Живущіе около рѣкъ бросаютъ дѣтей своихъ въ воду, навязавши имъ на шею пустую тыкву, чтобы голова младенца высматривалась на поверхности воды. Часто видятъ по рѣкамъ плавающіе такимъ образомъ трупы дѣтей, и лодочники обращаютъ на нихъ такъ мало вниманія, какъ будто-бы на трупы мертвыхъ щенятъ.

Правда, что рядомъ съ подобнымъ разсчитаннымъ безчеловѣчіемъ, котораго не льзя извинить ни бѣдностью, ни излишествомъ народонаселенія въ Китаѣ, должно поставить нѣкоторыя добродѣтели, свойственныя обитателямъ Небесной Имперіи: опрятность въ общественной жизни, вѣжливость, миролюбіе, трудолюбіе. Учтивость, между равными, и между низшими и высшими званіями, составляетъ не столько обычай, но даже непзмѣнный законъ. Ссоры весьма рѣдки, даже въ самомъ низшемъ просполюдьѣ. Гордые и низкіе, нищеславные, но трусы, Китайцы обладаютъ только такою смѣлостью, которая возрастаетъ при уступкѣ и уменьшается передъ угрозою и сопротивленіемъ. Обходитесь съ Китайцами вѣжливо — они оскорбятъ васъ; ступьте передъ ними грозно—они унизятся. Шпага, сабля, пистолетъ дѣлаютъ Китайца совершенно безмолвнымъ и послушливымъ.

ГЛАВА XXXIX.

ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ КАНТОНА. — ФОРМОЗА. — ЛЬУ-ЧЬУ.

Ничто не задерживало меня болѣе въ Китаѣ. Изъ Кантона видѣлъ я все, что можно было видѣть; успѣлъ собрать даже о самыхъ внутреннихъ областяхъ новыя вѣрныя свѣдѣнія. Какъ ни хотѣлось мнѣ продолжить жизнь мое съ Барономъ и съ Мартономъ—надобно было ѣхать: другія земли призывали меня—*Льу-Чьу* и *Японія*, дополненія моего путешествія по Азіи, а потомъ *Океанія*, это безконечное *многоостровіе*, эти страны поколѣній новыхъ и дикихъ, поприще открытій, могила двухъ великихъ мореплавателей прошедшаго столѣтія—*Кука* и *Лаперуза*.

Дни проходили. Совершенно предавшійся новымъ друзьямъ своимъ, мой Баронъ не говорилъ еще мнѣ ничего объ отъѣздѣ. Китай нравился ему; пристрастіе, первыя выходки котораго замѣтилъ я въ Макао, усилилось въ Кантонѣ; если онъ не всему здѣсь удивлялся, по крайней мѣрѣ, многое

занимало его, малѣйшія подробности увлекали, заманивали. Онъ, этотъ злой осуждатель всего, такъ сильно скучавшій занятіемъ путешественника, столь беззаботный ко всему, что ни встрѣчалось, Баронъ, Шведскій знатный человѣкъ—полюбилъ Китай! Было-ли это естественное противодѣйствіе, странность организаціи, выздоровленіе, новая болѣзнь? я не успѣлъ рѣшить, потому что принужденъ былъ разстаться съ моимъ Барономъ.

Прошла недѣля съ пріѣзда нашего въ Кантонъ. Приготовясь на рѣшительный разговоръ, пришелъ я въ комнату Барона, вечеромъ. «Ну, сказалъ я — готовы-ли вы къ отъѣзду?» — Куда? — «Въ *Лью-Чью*.» — Готовъ, но... случаи такъ рѣдки.... — «Именно, и потому-то пришелъ я извѣстить васъ, что послѣ-завтра открывается случай: плыветъ жонка въ Іеддо, и ей надобно будетъ остановиться у Лью-Чью.» — Боже мой! какъ вы спѣшите! Не правда-ли, что жить здѣсь такъ хорошо, и что мандаринъ съ краснымъ шарикомъ самый счастливѣйшій въ мірѣ человѣкъ? — «Можетъ быть, но мы не жители здѣшніе, и не мандарины, и, признаюсь, притомъ — я не промѣняю званія путешественника на званіе мандаринское. Послушайте, Баронъ: за чѣмъ принуждать себя? Послѣдуемъ лучше каждый своему расположенію. Со времени знакомства нашего въ Сингапурѣ, я такъ одолженъ вами, что сохраню воспоминаніе объ васъ во всю жизнь мою. Наша прогулка по Китайскому морю заставила меня полюбить васъ. Все это такъ, но—избави Богъ употреблять во зло ваше доброе

ко мнѣ расположеніе! Позвольте мнѣ ѣхать одному—вамъ за мною не угоняться.» — Какая дѣятельность! — «Что дѣлать, Баронъ: рано или поздно, у васъ навѣрно недостанетъ охоты быть моимъ товарищемъ; вы еще не знаете съ какимъ отчаяннымъ искателемъ приключеній имѣете вы дѣло. Разстанемся лучше теперь. Вамъ нравится отдыхъ здѣсь, а я скучаю бездѣйствіемъ, считаю каждый часъ, только и думаю о дальнѣйшемъ путешествіи. Знаете-ли, что Азія кажется мнѣ даже слишкомъ избитымъ поприщемъ для того, кто ищетъ новаго? Я въ ней проѣздомъ, мимоходомъ, останавливаюсь по разнымъ мѣстамъ, какъ музульманинъ, идущій въ Мекку, останавливается въ Антіохіи, Алеппо, Дамаскѣ. Цѣль моя не здѣсь. Личныя впечатлѣнія подчинены въ Азіи предварительному изученію; мнѣ хочется далѣе—въ тѣ стороны, о которыхъ такъ мало еще писали, гдѣ будетъ свободный разгулъ моимъ собственнымъ наблюденіямъ, гдѣ обо всемъ буду я судить самъ, свободно, безъ старыхъ предубѣжденій. Вотъ настоящее путешествіе—оно расширяетъ, увеличиваетъ идеи. Каждая остановка здѣсь кажется мнѣ послѣ этого похищеніемъ изъ моего настоящаго странствованія. Все еще Лью-Чью и Японія лучше: они сосѣди Китая, но такъ малопзвѣстны, а за ними открывается настоящая *земля путешественника,* моя милая Океанія, которую хочу я переглядѣть островъ за островомъ, обозрѣть, какъ географъ, какъ естествоиспытатель, какъ историкъ, какъ филологъ, философъ, поэтъ.» . . . — Да, на это жизни

человѣческой не достанетъ! — « Что̀ дѣлать! Уже одна мысль объ этомъ восхищаетъ меня; чувствую довольно силы, сколько возможно, осуществить ее, и ручаюсь вамъ, что никто еще не видалъ Океаніи такъ хорошо, какъ я ее увижу. Тамъ готовъ я жить, сколько хотите, готовъ записаться въ дикари, чтобы только лучше узнать дикарей; стану ѣздить съ ними, въ ихъ лодкахъ, пить ихъ *кавy;* постараюсь записаться въ число *тату*. — Такова моя основная мысль, Баронъ, и я не покину Океаніи, пока не соберу съ нея, будто пчела, всего, что только есть тамъ замѣчательнаго. » — И вы твердо рѣшились? — « Да. » — Хорошо — благословляю васъ въ путь, а самъ остаюсь въ Китаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ не угоняться за вами. Васъ обольщаетъ еще очарованіе пользы, ученья, а я уже давно потерялъ его. Всему выучиться не льзя, а люди—право, не стоятъ того, чтобы для нихъ трудиться. Съ Богомъ, добрый товарищъ! Благодарю васъ за дружбу и ласку!

Этимъ кончились наши переговоры, и я поспѣшилъ послѣ того приготовленіями къ отъѣзду. Впрочемъ, послѣднее испытаніе характера моего товарища облегчило печаль моей съ нимъ разлуки. Баронъ нашелъ меня на дорогѣ, и взялъ съ собою, какъ средство развлеченія; теперь онъ оставлялъ меня, потому, что меня замѣняли ему Моршонъ и другія средства разсѣянія. Все — любовь, дружба, ненависть, удовольствія скользили, пролетали по душѣ этого человѣка, истомленной прежнею его жизнью. Но что-же такъ измучило его душу?

Этого никогда не открывалъ онъ мнѣ, и, вѣроятно, никто и никогда не дождется въ этомъ свѣтѣ его довѣренности. Въ путешествіи своемъ, во всемъ, что встрѣчалось ему на пути, искалъ онъ только *развлеченія*, а не *утѣшенія*. Увѣрясь въ этомъ, я даже радъ былъ отодвинуть отъ себя холодъ души Барона. Но когда, на третій день, надобно было разставаться, Баронъ, казалось мнѣ, былъ тронутъ. Мы обнялись со слезами на глазахъ, и я чуть было не рѣшился остаться. Мортонъ показалъ мнѣ все возможное радушіе; заботился обо всѣхъ удобствахъ моего путешествія; надарилъ мнѣ на дорогу всякой всячины, начиная съ Европейскихъ прихотей до Китайскихъ игрушекъ.

Сентября 22-го, 1830 года, отправился я на перевозномъ ботѣ въ Линтинъ, гдѣ ожидала меня жонка, назначенная для путешествія въ Лью-чью и Іеддо. Окрестности Кантона и Тигровой рѣки были уже мнѣ знакомы, и потому мало обращалъ я вниманія на все встрѣчавшееся мнѣ въ моемъ быстромъ переѣздѣ. Но когда впечатлѣнія отъѣзда моего стали изглаживаться, множество новыхъ предметовъ начали опять занимать меня. Тутъ шли по рѣкѣ лодки съ утиными плотами, у которыхъ по бокамъ прицѣплены были огромныя клѣтки, съ двойными помостами, для причала къ берегу, такъ, что днемъ птица можетъ ходить на берегу, и вечеромъ укрываться въ свою плавучую темницу, подъ предводительствомъ старыхъ уточекъ, которыя ходятъ въ головѣ стада. Безпрестанно встрѣчали мы такія плавучія клѣтки,

громкимъ кряканьемъ своего груза показывавшія, что въ нихъ нагружено. Безчисленное множество уток, любимаго кушанья Китайцевъ, поддерживается здѣсь искусственнымъ высиживаньемъ въ печахъ.

По мѣрѣ приближенія нашего къ морю, рѣка оживлялась передъ нами. Мѣсто маленькихъ Кантонскихъ лодокъ заступали огромныя перевозныя суда, съ однимъ парусомъ, но за то вмѣщающія въ себѣ страшное количество груза, при пособіи огромныхъ магазиновъ, въ нихъ устроенныхъ, на крышѣ которыхъ помѣщаются сами моряки. Въ устьѣ рѣки, еще одно изъ судовъ обратило на себя мое вниманіе: это былъ небольшой корабль изъ Чьу-Кіао, красивый, хорошо оснащенный, покрытый парусами, искривленный по концамъ въ видѣ шпоръ, летѣвшій по водѣ, какъ стрѣла. Далѣе явилась огромная военная лодка, съ двадцатью веслами на каждой сторонѣ, и съ богдыханскими флагами на мачтѣ и на кормѣ.

Когда прибылъ я въ Линтинъ, 25-го Сентября, жонка, на которой надобно было мнѣ отправиться, уже отвалила отъ берега; надобно было догонять ее, на самой летучей лодкѣ, какую только можно было здѣсь сыскать. Посредствомъ сигнала, мы дали знать жонкѣ, чтобы она остановилась и подождала меня; скоро догнали мы ее, и капитанъ жонки, почтеннѣйшій *Чау-Тзингъ*, по письмамъ, какія привезъ я ему отъ гаписта Англійской Компаніи, знакомца моего Панъ-ке-куа, а также и за добрые піастры, врученные ему, при-

нялъ меня самымъ вѣжливымъ образомъ. Онъ проговорилъ мнѣ нѣсколько Англійскихъ словъ, и я порадовался, что могу ему изъяснять, хошь коскакъ, все, что мнѣ будетъ надобно спросить во время пути.

Жонка, состоявшая подъ начальствомъ моего новаго Китайскаго Колумба, была не такъ тяжела, какъ прежняя жонка почтеннаго Тзинъ-Фонга; назначаемая для плаванія въ сѣверныхъ Китайскихъ моряхъ, она имѣла формы болѣе легкія, хотя и прочныя, и, казалось, была способнѣе противиться непогодѣ лучше всѣхъ видѣнныхъ мною донынѣ судовъ Китайскихъ. Самый Чау-Тзингъ казался мнѣ смѣлѣе, смышленѣе, мужественнѣе нашего прежняго корабельщика; съ первыхъ минутъ нашего знакомства замѣтилъ я, что на него можно было полагаться надежнѣе. Важный видомъ, но ласковый, казалось, онъ составлялъ исключеніе изъ другихъ Китайскихъ моряковъ своими привычками, полу-Китайскими, полу-Европейскими. Эта загадка скоро для меня объяснилась: лѣтъ двадцать, Чау-Тзингъ занимался торговлею въ Бенгалѣ, доводилъ жонку свою до самаго Иль-де-Франса, и такимъ образомъ успѣлъ, мало по малу, сперешь съ себя природную Китайскую кожу. Это не былъ уже замаперѣлый жишель Небесной Имперіи. Безъ сомнѣнія, счастливая звѣзда моя навела меня на такого человѣка. Онъ обходился со мною превосходно съ перваго до послѣдняго дня нашего знакомства.

Приморье Кантонской области скрылось отъ нашихъ взоровъ, и мы завидѣли берега *Фо-Кіенскіе*,

когда туманный очеркъ горнаго хребта, на небосклонѣ, впереди насъ, показалъ намъ близость *острова Формоза*. Островъ этотъ, называемый Китайцами *Тай-Уанъ* (заливъ высокихъ горъ), сдѣлался извѣстенъ Китайцамъ не прежде 1430 года. Японцы завладѣли имъ въ 1624 году, и оставили его потомъ Голландцамъ, построившимъ тутъ крѣпость *Зеландію*. Занятіе острова Голландцами продолжалось до 1661 года, когда Китайскій пиратъ, *Чинъ-Чинъ-Кунгъ*, сдѣлался властителемъ Формоза, принужденный, въ 1683 году, уступить превосходнымъ силамъ Китайцевъ, посланныхъ богдыханомъ для его изгнанія.

Владѣніе Китайцевъ на Формоза и теперь простирается только на долины, лежащія по западному приморью острова; къ востоку, цѣпь горъ служитъ границею между покоренныхъ Китайцами областей и страною отдѣльною, обитаемою дикими, пуземными жителями.

Подвластныя Китайцамъ долины необширны, но плодородны и орошены водою; воздухъ здоровъ; земля обилуетъ сарачинскимъ пшеномъ и сахаромъ. Формоза снабжаетъ еще Китай цвѣтами дикаго жасмина, называемыми *санъ-їу-гуа*, придающими чаю пріятный запахъ. Почти всѣ Индійскіе плоды находятся на Формоза — померанцы, бананы, ананасы, гойявы, дыни, кокосы, арекъ, превосходныя жакьеры. Многіе изъ Европейскихъ плодовъ растутъ здѣсь также удачно, и въ числѣ ихъ должно поставить персики, абрикосы, фиги, виноградъ, каштаны, и проч. — Находится здѣсь еще *сіанъ*,

дерево съ почковиднымъ плодомъ. Табакъ, перецъ, имбирь, алое, камфара входятъ въ число вывозныхъ отсюда предметовъ. Соли и сѣры обиліе.

На Формоза водятся буйволы и быки, которыхъ пріучаютъ къ земледѣльческимъ работамъ; въ изобиліи есть лошади, собаки, ослы и козы, но овецъ мало. Свиньи, столь превосходныя и многочисленныя въ Китаѣ, худо разводятся на Формоза, но куръ, гусей и утокъ множество. Среди такого богатства произведеній встрѣчается неудобство, почти уничтожающее всѣ выгоды: вода на островѣ нездорова, даже иногда бываетъ губительна для иноземца. Только въ главномъ городѣ есть немного воды, пригодной для питья. Странность эта происходитъ, вѣроятно, отъ высоты снѣгами покрытыхъ горъ, съ которыхъ текутъ водяные источники, или, можетъ быть, отъ свойства земель, по которымъ они протекаютъ.

Восточная часть Формоза вообще малоизвѣстна. Знаютъ только, что тамъ обиліе золота и серебра, и что островитяне Лью-чоускіе бываютъ тамъ, для обмѣна на произведенія своей земли этихъ драгоцѣнныхъ металловъ. На западной, подвластной, Китайской сторонѣ, много гаваней; находящаяся близъ столицы острова, Тай-уанъ-Фу, самая надежная и обширная, но по причинѣ мѣлководнаго входа, только въ десять футовъ глубиною, она недоступна для большихъ кораблей; не смотря на такое неудобство, болѣе ста Китайскихъ жонокъ останавливаются въ ней ежемѣсячно.

Первобытныхъ жителей Формоза составляетъ, кажется, смѣшенное поселеніе Китайцевъ, Малайцевъ и Японцевъ. По извѣстіямъ, какія у насъ есть, каждое изъ этихъ поколѣній говоритъ своимъ особеннымъ нарѣчіемъ. Жители сѣверной части живутъ въ домахъ, построенныхъ по-Китайски; южные въ хижинахъ, деревянныхъ и земляныхъ, гдѣ нѣтъ у нихъ ни столовъ, ни стульевъ и никакой другой мебели. По срединѣ каждой хижины устроивается родъ очага изъ земли, на два фута выше полу, и служитъ для приготовленія пищи, состоящей изъ сарачинскаго пшена, хлѣба и дичины. Говорятъ, будто дикіе Формозцы такъ легки на бѣгу, что догоняютъ оленей и ловятъ ихъ руками. Желая изъяснить такую легкость, Китайцы разсказываютъ, будто Формозцы сжимаютъ себѣ какимъ-то образомъ колѣни и лядвеи до 15-ти лѣтъ. Обыкновенное оружіе Формозцевъ копье, которое бросаютъ они на разстояніе 80-ти шаговъ, и лукъ со стрѣлами, употребляемый ими не съ меньшимъ искуствомъ. Неопрятные по природѣ, они ѣдятъ полусырое мясо, раздирая его руками. Начальство надъ селеніями ввѣряютъ у нихъ старикамъ, которые правятъ жителями патріархальнымъ образомъ; эти старшины опредѣляютъ награды охотникамъ, болѣе другихъ ловкимъ и проворнымъ, и только имъ предоставлено право позволять накалываніе кожи, или *татуажъ*, чѣмъ отличается у нихъ званіе и гражданское достоинство человѣка. Южные Формозцы ходятъ нагіе, прикрываясь только запаномъ, исходящимъ отъ

поясницы до икръ. Сѣверные, обитая въ странѣ болѣе холодной, носятъ одежды изъ оленьихъ кожъ, безъ рукавовъ; голову прикрываютъ остроконечнымъ калпакомъ, сплетеннымъ изъ пальмовыхъ листьевъ; верхъ калпака украшается пукомъ пѣпушьихъ, или фазаньихъ перьевъ. Китайцы обвиняютъ этихъ дикарей въ человѣкоядствѣ, увѣряя, будто на торжественныхъ обѣдахъ своихъ, нерѣдко съѣдаютъ они стариковъ, сиротъ, больныхъ и калѣкъ. Подчиненная Китайцамъ часть острова охраняется 16-ю тысячами войска. *Тай-уанъ-Фу*, столица, построена на мѣстѣ прежней Голландской крѣпости.

Хорошо споспѣшествуемый муссономъ, капитанъ нашей жонки не хотѣлъ останавливаться у Формоза, и прямо направилъ путь къ Лью-Чью; черезъ нѣсколько дней благопріятнаго плаванія, мы усмотрѣли на С. В. высокія горы этого острова. Съ приближеніемъ нашимъ къ землѣ, множество рыбачьихъ лодокъ выплыло къ намъ на встрѣчу, и нѣкоторыя даже, прицѣпясь къ нашему кораблю, начали мѣнять съ нами свѣжую рыбу на табакъ и разныя Китайскія произведенія. Потомъ, ознакомясь ближе, Лью-Чьусцы взошли на жонку нашу и поздравляли насъ на Японскій манеръ, кланяясь до земли, сложивъ руки на груди. Многіе изъ рыбаковъ были полунагіе; другіе одѣты въ плащья изъ грубой бумажной ткани, съ широкими рукавами. При первомъ взглядѣ на нашихъ гостей, всего болѣе поразила меня ихъ малорослость. Самые высокіе были не болѣе 5-ти футовъ отъ земли.

Сопровождаемые нашими посѣтителями, правили мы прямо къ *Напа-Кіангу*, столицѣ Лью-Чью, и вечеромъ, Октября 2-го, бросили якорь на разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ большой насыпи, исходящей къ самой гавани. Съ этого мѣста нашей стоянки, островъ выказывалъ намъ свои красоты, могучія и спокойныя. Повсюду видна была обрабошка земель, тщательная и смѣтливая. Домы, построенные на косогорахъ, разнообразныя пажити, кузницы, занятыя работою — все показывало здѣсь страну образованную и многолюдную. Въ разныхъ мѣстахъ, пересѣкая однообразіе полей, являлись въ горныхъ изломахъ шуземныя гробницы, состоящія въ двойной каменной стѣнѣ, заграждающей входъ въ подземелья, и оставляющей только маленькое отверзтіе въ срединѣ. Надъ всѣмъ этимъ высилась гора *Самаръ*, возвышеннѣйшій пикъ всего острова, отколь взоръ обнимаетъ всю его окружность. Почти на самой вершинѣ этой горы находится *Шуи*, или *Шуди*, городъ, по видимому, немаловажнѣе Напа-Кіанга. Сколько возможно было мнѣ различить издали, этотъ внутренній городъ казался окруженнымъ стѣною, и казалось мнѣ даже, что я распознаю множество флаговъ, вѣющихся на мачтахъ по его стѣнамъ. Хотя жилища горожанъ были отчасти скрыты большими купами деревьевъ, легко можно было замѣтить ихъ многочисленность. Самое возвышенное, обширное и величественное между зданіями, безъ сомнѣнія, было жилище владѣтеля Лью-Чьусцевъ. Великолѣпный коверъ зелени раздѣлялъ безмолвный

Шуди, дремавшій, казалось, въ тѣни своего мрачнаго возвышенія, отъ шумнаго Напа-Кіанга, бывшаго у насъ передъ глазами. Этотъ ближайшій къ намъ городъ могъ я различать яснѣе; мнѣ можно было разсмотрѣть въ немъ даже всѣ крыши домовъ, съ ихъ выгнутыми краями, какъ у домовъ Китайскихъ, обширность высокихъ его укрѣпленій, набережную его, вдавшуюся въ море, подъ защитою которой стояло шесть военныхъ жонкъ. Толпами показывались, на парапетѣ укрѣпленія, туземцы здѣшніе, мужчины и женщины, и когда слухъ о прибытіи нашемъ распространился въ городѣ, число зрителей до того умножилось, что наконецъ всѣ укрѣпленія были усѣяны ихъ головами. Это стеченіе народа въ гавани, движеніе лодокъ, плававшихъ около береговъ, тихое, пріятное пѣніе матрозовъ, лепетъ значковъ, развѣвавшихся на туземныхъ жонкахъ и въ городѣ, все это веселило зрѣніе и занимало мое воображеніе.

Я стоялъ, облокотясь на заднюю оснастку нашего корабля, задумавшись, когда Чау-Тзингъ потрепалъ меня по плечу и предложилъ мнѣ ѣхать на берегъ. Можно повѣрить, какъ поспѣшилъ я послѣдовать его приглашенію. Посѣтить этихъ добрыхъ обитателей Лъу-Чъу, узнать этотъ гостепріимный народъ, столь плѣнявшій меня въ прелестномъ романическомъ разсказѣ Базиля Галла, и въ достовѣрномъ описаніи Бичея; познакомиться здѣсь съ этими лицами, которыя такъ знакомы уже были мнѣ по разсказамъ мореходцевъ, пожить съ ними, попраздничать, полюбоваться этимъ по-

слѣднимъ уголкомъ патріархальной жизни на землѣ —слишкомъ много было всего этого, и какъ было мнѣ не броситься опроменью въ лодку, которая готовилась плыть къ берегу!

Движимая веслами гребцовъ, скоро достигла лодка папа до устья рѣки, протекающей по городу, столь широкой и глубокой, что самые большіе корабли могутъ входить въ нее. На пристани была тма народа, и нѣсколько старшинъ прибѣжали встрѣтить меня, потому что рыбаки успѣли уже извѣстить въ Напа-Кіангѣ, что «бѣлый Западный человѣкъ,» Европеецъ, былъ на приближающейся жонкѣ. Едва ступилъ я на землю—папереривъ старался каждый изъ старшинъ схватить меня за руку, утащить меня къ себѣ, сдѣлаться моимъ гостепріимцемъ. Наконецъ, одинъ изъ всѣхъ, старательный болѣе другихъ, кажется, удалилъ своихъ собратій какими-то повелительными словами, и, оборотясь ко мнѣ—«Пойдемъ съ мною»—говорилъ онъ мнѣ, коверкая Англійскія слова, до такой степени, что я едва могъ понять его — «пойдемъ со мною, господинъ *Энгелесъ*—Коми знаетъ говорить по-Энгелески — онъ говоритъ по-Энгелески — они, вотъ не знаютъ говорить по-Энгелески!» Добрякъ, правду сказать, и самъ зналъ по-Энгелески не болѣе другихъ, но онъ просилъ меня такъ умильно, онъ тащилъ меня къ себѣ съ такимъ видимымъ страхомъ, боясь, не откажусь-ли я отъ его приглашенія, что все это почти до слезъ меня растрогало. Я отправился съ добрымъ *Коми* (имя моего новаго знакомца), который зналъ

по-*Эгглески*; подлѣ дверей жилища Коми встрѣтила насъ хозяйка, жена моего новаго друга, и казалась неменѣе мужа счастливою, что видитъ меня и принимаетъ въ своемъ домѣ.

Коми, одинъ изъ старшинъ Напа-Кіанга, по видимому, былъ лѣтъ сорока отъ роду, а жена его неболѣе 20-ти лѣтъ; волосы на головѣ Коми, гладкіе и намазанные какою-то черною помадою, были подняты, по обычаю пуземцевъ, съ обѣихъ сторонъ головы, и потомъ соединены пукомъ на темѣ; выше ленточекъ, которыми они были завязаны на верхушкѣ, надѣто было еще два кольца, называемыя *камезаши* и *узизаши*; то и другое у Коми были золотыя, а камезаши, кромѣ того, съ маленькою звѣздочкою и двумя булавками, также золотыми; мѣдь и серебро употребительнѣе для этого убора, но золотомъ отличаются здѣсь званіе и богатство. Борода и усы Коми были тоже натерты какимъ-то чернымъ, блестящимъ веществомъ. Одежду его составлялъ кафтанъ изъ шелковой ткани, пестрый, на подобіе змѣиной кожи. Жена моего хозяина была одѣта очень просто. Волосы ея, подобранные подъ большую булавку, небрежно упадали съ верха головы на щеки, а рубашка, съ широкими рукавами, обхваченная поясомъ, совершенно закрывала все тѣло, съ шеи до ногъ. Видъ Коми выражалъ какую-то добродушную хитрость; глаза его, не столь узкіе, какъ у Китайцевъ, были кротки, показывая умъ; ротъ и носъ его были весьма соразмѣрны. Жена Коми, красивая женщина, показалась-бы недурною даже и

у насъ въ Европѣ; прекрасные глаза ея блистали подъ выразительными рѣсницами, а темнымъ цвѣтомъ щёла походила она вообще на свѣжихъ обитательницъ южной Европы. Руки ея были немного испещрены накалываніемъ, но, кажется, этотъ *татуажъ* означалъ больше почетное отличіе, нежели украшеніе.

Какъ ни старательно увлекалъ меня къ себѣ Коми, но, немедленно по приходѣ моемъ къ нему, онъ показалъ себя добрымъ товарищемъ другихъ старшинъ Лью-Чьускихъ. Едва только выпилъ я стаканъ *шаззи* (родъ напитка, перебродившаго, и похожаго на Китайскій камчу), какъ мнѣ предложили идти, посѣтить знатнѣйшихъ людей въ городѣ. Мы отправились.

Окруженные толпою любопытныхъ зрителей, пришли мы прежде всего къ саду старшины Укома, одного изъ самыхъ почетныхъ начальниковъ, на островѣ. Добрый старецъ этотъ сидѣлъ въ саду своемъ; по сторонамъ его стояли двое молодыхъ людей, а сзади служитель, державшій огромный, развернутый зонтикъ надъ его головою. Мнѣ казалось, что въ жизнь мою не видалъ я картины столь занимательной и патріархальной. Сѣдая борода старика падала бѣлыми, шелковистыми волнами на грудь его. Имѣя на головѣ родъ повязки, онъ былъ въ широкомъ шелковомъ кафтанѣ, свободно подпоясанномъ. Платье служителя было сшито изъ бумажной ткани, но двое юношей были одѣты въ кафтаны изъ пестрой парчи. Видъ старика выражалъ благосклонность и веселость. Юно-

ши были красивы, и лица ихъ оживлялись удивленіемъ и умною хитростью. Не боясь показаться страннымъ, или смѣшнымъ, я готовъ былъ всѣхъ ихъ обнять дружески.

Едва сѣли мы подлѣ Укома, какъ извѣстили хозяина нашего о приходѣ *бодезе*, или жреца Льу-Чьускаго, и еще одного изъ начальниковъ города; тотъ и другой хотѣли передать мнѣ свои дружескія привѣтствія. Мы встали и пошли на встрѣчу имъ.

Жреца легко можно было узнать по обритой его головѣ и по босымъ ногамъ, ибо всѣ другіе Льу-Чьусцы носятъ сандаліи, а также по его простой, небрежной одеждѣ, широкой повязкѣ изъ шелковой ткани, которая голубою лентою была укрѣплена на его груди, всего-же болѣе по важному, задумчивому виду и молчаливости. Вновь пришедшій начальникъ былъ одѣтъ и носилъ волосы, какъ хозяинъ мой Коми, во всемъ походившій на него.

Укома ласково встрѣтилъ посѣтителей, и проводилъ ихъ подъ тѣнь развѣтвистыхъ деревъ. Тутъ наша бесѣда была полная; тотчасъ подали чай, съ чѣмъ-то сахарнымъ, въ родѣ пирожковъ, испеченныхъ изъ муки сарачинскаго пшена. Послѣ того каждый принялся за трубку, и мы начали разговоръ, на языкѣ, которому невозможно придумать надлежащаго имени: это была смѣсь языковъ Англійскаго, Китайскаго, Японскаго, Льу-Чьускаго. «За чѣмъ прибыли вы въ Нана-Кіангъ?» — Посмо-

прѣшь вашу сторону, и потомъ отправишься въ Іеддо. — « Изъ какой-же вы земли? » — Изъ Франціи. — «Франція, Франція, а не *Энгелесъ?*» — Нѣтъ, Франція—и видя что мои собесѣдники не понимаютъ меня, я прибавилъ — « Франція и Англія, вотъ какъ у васъ Китай и Японія, двѣ сосѣдственныя, но различныя земли. » — Собесѣдники мои подумали, и казалось, выразумѣли слова мои. «Не *Энгелесъ,* » повторяли они — « нѣтъ *Энгелесъ*, а *Франсесъ, Франсесъ*. Да что-же надобно *Франсесъ* въ Лью-Чью? » — Я уже сказалъ вамъ: посмотрѣть вашу сторону, какъ прежде меня дѣлали это Максуэль, Галлъ, Бичей.

Эти имена, едва произнесъ я ихъ, имѣли волшебное дѣйствіе на моихъ собесѣдниковъ. Добрые островитяне начали смѣяться, хохотать, чуть не заплясали на своихъ стульяхъ. Они встали, окружили меня, снова взялись за мои руки, говоря: *Шурасса, Шурасса* (кажется, что это особенно значитъ: *хорошо, хорошо)!* Можно было замѣтить, что я возбудилъ въ нихъ драгоцѣнныя имъ воспоминанія; Галлъ и Бичей представлялись великими людьми въ Лью-Чью, и пребыванія здѣсь Англичанъ составили эпоху въ исторіи острововъ здѣшнихъ.

Какъ будто для подкрѣпленія мысли, всѣхъ насъ занимавшей, случай, или любопытство, привели въ это время въ жилище Укома двухъ туземцевъ Лью-Чью, имена которыхъ сдѣлались столь извѣстны въ Европѣ послѣ изданія путешествій Галла и Бичея: это были *Мадера-Козіонгъ* и *Анъ-Ніагъ;* имя и другой тщательно сохраняли, какъ вели-

чайшую драгоцѣнность, нѣсколько Англійскихъ словъ, которыя успѣли они заучить; изъ словъ этихъ составили они небольшой словарь, въ который заглядывали при разговорѣ. Прибытіе Мадера и Апъ-Ніага придало болѣе живости и откровенности нашимъ разговорамъ. «Есть-ли у тебя на кораблѣ жена твоя?» спросилъ меня Мадера. — Не только нѣтъ со мною на кораблѣ, но не осталось и дома —отвѣчалъ я. — «Ахъ!» сказалъ онъ — «а какая прекрасная, прекрасная жена была съ *Энгелесъ!*» — Я вспомнилъ тогда, что дѣйствительно, жена одного изъ офицеровъ Альцесты, Г-жа Лой, въ 1816 году, произвела на здѣшнемъ островѣ чуть не революцію. Не только во все время пребыванія здѣсь, ее осыпали ласками и привѣтомъ, но при отъѣздѣ сдѣланы были ей самыя убѣдительныя предложенія, отъ какого-то неизвѣстнаго обожателя, навсегда остаться въ Льу-Чьу. По великолѣпію предложенныхъ притомъ подарковъ, можно было замѣтить, что этотъ таинственный обожатель едва-ли не былъ самъ царь Льу-Чьускій. Прекрасной Англичанкѣ обѣщали домъ, богато убранный, сто невольниковъ, и всѣ наслажденія роскоши шуземной, между тѣмъ какъ объ уступкѣ ея шли переговоры съ ея мужемъ, которому давали награды неменѣе важныя.

Г-жа Лой ни на что не согласилась, но послѣ ея утверждена была въ Льу-Чьу слава о красотѣ Европейскихъ женщинъ; по крайней мѣрѣ, у Мадера, въ числѣ другихъ воспоминаній, это было самое главное. Изъ терпѣливые уроки капитана

Галла, ни слезы, пролитыя туземцами при отбытіи отсюда Альцесты, ни пышный праздникъ, какой давалъ на кораблѣ своемъ капитанъ Максуэль, ничто не оставило такой силы впечатлѣнія, съ какою врѣзалась въ память его красавица *Энгелесская*. Старикъ, лѣтъ около 55-ти, онъ молодѣлъ въ душѣ своей, припоминая красавицу, какъ самое свѣжее и лучшее воспоминаніе въ прошедшемъ.

Послѣ двухъ часовъ разговора, оживленнаго взаимными разсказами, жрецъ всталъ съ своего мѣста, и черезъ Коми, моего хозяина и покровителя, просилъ посѣтить его жилище и храмъ. Охотно согласился я, и всѣ отправились со мною, даже и самый Укома просилъ позволенія намъ сопутствовать. Цѣлый домъ начальника двинулся провожать его: двое служителей, одинъ съ зонтикомъ, другой съ вѣеромъ, первый въ полосатомъ платьѣ, второй въ одноцвѣтномъ; мальчикъ, которому должно нести кошелекъ; старикъ, инвалидъ домашній, и даже какая-то женщина, жена садовника — всѣ спѣшили за своимъ повелителемъ, и направились къ жилищу жреца.

Это была обширная огородка, въ разныхъ мѣстахъ усаженная деревьями, въ родѣ нашихъ тополей, и застроенная небольшими павильонами, гдѣ каждый изъ служителей храма живетъ своимъ хозяйствомъ. Когда Альцеста находилась въ гавани Нана-Кіангской, здѣшніе бодезы уступили Англичанамъ свои жилища, и здѣсь устроено было заведеніе разныхъ мастерскихъ. Канапчики, кузне-

цы заняли садъ, и работали все, что было надобно для поправленія корабля. Не только не оскорблялись этимъ добрые туземцы и жрецы здѣшніе, но еще сами всячески помогали своимъ гостямъ, приносили припасы и воду больнымъ, таскали деревья, срубленныя въ горахъ для плотничьихъ работъ; если хотѣли платить имъ за что нибудь, они сердились и ничего не брали.

Далѣе мы увидѣли могилу, напомнившую мнѣ трогательное событіе. На камнѣ написано было по-Англійски: «Здѣсь покоится Вилліамъ Гаррисъ, матрозъ корабля Альцеста, умершій 15-го Октября 1816 года, на 21-мъ году своей жизни. Памятникъ сей воздвигнутъ ему царемъ и жителями здѣшняго гостепріимнаго острова. «Гаррисъ, съ давняго времени страдавшій неисцѣльною болѣзнью, умеръ въ бѣдность свою здѣсь. На другой день по смерти его, когда земляки Гарриса собрались для его погребенія, они были изумлены, увидя вокругъ тѣла его собравшихся начальниковъ и знатнѣйшихъ жителей Нана-Кіанга, въ бѣлыхъ платьяхъ съ черными поясами, что означаетъ здѣсь глубокій трауръ; все это собраніе провожало умершаго до могилы и отдало тѣлу его почести по туземному обычаю.

Чѣмъ болѣе всматривался я въ здѣшнихъ жителей, тѣмъ болѣе душевно привязывался къ нимъ. Творя добро безъ хвастовства, исполненные кротости и врожденнаго дружелюбія, они не показываютъ ни малѣйшей наклонности къ какому нибудь своекорыстію, стараются услужить всякому, ода-

рить всякаго, только для того, чтобы услужить и одарить, безъ всякой особенной мысли о барышахъ, съ полною довѣрчивостью, не думая о вознагражденіи. Англичане, останавливаясь здѣсь, всегда встрѣчали любовь истинно братскую. Быковъ, буйволовъ, свиней, птицы, пшена, присылаемыхъ отъ имени царя и начальниковъ, бывало уже достаточно для экипажей, и едва могли уговорить добряковъ, въ замѣну всего этого, принять сукна, или другихъ какихъ нибудь Европейскихъ вещей; брать плату за гостепріимство почитается здѣсь дѣломъ недостойнымъ честнаго человѣка.

Для добрыхъ жителей Лью-Чью, я былъ гостемъ нестоль убыточнымъ, какъ экипажъ цѣлаго корабля. Потому, не имѣя средства вполнѣ показать свое щедрое великодушіе, они наперерывъ старались, другъ передъ другомъ, доказать его мнѣ, чѣмъ только могли. Надобно было имѣть сотню желудковъ, чтобы съѣсть все, чѣмъ меня угощали. Послѣ завтрака у Укома, меня принялись угощать въ жилищѣ жрецовъ, и вся роскошь туземной гастрономіи была истощена въ множествѣ закусокъ и стряпни, выставленныхъ при семъ случаѣ. Безъ нѣсколькихъ чашекъ чаю, мнѣ пришлось-бы задохнуться отъ объѣденія.

По окончаніи нашей закуски, жрецы хотѣли показать мнѣ храмъ свой, и что было еще важнѣе, самое божество его. Мы отправились въ пещеру, естественно образовавшуюся въ горѣ, и здѣсь увидѣлъ я идола, грубо сдѣланнаго. Это было изоб-

раженіе *Куань-Іонгъ*, богини прощенія, покровительницы Пана-Кіанга. Передъ нимъ разставлено было множество деревянныхъ ящичковъ, одни квадратные, другіе продолговатые. Маленькія палочки положены были сверху ихъ. Въ ящички кладутся отъ посѣтителей разныя приношенія божеству, а палочками, если не ошибаюсь, жрецы вынимаютъ жребіи и гадаютъ, подобно Китайскимъ бонзамъ; для этого кидаютъ палочки на воздухъ, и по цыфрамъ, на нихъ поставленнымъ, вычисляютъ извѣстное число, смыслъ котораго объясняется потомъ въ книгахъ жрецовъ.

Случайно познакомясь такимъ образомъ съ здѣшними духовными, съ самаго пріѣзда моего, старался я пояснить мои понятія о вѣрованіи Лью-Чьускихъ обитателей. Вотъ разговоръ, бывшій между мною и жрецами: «Сколько вѣръ считается у васъ въ Лью-Чьу?» — Три. — «Какія-же?» — *Жу, Шигъ, Тау;* вторая есть то-же, что вѣра Фо въ Китаѣ. — «Много-ли у васъ послѣдователей вѣры Жу?» — Много. — «А вѣры Фо?» — Меньше. — «А вѣры Тау?» — Мало. — «Вѣра Жу признаетъ-ли идоловъ?» — Нѣтъ! Она велитъ только молиться подъ открытымъ небомъ, иногда во храмѣ, а всего болѣе повелѣваетъ только думать о Богѣ и обожать его въ сердцѣ своемъ. — «Вѣрите-ли вы, что добро будетъ награждено, а зло наказано?» — Да, всѣ три вѣры наши говорятъ это.

Сколько могъ я замѣтить, духовенство здѣшнее не пользуется большимъ уваженіемъ народа, такъ, какъ въ Китаѣ, хотя и приходятъ къ нему

совѣщаться и гадать о счастіи и несчастіи. Можетъ быть, по этому, оно не показываетъ ни гордости, ни нетерпимости. Выразить невозможно, съ какимъ почтеніемъ обходились со мною жрецы, пока я находился у нихъ въ жилищѣ.

Было уже довольно поздно, когда отправился я домой; глубокая тишина царствовала въ Напа-Кіангѣ. Жена Коми, видя, что мы такъ долго не возвращаемся, безпокоилась объ насъ, и отправила слугу своего искать насъ. Пшено и баранина, отлично приготовленныя для гостя, могли потерять свой изящный вкусъ отъ нашего замедленія, а это чрезвычайно озабочивало добрую хозяйку. Она боялась показать мнѣ съ невкусной стороны свою Льу-Чьускую стряпню. Мы поспѣшили прекратить ея безпокойство своимъ приходомъ, и вотъ — на столѣ, весьма опрятно накрытомъ, вокругъ котораго поставлено было нѣсколько бамбуковыхъ скамеекъ, явился превосходный ужинъ. Съ какою боязливою дружбою хозяйка слѣдовала за каждымъ моимъ движеніемъ! Какъ старалась она угадать по лицу моему, нравятся-ли мнѣ ея ушки, яицы, окрошки! При малѣйшемъ знакѣ удовольствія, я видѣлъ радость на ея лицѣ — она смѣялась, хлопала руками, и потомъ опрометью бѣжала за новымъ кушаньемъ. Коми былъ восхищенъ неменѣе, видя меня своимъ гостемъ; онъ говорилъ безъ умолку, не слушалъ моихъ отвѣтовъ, гордился своимъ знаніемъ *Энгелесскаго* языка, хотя послѣ нѣсколькихъ чашекъ шаззи, языкъ этотъ сдѣлался наконецъ вовсе непонятнымъ; но

это умножило дружескія увѣренія Комп, не сдѣлавши ихъ однакожь для меня болѣе тягостными. Онъ говорилъ, что почитаетъ себя счастливымъ не менѣе Мадера и Анъ-Ніага, потому, что если у нихъ есть два друга *Энгелесъ*, за то у него Комп есть одинъ другъ *Франсесъ*. За нѣмъ слѣдовало множество вопросовъ о Франціи, ея жителяхъ, нравахъ, ихъ, вопросовъ скромныхъ и простодушныхъ, дѣланныхъ съ вѣжливостію, столь особенною, и при томъ столь естественною, что можно было подумать, будто ихъ предлагаетъ самый образованный Европеецъ. Отвѣчая Комп, я распрашивалъ его въ мою очередь. Два обстоятельства хотѣлось мнѣ пояснить особенно, два любопытные разсказа капитана Галла, придававшіе характеру Льу-Чьусцевъ черту, достойную нравовъ небывалаго Золотаго вѣка. Одно изъ нихъ было несуществованіе будто-бы на Льу-Чьу военнаго оружія; другое, неимѣніе будто-бы здѣсь монеты. Съ романической точки зрѣнія, на которую поставилъ себя Англійскій мореплаватель, описывая свои любимые острова, разумѣется, чрезвычайно выгодно было поэтическому очарованію читателей, когда разскащикъ прибавилъ два упомянутыя обстоятельства, будто остатки жизни первобытной и патріархальной. Цѣлый народъ безоружный, когда весь остальной міръ стоитъ подъ ружьемъ съ незапамятуемыхъ временъ, такъ, что жители его едва успѣваютъ колотить другъ друга! Цѣлый народъ безъ денегъ, когда у всѣхъ другихъ народовъ всѣмъ правятъ и самовластвуютъ

золото и серебро! Боже великій! Открытіе такой земли стоило открытія Новаго Свѣта! Капитанъ Галлъ понялъ это, и составилъ изъ этого самую прелестную басенку, какую только можно было составить, развеселилъ этимъ скуку Наполеонова отшельничества на островѣ св. Елены, потомъ дополнилъ на пути въ Европу, и помѣстилъ въ фантастическую картину Лью-Чью, которой повѣрила вся Европа. Но сказка должна остаться сказкою: Коми, согласно съ Бичеемъ, низпровергли этотъ романъ—у Лью-Чьусцевъ есть оружіе, есть и монета. Оружіе скрываютъ они въ своихъ крѣпостяхъ, гдѣ не увидите пушекъ ихъ въ грозномъ величіи на стѣнахъ. При миролюбивыхъ свойствахъ своихъ, они не понимаютъ, какъ можно выказывать готовность на войну, если ни съ кѣмъ нѣтъ войны; но у нихъ есть однакожь ружья и пушки на защиту, въ случаѣ необходимомъ. Что касается до денегъ, употребленіе ихъ всеобще между народомъ, и каждый пуземецъ, въ маленькомъ кошелькѣ, привѣшенномъ съ боку, всегда носитъ при себѣ и употребляетъ въ торговлѣ мѣлкую Китайскую монету, называемую *кашъ*; золотой и серебряной монеты нѣтъ въ оборотѣ, но ее замѣняютъ слитки этихъ металловъ.

Долго говорили мы обо всемъ этомъ послѣ ужина, куря изъ длинныхъ трубочекъ табакъ и запивая его чаемъ. Надобно было наконецъ подумать объ успокоеніи. Постеля, почти на Европейскій манеръ, была приготовлена для меня въ

одномъ изъ садовыхъ павильоновъ, и хозяйка такъ усердно заботилась о моемъ спокойствіи, что гость даже болѣе меня взыскательный остался-бы совершенно доволенъ. Утомленный моими дневными странствованіями, я заснулъ самымъ крѣпкимъ сномъ.

Едва проснулся я, Коми и жена его были уже подлѣ дверей моего павильона, предлагая мнѣ чашку шаззи, которому приписываютъ здѣсь чудесныя свойства. Послѣ легкаго завтрака, я сказалъ моему хозяину, что нынѣшній день хотѣлось-бы мнѣ избавиться отъ церемоніяльныхъ посѣщеній, и что имъ охотнѣе предпочту я прогулку въ полѣ. При такомъ предположеніи, очевидно неожиданномъ, лицо моего хозяина омрачилось; онъ старался что-то сказать, но не могъ, и совершенно смѣшавшись бросился вонъ и ушелъ изъ дома своего. Около получаса прошло, и я все еще не могъ разгадать причины такого внезапнаго бѣгства, когда наконецъ я опять увидѣлъ моего Коми, съ радостью прибѣжавшаго; онъ прыгалъ, скакалъ, смѣялся, «Франсезъ, Франсезъ! мы будемъ смотрѣть Шун, мы будемъ смотрѣть поле! Укома позволилъ! Царь также позволилъ!» Я понялъ тогда, что это позволеніе означало великую милость, которою одолженъ я былъ значительности, или просьбамъ Коми.

Тотчасъ весь домъ Коми пришелъ въ движеніе; явились служители съ зонтиками, мальчики съ ящиками, наполненными говядиною и другими припасами. Анъ-Ніагъ явился кстати сопутствовать

въ нашемъ путешествіи; Мадера, старый и дряхлый, изъявлялъ большое горе, что не можетъ слѣдовать за нами.

Путь нашъ лежалъ сначала мимо погребальницъ, которыя замѣтилъ я съ гавани, и о которыхъ уже говорилъ прежде. Любопытство заставило меня заглянуть во внутренность этихъ гробовищъ, и я нашелъ въ одномъ изъ нихъ полуистлѣвшій трупъ, покрытый грубою рогожкою. Подлѣ стояло нѣсколько чашекъ, и большой кувшинъ съ чаемъ, шакъ, что духъ умершаго могъ пить сколько ему было угодно. Но никакихъ кушаньевъ тутъ не было, ибо Лью-Чьусцы полагаютъ, что духи только пьютъ, но не ѣдятъ. Обычай оставлять такимъ образомъ тѣла для гніенія происходитъ отъ того, что на кладбищахъ собственно туземцы хоронятъ только кости. Потому предварительно кладутъ тѣло въ погребальницу, пока совершенно обгнившій скелетъ можно будетъ собрать въ мѣсто его окончательнаго успокоенія.

Гора, по которой мы шли, была усѣяна такими погребальными пещерами костей. Мнѣ хотѣлось взойдти въ какую-нибудь изъ нихъ, но кромѣ одной, всѣ были замурованы наглухо. Входъ у той, которая открыта, закладенъ былъ красными кирпичами, съ маленькими отверзтіями, не болѣе вершка. Внутри разставлено было десятка два красивыхъ глиняныхъ кувшиновъ краснаго цвѣта, покрытыхъ крышками, похожими на мандаринскія шапки. Я хотѣлъ-было заглянуть въ нѣкоторые

изъ этихъ кувшиновъ, и посмотрѣвъ что такое въ нихъ находится, но Коми и Анъ-Ніагъ съ ужасомъ остановили меня: это были кости ихъ предковъ, и нарушать послѣднее ихъ на землѣ убѣжище, почитается здѣсь страшнымъ святотатствомъ; можно-ли было не уважить такого предразсудка!

По-немногу подошли мы на одну высоту, съ которой открывались передъ нами большая часть залива Напа-Кіангскаго и города Шуи. По дорогѣ видѣлъ я множество различныхъ насажденій — картофель, просо, пшеницу, Индійскій хлѣбъ, пататы, ячмень, сахарный тростникъ, горохъ, чайное деревцо, сарачинское пшено, табакъ, огурцы, кокосы, морковь, салатъ, лукъ, попутникъ, гранаты и померанцы. Подлѣ земель, богатыхъ всѣми такими произведеніями, возвышались по мѣстамъ пригорки, увѣнчанные перелѣсками дикихъ сосенъ. Пригорки эти составляетъ, такъ какъ и самое основаніе острова, губковатая, окаменѣвшая пэвесть, легко уступающая обтескѣ.

Все это пространство — смѣсь природныхъ красотъ и человѣческихъ произведеній — представляло собою видъ величественный и прекрасный. Съ одной стороны острова, расположенные лѣсенкою на обширной водяной скатерти, столь прозрачной, столь сквозистой, что даже съ высоты, гдѣ мы были, взоръ нашъ, погружаясь въ море, могъ легко преслѣдовать всѣ изгибы подводныхъ ушесовъ; на югъ городъ На-Фу; ниже, въ гавани, суда на якоряхъ, жонки, съ ихъ значками,

Японскіе кампаны, пришедшіе изъ Ушимара и Іедо, увѣшанные флагами; потомъ по берегу, незамѣтно возвышающемуся отъ моря къ городу, хижины, полузакрытыя купами деревьевъ, и тамъ и здѣсь бѣлые домики, при потокахъ серебристыхъ ручьевъ — вотъ что являлось мнѣ отвсюду. Самое богатое произрастаніе видимо было вездѣ — оно обнимало домы, вилось вокругъ стѣнъ, цѣплялось арабесками, исходило въ иныхъ мѣстахъ даже на край морскаго берега, и глядѣлось въ волны морскія, свѣшиваясь съ утесовъ. Если отъ Напа-Кіанга идти къ Шуи, внутреннему городу, или *Кингъ-Шингу*, по описанію капитана Максуэля, прелесть мѣстоположенія является еще разнообразнѣе и восхитительнѣе. Зданія въ Шуи, болѣе щегольскія и болѣе обширныя, нежели въ приморскомъ городѣ, представляются, какъ будто стѣною при подножіи горной высоты. Купы деревьевъ соединяютъ одно зданіе съ другимъ. Долина около города кажется обширнымъ его предмѣстьемъ—такъ многочисленны и сближены здѣсь одно къ другому разсѣянныя по ней жилища. На сѣверъ, высокіе, древніе лѣса заслоняютъ южную часть острова, и охраняютъ ее отъ холодныхъ вѣтровъ, дующихъ въ этомъ направленіи.

Мы достигли въ это время до той части острова, гдѣ никогда еще не бывала нога Европейцевъ. Крайнія хижины предмѣстія Шуи были передъ нами. Вокругъ насъ зеленѣло и пестрѣло произрастаніе столь богатое и столь сплошное,

что казалось, будто мы гуляемъ въ густой рощѣ. Вскорѣ зашли мы въ такой лабиринтъ тѣнистыхъ дорожекъ, что я не находилъ никакого выхода изъ нихъ. Кое-гдѣ видны были только плетеныя двери. Смѣясь моему замѣшательству, Коми отворилъ одну изъ нихъ. Мы вошли въ жилище земледѣльца, съ заднимъ дворомъ, наполненнымъ уткокъ, свиней и другихъ домашнихъ животныхъ. Вся эта роща была усѣяна такими жилищами, скрытыми подъ тѣнью роскошной прохлады. Нѣкоторые изъ обитателей вышли къ намъ на встрѣчу; изумленные, видя меня между двухъ своихъ соотечественниковъ, они пустились въ распросы обо мнѣ, и заставили меня, какъ умѣлъ я, изъяснять имъ—кто я, откуда явился, куда иду, за чѣмъ пришелъ къ нимъ въ Лью-Чью. Распрашивая, они осматривали меня съ головы до ногъ, съ ласковымъ любопытствомъ, удивляясь всѣмъ частямъ моей одежды — жилету, шляпѣ, башмакамъ—и безпрестанно приговаривали: «*Шурасса, Шурасса!*»

Въ каждомъ изъ этихъ сельскихъ убѣжищъ насъ подчивали яицами, молокомъ, мясомъ, шаззи, чаемъ, и если я не показывалъ хотъ вида, что принимаю угощеніе, добродушные хозяева оскорблялись, готовы были разсердиться. Въ обмѣнъ за ихъ угощеніе, я хотѣлъ было отплатить одному изъ нихъ нѣсколькими монетками, но, предвидя мое намѣреніе, Коми поспѣшно удержалъ меня и принудилъ спрятать мой кошелекъ. По мнѣнію туземцевъ, тотъ жестоко оскорбляетъ своего

хозяина, кто за гостепріимство вздумаетъ заплатить деньгами.

Находясь въ это время столь близко подошвы горы, на которой построенъ Шуи, я хотѣлъ продолжать мой путь черезъ предмѣстье его, и изъявилъ моимъ сопутникамъ желаніе видѣть ихъ царя и осмотрѣть дворецъ его. Но при этомъ изобразился на лицахъ Коми и Анъ-Ніага такой ужасъ, что его описать словами невозможно. Вдругъ бросились они передо мною, и Коми легъ поперегъ дороги, какъ будто показывая, что только перейдя черезъ его трупъ, могу я исполнить свое дерзкое предпріятіе. «Никто не видалъ царя Льу-Чьу» — кричалъ онъ голосомъ изступленнаго отчаянія — «Коми не видалъ, Укома не видалъ, Энгелесъ не видалъ, никто не видалъ!» И бѣднякъ катался по песку, словно бѣшеный, между тѣмъ, какъ Анъ-Ніагъ, стоя передо мною, казался готовымъ на сопротивленіе самое отчаянное. «Француз, » говорилъ онъ — «царь отрубитъ мнѣ голову, если вы пойдете далѣе! » Не желая продолжать скорби моихъ добрыхъ сопутниковъ, я немедленно повернулъ обратно, говоря: «О чѣмъ-же спорите? Пойдемъ опять въ Папа-Кіангъ. » При этихъ словахъ, товарищи мои запрыгали отъ радости. Коми вскочилъ поспѣшно и бросился цѣловать мои руки, ноги, мое платье, осыпая меня всѣми дружескими названіями, какія только могъ онъ запомнить изъ Льу-Чьу Энгелесскаго своего языка. Мы направили путь къ приморскому городу, перешедъ на другія проспики,

оставя тѣ, по которымъ шли прежде, и идя такимъ образомъ по длиннымъ, узкимъ переулкамъ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ, между зеленью, скрывались отъ насъ домы и жилища, недоступныя ни взорамъ прохожаго, ни лучамъ солнечнымъ. Плети вьющихся растеній и цвѣты всякихъ родовъ перепутывались тутъ по ратановымъ заборамъ, огораживающимъ съ обѣихъ сторонъ дорожки. Въ палящемъ климатѣ здѣшнемъ, ничто не даетъ такой свѣжести, такой здоровой прохлады, такой усладительной тѣни, какъ подобныя жилища Пуземцевъ,

Среди множества Лью-Чьусцевъ, встрѣчавшихся съ нами во всѣхъ направленіяхъ, мы безпрестанно видѣли веселыя толпы дѣтей, выбѣгавшихъ изъ хижинъ, гонявшихся за бабочками, или срывавшихъ цвѣты. Если имъ попадалось что нибудь покрасивѣе, цвѣточекъ или мотылекъ, они подносили это мнѣ, кланяясь по-Китайски, и убѣгая потомъ съ беззаботнымъ, беспечнымъ смѣхомъ. Имъ вовсе неизвѣстно было, что изъ ихъ подарковъ, въ другомъ мѣстѣ, составился-бы прибыльной промыселъ. Страсть собирать растенія и рѣдкости природы почти неизвѣстна внѣ предѣловъ образованнаго міра.

Далѣе встрѣтили мы двухъ ословъ, навьюченныхъ корзинами, расположенными въ видѣ сѣдла. Это были первыя рабочія животныя, мною здѣсь видѣнныя. Не замѣчая ни одной колеи по дорогамъ, я думалъ, что въ Лью-Чью вовсе неизвѣстны ни тѣлеги, ни повозки. Не смотря на силь-

ный солнечный зной, земледѣльцы работали по полямъ съ своими женами. Одеждою, чертами лица, нравами, привычками, сельскіе жители здѣшніе казались мнѣ совершенно похожими на здѣшнихъ горожанъ. У нѣкоторыхъ женщинъ были наколоны на рукахъ изображенія и узоры.

Едва пришли мы на небольшое возвышеніе, съ котораго видѣнъ былъ весь Напа-Кіангъ, Коми оборотился ко мнѣ, и легонько ударивъ меня по плечу, проговорилъ: «Смотри, смотри!» Онъ указывалъ мнѣ на гавань; оборотивъ туда взоры, я увидѣлъ, что послѣ нашего уже прибытія, въ гавань вошла и стала среди другихъ судовъ огромнѣйшая жонка; вокругъ нея, во всѣхъ направленіяхъ, видны были сотни лодокъ, подплывавшія къ ней, по видимому, съ тяжелыми нагрузками. «Что значитъ — спрашивалъ я—эта огромная жонка, и это движеніе вокругъ нея лодокъ?» Коми не зналъ, что̀ мнѣ отвѣчать, ибо, вѣроятно, это былъ такой предметъ, объясненій котораго не могъ онъ найдти въ своемъ Энгелесскомъ словарѣ, собранномъ съ величайшимъ прудомъ, едва только на самыя употребительныя слова. Наконецъ, при обильномъ пособіи шѣлодвиженіями, Коми далъ мнѣ понятіе, что большая жонка, стоящая среди гавани, прибыла изъ Китая для собранія подати, которую ежегодно платитъ Напа-Кіангъ повелителю Киннайцевъ, и что завтра-же выступитъ она обратно въ море.

Въ самомъ дѣлѣ, на другой день, съ самаго утра, Напа-Кіангъ торжественно праздновалъ от-

плыше богдыханской жопки. Чиновникъ, въ санѣ мандарина, прибылъ нарочно изъ Шуи, присутствовать при обрядахъ. Коми предупредилъ меня, говоря, что это «великая особа, больше всѣхъ, которые велики въ приморскомъ ихъ городѣ,» и что, вѣроятно, великій чиновникъ этотъ пожелаетъ меня видѣть. Въ самомъ дѣлѣ, едва успѣлъ я одѣться, мнѣ принесли визитный билетъ, щегольски написанный Китайскими буквами, слѣдующаго содержанія:

«Упгъ-Шу, чиновникъ Шуйскій, преклонялсь до лица земли передъ чужеземцемъ, проситъ свиданія съ нимъ.»

По изъявленіи моего согласія, одинъ изъ служителей пошелъ увѣдомить объ этомъ знаменитаго вельможу Лью-Чьускаго, и черезъ нѣсколько минутъ потомъ, онъ вступилъ въ жилище Коми, съ свитою, состоявшею человѣкъ изъ двадцати.— Упгъ-Шу, «великая особа, больше всѣхъ, которые велики въ приморскомъ городѣ,» являлъ собою болѣе всѣхъ другихъ сходства съ Европейцами. Платье его было изъ шелковой фіолетоваго цвѣта пикани, а шапка его, цвѣтомъ нѣсколько потемнѣе, была вышита желтыми цвѣтами. Видъ и осанка его выражали благородную простоту; ничего не было въ немъ замѣтно ни гордаго, ни спѣсиваго, и онъ отличался отъ своихъ подчиненныхъ только самою кроткою, обязательною вѣжливостью. Когда проходилъ онъ сквозь толпу народа, собравшуюся передъ домомъ, всѣ преклоняли передъ нимъ колѣни, складывая руки почтительно на груди.

Мой знаменитый посѣтитель не зналъ ни одного слова по-Англійски, и Коми сдѣлался его переводчикомъ. Надобно было снова отвѣчать на вопросы, уже столько разъ слышанные мною отъ другихъ, о моей землѣ, цѣли моего прибытія, будущемъ планѣ моего путешествія. Въ свою очередь, я распрашивалъ моего гостя о Шуи, о внутреннихъ областяхъ Льу-Чьу, и онъ казался готовымъ войдти со мною во всѣ подробности объясненій. По несчастію, намъ должно было сообщать взаимно свои идеи посредствомъ плохаго толмача, худо переводившаго или вовсе не умѣвшаго перевесть словъ нашихъ, такъ, что послѣ многочисленныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, мы почти ничего не успѣли узнать изъ того, что знать желали. Только одно хорошо поняли мы, что уже искренно полюбили другъ друга. Это взаимное чувство такъ хорошо утвердилось между нами, что мой посѣтитель рѣшился сдѣлать мнѣ странный подарокъ. Каждый разъ, когда я вынималъ изъ кармана мой носовой платокъ, я замѣчалъ выраженіе какого-то непріятнаго чувства на лицѣ моего гостя. Желая пояснить это, я еще разъ принялся за платокъ мой, и увидѣлъ, что съ большою важностію гость мой вынимаетъ изъ своего мѣшка пять, или шесть бумажныхъ лоскутковъ; онъ передалъ ихъ мнѣ черезъ одного изъ служителей, самъ взялъ такой лоскутокъ, высморкался, и отбросилъ его отъ себя. Тогда понялъ я, что опрятность Льу-Чьусцевъ находила употребленіе нашихъ платковъ обычаемъ весьма неопрятнымъ. Боясь остаться въ

долгу передъ знаменитымъ Унгъ-Шу, я поспѣшилъ отыскать въ чемоданѣ моемъ лучшій платокъ, и онъ принялъ его отъ меня съ величайшею радостью. Полагая однакожъ, что мой подарокъ былъ гораздо дороже, черезъ четверть часа прислалъ онъ ко мнѣ штуку прекрасной шкани и ящичекъ чаю.

Едва кончилось это учтивое посѣщеніе, восклицанія народныя вызвали насъ изъ дома. Богдыханская жонка вступала подъ паруса — якорь былъ уже поднятъ, значки вѣялись на всѣхъ ея мачтахъ, на палубѣ ея шѣснился народъ, и лодки пуземцевъ сошлися собрались вокругъ громаднаго корабля Китайскаго, плавая во всѣхъ направленіяхъ, и привѣтствуя его въ путь радостными криками и звукомъ гонговъ. Нѣтъ! ни допотопные корабли, ни корабли Греческихъ Аргонавтовъ не представляли, кажется, столь тяжелыхъ, столь неизящныхъ формъ, какъ эта громада, на которой везли въ Китай доказательства покорности Лью-Чьусцевъ повелителю Срединной имперіи! Между тѣмъ, любопытно было видѣть это огромное плавающее зданіе, съ его носомъ, гдѣ изображались два страшные глаза, съ его мачтами, гнувшимися, какъ легкая трость, съ его парусами изъ кокосовой коры, скрѣпленными на бамбуковыя палки. Присовокупите къ этому три вѣющіеся флага, на большой мачтѣ Лью-Чьускій, треугольный, красный съ желтымъ, съ изображеніемъ бѣлаго шарика въ срединѣ, какъ знака подчиненности, и на другой мачтѣ превеликій богдыханскій флагъ — не

считая множества значковъ, разставленныхъ рядами на носу и на кормѣ, изъ которыхъ каждый показывалъ на кораблѣ присутствіе мандарина. Едва подали знакъ къ отплытію, съ крикомъ распустили паруса, и вскорѣ, буксируемая лодками за мѣли, составляющія окруженіе залива, громадная жонка направилась къ С. З., съ торжествомъ и весельемъ туземцевъ.

Только что воротился я въ домъ Коми, церемоніяльное приглашеніе на обѣдъ прислано было ко мнѣ отъ великаго чиновника Шупскаго. Такой обѣдъ всегда сопровождаетъ отплытіе богдыханской жонки. Старшины и начальники Напа-Кіангскіе, въ числѣ ихъ Укома, Коми, Мадера, Апъ-Ніагъ, долженствовали быть при томъ почетными гостями, по случай увеличить торжество присутствіемъ Европейца былъ такою рѣдкостію, что знаменитый мандаринъ никакъ не хотѣлъ упустить этого случая.

Для достиженія въ жилище мандарина, намъ надобно было идти по улицамъ, до такой степени наполненнымъ любопытными зрителями, что мы съ трудомъ могли пробираться сквозь толпы ихъ. Между тѣмъ любопытство всѣхъ этихъ людей не представляло ничего дерзкаго и нахальнаго. Солнце свѣтило въ это время ярко, и всѣ зонтики зрителей, по мѣрѣ того, какъ проходилъ я, раскрывались надъ моею головою; каждый изъ Лью-Чьусцевъ спорилъ о чести доставить мнѣ тѣнь и прохладу. Такъ достигъ я въ жилище мандарина, уже ожидавшаго меня въ столовой. Столъ

Японской работы, превосходно лакированный, исписанный по бокамъ и на ножкахъ золотыми буквами, былъ поставленъ по срединѣ; надписи на немъ означали мѣсто, гдѣ, и время, когда сработана была эта великолѣпная мебель, а также имя мастера. Весь столъ этотъ былъ загроможденъ мясными кушаньями, сластями, и двумя родами крѣпкаго напитка: *шаззи* и *муруфаку*—то и другое имѣютъ вкусъ кисло-сладкій, къ которому съ трудомъ можно привыкнуть. Мнѣ отвели почетное мѣсто подлѣ мандарина, между нѣмъ, какъ остальные посѣтители помѣщались на скамейкахъ ниже и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ. Передъ каждымъ изъ присутствующихъ за столомъ поставили эмальпированную чашечку, съ блюдечкомъ, и положили Китайскія палочки, вмѣсто вилокъ. Окрошки, соусы, мяса показались мнѣ по приготовленію похожими на пѣ, какія ѣдалъ я въ Макао, но особеннымъ отличіемъ здѣшней кухни надобно было почесть невѣроятное множество пирожковъ и печенья; я насчиталъ болѣе 20-ти сортовъ того и другаго, и отвѣдалъ болѣе 10-ти изъ нихъ. Послѣ сладкихъ кушаньевъ, по здѣшнему обычаю, слѣдовали жареная свинина, рубленая птица и родъ пуддинга изъ лапши, а наконецъ огромныя блюда сарачинскаго пшена, составлявшія основаніе обѣда. Для сваренія въ желудкѣ всего этого, надобно было безпрырывно глотать изъ своей чашечки шаззи, и опрокидывать потомъ чашечку на столъ, въ доказательство, что на днѣ ея не оставалось ни капельки. Праздникъ кончил-

ся пѣснями, пѣшими хоромъ всѣхъ гостей, и плясками, довольно странными и некрасивыми. Плясуны прыгали на одной ногѣ, держа другую на воздухѣ, перемѣняли ноги, кривлялись, хлопали руками, и подпѣвали между шѣмъ что-шо очень медленно, сохраняя стройную мѣру пляски и пѣнія. Изъ столовой перешли мы въ садъ, гдѣ кончили вечеръ нашъ трубками и чаемъ.

ГЛАВА XL.

ЛЬУ-ЧЬУ. — ИСТОРІЯ, ГЕОГРАФІЯ. — НРАВЫ И ОБЫЧАИ.

Ни одинъ народъ въ мірѣ не дорожитъ до такой степени древностью своего происхожденія, какъ Льу-Чьусцы. И въ самомъ дѣлѣ, имъ есть чѣмъ погордиться: по разсказамъ ихъ, первый мужъ и первая жена, вышедшіе изъ какого-то хаоса на бѣлый свѣтъ, были ихъ безспорными прародителями. Этихъ предковъ называютъ Льу-Чьусцы *Омо-Мей-Кьу*, и говорятъ, будто изъ трехъ сыновей и одной дочери отъ этой первоначальной пары людей, старшій сынъ, *Тіенъ-Сунъ*, то есть *внукъ Неба*, былъ первымъ царемъ въ Льу-Чьу. Отъ этого перваго царя до царя *Шумъ-Тіена*, жившаго въ 1187 году послѣ Р. Х., историки шуземные считаютъ ни болѣе, ни менѣе—17,805 лѣтъ.

Баснословной исторіи Льу-Чьу наслѣдуетъ исторія достовѣрная. Она восходитъ не далѣе 605 года по Р. Х., и именно того времени, когда

Кинайскій богдыханъ Суи, услышавъ, что прекрасные и обильные острова находятся на морѣ, въ восточную сторону отъ Кипая, послалъ нѣсколько кораблей осмотрѣть ихъ. Нѣсколько островитянъ было привезено на этихъ корабляхъ въ Синъ-га-фу, тогдашнюю столицу Кипая, гдѣ Японцы разсказывали объ нихъ ужасы, какъ объ варварахъ. Богдыханъ Янгъ-Ти, рѣшась присоединить небольшой новооткрытый архипелагъ къ своей имперіи, послалъ нѣсколько ученыхъ людей, уговаривать Лью-Чьусцевъ покориться добровольно и платить дань, но посланныхъ не послушались, и послѣ отказа имъ, флотъ, съ десятью тысячами войска, вышелъ изъ Фо-Кіенскихъ гаваней, для покоренія оружіемъ страны, непослушавшей мирныхъ уговоровъ. Напрасно туземцы Лью-Чьускіе хотѣли воспротивиться высадкѣ; напрасно самъ царь ихъ сталъ впереди своихъ воиновъ, желая отразить силу силою—побѣда осталась на сторонѣ многочисленнаго непріятеля, царь былъ убитъ, и 5000 плѣнниковъ увезены побѣдителями на Китайскій материкъ.

Съ этого времени установилась между Китаемъ и островами Лью-Чью мѣна торговая, продолжавшаяся во все время владычества пяти династій, и только это и было слѣдствіемъ побѣды Китайцевъ, ибо цари Лью-Чьускіе вскорѣ отказались отъ платежа дани, на нихъ наложенной, и сдѣлались по прежнему независимы. Въ царствованіе Шунъ-Тіена, одного изъ знаменитыхъ властителей Лью-Чьускихъ острововъ, чтеніе и писаніе, дотолѣ невѣдомыя, были введены здѣсь Японскими учеными.

Впрочемъ исторія Лью-Чьуская не представляла ничего замѣчательнаго до 1372 года. Цари слѣдовали одинъ за другимъ; иные были добрые, другіе злые—подданные любили однихъ, ненавидѣли другихъ; нѣкоторые были храбры и побѣдительны, увеличивали власть свою завоеваніями; другіе были слабы и трусливы, и нерѣдко не могли противиться даже возстаніямъ и междоусобіямъ. Но годъ, упомянутый нами, сдѣлался памятенъ по предпріятію Китайскаго богдыхана Гонгъ-у, захотѣвшаго подчинить Лью-Чью подданству болѣе положительному и непосредственному. Острова дѣлились тогда между тремя властителями, изъ коихъ главнѣйшимъ былъ царь *Тзай-Ту*. Къ нему явилось посольство Китайскихъ мандариновъ, и посланные умѣли обойдтись съ нимъ такъ ловко, что царь Лью-Чьускій добровольно согласился на предложенныя условія, признавъ себя данникомъ Китая. Его примѣру послѣдовали оба остальные царя пуземные.

Тогда начались между правительствами Китая и Лью-Чью взаимныя пересылки учтивостей, подарковъ и привѣтствій. Изъ Лью-Чью послали къ богдыхану лошадей, пахучаго дерева, сѣры, мѣди, олова. Богдыханъ отвѣчалъ подарками болѣе богатыми, послалъ желѣза, фарфора и другихъ предметовъ, едва извѣстныхъ въ то время Лью-Чьусцамъ. Золотая, превосходно вырѣзанная печать для царя, серебряныя и золотыя украшенія для царицы, дополняли множество другихъ богатыхъ даровъ. Послѣ разныхъ пересылокъ, дѣти знатныхъ

Лью-Чьусцевъ были присланы въ Панкинъ, для воспитанія тамъ на счетъ Китайскаго правительства, а придцать шесть семей, переселясь изъ Фо-Кіена, распространили на землѣ Лью-Чьуской Китайскій образъ земледѣлія. Письмена Китайскія, сочиненія и вѣра Конфуція, были принесены этими переселенцами и пзъяснялись туземцамъ. Съ тѣхъ поръ сношенія покорившихся острововъ и владычествовавшаго надъ ними Китая поддерживались самымъ дружескимъ образомъ. Три царства Лью-Чьускія соединились наконецъ въ одно, при царѣ Шангъ-па-Ши, который сдѣлался черезъ это значительнымъ государемъ, такъ, что его посредство было принимаемо въ войнахъ, происходившихъ между Китаемъ и Японіею. Время это было также эпохою особенныхъ успѣховъ въ торговлѣ Лью-Чьусцевъ. Они предпринимали отдаленныя плаванія по морямъ: жонки ихъ ходили въ Формозъ, въ гавани Бунго, Фіонга, Сатзума, Кореп, въ устье Пеи-го, и даже въ Малакку.

Когда знаменитый властитель Японіи, Тай-Козама, рѣшился внезапно завоевать Китай, однимъ изъ предварительныхъ средствъ его къ этому была отправка тайнаго посла къ *Шангъ-Нингу*, тогдашнему царю Лью-Чьускому, съ требованіемъ отказа въ подданствѣ Китаю и перемѣны владычества Китайскаго на Японское. Шангъ-Нингъ не только воспротивился всѣмъ такимъ предложеніямъ, но, вѣрный присягѣ подданства, тайно увѣдомилъ Пекинскій Дворъ о предполагаемомъ нападеніи Японцевъ. Столь благородный поступокъ

навлекъ на Льу-Чьу ужасную грозу. Тай-Козама рѣшился покорить этотъ архипелагъ, и застигнутый смертью въ своихъ предпріятіяхъ, завѣщалъ исполненіе ихъ своимъ наслѣдникамъ. Они исполнили замыселъ его. Японскій флотъ, снаряженный въ Сатзумѣ, сдѣлалъ высадку на Льу-Чьу; островитяне бились храбро, но были побѣждены; отецъ царскій палъ въ битвѣ, и самъ Шангъ-Нингъ, захваченный въ полонъ и задержанный въ неволѣ два года, обезоружилъ гнѣвъ побѣдителей только своимъ непоколебимымъ упорствомъ и великодушною настойчивостью, съ какою хотѣлъ постоянно оставаться вѣрнымъ своей присягѣ Китаю. Ему дали наконецъ свободу, позволили возвратиться въ свое государство, и первое дѣло его по возвращеніи было посольство въ Китай, съ новымъ увѣреніемъ въ подданствѣ Китайскому богдыхану.

Завоеваніе Китая Манджурами мало измѣнило отношенія, какія существовали между Льу-Чьу и его повелителями. Положено было только, что Льу-Чьусцы должны посылать отъ себя депутатовъ въ Пекинъ каждые два года. Славный богдыханъ Канъ-хи, государь столь просвѣщенный и справедливый, оказалъ Льу-Чьусцамъ вниманія болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Ничего не щадилъ онъ для ихъ благосостоянія, и былъ къ нимъ столь благодѣтеленъ, что имя его съ благоговѣніемъ передается здѣсь донынѣ, изъ рода въ родъ. По его повелѣнію, въ Шуи построенъ былъ храмъ Конфуцію и учреждена ученая іерархія Льу-Чьуская, на подобіе той, какая существуетъ въ Ки-

тать. Качество податей было особенно приспособлено къ удобствамъ мѣстнымъ, и въ тѣ годы, коя гда пожары, или бури, опустошали Льу-Чьу, мудрый богдыханъ не только не обременялъ жителеданью, но помогалъ еще имъ отъ себя, посылай всякія пособія къ облегченію ихъ бѣдствій. Со временъ сего монарха, никакое особенное событіе не возмущало мирной и счастливой жизни Льу-Чьусцевъ. Ученый Китаецъ Супао-Коангъ, наблюдатель весьма умный, посѣщавшій Льу-Чьу въ 1719 году, описывалъ сіи острова «цвѣтущими и усыпленными въ счастіи продолжительной тишины», а по описаніямъ Европейцевъ, посѣщавшихъ потомъ въ разное время Напа-Кіангъ, можно и должно вѣрить, что дѣйствительно простая и мирная жизнь островитянъ Льу-Чьускихъ не была уже издавна возмущаема никакими политическими, или гражданскими бурями.

Первый изъ Европейскихъ посѣтителей Напа-Кіанга былъ извѣстный искатель приключеній Беньовскій, повѣствованію котораго едва-ли можно донакожъ вѣрить вполнѣ. Беньовскій, въ бѣгствѣ своемъ изъ Камчатки, присталъ къ одному изъ острововъ Льу-Чьускихъ, называемому *Усмай-Лигонъ*, гдѣ жители, обращенные какимъ-то миссіонеромъ, почти всѣ исповѣдывали тогда христіанскую вѣру. По разсказу Беньовскаго, онъ былъ принятъ туземцами съ гостепріимствомъ неслыханнымъ, до того, что различаясь въ этомъ отношеніи отъ всѣхъ жителей Азіи, туземцы не ревновали даже къ нему женъ и дочерей своихъ, стараясь только

какъ нибудь удержать добрыхъ гостей. Восхищенная сиоль дружескимъ пріемомъ, часть сопутниковъ Беньовскаго осталась на Усмай-Лигонѣ, а остальные должны были обѣщать добродушнымъ островитянамъ пріѣхать потомъ и остаться съ ними навсегда. Беньовскій увѣряетъ, что огнестрѣльное оружіе было тогда извѣстно въ Лью-Чью, и что желая усилить друзьямъ своимъ средства защиты, онъ съ своей стороны подарилъ имъ нѣсколько ружей, пикъ, сабель, пуль и пороху.

Англійскій капитанъ *Броутонъ*, въ 1796 году, а потомъ Калькутскій корабль *Фридерикъ* являлись послѣ Беньовскаго, стараясь установить торговыя сношенія между Индіею и Лью-Чью. Оба не успѣли въ своихъ предпріятіяхъ; самое дружеское гостепріимство оказали жители, но не согласились на торговлю. Руководимые совсѣмъ другою мыслью, капитаны Максуэль и Галлъ въ 1817 году, и капитанъ Бичей въ 1827 году, были здѣсь и не могли потомъ довольно нахвалиться туземцами. Максуэль получилъ отъ нихъ позволеніе свезти часть своего экипажа, изнуреннаго болѣзнью, на берегъ, и каждый день, безъ всякой платы, привозили ему для нихъ всѣ необходимые припасы. Дружескіе, блестящіе праздники ознаменовывали время пребыванія здѣсь Англичанъ, и при ихъ отплытіи, все народонаселеніе толпилось на берегу, провожая дружески лодки, увозившія ихъ новыхъ друзей, привѣтствуя крикомъ и шѣлодвиженіями, зонтиками и вѣерами Англійскій корабль, при звукѣ гонговъ и размахиваніи значковъ. Жители оставались

послѣ сего на берегу до нѣхъ поръ, пока могли различать Англичанъ, стоявшихъ на палубѣ своего корабля и отвѣтствовавшихъ на прогательныя и почтительныя изъявленія дружбы туземцевъ. Если Бичей и не встрѣтилъ здѣсь столь романическаго пріема, онъ, по крайней мѣрѣ, могъ во многомъ подтвердить всѣ прежніе разсказы своихъ земляковъ. Врожденное добродушіе туземцевъ здѣшнихъ, ихъ гостепріимные обычаи, ихъ обязательная услужливость, внимательная, почтительная, но никогда не докучливая дружба, ихъ безкорыстное великодушіе, терпимость, довѣрчивость къ чужеземцамъ, совершенная правота въ дѣлахъ — все это признано теперь безспорно всѣми, хотя и противорѣчившими одинъ другому во многомъ, путешественниками. Нѣсколько китолововъ, здѣсь искавшихъ себѣ убѣжища въ бѣдствіи, также могли только благодарить за ласковость и участіе добрыхъ жителей Льу-Чьу.

Чему одолженъ этотъ счастливый архипелагъ такою добротою и безпорочностью нравовъ, достойныхъ первобытныхъ временъ человѣчества? Между тѣмъ какъ ни одинъ изъ народовъ, обитающихъ вокругъ нихъ, на материкѣ и островахъ, не представляетъ ничего подобнаго—Китай являетъ землю образованныхъ плутовъ, Японія страну образованныхъ гордецовъ, Формозъ и Филиппинскіе острова страну дикарей, покорныхъ только силѣ — отъ чего-же эти островки, заброшенные въ волнахъ Океана, населены столь добродушнымъ, самобытнымъ народомъ, такъ-же удален-

нымъ отъ образованія, какъ и отъ варварства, но доступнымъ всѣмъ впечатлѣніямъ кротким, неспособнымъ къ ненависти, всегда готовымъ обязать другихъ? Откуда пришли эти странные люди? Что забросило ихъ сюда, столь различныхъ отъ всего ихъ окружающаго?

Въ отвѣтъ на всѣ такіе вопросы можно сказать, что Льу-Чьусцы первопачально происходили отъ Японцевъ, на которыхъ походятъ они своими чертами лица, и что удаленные потомъ отъ всякаго сообщенія, эти переселенцы сохранили первобытные нравы Японіи, въ послѣдствіи совершенно измѣнившіеся въ ихъ первобытномъ отечествѣ. Этимъ изъясняется и сходство и несходство ихъ съ Японцами. Надобно предполагать также, что со времени приведенія здѣшняго архипелага въ подданство Китая, вліяніе Китайцевъ, сношенія съ ними, двоякое смѣшеніе отъ посылки молодыхъ Льу-Чьусцевъ въ Нанкинъ и переселенія Фо-Кіенцевъ на Льу-Чьу, ввели нѣкоторые религіозные и гражданскіе обычаи, и отчасти нравы Китайцевъ, въ понятія, нравы и обычаи первоначальные. Отъ этого туземцы здѣшніе сдѣлались народомъ превосходящимъ тѣхъ, отъ котораго должно почитать ихъ первобытно происшедшими. У нихъ видите учтивость, ласковость, церемоніяльность Китайцевъ, съ большею честностью и откровенностью, и важность, угрюмость Японцевъ, съ меньшею жестокостью и недовѣрчивостью. Характеръ ихъ вообще кроткій, изнѣженный, общительный и трусливый. Одного Европейскаго ко-

рабля достаточно-бъ было покорить всѣ острова Лью-Чью. Всего вѣроятнѣе, что не думая встрѣчать завоевателя пулями и ядрами, жители побѣгутъ на встрѣчу его со всѣми знаками смиренія, умоляя о пощадѣ.

Невозможно похвалить достаточнымъ образомъ гостепріимства здѣшняго, ненужно и распространяться въ доказательствахъ его. Дѣти, простолюдины здѣшніе уважаютъ всякаго пришельца въ ихъ страну, и спорятъ объ услугѣ ему, наряду съ самыми образованными мандаринами и старшинами. Когда что нибудь препятствуетъ исполнить волю и желаніе иноземца, слишкомъ требовательнаго, или излишне любопытнаго, Лью-Чьусцы приступаютъ къ отказу такъ нѣжно, съ такою умною кротостью, съ такою ловкою настойчивостью, что имъ уступаютъ охотно, не заставляя ихъ прибѣгать къ мѣрамъ болѣе строгимъ. Отвращеніе отъ полученія какой нибудь платы за услугу, даже за доставленные припасы, доходитъ здѣсь до невѣроятности. Все, что говорили объ этомъ Броутономъ и Галлъ, сущая истина. Китоловъ, приставшій къ Напа-Кіангу въ 1826 году, послѣ совершеннаго отдыха, за двѣ дюжины быковъ и другую провизію, едва могъ уговорить Лью-Чьусцевъ принять, и то какъ любопытную вещь, карту земнаго шара.

Языкъ Лью-Чьускій, первоначально Японскій, мало по-малу перемѣшался съ Китайскими словами. Даже у самыхъ простолюдиновъ, онъ нѣженъ, звученъ, богатъ, не представляя никакихъ трудно-

шей въ произношеніи. Знатные люди говорятъ болѣе по-Китайски. Письменъ особенныхъ нѣтъ; Лью-Чьусцы употребляютъ Китайскія письмена, и множество писанныхъ на Китайскомъ языкѣ книгъ находится здѣсь для обученія дѣтей. Но повелѣнія правительства и законы издаются однакожъ, или на туземномъ, или на Японскомъ языкѣ. Впрочемъ, въ законахъ, кажется, нѣтъ здѣсь большой надобности. Уголовное уложеніе въ Лью-Чьу почти то-же, что въ Китаѣ, но добрые нравы жителей дѣлаютъ приложеніе его весьма ограниченнымъ и рѣдкимъ. Бичей подробно распрашивалъ объ этомъ островитянъ, и вотъ слово въ слово любопытный разговоръ его: «Употребляются-ли у васъ пытка и плети?» — Да. — «Опредѣлена-ли у васъ пытка при допросѣ?» — Да. — «Жестокое средство это уничтожается-ли при мандаринскомъ званіи преступника?» — Нѣтъ. — «Пытаютъ-ли у васъ до смерти?» — Да, при большихъ преступленіяхъ. — «Какое наказаніе положено у васъ за убійство?» — Смерть. — «Какая смерть?» — Висѣлица, или петля. — «Какъ наказывается воровство?» — Также. — «А прелюбодѣяніе?» — Изгнаніемъ. — Малыя преступленія исправляетъ бамбуковина, или сѣченье веревкою. Видимъ изъ всего этого, что уложенія здѣшняго нельзя назвать снисходительнымъ, но благодаря доброй природѣ народа, мечъ правосудія, почти всегда, оспается здѣсь спокойно въ ножнахъ. — Правленіе въ Лью-Чьу монархическое, наслѣдственное, и власть царя ограничивается толь-

ко отдаленнымъ владычествомъ Китайскаго богдыхана. Ниже царя слѣдуютъ сановники, или мандарины, раздѣляясь на девять степеней, и отличаясь по степенямъ шапками. Шапки членовъ царскаго семейства цвѣта фіолетоваго, и украшаются желтыми цвѣтами; за тѣмъ слѣдуютъ шапки алыя, а за ними красныя.

Китайскій философъ Супоа-Коангъ передалъ намъ подробности обряда, соблюдавшагося прежде при восшествіи на тронъ Лъу-Чъускаго царя, и этотъ обрядъ столько-же трогателенъ, сколько простодушно его описаніе.

«Когда умираетъ Лъу-Чъускій властитель—говоритъ Супоа-Коангъ—наслѣдникъ его посылаетъ немедленно посольство къ властителю Китая, испрашивая себѣ утвержденія на тронъ, а между тѣмъ правленіе по праву передается почетному сановнику. Получивъ увѣдомленіе, богдыханъ избираетъ въ трибуналѣ обрядовъ особу, достойную представлять его лицо въ Лъу-Чъу. Снаряжаютъ корабль въ Фо-Кіенѣ, выбираютъ капитана, офицеровъ, матрозовъ, солдатъ, лоцмановъ, всего числомъ до трехъ сотъ человѣкъ. Потомъ избранный посланникъ отправляется, съ великою пышностью, въ Напа-Кіангъ.

«Безконечныя почести ожидаютъ сановника, посланнаго отъ сына Небесъ, послѣ его прибытія на мѣсто. Наслѣдникъ и вельможи принимаютъ его съ корабля въ великолѣпно украшенную шлюпку, и провожаютъ до дворца. Свита посланника выходитъ на берегъ въ свой чередъ, съ множествомъ

небольшихъ связокъ груза, изъ которыхъ каждый выручаетъ потомъ большую прибыль.

« Едва оправясь отъ дорожней усталости, посланникъ вступаетъ на великолѣпный помостъ, устроенный въ большой залѣ дворца. Различныя званія туземцевъ приходятъ поочередно исполнять передъ нимъ *девять поклоненій* въ честь богдыхана, послѣ чего начинаются общіе праздники, въ городѣ, въ селеніяхъ, и въ гавани, на каждомъ кораблѣ.

« Другіе обряды совершаются въ слѣдующіе дни; но всѣ они только предвареніе великаго обряда воцаренія. Когда все бываетъ устроено, посланникъ шествуетъ во дворецъ, между двухъ рядовъ вельможъ и чиновниковъ. Его встрѣчаютъ князья царской крови, въ тронной залѣ. Самый благозвучный изъ всего острова оркестръ музыкантовъ находится здѣсь, и по его звукамъ производятся различныя дѣйствія возведенія. Царь и царица садятся на скамейкѣ, а посланникъ занимаетъ мѣсто выше. Когда онъ откроетъ грамату, всѣ встаютъ. Потомъ онъ читаетъ ее, говоритъ нѣсколько словъ въ похвалу памяти умершаго властителя, и возвѣщаетъ наконецъ, что Его Величество богдыханъ Китайскій, великій повелитель его, признаетъ за властителя острововъ Льу-Чьускихъ князя наслѣдника и княгиню супругу его. Это объявленіе послѣдуется совѣтами новому царю, и увѣщаніемъ жителямъ всѣхъ 36-ти острововъ, о томъ, чтобы они пребывали вѣрны новому царю, какъ были вѣрны его предшественнику. Послѣ сего

грамата богдыханская вручается царю, который передаетъ ее своему министру, для сохраненія въ государственныхъ архивахъ. Тогда возобновляются поклоненія въ честь Китайскаго богдыхана; посланникъ отвѣчаетъ на это нѣкоторыми учтивостями и представленіемъ подарковъ, предназначенныхъ царю и царицѣ.

«Посѣщеніе вновь возведенныхъ царей посланникамъ даетъ причину къ проявленію великолѣпія, гораздо болѣе необыкновеннаго. Пушь царя знаменуютъ торжественныя врата, и отъ одного до другаго мѣста разставляются шатры, гдѣ находятся плоды, цвѣты и благоуханія. Окрестъ трона царскаго, семь молодыхъ дѣвушекъ держатъ хоругви и зонники. Князья, вельможи и чиновники, являясь верхомъ, стараются при семъ случаѣ отличиться другъ передъ другомъ роскошью и великолѣпіемъ.

«Посланникъ принимаетъ Его Величество при вратахъ дворца, и царь самъ подноситъ ему вино и чай. Посланникъ отрекается, возвращаетъ чашу, беретъ другую, и выпиваетъ ее тогда только, когда царь выпьетъ свою чашу. Окончивъ сей обрядъ, царь возвращается съ своею свитою во дворецъ свой.

«Отъ сего дня даже до отъѣзда посланника, нѣтъ праздника такого, котораго не изобрѣли и не придумали-бы въ честь его: праздники на водѣ праздники въ полѣ, музыку, театральныя зрѣлища, пляски, освѣщенія, потѣшные огни.» —

Хотя многоженство здѣсь позволено, но Лью-Чьусцы рѣдко пользуются такимъ позволеніемъ, не

исключая даже и самаго царя. Онъ избираетъ себѣ супругу изъ трехъ знатнѣйшихъ, опредѣленныхъ на то семействъ своего государства. Есть четвертое семейство, можетъ быть, еще значительнѣе этихъ трехъ, но оно исключено, потому, что родословныя, хотя не совсѣмъ ясно, доказываютъ, будто оно само принадлежитъ къ царскому роду. Высшія званія бываютъ иногда наслѣдственныя въ знатныхъ семействахъ, но большею частью только личное достоинство ведетъ къ нимъ.

Доходы царя составляются изъ дохода съ коронныхъ помѣстьевъ, и пошлинъ на соль, сѣру, мѣдь, олово и другія произведенія. Этимъ царь прикрываетъ всѣ государственные расходы и жалованье знатнѣйшимъ чиновникамъ. Мѣрою жалованья служатъ здѣсь мѣшки сарачинскаго пшена, которыхъ цѣнность соразмѣряется по промѣну ихъ на шелковыя ткани и всякія другія вещи.

Торговля Лью-Чьусцевъ ограничивается тремя мѣстами, Японіею, Китаемъ, Формозомъ. Въ Китаѣ жонки здѣшнія посѣщаютъ Фо-Кіенскія гавани, и иногда плаваютъ по Пеи-Го, въ Пекинъ. Съ Японіею ведется постоянная торговля, посредствомъ множества кораблей, приплывающихъ сюда изъ Японскаго государства. Привозятъ оттуда пеньку, желѣзо, мѣдь, лаковыя вещи, а берутъ въ обмѣнъ соль, хлѣбъ, табакъ, сарачинское пшено. Эти-же туземныя произведенія мѣняютъ въ Китаѣ на различныя издѣлья фарфоровыя, стеклянныя, лекарства, серебро, желѣзо, шелкъ, гвозди и лучшихъ сортовъ

чай. Съ Формоза почти ничего болѣе не привозятъ, кромѣ черепахи и перламутра. Впрочемъ, кажется, Лью-Чьусцы совсѣмъ не помышляютъ о большей обширности и усиленной дѣятельности своей торговли. Единственное неудовольствіе, встрѣченное здѣсь Англичанами, состояло въ томъ, что жители здѣшніе не хотѣли торговать съ ними.

Находясь подъ 27° широты сѣверной и 125° долготы восточной, всѣ *тридцать шесть* острововъ, составляющихъ архипелагъ Лью-Чьускій, наслаждаются кротким и постояннымъ климатомъ. Все преуспѣваетъ на ихъ почвѣ, и мѣстныхъ богатствъ является достаточно жителямъ ихъ, простымъ, трезвымъ, довольнымъ тѣмъ, что̀ у нихъ есть, когда притомъ немного сыщется такихъ произведеній, которыя не могли-бы здѣсь быть разведены удачно. Всѣ плодовитыя деревья тропическихъ странъ находятся на Лью-Чью — бананы, фиги, померанцы, и проч. — Всѣ растенія Европейскія принимаются весьма хорошо. Что касается до животныхъ, то рогатая скотина и буйволы бѣгаютъ здѣсь по полямъ, дикіе, большими стадами. Лошади, ослы, свиньи, козы, кошки не различаются отъ находящихся на Азійскомъ материкѣ, только всѣ они на Лью-Чью меньше ростомъ; молодой быкъ здѣшній, убитый и выпотрошенный, вѣситъ не болѣе 100 фунтовъ; лошади здѣшнія такъ малы, что Европеецъ, сидя верхомъ, почти цѣпляется за землю ногами. Птица также мѣлка, хотя и вкусна. Клапротъ пишетъ, будто водятся здѣсь медвѣди, волки, шакалы и ядовитыя змѣи,

но Бичей видѣлъ только летучихъ мышей, ящерицъ и лягушекъ. Самыя обыкновенныя насѣкомыя здѣшнія суть: саранча, бабочки, пчелы, шмѣли, огромные муспики, и особеннаго рода пауки. Птицъ мало; находятся только жаворонки, зимородки, дикіе голуби, кулики и цапли, и жители увѣряютъ, что даже въ самыхъ внутреннихъ земляхъ острововъ нѣтъ куропатокъ, столь многочисленныхъ на всѣхъ другихъ островахъ Азійскаго архипелага.

Рыбы въ Лью-Чью особенное обиліе, и роды рыбъ, пригодныхъ для стола, водятся по всѣмъ берегамъ. Черепахъ весьма немного.

Худо зная внутреннія области острововъ Лью-Чьускихъ, не льзя сказать, какіе роды деревъ находятся въ обширныхъ лѣсахъ, видимыхъ съ береговъ. Говорятъ, что на островахъ *Tatao* и *Ки-ке*, находящихся на С. В., есть родъ кедра, называемаго Китайцами *кіепъ-ньу*, а туземцами *жсеки*; дерево это никогда не гніетъ, по разсказамъ туземцевъ, и потому дѣлаютъ изъ него столбы въ домахъ знатныхъ людей.

Жонки Лью-Чьускія строятся на манеръ Китайскихъ. Матеріялы для постройки, паруса, оснасшка, все въ нихъ тоже самое. Кромѣ того есть еще у Лью-Чьусцевъ лодки однодеревки, выдолбленныя изъ одного дерева и могущія вмѣщать въ себя шесть, восемь, и даже десять человѣкъ. Перевозка грузовъ, болѣе значительныхъ, производится посредствомъ плоскихъ лодокъ, прочно построенныхъ.

Изъ всѣхъ прибрежьевъ на Льу-Чьускихъ островахъ, гавань Напа-Кіангская и ея окрестности суть мѣста лучше другихъ обозрѣнныя капитаномъ Бичеемъ. Гавань эта, хотя открытая сѣверному вѣтру, защищена съ западной и юго-западной сторонъ коралловыми грядами. На мѣстѣ внѣшней стоянки, во время прилива, волненіе сильно; нерѣдко вреднтъ притомъ кораблямъ западный вѣтеръ. Два прохода ведутъ во внутреннюю гавань, одинъ съ С., другой съ В., и послѣдній гораздо шѣснѣе и ненадежнѣе перваго.

Подробная съемка Льу-Чьускаго архипелага произведена была капитаномъ Максюэлемъ, и особенно капитаномъ В. Галломъ, во время прибрежнаго плаванія его, на кораблѣ *Лира*. Плаваніе это, продолжавшись семь дней, дало возможность опредѣлить множество географическихъ подробностей. Островъ, осмотрѣнный Галломъ прежде другихъ, и названный имъ *Сахарною головою*, не великъ, но превосходно обработанъ. Городъ, весьма красивый по наружности, распространяясь по берегамъ его, восходитъ на гору, среди амфитеатра зелени.

Въ 10-ти миляхъ на В. отъ Льу-Чьу осмотрѣнъ другой островъ, названный Галломъ *островомъ Герберта*. Шлюпки, посланныя для подробнаго обзора, прошли въ заливъ, узкій, но глубокій. Заливъ этотъ оканчивается превосходною гаванью, съ которою сравнится развѣ только Магонская гавань; ее образуетъ морской рукавъ, защищаемый отъ волнъ крутыми стремнинами, покрытыми зеленью и цвѣтами дикихъ растеній. Кромѣ того, гавань

сія, названная отъ Галла портомъ *Мельвилл*, имѣетъ еще другое сообщеніе съ моремъ. Мѣстоположеніе, песчаный грунтъ моря, все, кажется, нарочно соединилось для удобства мореплавателей въ этомъ удивительномъ убѣжищѣ.

Галлъ выходилъ на берегъ, и въ долинѣ, простирающейся направо, между двумя рядами горъ, осмотрѣлъ нѣсколько красиво расположенныхъ селеній. Жители казались столь-же ласковы и общительны, какъ въ Напа-Кіангѣ. На С. В. отъ Льу-Чьу острова болѣе лѣсисты, но менѣе богаты и малолюдніе, нежели лежащіе на Ю. З., или острова *Шеуми*; эта часть архипелага, кажется, обилуетъ за то превосходными якорными мѣстами.

Купы острововъ, видимыя изъ Напа-Кіанга на З., называются туземцами *Киррама* и *Агуни*. Первая состоитъ изъ четырехъ острововъ: *Замманье, Аккаръ, Гхирума* и *Тукачи*; всѣ они незначительны, кромѣ послѣдняго. Агуни заключается въ двухъ островахъ небольшихъ: *Аги* и *Гомаръ*; оба они зависятъ отъ царя Льу-Чьускаго. На Киррама находятся четыре царскіе мандарина, одинъ высшаго званія, три низшихъ степеней; двое равныхъ имъ управляютъ купою Агунискою, впрочемъ весьма мало населенною; на Тукачи, значительномъ болѣе другихъ острововъ, едва-ли есть пять сотъ хижинъ. — Къ С. отъ Льу-Чьу находятся два острова, которые можно назвать дополненіемъ архипелага: *Усхима*, подвластный царю Льу-Чьускому, и *Яку-Шима*, гдѣ колонія Японская.

Усхима обилуетъ сарачинскимъ пшеномъ, и какъ въ засушливые годы Лью-Чью терпитъ недостатокъ въ этомъ припасѣ, жонки Якушиманскія нагружаются здѣсь, будто въ запасной житницѣ, и везутъ потомъ продавать грузъ свой въ Нипа-Кіангъ.

ГЛАВА XLI.

ЯПОНІЯ. — НАНГАЗАКИ.

Такъ правилось мнѣ житье въ домѣ моего добраго Лью-Чьускаго пріятеля, что я желалъ даже, чтобы какое нибудь неожиданное препятствіе задержало меня по неволѣ въ Нана-Кіангѣ еще на нѣкоторое время. Все, что только можно было придумать въ добромъ обхожденіи, замысловатомъ привѣтѣ, нѣжной внимательности — все было оказано мнѣ моимъ почтеннымъ Коми и ласковою женою его. Я былъ у нихъ точно какъ родной, и еще болѣе, потому, что чужеземецъ считается здѣсь ближе всякой родни, по праву гостепріимства.

Но—къ досадѣ моей, жонка наша пресчастливо изготовилась въ путь. Неумолимый Тау-Тзингъ назначилъ день отъѣзда. Когда Китайскій матрозъ, посланный отъ него, пришелъ звать меня, объясняя друзьямъ моимъ, что черезъ нѣсколько часовъ я долженъ буду разстаться съ ними — на лицахъ

Коми и жены его изобразилась такая горесть, что я былъ глубоко растроганъ. «Ты пріѣдешь! Ты пріѣдешь!» говорилъ мнѣ Коми, съ какимъ-то сердечнымъ убѣжденіемъ. Жена его безпокойно смотрѣла на меня, готовая плакать, если-бы только смѣла. Теперь, когда впечатлѣніе разлуки уже изглаживается во мнѣ, я готовъ спросить у самого себя: что могло быть причиною такой привязанности при столь коротkомъ знакомствѣ; но въ то время, когда мы прощались, мнѣ было нѣкогда заниматься изслѣдованіемъ чувства, преобладавшаго мною. Очарованный властью почтительной доброты, увлеченный обязательною дружбою добрыхъ людей, которая встрѣтила меня при первомъ шагѣ въ Лью-Чью, и съ тѣхъ поръ не оставляла меня ни на одну минуту — я безмолвствовалъ. «Бѣдный путешественникъ!» казалось, говорили мнѣ въ то время добрые островитяне — «бѣдный странникъ! ты не вездѣ найдешь наши гостепріимные берега! Останься здѣсь еще, хоть на нѣсколько мѣсяцевъ, хоть на нѣсколько дней, въ нашемъ патріархальномъ убѣжищѣ! Чего недостаетъ тебѣ здѣсь? Дружба наша такъ безкорыстна, гостепріимство наше такъ сердечно — мы не *продаемъ* ихъ за золото! Для чего-же ты бѣжишь отъ насъ? Куда ты спѣшишь? Умрешь отъ ядовитой стрѣлы какого нибудь кровожаднаго дикаря? Или боишься, что не успѣешь попасть на обѣдъ какихъ нибудь человѣкоядцевъ? Останься въ Лью-Чью, безразсудный, останься на этомъ островѣ, гдѣ ты видишь только доброту, простоду-

шіе, почтеніе, счастіе! Оспанься—у насъ довольно пшена, накормимъ тебя, довольно чаю, напоимъ тебя! Оспанься—моря бурны, земли непріязненны! Чего еще ищешь ты, если уже нашелъ землю мира и спокойствія?»

Такія романическія привѣтствія, казалось мнѣ, читалъ я въ кротких, печальныхъ взорахъ добраго Коми и жены его. Въ самомъ дѣлѣ—какъ хотѣлось имъ остановить меня! Съ моей стороны, я готовъ былъ отвѣчать имъ дружескими изъявленіями печали и благодарности. Но дѣлать было нѣчего! Едва только вѣсть объ отъѣздѣ моемъ разнеслась по городу, въ жилище Коми собрались всѣ знакомые мнѣ жители Напа-Кіанга — Укома, Мадера, Анъ-Ніагъ, и—явился даже самъ мандаринъ Унгъ-Шу. Непремѣнно надобно было еще разъ отобѣдать съ ними, прежде отправки моей на корабль, и осушить порядочное число чашекъ шаззи, за благополучный путь.

Но часъ отъѣзда наступалъ, и Чау-Тзингъ, собственною своею особою, явился напомнить мнѣ объ этомъ. Едва показался онъ, Коми напалъ на него, требуя, чтобы онъ непремѣнно выпилъ съ нами. Коми какъ будто хотѣлось задобрить моего неумолимаго корабельщика, и заставить его забыть объ отъѣздѣ. Ни шаззи, ни чай, ни трубка, ничто не дѣйствовало на спараго моряка. Онъ былъ непреклоненъ и подалъ знакъ непремѣнной разлуки.

Тогда началось прощанье. Жена Коми подошла ко мнѣ со слезами, и подавая мнѣ свою золотую

камезаши, которую всегда носила на своей головѣ, просила меня принять ее, и сохранить на память Лью-Чьускихъ друзей. Я взялъ, но попребовалъ, чтобы въ замѣну того, она приняла отъ меня маленькіе часы съ цѣпочкою. Когда надѣлъ я ей на шею мой подарокъ, мнѣ казалось, что она одурѣетъ отъ радости. Небольшіе подарки раздалъ я всѣмъ присутствовавшимъ, которые, съ своей стороны, обирали себя, стараясь каждый подарить мнѣ какую нибудь бездѣлку на память. Коми только не дарилъ ничего и не бралъ ничего; бѣднякъ горько плакалъ.

Когда мы отправились къ гавани, безчисленная толпа вспрѣпила насъ, собравшись, сколько по случаю отправленія въ путь жонки, и еще болѣе желая посмотрѣть на Европейца, пребываніе котораго въ Напа-Кіангѣ возбудило общее любопытство. Зрители толпились по дорогѣ, но въ такомъ порядкѣ, какъ будто солданы, пришедшіе на смотръ. Въ первыхъ рядахъ стояли дѣти, и почти всѣ на колѣняхъ; далѣе находились молодые люди, на корточкахъ, и женщины, почти равнаго съ ними роста; за шѣмъ слѣдовали рядами мужчины, одни нагнувъ немного головы, а стоящіе за ними подымаясь на цыпочки; наконецъ, зрители послѣднихъ рядовъ взлѣзли на камни и возвышенія, такъ, что изъ всего собранія, безъ спора, безъ сумятицы, безъ ссоръ, всякій могъ все видѣть. Глубокое молчаніе царствовало въ толпѣ, и только когда проходилъ я, каждый повторялъ мнѣ: «Прощай!»

сопровождая слова свои самыми привѣтливыми пѣлодвиженіями.

Я уже такъ хорошо зналъ нравы Лью-Чьусцевъ, что все это не удивляло меня. На привѣты отвѣчалъ я привѣтами, на прощанья прощаньями. Только одно поразило меня теперь въ этомъ смѣшеніи шуземцевъ: это была небольшая толпа народа, неподвижная среди всеобщей движимости, и совершенно отличавшаяся своею одеждою отъ Лью-Чьусцевъ. Ее составляли человѣкъ двадцать, какъ будто расположившихся отдѣльнымъ наборомъ на берегу. «Что это за люди?» спрашивалъ я у Коми. — Это люди не Лью-Чьу—отвѣчалъ онъ — это люди изъ Кореи, чужіе, чужіе. — Въ самомъ дѣлѣ это были *Корейскіе* матрозы, вѣроятно, принадлежавшіе къ какой нибудь жонкѣ, находившейся тогда въ гавани Напа-Кіангской. Одинъ изъ нихъ, безъ сомнѣнія, начальникъ, сидѣлъ на землѣ, на рогожкѣ, и пилъ чай изъ маленькой чашки. Платье его составлялъ голубой кафтанъ, съ широкими рукавами, подпоясанный поясомъ изъ буйволовой кожи. На головѣ у него была надѣта большая шляпа, не менѣе 5-ти, или 6-ти футовъ въ окружности, сдѣланная изъ какой-то ткани, походившей на плетушку изъ конскихъ волосовъ, покрытую лакомъ; тулья шляпы его сходила ниже краевъ. Носки обуви его были загнуты, какъ у Турецкихъ башмаковъ. Въ рукѣ держалъ онъ палку чернаго цвѣта, обвитую шелковыми лентами. Странное одѣяніе это казалось тѣмъ разительнѣе, что Кореецъ, одѣтый такимъ образомъ, былъ человѣкъ

вида угрюмаго и почтеннаго, съ удивительно бѣлою бородою, блестящіе, волнистые волосы которой падали на его грудь. Люди, окружавшіе его, были, одни моряки, другіе военные, потому, что жонка, какъ узналъ я послѣ, была военный Корейскій корабль. Одинъ изъ офицеровъ держалъ надъ головою своего начальника зонтикъ, убранный вѣявшимися лентами. Простыхъ солдатъ можно было отличить по остроконечной шляпѣ, и по одеждѣ, похожей на костюмъ нашихъ пьерро.

Какъ жаль мнѣ было, что время и обстоятельства не позволяли мнѣ поближе познакомиться съ Корейцами, однимъ изъ замѣчательныхъ и самобытныхъ народовъ здѣшней стороны! Но я спѣшилъ ѣхать; все было готово, и толпа почти на рукахъ несла меня къ пристани, между нѣмъ, какъ все мое вниманіе обращали на себя мои Льу-Чьускіе друзья. Чѣмъ ближе былъ часъ разлуки, тѣмъ сильнѣе становились изъявленія дружбы ихъ. Казалось, что они боялися отпустить меня, не оказавъ мнѣ вполнѣ и дружбы своей, и печали о разлукѣ со мною.

Наконецъ, мы пришли на пристань, и послѣ самыхъ нѣжныхъ увѣреній въ памяти и любви, я сѣлъ въ лодку, которая повезла меня къ жонкѣ, уже вступавшей подъ паруса. Когда жонка наша пустилась въ открытое море, толпы народа, собравшіяся на всѣхъ мѣстахъ, откуда можно было еще насъ видѣть, махали намъ, въ изъявленіе желаній счастливаго пути, руками и вѣерами, между нѣмъ какъ Мадера, Коми и другіе друзья мои, стоя

неподвижно, не спускали глазъ съ корабля, быстро уносившаго отъ нихъ чужеземца, искренно ихъ полюбившаго.

Позади коралловыхъ мѣлей, окружающихъ гавань, мы взяли путь на З., и вскорѣ высокій мысъ закрылъ отъ насъ Напа-Кіангъ. «Прощай—вскричалъ я тогда — прощай Льу-Чьу! Проснись страна первобытной простоты! Проснитесь, Коми, Мадера, всѣ гостепріимные, добрые друзья мои!» — Снова единственнымъ другомъ и товарищемъ моимъ сдѣлался мой угрюмый корабельщикъ; но, казалось, какъ будто примѣръ ласковости Льу-Чьусцевъ подѣйствовалъ на моего важнаго Чау-Тзинга; онъ сдѣлался со мною гораздо привѣтливѣе и обходительнѣе.

Уже три дня прошло, какъ потеряли мы изъ вида берега, и по моему разсчету, могли мы быть въ это время почти на равномъ разстояніи отъ Льу-Чьу и Японіи, то есть, около 29° широты. Это было 9-го Октября 1830 года: сильно и навсегда врѣзался этотъ день въ моей памяти. Поутру, солнце казалось восходящимъ изъ кроваваго савана. Вѣтеръ былъ отъ Ю. З., но слабый, неопредѣленный, дувшій порывами. Небо съ этой стороны было голубое, свѣтлое. Но востокъ, напротивъ, облекали громады облаковъ, сѣрыхъ, черныхъ, серебристыхъ, перламутровыхъ, вавилонами рисовавшихся на темной лазури неба, какъ будто облака, которыя на декораціи оперной распускаются по свистку машиниста. Эти громады густыхъ тучъ бѣжали противъ вѣтра, могущія

болѣе его, готовыя побѣдить всѣ его усилія. Странный, порывистый свѣтъ мелькалъ сквозь эти плывучіе воздушные острова. Простыми глазами можно было различить, какъ боролись шутъ всѣ стихіи, росли исполинскою силою, вбирали въ себя, здѣсь и тамъ, отовсюду, всѣ сѣрныя и электрическія частицы воздуха, долженствовавшія превратиться въ нихъ въ громы и молніи, и всѣ пары, долженствовавшія сжаться въ нихъ и разрѣшиться моремъ дождя. Дѣло великой небесной лабораторіи, воздушная перегонка тучеваго куба, были здѣсь на виду, для изученія человѣческаго.

Физическое предчувствіе присоединялось къ торжественности этого великаго явленія. Кормчій, привычный къ здѣшнимъ морямъ, моряки, которымъ такъ знакомо зрѣлище неба и моря, даже простой путешественникъ, которому не чужды подобныя дѣйствія природы послѣ продолжительныхъ странствованій, всѣ, безъ сомнѣнія, невольно приводили на память событія, походившія на то, которое готовилось теперь упасть съ неба на землю. Но и для тѣхъ, кто ничего подобнаго не испытывалъ, дѣйствіе электрической силы, невольное трепетаніе тѣла, внутренняя дрожь каждой фибры, могли достаточно возвѣстить грозную и тяжкую бурю. Птицы, будто одурѣлыя, улетали вдаль отъ стремленія облаковъ, или летѣли на встрѣчу имъ, какъ-бы желая еще испытать: достанетъ-ли силъ ихъ бороться противъ ужасающаго гнѣва стихій?

Чай-Тзингъ не могъ обмануться; опытный морякъ — онъ видѣлъ и понималъ, что дѣло шло о

жизни и смерти всѣхъ насъ. Голосомъ, котораго я прежде не могъ подозрѣвать въ немъ, закричалъ онъ: «*Тай-Фунгъ!*» Такъ особенно произнесено было это слово, что каждый матрозъ жонки могъ услышать его и почувствовать ужасъ этого слова. Его услышали на палубѣ, въ каютахъ, въ кухнѣ, въ самой глубинѣ трюма; всѣ выбѣжали на это призывное слово; въ пять минутъ палуба корабля покрылась тревожнымъ народомъ. «Тай-Фунгъ!» повторилъ капитанъ нашъ, и головы всѣхъ, машинальнымъ какимъ-то согласіемъ, вдругъ повернулись въ ту сторону, отнуда неслась буря; губы всѣхъ, поблѣднѣвшія отъ страха, раскрылись, бормоча: «Тай-Фунгъ! Тай-Фунгъ!» — Это слово, составленное изъ *Тай* — великій, и *Фунгъ*—вѣтеръ, означаетъ по-Китайски то-же, что выражаемъ мы словами: *тифонъ, ураганъ*.

Тай-Фунгъ мгновенно налетѣлъ на насъ, предшествуемый неопредѣленнымъ, тревожнымъ колебаніемъ воздуха, и глухимъ шумомъ, котораго не производили однакожъ ни валы, ни вѣтеръ; онъ шелестилъ уже парусами, которые стремился потомъ разтрепать въ клочья; онъ подымалъ уже эти длинныя рогожки Китайскихъ парусовъ, какъ будто издѣваясь надъ ихъ ничтожностью; онъ принесъ уже намъ, на могучихъ крылахъ своихъ, безвѣстную будущность: гибель среди пучины моря, крушеніе на прибрежныхъ скалахъ, или только испугъ и поврежденіе корабля—что̀ ожидало насъ? Кто могъ это предугадать?

При подобной опасности узнаемъ мы, что̀ значитъ начальникъ корабля, капитанъ, земное провидѣніе людей, подчиненныхъ ему. Пусть, если онъ любитъ понѣжиться и пороскошничать, пусть лежитъ онъ въ своей койкѣ въ благопріятное время, когда корабль его спокойно скользитъ по тихому морю, съ полными парусами, вѣрнымъ пушемъ. Да, капитанъ можетъ тогда оставить палубу, положиться на своихъ помощниковъ, дать мѣсто ученикамъ мореходства. Но въ тѣ часы, когда ему надобно дать великую битву стихіямъ — полководецъ своихъ подчиненныхъ, онъ долженъ быть среди опасности, предупредить непріятеля, сразиться съ нимъ, побѣдить его. О! эта обязанность прекрасная, высокая обязанность, повѣрьте мнѣ! Стоя на кормѣ корабля, съ открытою головою, съ трубою въ рукахъ, освѣщаемый молніями, обливаемый водою неба и моря, прицѣпившійся къ рулю, когда волна падаетъ на корабль, поднимаясь снова, когда она схлынетъ, чтобы въ это мгновеніе произвесть новый маневръ, отвѣчающій за жизнь всѣхъ своихъ сопутниковъ, за будущность цѣлыхъ семействъ, ввѣрившихъ ему людей, столь имъ милыхъ, капитанъ корабля долженъ тогда вырости во все величіе, во всю мѣру своей обязанности. Надобно быть ему героемъ, по крайней мѣрѣ, во время бури; надобно быть ему смѣлу, смѣлѣе всѣхъ, кто его окружаетъ. Если оробѣетъ онъ, все погибло. Смѣлость, какъ и робость, имѣютъ свое магнетическое дѣйствіе. Кто дерзнетъ трепетать, когда капитанъ безтрепетенъ? Кто раз-

увѣрится, когда капитанъ вѣритъ? Кто можетъ отчаяваться, когда капитанъ еще надѣется?

Я уже говорилъ, что Чау-Тзингъ былъ добрый мореходъ; теперь, опасность раскрыла мнѣ его болѣе: это была стальная душа, закаленная въ опытѣ. Первое движеніе экипажа его былъ ужасъ; нѣкоторые изъ матрозовъ, въ страхѣ, упали ницъ на палубѣ. Съ плетью въ рукахъ бросился между всѣми нашъ капитанъ, и указывая на мачты, заставилъ самыхъ робкихъ бѣжать на верхъ и подвязывать паруса. Приказанія его были кратки, опредѣленны, исполнены въ глубокомъ молчаніи. Реи были мгновенно убраны; остались только нижніе паруса.

Въ это время Тай-Фунгъ загремѣлъ съ ужасающимъ неистовствомъ. Покрывало тучь, сначала распятнутое угрожающею полосою по дальнему небосклону, мало по малу обвилось куполомъ надъ головами нашими, и упорный вѣтеръ отъ Ю. В. засвисталъ въ реяхъ и снастяхъ. Почти всегда, опасность, какую мы лично испытали, кажется намъ страшнѣе и ужаснѣе всѣхъ нѣхъ, о которыхъ мы только слышали. Но, истинно, нисколько не преувеличивая бѣдствія, мною испытаннаго, я осмѣлюсь сказать, что никогда подобная буря не возмущала морей, гдѣ находился я когда, хотя они почитаются самыми бурными морями въ мірѣ. Если проживу я еще сто лѣтъ, воспоминаніе этой бури останется у меня всегда такъ свѣжо, такъ живо, какъ въ тотъ день, когда эта страшная буря гремѣла надъ моею головою. Небо сдѣлалось такъ

мрачно, такъ черно, какъ уголь, и я дивился, видя, что изъ него падаютъ свѣтлыя капли дождя. Облака шли столь низко, что туманъ ихъ закрывалъ вершины мачтъ. Они вихрились такъ быстро, вздымая надъ нами водяной сводъ океана, столь шумный, столь бурный, что голова моя закружилась, и, внѣ себя, ошеломленный, я не могъ уже отдать себѣ отчета, ни въ томъ, гдѣ я былъ, ни въ томъ, что было вокругъ меня! Впрочемъ, ни мысли, ни уму не могло быть мѣста, когда вся физическая сила должествовала необходимо сосредоточиться на заботу о спасеніи тѣла, когда надобно было, при безпрерывныхъ громозвучныхъ валахъ, перелетавшихъ черезъ корабль, безпрестанно бросаться ницъ-лицомъ, держаться за желѣзное кольцо, веревку, за все, что только можно было успѣть ухватить. . .

Едва часъ продолжалось свирѣпство Тай-Фунга, какъ наша бѣдная жонка представляла уже самое жалкое зрѣлище опустошенія и опасности; двѣ мачты ея были изломаны усиліемъ вѣтра; третья, остальная, небольшая мачта для флага, сдвинутая къ кормѣ корабля, была срублена по повелѣнію капитана. Ежеминутно, по опустошенной такимъ образомъ палубѣ переливались и били волны, ударяя въ бока корабля, будто тараны въ крѣпостныя стѣны, стремясь пробить ушлыя доски и потопить его совершенно. Куча построекъ, нагроможденныхъ близъ кормы, недолго уцѣлѣла; море рухнуло на нее валами, разбило ее, словно клещами сорвало съ мѣста, и бросило, полуразрушенную,

въ бездны моря. Два юнги и пять пассажировъ сидѣли шамъ.... Я стоялъ подлѣ, опершись на нее, когда схватило и сбросило ее въ море.... только судорожно ухватясь за веревку, я успѣлъ уцѣлѣть.

Какое ужасное состояніе! При жесточайшей бурѣ, имѣть подъ ногами нѣсколько плохо-сколоченныхъ досокъ, составляющихъ безобразную жонку, еле-живую, ничтожную, полуразбитую, ежеминутно готовую развалиться! Умереть здѣсь, далеко отъ своихъ, не пожавши дружеской руки, не сказавъ прощальнаго слова въ минуту начала вѣчности—погибнуть безвѣстно, на Китайскомъ кораблишкѣ, о которомъ никто и не подумаетъ безпокоиться, оставить на родинѣ милое семейство жертвою долгой, сомнительной надежды на возвратъ, и потомъ тяжкой грусти о безвѣстности своего жребія—это было тяжко, это было грустно, не выносимо! И въ эту минуту я созналъ въ себѣ чувство робости и страха. . . .

Безмолвно стоялъ я и смотрѣлъ вокругъ себя—ничто не измѣнялось: все то-же свирѣпое море, съ бѣлоголовыми валами, тѣ-же волны горою, безжалостныя, поражающія, бьющія, терзающія несчастный корабль, играя съ нимъ, какъ сильнѣй, безжалостно взирающій на мученія слабаго; все тѣ-же тучи, темныя, мрачныя, волнистыя, прорѣзываемыя ежеминутно тысячами отсвѣтовъ; все тотъ-же вѣтеръ, бѣшеный, безпорядочный, быстрый, усиленный; все тотъ-же дождь ливнемъ; все та-же соленая пѣна, тѣ-же ослѣпляющія молніи, тотъ-же оглушающій трескъ грома! Лежа на па-

лубѣ, я видѣлъ всюду только знаменія гибели и ужаса; пламенными чертами, будто грозная рука ангела смерти передъ гордымъ Валтазаромъ, безпрерывно означались молніями на тучахъ гибель наша и смерть неизбѣжная въ гробовомъ, мрачномъ объемѣ неба и моря!

Случайно, среди удручавшихъ грудь мою помышленій, взглянулъ я на корму корабля, гдѣ стоялъ Чау-Тзингъ. Видъ его одушевилъ меня, готоваго предаться отчаянію. Я увидѣлъ его, столь спокойнаго, столь важнаго среди гибели, что мнѣ стыдно стало моей малодушной слабости. Развѣ жизнь этого человѣка не такъ-же была подвергнута опасности, какъ и моя? Этотъ человѣкъ развѣ не имѣлъ также семейства, ожидавшаго его, родныхъ, друзей, считавшихъ дни разлуки съ нимъ, жены, дѣтей, которыхъ былъ онъ подпорою, надеждою? Едва только подобныя размышленія пролетѣли въ головѣ моей, робость и малодушіе изчезли во мнѣ: я не былъ *разувѣренъ* въ погибели—я *рѣшился* на нее великодушно; это было подкрѣпленіе, ниспосланное съ неба и необходимое, ибо мы далеко еще были отъ окончанія нашихъ страданій...

Уже около девяти часовъ безпрерывно продолжался ураганъ, и часъ отъ часу становился онъ свирѣпѣе и упорнѣе. Отъ Ю. В., мало по малу, вѣтеръ перешелъ къ Ю., двигая передъ собою всю массу океана. Можно было сказать, что воды морскія поднялись въ воздухъ—такъ уничтожено было равновѣсіе ихъ, такъ влажная громада ихъ, поднятая изъ своего уровня, возвышала къ небу

пѣнистыя вершины валовъ. Въ безпрерывномъ переходѣ водяныхъ горъ и долинъ, жонка, что казалась гальціотою, сидящею на высотѣ волны, то, брошенная въ бездну, изрытую между двумя горами волнъ, она уподоблялась слабой дощечкѣ, которую мгновенно поглотитъ Океанъ-разрушитель.

Но мы еще не погибали. Правда, безъ мачтъ, безъ парусовъ, мы были бѣдною игрушкою стихій, но—кто знаетъ? — Можетъ быть самое это усиліе гнать ничтожный корабль нашъ такъ упорно по пространству волнъ, должно было перенесть насъ за предѣлы ихъ свирѣпости, и черезъ два, три часа, мы могли очутиться подъ небомъ болѣе яснымъ, на волнахъ менѣе бурныхъ? Такъ мечталъ я, когда отчаянный вопль послышался изъ внутренности корабля; я не понималъ настоящаго значенія этого безумнаго крика, но смыслъ его былъ угаданъ мною, въ немъ не льзя было ошибаться—онъ говорилъ намъ: « *Мы погибли!* » Дѣйствительно, вскорѣ пять, шесть матрозовъ выбѣжали на палубу, и съ отчаяніемъ бросились къ Чау-Тзингу. Въ первый еще разъ, ужасъ выразился на лицѣ его, но—только на одно мгновеніе! Онъ опять былъ спокоенъ, безстрашенъ. Идя подлѣ меня по кораблю, онъ сказалъ мнѣ, довольно чисто по-Англійски: « Если вы хотите работать, принимайтесь за работу; всѣ мы должны взяться за дѣло—въ кораблѣ вода! »

Эти слова все пояснили мнѣ, и я живо почувствовалъ весь ужасъ нашего состоянія. Какая дѣятельность распространилась въ эти минуты, между всѣми

этими людьми, до того времени смотрѣвшими на море сложа руки, ожидая безмолвно, когда утихнетъ его свирѣпость! Всѣ мы стали рядами, и плохими насосами, и чѣмъ могли, старались выливать воду, спремившуюся въ корабль нашъ сквозь расшатавшіяся стѣны его. Подобно другимъ, и я работалъ, дѣлая невѣроятныя усилія, стараясь забыться въ этой работѣ и утомленіемъ шѣла заглушить волненіе души. Я чувствовалъ въ себѣ силу, я ощущалъ въ себѣ бодрость. Дѣйствительно, въ спокойномъ состояніи, мы поспигнуть не можемъ, сколько силы бываетъ у человѣка въ минуты отчаянія!

Всю ночь работали мы такимъ образомъ. Къ утру всѣ мы были утомлены совершенно. Восемь часовъ безпрерывнаго, отчаяннаго усилія, восемь часовъ работы, безъ сна — этого было слишкомъ много для небольшаго экипажа нашего! Не только не успѣвали уже мы превозмочь прибывавшей въ корабль воды, но она рѣшительно превозмогала насъ, по-немногу правда, медленно, но такъ явно, что мы могли напередъ знать и сосчитать: черезъ *сколько* именно часовъ вода зальетъ совершенно корабль нашъ.... О спасеніи въ шлюпкахъ и думать было невозможно; при силѣ вѣтра, при свирѣпости волнъ, ихъ уничтожило-бы съ первымъ покушеніемъ пуститься на море.

Тогда всѣ матросы увидѣли, что наступилъ послѣдній часъ нашъ. Капитанъ кричалъ, что еще надобно отливать воду—его не слушали; онъ ка-

зался разсерженнымъ, грозилъ, хотѣлъ принудить къ работѣ силою; вмѣсто привычнаго повиновенія, всѣ возстали противъ него, начался ропотъ, ему грозили, и такъ упорно, что Чау-Тзингъ не могъ идти далѣе, безъ опасности погибнуть отъ непослушныхъ матрозовъ. Безмолвный, мрачный, воротился онъ къ своему мѣсту; видно было, что погибель корабля не столь была тяжела ему, какъ это неслыханное неповиновеніе. Матрозы, поступая теперь по своей волѣ, прибѣгнули къ суевѣрію и собрались вокругъ маленькаго идола, находившагося на жонкѣ; это былъ истуканъ Китайской Амфитриты, покровительницы плавателей. Всѣ они стали вокругъ идола на колѣни; одинъ изъ нихъ запѣлъ что-то, другіе отвѣчали ему пѣніемъ; потомъ сожгли передъ идоломъ нѣсколько свертковъ позолоченной бумаги, зарѣзали какую-то птицу, и бросили въ море ея внутренности, голову и лапы.

Пока совершался этотъ обрядъ, я замѣчалъ, какъ мало по малу, линія моря, до которой жонка была погружена въ него, возвышалась. Болѣе и болѣе обременяемая тяжестью вливавшейся воды, она не плыла уже съ прежнею быстротою, и когда перекачивалась она на бокъ, то масса воды, влившейся въ нее, удерживала ее на боку, и мы безпрерывно трудпѣе могли приходить въ настоящее положеніе. Это показывало намъ, чѣмъ все должно было кончиться—мы явно *тонули*, и полные жизни, здоровья, юности, мы могли видѣть и замѣчать, одинъ послѣ другаго, всѣ признаки нашей неиз-

бѣжной смерти, могли слѣдовать за медленнымъ боемъ нашихъ предсмертныхъ часовъ. . . .

Это было около полудня 10-го Октября. Густой мракъ, дотолѣ окружавшій насъ, вдругъ сталъ рѣдѣть, уступая лучамъ солнца. Свѣтлое мерцаніе ихъ, пробившееся сквозь толщу одной тучи, мелькнуло по волнамъ, и дѣйствіе его было точно волшебное, какъ будто кто нибудь отдернулъ передъ нами занавѣсъ: мы увидѣли землю, вблизи, въ нѣсколькихъ льё, которой не могли разглядѣть прежде; это былъ низкій островъ, безъ сомнѣнія обитаемый, потому, что мы различали, какъ намъ казалось, признаки человѣческаго пребыванія.

О провидѣніе! сколь радостна была теперь надежда на спасеніе наше! Сколь неожиданно переводишь ты человѣка отъ отчаянія къ восторгу! Еще пять часовъ, и изъ всѣхъ насъ не осталось-бы ни одного въ живыхъ, и отъ этой жонки, наполненной народомъ, обширной, шумной, не сохранилось-бы никакого слѣда, не уцѣлѣло никакой памяти; волны залили-бы ее, и никакое надгробіе не означило-бы на безднахъ Океана даже того мѣста, гдѣ погибло столько народа, мыслящаго, живущаго, полнаго надеждъ и вѣры на счастіе жизни....

Но *увидѣть землю* еще не значило спастись. Полупотопшая, безъ парусовъ, безъ мачтъ, безъ руля, какъ могла жонка наша достигнуть берега и пристать къ нему? Эта мысль мгновенно поразила меня, и я обратился къ нашему безпрепетному капитану. Чау-Тзингъ все предвидѣлъ, соразмѣрилъ затрудненіе, опасность,

средства достигнуть земли. Онъ уже дѣйствовалъ. При первомъ призракѣ надежды, экипажъ снова бросился къ насосамъ, и работалъ съ изступленною дѣятельностью. Море и вѣтеръ нѣсколько утишились, и еще на четыре фута жонка была внѣ воды. Несомые прямо къ берегу, мы уже могли различать купы деревъ, еще съ необлетѣвшими листьями, жилища, гавань, наполненную рыбачьими лодками. Кое-какъ, Чау-Тзингъ успѣлъ замѣнить руль нѣсколькими досками, вмѣстѣ связанными и прикрѣпленными у кормы. Заливъ открывался передъ нами, недалёе, какъ въ полу-льё, запишный, безопасный, защищаемый отъ волненія высокимъ полуостровомъ. Казалось, мы скоро туда достигнемъ, обнимемъ землю, которой никогда не суждено уже было намъ видѣть, возблагодаримъ Бога на безопасномъ убѣжищѣ отъ волнъ и бурь.... Жестокая насмѣшка судьбы! Страшный трескъ излома отдался въ ушахъ нашихъ, заставилъ кровь оледенѣть отъ ужаса, кости содрогнуться въ основаніяхъ — трескъ глухой, продолжительный, голосъ неизбѣжной смерти, когда на насъ уже вѣяло съ берега жизнью!...

Жонка ударилась о коралловую мѣль, въ одной милѣ отъ земли. Страшнымъ прибоемъ волнъ объ этотъ подводный утесъ, громада корабля, уже совершенно напряженная, распадалась въ обломки. Надобно было помышлять о спасеніи. Изъ всѣхъ шлюпокъ оставалась у насъ только одна; всѣ другія унесло бурею. Старались отцѣпить эту послѣднюю, спустить ее поскорѣе на воду; но едва

принялись мы за работу — жонка легла на бокъ, стала погружаться, и повлекла на дно моря людей и обломки свои.

Тогда каждый помышлялъ только о спасеніи самого себя. Нѣкоторые изъ матрозовъ старались ухватиться за куски корабля, торчавшіе изъ моря, дѣлая знаки отчаяннаго призыва прибрежнымъ рыбакамъ; другіе немедленно бросились вплавь къ берегу, надѣясь доплыть туда. Будучи порядочнымъ пловцомъ, я рѣшился послѣдовать за послѣдними. На подводной мели, гдѣ мы были теперь, при жестокости волнъ, не легко было выбиться изъ неровности утесовъ, то закрытыхъ водою, то почти выставившихся наружу. Въ ту минуту, когда я думалъ поддержаться на водѣ, мнѣ встрѣчалась подводная шпердыня—я падалъ и расшибался о коралловые камни, раздиравшіе мнѣ грудь. Наконецъ, половину плывя, половину переходя по утесамъ, я достигнулъ края ихъ и бросился къ берегу. По несчастію, силы мои были уже истощены въ отчаянной борьбѣ; кровь текла изъ разверзаннаго моего тѣла, и соленая вода, разъѣдая раны мои, причиняла мнѣ жестокую боль. Но я плылъ однакожъ, подвигался — еще пятьдесятъ шуазовъ и я спасенъ! Въ это время продолжительная исторія моихъ страданій готова была кончиться просто и скоро. Надобно было несчастному случаю сдѣлать такъ, что одинъ изъ матрозовъ, плывшій подлѣ меня, лишился силъ и памяти: какъ обезумѣвшій, ухватилъ онъ меня за ногу и поволокъ своею тяжестью на дно моря....

Это мгновеніе было ужасно!

Столько чувства и памяти, чтобы понять всю опасность моего положенія, у меня еще было, но уже не было возможности и силъ избавиться отъ внезапнаго бѣдствія. Обхваченный какимъ-то невольнымъ самозабвеніемъ, я допускалъ тонуть меня, не чувствуя даже воли, не только не постигая возможности избавиться. Что происходило потомъ со мною, съ этой минуты, до того времени, когда пришелъ я въ себя, увидѣлъ себя на берегу, едва могъ дышать, но чувствовалъ, что я живъ еще — это томленіе смерти, этотъ шумъ въ ушахъ, это небытіе, когда кровь застываетъ въ тѣлѣ холодомъ гроба, этотъ сонъ безъ пробужденія — все это образовало для меня рядъ впечатлѣній, столь быстрыхъ, столь безотчетныхъ, что ихъ не льзя выразить словами. Кажется, я пролетѣлъ въ эти мгновенія столь близко смерти, какъ только возможно приблизиться къ ней человѣку въ жизни, не вступивъ еще въ предѣлы замогильные.

Когда я опомнился, меня окружало нѣсколько человѣкъ матрозовъ; между ними былъ Чау-Тзингъ, уже снова вполнѣ властвующій надъ другими. Заботливость, какую оказывали мнѣ, безъ сомнѣнія, должно было приписать его великодушному заступленію. Меня раздѣли донага, и сильно терли мнѣ тѣло, стараясь возбудить обращеніе крови. По мѣрѣ того, какъ жизнь снова вливалась въ меня, я чувствовалъ пробѣгавшее по всѣмъ жиламъ моимъ неизъяснимо сладостное ощущеніе, жизнен-

ный какой-то огонь... Физическія чувства, сначала смѣшенно, потомъ различаясь болѣе и болѣе одно отъ другаго, сначала неопредѣленныя, но потомъ лучше и лучше опредѣлявшіяся понятія, постепенный, незамѣтный переходъ отъ чувства къ разумѣнію и смыслу — вотъ что испытывалъ я при двоякомъ переходѣ, отъ жизни къ смерти, и отъ смерти къ жизни...

Между тѣмъ, видя бѣдствіе нашей жонки, сбѣжались окрестные жители и рыбаки. Мы не знали, гдѣ мы теперь находились; только одинъ Чау-Тзингъ утвердительно говорилъ, что мы были на островѣ *Кьузу*. Онъ не ошибся. Туземцы объявили намъ, что мы находимся въ шести льё отъ Нангазаки; слѣдовательно, буря, двигая насъ на югъ, спремила насъ къ настоящему нашему пути. Если-бы мракъ, теперь совершенно разсѣявшійся, далъ намъ заблаговременно возможность видѣть высокія горы, окружающія Голландскую факторію, мы могли-бы прямо на нихъ направлять путь нашъ, и жонка наша разбилась-бы въ Нангазакской гавани. Судьбѣ не такъ было угодно.

Пока я былъ еще безъ чувствъ, счастливое событіе, какъ будто хотѣло вознаградить меня за претерпѣнное бѣдствіе. Рыбаки туземные, опытные лоцмана окрестностей, умѣли добраться до утеса, гдѣ находились остатки жонки нашей, особеннымъ маленькимъ проливомъ, только имъ извѣстнымъ. Съ пособіемъ нарочно для этого сдѣланныхъ снарядовъ, они принялись вытаскивать изъ нея грузъ, и лодки ихъ вскорѣ перевезли на берегъ

большую часть погрузки, остававшейся внутри нашего несчастнаго корабля. Вообразите мою радость, когда я узналъ тутъ два мои чемодана, и особливо коробку, гдѣ хранились у меня бумаги, письма и множество драгоцѣнныхъ мнѣ вещей! Не только всѣ воспоминанія и записки о путешествіи моемъ отъ Франціи до Японіи были тутъ, но и всѣ средства продолжать мое путешествіе. Я чуть не позабылъ теперь всѣхъ претерпѣнныхъ мною страданій. Чау-Тзингъ немедленно объявилъ, что чемоданы и коробка принадлежали мнѣ; я спѣшилъ вынять нѣсколько золотыхъ монетъ и раздать ихъ услужливымъ Японцамъ, которые не знали какъ отблагодарить меня, и вызвались за то провожать меня и нести всѣ мои пожитки въ Нангазаки. Щедро одарилъ я матрозовъ, спасшихъ меня изъ гибельныхъ волнъ моря. Переодѣвшись въ чистое, сухое платье, я не чувствовалъ никакой усталости, и рѣшился пуститься въ Нангазаки немедленно, пѣшкомъ. Чау-Тзингъ, занятой разборкою всего, что спасли отъ кораблекрушенія, не могъ мнѣ сопутствовать. Онъ обнялъ меня со слезами на глазахъ, и далъ мнѣ адресъ одного Китайскаго купца, своего сопорговца, котораго я долженъ былъ предувѣдомить объ его бѣдствіи. Я отправился около 2-хъ часовъ по полудни, по приморью, сопровождаемый четырьмя человѣками; они несли мои вещи и служили мнѣ проводниками. Вещи мои несли они на бамбуковыхъ палкахъ, положивъ средину палокъ на плеча, и уравновѣсивъ тяжесть на обоихъ концахъ. На первомъ

мѣстѣ отдыха, успѣлъ я нанять лошадей, и вскорѣ явился близъ Нангазаки.

Всего болѣе поразило меня при этомъ переходѣ позорище опустошенія, какое представляли всѣ окрестныя поля. Тай-Фунгъ, едва не погубившій насъ на морѣ, хотя былъ здѣсь слабѣе, но все еще столь силенъ, что вырывалъ съ корнемъ деревья и срывалъ крыши съ домовъ. По мѣрѣ приближенія моего къ городу, слѣды и бури опустошеній уменьшались, и передо мною раскрывался отличительный характеръ Японской земли и природы. На высотахъ мыса, образующаго съ одной стороны берегъ, залива Нангазакскаго, я увидѣлъ крѣпость Японскую, убранную на сей разъ флагами, для отданія почести Голландскому фрегату, выходившему въ море. Стѣны крѣпости сдѣланы были изъ битой глины; въ нихъ, на ровномъ отъ одного до другаго разстоянiи, продѣланы были круглыя дыры, въ которыя, во время военное, выставляются пушечныя жерла. Множество длинныхъ палокъ поставлено было по стѣнамъ крѣпости, и каждая украшалась пукомъ конскихъ волосовъ на концѣ и длиннымъ флагомъ во всю длину свою. Полосатыя ткани были притомъ развѣшены по стѣнамъ, какъ будто праздничные ковры, которыми убираютъ у насъ домы, во время торжественныхъ ходовъ, или большихъ праздниковъ, въ южныхъ городахъ Франціи.

Поворачивая отъ этой крѣпости, омываемой при подошвѣ стѣнъ ея моремъ, въ первый разъ встрѣтилъ я нѣсколько Японцевъ высшихъ званій.

До сихъ поръ видѣлъ я только бѣдныхъ рыбаковъ, земледѣльцевъ, моряковъ, попадавшихся мнѣ на пути, и изъ нихъ не льзя мнѣ было получить слишкомъ выгоднаго понятія о благообразіи жителей Японіи, или красотѣ ихъ одежды. Новая встрѣча также не могла измѣнить во многомъ моихъ понятій о Японцахъ. Я увидѣлъ нѣсколько человѣкъ, вѣроятно, живущихъ въ окрестностяхъ города; встрѣтясь на дорогѣ, они раскланивались другъ съ другомъ; ихъ полубритыя головы, маленькія косенки, свитыя трубочкой, наклоненіе тѣла въ поясъ, между тѣмъ, какъ руки висятъ и касаются земли, а сабли торчатъ сзади, все это составляло самую смѣшную карикатуру, какую только можно было себѣ вообразить.

Собственно говоря, въ этихъ людяхъ, съ перваго взгляда, открывалось существенное сходство съ Китайцами. Очевидно, что Японцы составляютъ отростокъ отъ одного корня, только разрозненный въ послѣдствіи дѣйствіемъ климата и обычаевъ. У того и у другаго народа глаза узкіе, углубленные, маленькіе, съ черными озорочками и высокими бровями; головы большія, на короткой шеѣ; волосы черные, цвѣтъ лица темный; тѣло крѣпкое, но нестройное.

Что касается до одѣянія, оно почти однообразно у всѣхъ Японцевъ. Его составляютъ длинные кафтаны, у людей побогаче шелковые, у людей бѣднѣе и слугъ изъ бумажной ткани; внизъ надѣвается полукафтанье, исходящее ниже колѣнъ, и застегнутое поясомъ, шириною въ ладонь. Къ

верху платье это вырѣзано, и шея остается голою. Кромѣ сего послѣдняго платья, служащаго вмѣсто рубашки, богатые люди надѣваютъ шаровары изъ тонкаго полотна, которыя подвязаны около колѣна, и висятъ къ низу; сверхъ всего надѣвается наконецъ кафтанъ, церемоніяльный, широкій, распашной, иногда темнаго, иногда чернаго цвѣта, который скидаютъ, вошедши въ комнату.

Видъ чужеземца, казалось, изумилъ почтенныхъ господъ Японцевъ, со мною встрѣтившихся, но когда они увидѣли, что я спокойно продолжаю путь въ Нангазаки, то привѣтствовали меня, не говоря ни слова. Никого болѣе не встрѣтилось мнѣ до самаго прибытія къ предмѣстью города, гдѣ увидѣлъ я два передовые Японскіе караула, одинъ конный, другой пѣшій. Конные солдаты были въ остроконечныхъ шапкахъ съ плюмажами, съ длинными копьями въ рукахъ, каждый съ двумя саблями на лѣвомъ боку, съ лукомъ и колчаномъ за плечами. Кафтанъ, раскрытый сверху, прикрываетъ широкіе шаровары. Лошади, на которыхъ сидѣли эти солдаты, показались мнѣ красивы и хорошей породы. На пѣхотинцахъ было надѣто по два платья, изъ бумажной ткани, одно другаго короче; шляны ихъ, изъ лакированной кожи, были къ верху круглы, съ полосками по тульѣ, что казалось довольно красиво. Каждый былъ вооруженъ двумя саблями и ружьемъ, съ фитилемъ, вмѣсто курка.

Едва стража завидѣла насъ, какъ приняла грозный видъ, и, казалось, приказывала мнѣ прибли-

жаться съ осторожностью. Одинъ изъ моихъ проводниковъ пошелъ впередъ; вѣроятно, онъ разсказалъ офицеру о несчастіи, котораго былъ я жертвою. Этотъ разсказъ измѣнилъ грозное расположеніе стражи. Ко мнѣ подошли ласково, съ участіемъ, учтиво пригласили меня войдти въ ближнюю караульню, гдѣ надобно было сдѣлать мнѣ допросъ. Караульня эта находилась почти близъ воротъ Нангазаки. Ее составлялъ небольшой сарай, съ ошвѣсною крышею, украшенною по краямъ шариками, съ одной стороны съ большимъ фонаремъ для ночей, съ другой съ царскимъ знаменемъ. Передъ отпрытымъ входомъ стояли два солдата, которыхъ можно было узнать по одеждѣ, называемой *камизимо*, и по двумъ саблямъ, которыя позволено носить только военнымъ людямъ; кромѣ того, они были вооружены, одинъ копьемъ, другой ружьемъ съ фишплемъ. Тутъ-же расположены были сошки съ ружьями, и два праздные солдата, сидя на землѣ, играли въ шашки. Во внутренней компашѣ находился старшій офицеръ, или *банжо*.

Меня задержали, пока переводчикъ Голландской факторіи пришелъ для переговоровъ между мною и военнымъ начальствомъ. Переводчикъ этотъ, какой-то Японецъ, едва зналъ нѣсколько словъ Голландскихъ, и переводилъ такъ хорошо, что мы принуждены были начать разговоръ съ нимъ движеніями рукъ, будто глухо-нѣмые. Можно было догадаться, что у меня спрашиваютъ о двухъ предметахъ: осмотрѣ моихъ чемодановъ, чтобы

увѣриться, что въ нихъ нѣтъ ничего запрещеннаго тарифомъ, и наименованіи кого-нибудь изъ живущихъ въ факторіи, который-бы поручился за меня, на все время моего пребыванія въ Нангазаки. На первое отвѣчалъ я тѣмъ, что самъ отдалъ ключи отъ моихъ вещей и открылъ мои чемоданы; на второе именемъ г-на Индбольдша, которое предусмотрительный Вильмотъ заставилъ меня записать на всякій случай

Это имя произвело желанное дѣйствіе. Г-нъ Индбольдтъ былъ одинъ изъ самыхъ почетныхъ негоціянтовъ Нангазакской факторіи Голландцевъ. Чемоданы мои закрыли; взяли только у меня двѣ Библіи, находившіяся въ одномъ изъ нихъ; потомъ дали мнѣ четырехъ солдатъ, какъ будто почетныхъ провожатыхъ, для препровожденія меня къ г-ну Индбольдту. Онъ жилъ на маленькомъ островкѣ *Дезима*, который властители Японіи совершенно предоставили для поселенія Европейцевъ. Шлюпка перевезла меня туда. Жилище моего незнакомаго знакомца, г-на Индбольдша, находилось на самомъ берегу, и самъ онъ былъ дома и стоялъ подлѣ дверей, когда мы пристали къ берегу. Рѣшась прямѣе идти къ дѣлу, я не хотѣлъ говорить съ нимъ по-Голландски, едва зная нѣсколько словъ этого языка, и прямо заговорилъ по-Англійски. Какъ радъ я былъ, когда мой неизвѣстный покровитель отвѣчалъ мнѣ свободно на этомъ, совершенно извѣстномъ ему языкѣ! Любопытство переводчиковъ ничего не могло тутъ подмѣтить, и

я могъ во всемъ свободно объясняться, даже и при этихъ лукавыхъ соглядатаяхъ.

Разсказавъ г-ну Индбольдшу о моемъ кораблекрушеніи и чудесномъ спасеніи на Японскіе берега, откровенно прибавилъ я потомъ, что сынъ Калькутскаго негоціанта Вильмота, мой другъ, далъ мнѣ списокъ именъ на всѣ Европейскія факторіи въ Азіи, и прочитавъ Нангазакской факторіи самъ написалъ имя Индбольдта. Едва кончилъ я слова мои, почтенный Голландскій негоціантъ протянулъ мнѣ руку. « Старый Вильмотъ бывалъ моимъ неразлучнымъ товарищемъ въ Батавіа, Малакка, Мадрасѣ—сказалъ онъ—во всѣхъ почти мѣстахъ, гдѣ проводилъ я мою юность. Вы, другъ сына его, и этого довольно, М. Г.—Считайте себя нашимъ. У меня также есть сынъ, и онъ будетъ вашимъ Вильмотомъ въ Нангазаки. Добро пожаловать! » Послѣ такого дружескаго привѣта, отпустили переводчика и сопровождавшихъ меня Японцевъ. Мы пошли по лѣстницѣ, ведущей въ верхнія комнаты дома.

« Павелъ! » сказалъ г-нъ Индбольдтъ бѣлокурому молодому человѣку—« вотъ иностранецъ, рекомендованный намъ отъ г-дъ Вильмотовъ. Онъ претерпѣлъ кораблекрушеніе нынѣшнимъ утромъ, на Китайской жонкѣ, о которой намъ сказывали. Теперь онъ нашъ добрый гостъ. Прошу позаботиться объ его спокойствіи. » Любезный юноша не имѣлъ нужды въ дальнѣйшихъ словахъ отцовскихъ; онъ былъ такъ добръ что уже полюбилъ меня съ перваго взгляда. Европеецъ, въ Японіи, выбро-

шенный бурею на берегъ — да, это сокровище, когда человѣку двадцать два года отъ роду, и когда онъ закупоренъ при томъ въ Японской тюрьмѣ, называемой здѣсь Европейскою факторіею! Павелъ подошелъ ко мнѣ, и пожалъ мнѣ руку, столь выразительно, что это пожатіе стоило двадцати заученныхъ учтивыхъ фразъ. Онъ предавался впечатлѣніямъ съ полною довѣрчивостію молодости, съ откровеннымъ добродушіемъ неопытности, у которой не бываетъ оглядокъ (arrière-pensée.)

Было уже такъ поздно, что мы приялись ужинать, предоставляя завтраму наши прогулки и обозрѣнія. За то, сдва только насталъ день, я уже поднялся, и хотѣлъ отправиться будить моего новаго пріятеля. Но Павелъ предупредилъ меня; онъ ждалъ уже меня въ общей залѣ, съ стаканомъ *сакки*, напитка, дѣлаемаго изъ перебродившаго сарачинскаго пшена: это все тотъ-же, что видѣлъ я въ Китаѣ и Льу-Чьу, но тамъ титулуютъ его *камгу, си-шингъ, шаззи*, а въ Японіи имя его переходитъ въ *сакки*.

Мы встрѣтились съ Павломъ будто старые знакомые. Юность такъ добра, такъ любитъ дружбу! — «Ну,» заговорилъ я — «съ чего-же начать намъ теперь? Пойдемъ-ли посмотрѣть на городъ, или сперва отправимся осмотрѣть его окрестности?» — Не лѣзя-ли немного потише, любезный гость? — отвѣчалъ мнѣ Павелъ, смѣясь— въ Японіи такъ не водится! Развѣ вы не знаете, что̀ такое царь Японскій, и что такое подвластные ему чиновники? Городъ въ Японіи при-

надлежитъ г-мъ *томосама* и г-мъ *оттона* (судьямъ и полицейскимъ). Безъ ихъ воли ничего не дѣлается. Когда вамъ вздумается махнуть рукою какимъ манеромъ, о коиромъ не сказано ничего въ законѣ, управители города тотчасъ посылаютъ къ вамъ толпу банжо, и она напоминаетъ вамъ, подъ какими именно видами позволено въ Японіи махать руками. Островъ Дезима назначенъ для насъ тюрьмою, и мы живемъ на немъ подъ надзоромъ властей города, которые выспросили намъ жилище и берутъ съ насъ за жилье въ своей постройкѣ. Вотъ тутъ, на Дезима, можемъ мы прогуливаться, сколько намъ угодно, шаговъ двѣсти всего-на-все пространства. Вы замѣтите, что деревянный заборъ закрываетъ отъ насъ даже видъ на море, и окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ. При двухъ воротахъ, которыя служатъ намъ входами съ двухъ боковъ, одного къ морю, другаго къ городу, день и ночь стоитъ стража, оберегая съ одной стороны контрабанду товаровъ, съ другой контрабанду гостей въ Нангазаки. Видите, что мы ведемъ здѣсь самую глупую жизнь, и если-бы не было надежды черезъ нѣсколько времени отдыхать въ Батавіа, мы не перенесли-бы ни одного дня въ нашей тюрьмѣ. — «Но для чего такія нелѣпыя строгости и предосторожности?» — Въ слѣдствіе установленной единожды политической и торговой системы. Послѣ ужасныхъ гоненій, какія были противъ христіанъ въ Японіи, духовный властитель здѣшній повелѣлъ, чтобы во всѣхъ земляхъ, подчиненныхъ власти его, самыя

строгія мѣры были предписаны противъ допущенія иностранцевъ въ Японію, кто-бы они ни были. Только два народа исключены изъ общаго запрещенія — Голландцы и Китайцы. Но вы видите: и съ этими счастливцами такъ поступаютъ Японцы, что они едва-ли могутъ употребить во зло великое снисхожденіе великаго Дайри Японскаго. Японію составляетъ для насъ загородка ста шаговъ на Японской землѣ, съ безпрерывною стражею банжо. —

Я едва вѣрилъ тому, что слышалъ. Особенно непонятно для меня казалось: какъ люди могутъ соглашаться, для чего-бы то ни было, на подобное заточничество, на житье за замками и запорами темницы, подвергаясь безпрерывному, подозрительному надзору туземцевъ, склоняясь на всѣ ихъ прихоти, опасенія и смертельную скуку! Чудное свойство корыстолюбія, дающее человѣку силы, какихъ едва-ли найдетъ онъ въ себѣ для чего нибудь другаго, если только бѣсъ корысти не овладѣетъ имъ! Впрочемъ, утвердясь въ Нангазаки, оффиціяльно на несправедливыхъ условіяхъ, Голландцы, мало по малу, выбирали, выторговывали, выпрашивали себѣ у Японцевъ болѣе свободы, нежели позволяли имъ первоначальныя положенія. Эти положенія остаются въ прежней силѣ—по закону; но, дѣятельные, хитрые, настойчивые, Голландцы умѣли напирать въ каждомъ благопріятномъ случаѣ, такъ, что теперь строгое заточничество ихъ неизмѣнно на словахъ и на бумагѣ, а на дѣлѣ совсѣмъ почти не существуетъ. Имъ поз-

воляютъ переходить предѣлы темницы ихъ, посѣщать Нангазаки, и благодаря времени и привычкѣ, это снисхожденіе подъ рукою, почти обратилось въ законное право.

Павелъ тотчасъ признался, что хотѣлъ только поспращать меня строгимъ уставомъ, но потомъ открылъ онъ мнѣ тайну его нарушенія. «Не пугайтесь,» сказалъ онъ — «мы постараемся, чтобы вы не умерли съ тоски, и чтобы Японія не была для васъ неприступнѣе Китайскаго моря съ его ураганами!» — Мы немедленно отправились обозрѣвать городъ, и насъ никто не останавливалъ.

Прежде всего вниманіе мое обратилось на самый островъ *Дезима*, который собственно составляетъ продолженіе одной изъ Нангазакскихъ улицъ. Во время морскаго отлива, Дезима отдѣляется отъ материка только небольшимъ рвомъ. Магазины Голландской Компаніи, больница, двухъ-этажный домъ для купцовъ, гдѣ складка товаровъ въ нижнемъ и жилища въ верхнемъ этажѣ—вотъ что составляетъ всю эту факторію. Все это построено изъ дерева и глины. Крыши сдѣланы черепичныя; у окошекъ бумажныя ставни; полы устланы рогожками. Недавно привезли изъ Батавіа небольшія оконницы съ стеклами для окошекъ. Въ одномъ углу, среди другихъ построекъ, находится небольшой садикъ, съ бесѣдкою въ два этажа. Далѣе коллегія переводчиковъ—обширный домъ, въ которомъ живутъ Японцы, облеченные въ это званіе. Когда

приходятъ корабли Голландской Компаніи, толмачей этихъ является тутъ большое количество, но едва купеческая эскадра удалится, только два, или три толмача остаются при своей должности. На Дезима есть еще домъ для оттона, или полицейскихъ надсмотрщиковъ, обязанныхъ смотрѣть за всѣмъ, что дѣлается на этомъ островѣ, и доносить обо всемъ губернатору Нангазакскому. Эти оттона начальствуютъ надъ стражею и разставляютъ караулы.

Павелъ провелъ меня въ жилище оттона, чтобы получить дозволеніе осмотрѣть Нангазаки. Мы застали Японскихъ чиновниковъ за трубками и чаемъ. Когда вошли мы, они встали и привѣтствовали насъ весьма вѣжливо; потомъ предложили намъ трубки, по чашкѣ чаю и по стакану сакки.

Съ перваго взгляда замѣтилъ я, что эти люди ни въ чемъ не откажутъ Павлу Нидбольдту, и что мы легко получимъ все, чего-бы ни потребовали. Разговоръ шелъ пріятельскій, и черезъ нѣсколько минутъ, по данному знаку, явились банжо съ ближней гауптвахты, и имъ объявленъ приказъ провожать насъ во время прогулки по городу. Караульные отдали намъ честь, когда мы проходили мимо, и мы вышли на улицы Нангазаки. Это былъ часъ утреннихъ занятій, когда ближнія къ Дезима мѣста кипятъ народомъ. Вдали, на высотахъ, рисовались передъ нами храмы Японскіе; кругомъ видѣли мы улицы, пересѣкавшія одна другую, въ небольшихъ разстояніяхъ и во всѣхъ направленіяхъ; съ обоихъ концовъ улицъ находятся

ворота, такъ, что каждая улица составляетъ особенное отдѣленіе. На ночь, всѣ эти ворота запираются, а днемъ каждый отдѣльный кварталъ оберегается офицеромъ, въ немъ живущимъ.

Перешедши первый мостъ, ведущій въ Нангазаки, мы могли уже замѣтить различіе одеждъ, физіогномій, лицъ, походки, и всего, что характеризируетъ Японцевъ. Здѣсь тѣснились солдаты, съ своими двумя саблями на боку; тамъ двѣ женщины, взявшись за руки, или подъ однимъ зонтикомъ; въ иномъ мѣстѣ встрѣчались разносщики, у которыхъ по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ, или по крику, можно было угадать предметъ мѣлочной ихъ торговли. Далѣе важно расхаживали люди въ шлаурѣ; ихъ легко распознавали мы по шапкамъ въ видѣ корзинокъ, надвинутымъ почти до глазъ. Все это толпилось, занятое дѣломъ, перебѣгая другъ другу дорогу во всѣхъ направленіяхъ, съ шумомъ, въ безпорядкѣ и съ самымъ безстыднымъ нахальствомъ. Любопытно было видѣть и наблюдать весь этотъ народъ, тѣснившійся между разрисованныхъ, съ фигурными кровлями домовъ, и украшенныхъ деревьями площадей.

«Пойдемте изъ этой тѣсноты,» сказалъ мнѣ Павелъ—«я хочу показать вамъ элизій Нангазакскій!» Увлекая черезъ нѣсколько улицъ, онъ довелъ наконецъ меня до обширнаго сада, превосходно усаженнаго деревьями, украшеннаго водою, рощицами, лужками, перелѣсками. «Вотъ мѣсто общаго свиданія Японскихъ дамъ,» сказалъ мнѣ мой путеводитель,—«погуляемъ здѣсь немного; онѣ не-

замедлишъ явиться.» Путеводитель мой не ошибся, потому, что вскорѣ мы увидѣли Японскую красавицу, шедшую мимо насъ. Она была одѣта въ шелковое съ цвѣтами платье, длинное до земли, съ небольшимъ шлейфомъ, тянувшимся за нею; въ рукѣ ея, нѣжной и прекрасной, былъ цвѣтокъ. Но впрочемъ, только это и могли мы разсмотрѣть; сберегая отъ лучей солнца свѣжесть своего лица, красавица шла сопровождаемая нелѣпымъ какимъ-то слугою, полунагимъ, державшимъ въ рукѣ длинную бамбуковину, у которой на концѣ повѣшенъ былъ, не то что зонтикъ, но что-то въ родѣ огромнаго колокола, сдѣланнаго изъ тонкой ткани и спущеннаго на голову красавицы, такъ, что лица ея не льзя было видѣть, между тѣмъ какъ она все видѣла сквозь четыреугольныя отверзтія, закрытыя тонкимъ газомъ и находившіяся противъ глазъ ея.

Мое любопытство было сильно возбуждено такою заманчивою покрышкою; но въ это время явилась другая Японка, съ открытою головою, защищаясь отъ солнца только вѣеромъ, щегольски лакированнымъ и позолоченымъ. Она была очень красива, съ выраженіемъ кротости на правильномъ лицѣ, съ маленькими, узкими глазками, съ добродушнымъ какимъ-то щегольствомъ и кокетливою скромностью въ нарядѣ. Волосы на головѣ, поднятые съ обѣихъ сторонъ, и сильно намазанные чѣмъ-то масляным, раздѣлялись на верху головы на двѣ, почти равныя половины, между тѣмъ какъ длинная коса была по срединѣ подобрана подъ

черепаховый гребень. Платье щеголихи этой было изъ драгоцѣнной шелковой, вышитой цвѣтами ткани.

Въ самомъ дѣлѣ, садъ этотъ можно было назвать Нангазакскимъ Тюльери. Не прошло получаса, что мы были въ немъ, и уже толпа Японокъ гуляла мимо насъ. Павелъ, какъ старожилъ, могъ даже сказать мнѣ имена многихъ красавицъ, видѣнныхъ мною: одна изъ нихъ была жена *томозама*, или губернатора, другая жена *нинбана*, или судьи, третья, дражайшая половина *оттона*, которой разрѣшилъ намъ прогулку по городу, четвертая подруга *кенгіози*, или годоваго офицера. Такимъ образомъ, вся городская знать присылала сюда свою представительницу красоту.

Столь увлекательная прогулка была неожиданно прервана. Явился посланный отъ неумолимаго оттона, съ извѣщеніемъ, что пора намъ воротиться въ Дезимскую темницу. Боясь, чтобы добрый г-нъ Индбольдтъ не сталъ объ насъ безпокоиться, мы поспѣшили обратно. Насъ уже ожидалъ обѣдъ, превосходно приготовленный. Мнѣ можно было положиться на Павла, какъ на вѣрнаго спутника въ романическихъ прогулкахъ, но я не могъ требовать отъ него, молодаго вѣтренника, пособій въ замѣчаніяхъ болѣе важныхъ, о какихъ нибудь отношеніяхъ кромѣ красавицъ Нангазакскихъ. Почтенный Индбольдтъ будто угадалъ мою мысль, и со всею привѣтливою ласковостью разговорился со мною объ устройствѣ Голландской факторіи. Вотъ что разсказывалъ онъ мнѣ:

«Вамъ извѣстно, что мы, Голландцы, заступили мѣсто Португальцевъ. Явясь въ Японіи съ 1542 года, Португальцы держались здѣсь съ большими выгодами лѣтъ около шестидесяти, или около ста, по другимъ извѣстіямъ. Съ 1641 года, въ силу договора, заключеннаго съ властителемъ Іеддо, мы сдѣлались единственными иностранными торговцами въ Японіи; но, говоря откровенно, мѣсто наше совсѣмъ не такъ блестяще, чтобы ему можно было позавидовать.

«Въ началѣ имѣли мы нѣкоторыя привиллегіи, нѣкоторую свободу. Мы могли посылать до десяти кораблей въ гавань Фирандо, и на нихъ столько золота, серебра и товаровъ, сколько было намъ угодно. Понемногу, число того и другаго уменьшали, и наконецъ совершенно закрыли для нашихъ кораблей Фирандо, а потомъ заперли насъ на островкѣ Дезима, гдѣ вы теперь видите всѣ Голландскія факторіи въ Японіи. Но и здѣсь, переходя отъ запрещенія къ запрещенію, отъ препятствія къ препятствію, отъ налога къ налогу, намъ позволяютъ теперь присылать въ Японію только *два корабля*, и то съ грузомъ на цѣну не болѣе двухъ милліоновъ флориновъ.

«Съ давняго времени, мы видимъ дружбу Японскаго правительства только въ нестерпимыхъ пошлинахъ, которыя оно налагаетъ на насъ. Нетолько возвысило оно свой *фанагинъ*, или ввозную пошлину, до 15 процентовъ на цѣнность товара, но установило еще, для Голландцевъ исключительно, особенную цѣну монетѣ своей, обременяя насъ

такимъ образомъ двойною тяжестью. *Кобангъ* Японскій стоитъ во всемъ государствѣ, и принимается отъ насъ въ 60-ть *ма*, но когда отдаютъ его намъ, то считаютъ въ 68-мь.

Всѣ эти денежныя притѣсненія ничто еще въ сравненіи съ системою Японской таможни. Едва пришелъ въ Японію Голландскій корабль, онъ не принадлежитъ уже ни экипажу, ни хозяевамъ его. Это добыча, принадлежность Японскихъ банжо. Они стерегутъ его, живутъ на немъ, окружаютъ его цѣпью лодокъ, которыя не спускаютъ его съ глазъ, ни днемъ, ни ночью. Никто съ корабля не смѣетъ сойдти на землю безъ паспорта отъ банжо, находящагося на кораблѣ, и не давши осмотрѣть себя, шемъ, которые стерегутъ въ то-же время всѣ берега. Недовольные такимъ полицейскимъ надзоромъ, Японцы принимаютъ еще особенныя политическія мѣры. На кораблѣ не можетъ быть, ни оружія, ни пороха, ни ядеръ, ни книгъ, которыхъ Японцы боятся пуще ядеръ и пороха. Все это отбирается, складывается въ магазинѣ на пристани, и отдается снова только наканунѣ отъѣзда. Прежде до того доходило, что отбирали съ кораблей даже паруса, руль и пушки; но трудность перевозки всего этого съ корабля и на корабль, и издержка, какой стоила такая перевозка, сдѣлали Японцевъ сговорчивѣе, и они оставляютъ теперь на кораблѣ руль, паруса и пушки, безъ пороха и ядеръ. За то ежедневно, по утру и въ вечеру, производится перекличка экипажа, и онъ обязанъ, каждый разъ, весь спол-

на являться передъ оптона. Прогулка на берегу стоитъ путешествія по Европѣ; каждый разъ надобно особенный паспортъ.

« Таможенники здѣшніе таковы, что Европеецъ не можетъ имѣть объ нихъ надлежащаго понятія. Когда они осматриваютъ ящики, мало того, что каждый ящикъ должно открыть и опростать до дна, но смотрятъ еще самыя доски его, педвойныя-ли онѣ? Желѣзнымъ щупомъ пробуютъ каждый бочепокъ съ масломъ и горшокъ съ вареньемъ, а въ кругахъ сыру прорѣзываютъ отверзтіе насквозь, и кромѣ того тычутъ каждую штуку во многихъ мѣстахъ. Иногда осторожность доходитъ до того, что разбиваютъ яицы; и глядятъ: нѣтъ-ли намъ чего запрещеннаго? Но—прибавилъ г-нъ Индбольдтъ, улыбаясь — повѣрите-ли вы, что Голландцы, при всемъ этомъ, находили средства провозить контрабанду?

« Не смотря на столь утѣснительное управленіе, островъ Дезима зналъ свои счастливые дни, и маленькая здѣшняя факторія имѣла эпохи блестящія и благопріятныя. Было время, когда мѣсто главнаго фактора здѣшняго можно было получить только по особенному покровительству, и двухъ лѣтъ достаточно было составить здѣсь огромное состояніе. Но теперь десять и двѣнадцать можете промучиться въ Японіи, и едва-ли разбогатѣете.

« Вотъ въ какомъ положеніи находятся нынѣ дѣла: Батавія посылаетъ сюда только по два корабля ежегодно. На нихъ привозятъ сахаръ, слоновую кость, красильное дерево, олово, сви-

нецъ, желѣзо, тонкія бумажныя ткани, сукна, шелковыя ткани и *рашъ*, черепаху, камфару, ратинъ, стеклянныя издѣлія, шафранъ, и проч. — Отсюда везутъ, въ обмѣнъ, Японскую мѣдь, основаніе всего торга, необдѣланную камфару, лаковыя вещи, шелковыя издѣлія, сарачинское пшено, сакки. Главный предметъ, какъ я сказалъ, мѣдь, превосходящая всѣ сорты мѣди цѣлаго свѣта, и содержащая въ себѣ много золота. Ее берутъ отъ Японцевъ въ длинныхъ, но не толще пальца прутьяхъ, съ одной стороны округлыхъ, съ другой плоскихъ. Эти прутья раскладываются въ ящики, вѣсомъ въ пикуль, или 120 фунтовъ.

Ни одинъ Европейскій рынокъ не можетъ дать вамъ понятія о томъ, какъ производится наша торговля въ Нангазаки. Когда весь привозный грузъ сложатъ въ магазины, дается знать внутреннимъ купцамъ, и они пріѣзжаютъ со всѣхъ сторонъ за покупкою. Образчики товаровъ находятся у губернатора; туда должно идти смотрѣть, сказывать количество товара, какое желаете имѣть, и цѣну, какую даете. Послѣ сего получаютъ позволеніе идти на островъ Дезима, и смотрѣть товаръ хорошенько. Когда все это кончится, объявляютъ цѣну, обыкновенно столь низкую и нелѣпую, что ее не льзя взять. Понемногу прибавляютъ этой цѣны, пока мы рѣшимся наконецъ торговаться. Рѣдко однакожь не сходимся мы послѣ недѣли, или десяти дней самой забавной дипломатики. Но случается иногда, что Японцы упорно поддерживаютъ цѣны низкія, и чтобы не

дать имъ опаснаго примѣра для будущности, мы отсылаемъ въ такомъ случаѣ грузы обратно въ Батавіа.

«Вотъ, М. Г., наша здѣшняя торговля и наше политическое отношеніе къ Японцамъ. Согласитесь, что довольно дорого платимъ мы за монополію, которая ничего не приноситъ, или если и приноситъ, то слишкомъ мало. Присовокупите къ этому, что климатъ здѣшній, здоровый въ остальное время года, нѣсколько мѣсяцевъ бываетъ за то весьма вреднымъ. Присовокупите еще скуку и совершенное одиночество въ мірѣ, въ теченіе почти восьми мѣсяцевъ. Едва-ли останется насъ на Дезима всего человѣкъ съ дюжину, когда Батавійскіе корабли отправятся отсюда. Мы живемъ все это время въ совершенномъ уединеніи, на маленькомъ квадратѣ грязной земли, безъ новостей изъ Европы, безъ книгъ, безъ развлеченій, безъ всякихъ внѣшнихъ забавъ. Трубка, чай, обѣдъ, толки о томъ, что скажетъ пріѣздъ кораблей на слѣдующій годъ, и что было въ прошедшемъ году — вотъ это составляетъ здѣсь все наше житье, однообразное, безплодное, неблагодарное во всѣхъ отношеніяхъ. Только одно для насъ счастье — ожиданіе блаженнаго дня, въ который кончится срокъ пребыванія для каждаго изъ насъ, и корабль Батавійскій увезетъ его изъ этого мѣста тоски и неволи. Все еще молодой человѣкъ можетъ здѣсь забываться, хоть въ шалостяхъ — объѣдаться за столомъ, вѣтренничать съ Японками, которыя бываютъ довольно благосклонны

къ Европейцамъ, пить сакки, играть въ карты, и всѣмъ этимъ *убивать время*. Но какія слѣдствія? И притомъ, въ извѣстныхъ лѣтахъ, когда опытъ подкрѣпитъ умъ, и жизнь оспается не для шалостей только, можно чувствовать тяжесть дней, мѣсяцевъ и лѣтъ, проведенныхъ въ чуждой, непріязненной землѣ, въ тюрьмѣ, которой никогда не украситъ семейственная жизнь. Нашимъ женамъ и дочерямъ запрещенъ пріѣздъ въ Японію»...

— Какъ и въ Китай—сказалъ я—но положеніе ваше въ Японіи едва-ли еще не хуже положенія Европейцевъ въ Кантонѣ.

Долго говорили мы, потому, что любопытство мое было неистощимо въ вопросахъ, а ласковость моего добраго хозяина неутомима въ удовлетвореніи ихъ. Наконецъ, я обратилъ рѣчь на желаніе мое узнать Японію ближе, и даже, если только можно, ѣхать въ Іеддо. «Да, знаете-ли, что нынѣ это совсѣмъ не такъ трудно, какъ было прежде — отвѣчалъ мнѣ г-нъ Нидбольдтъ — не надобно быть ни посланникомъ, ни повѣреннымъ, и многіе изъ насъ совершали путешествіе въ Іеддо... Позвольте, позвольте — Боже мой! я совсѣмъ было забылъ! Здѣсь теперь живутъ два мои соотечественника, пріѣхавшіе по послѣдней навигаціи, одинъ лекарь, другой естествоиспытатель, и они оба, вмѣстѣ, ѣдутъ послѣ-завтра въ Іеддо, съ позволенія нашего Нангазакскаго помозама. Не льзя-ли васъ вписать какъ нибудь въ ихъ паспортъ?» — Г-нъ Нидбольдтъ! вы окажете мнѣ такую услугу... Но любезный этотъ чело

вѣкъ не дослушалъ словъ моихъ, взялъ свою шляпу и ушелъ. « Будьте увѣрены, » сказалъ мнѣ Павелъ, « что онъ устроитъ вамъ это дѣло.» Но нѣсколько часовъ протекло однакожъ, пока воротился мой почтенный покровитель; безъ сомнѣнія, много встрѣтилось ему затрудненій, и со стороны Японскаго правительства, и со стороны несговорчивыхъ Голландцевъ, по милости которыхъ открывалась мнѣ дорога въ столицу Японіи. Наконецъ, г-нъ Нидбольдтъ явился весьма довольный. « Кончено! » сказалъ онъ — « не безъ труда, но сдѣлано, устроено, положено: строгій шомозама благословляетъ васъ посмотрѣть Іеддо; г-да Блокфіусъ и Фрайзеръ рады, что у нихъ будетъ товарищемъ любезный Французъ; вы примете треть расходовъ; я отпущу съ вами двухъ служителей; если вамъ надобны деньги—готовъ служить вамъ.» — Изъ предосторожности, я воспользуюсь вашею ласковостью, выдамъ вамъ переводъ на Францію.— « Я его учту, и дѣло кончено. Вамъ остается прожить съ моимъ Павломъ неболѣе сутокъ. Постарайтесь развлечь себя; пойдемте гулять, спанемъ говорить; о дорожныхъ приготовленіяхъ не думайте » — Ахъ! г-нъ Нидбольдтъ!... « Прошу не терять времени на благодарность; у васъ остается его немного. » —

ГЛАВА XLII.

ЯПОНІЯ. — ЕДДО.

Положено было, что мы отправимся Октября 15-го, въ Японскихъ *норимонахъ*. Это родъ каретныхъ кузововъ, сдѣланныхъ изъ тоненькихъ дощечекъ и бамбука, съ окошками по бокамъ и спереди, почти то-же, что Индійскіе паланкины. Въ нихъ можно, какъ вамъ угодно, сидѣть и лежать. Внутренность убираютъ бархатомъ и прекрасными шелковыми тканями; матрацъ и одѣяла, также бархатные, занимаютъ бока и дно. Подушки для рукъ и головы, письменные столики, шпоры и шелковыя занавѣсы дополняютъ уборку. Это подвижная комната, гдѣ вамъ мягко, тепло, спокойно. Число носильщиковъ опредѣляется важностью сѣдока, не менѣе 6-ти, не болѣе 12-ти. Для нашего далекаго пути опредѣлено было имѣть по восьми человѣкъ на каждый норимонъ; они безпрестанно смѣняли другъ друга.

Въ такихъ-то походныхъ ящикахъ пустился я въ Іеддо, 15-го Октября 1830 года. Рядомъ со мною несли два другіе поримана, одинъ съ докторомъ Фрайзеромъ, другой съ естествоиспытателемъ Блокфіусомъ. Когда наступилъ часъ отъѣзда, весь нашъ дорожный народъ, носильщики, служители, вожатые, проводники, собрался передъ жилищемъ г-на Нидбольдта; я насчиталъ человѣкъ до сорока нашей свиты.

Сколько можно удобнѣе расположился я въ своей дорожной клѣткѣ. Дѣла мои съ г-мъ Нидбольдтомъ были кончены; дружески простился я съ нимъ и съ добрымъ его Павломъ. Дорогою только узналъ я вполнѣ, до какой предусмотрительной ласковости простиралась дружба почтеннаго Голландца. Опасеніе, чтобы мнѣ чего нибудь не недоставало въ пути, заставило его проспереть вниманіе свое ко мнѣ даже до излишества. Подъ ногами у себя, въ моемъ пориманѣ, нашелъ я продолговатый, лакированный и позолоченый ящичекъ, въ которомъ положены были нѣсколько бутылокъ вина и пива, ветчина, пирожки, чай нѣсколькихъ сортовъ. Все это находилось отдѣльно, сверхъ обыкновеннаго запаса, который везли за нами на вьючныхъ лошадяхъ. Кромѣ того, у меня была полная постеля, съ простынями, одѣялами, подушками. Я путешествовалъ теперь, какъ роскошный набабъ, и такъ принятъ, что не зналъ и не могъ предупредить заботъ обо всемъ этомъ почтеннаго Нидбольдта. Можно-ли было предполагать, что долгомъ совѣсти почтенъ онъ исполне-

ніе обѣщанія, вскользъ имъ сдѣланнаго, словъ: «о дорожныхъ приготовленіяхъ не думайте!» И вотъ, по добротѣ своей, не только снабдилъ онъ меня всѣмъ необходимымъ, но я даже загрудненъ былъ изобиліемъ моихъ дорожныхъ запасовъ!

Всѣ Японцы, шедшіе около насъ, пѣшкомъ, одни провожатые, другіе слуги, посыльщики наши, были въ остроконечныхъ шляпахъ, подвязанныхъ лентою, съ зонтиками, съ вѣерами; иные въ широкихъ плащахъ, изъ бумаги, пропитанной масломъ.

Продолжителенъ былъ-бы разсказъ о подробностяхъ нашего медленнаго путешествія. Мы *прошли* черезъ *Оннай*, замѣчательный своимъ дворцомъ, стоящимъ почти на вершинѣ горы, съ крыльцомъ, которое вырублено къ нему отъ подошвы горы, въ уступахъ. Дворецъ Оннайскій составляетъ длинный рядъ строеній; надъ ними возвышаются четыре башни, построенныя въ видѣ бельведеровъ, одинъ на другой поставленныхъ. Въ половинѣ крыльца, впереди всѣхъ зданій, видна постройка, въ родѣ торжественныхъ воротъ. Сады Оннайскіе славятся въ Японіи своимъ великолѣпіемъ.

Въ *Фирандо*, гдѣ нѣкогда находилась Голландская факторія, проводники наши заставляли насъ подивиться на крѣпость, одно изъ чудесъ Японіи. Это зданіе воздвигнуто уступами по горѣ, съ загнутыми, на манеръ Китайскихъ, кровлями. Широкій ровъ и стѣна окружаютъ всю его постройку, которая, кажется, составляетъ одно изъ важ-

ныхъ военныхъ укрѣпленій въ Японіи. На случай надобности, въ здѣшнихъ казармахъ помѣщается до 1000 человѣкъ. Входятъ въ эту крѣпость по ступенямъ, изсѣченнымъ въ скалахъ. Ступени дѣлятся на три части гранитными загородками. У самаго верхняго зданія находится особенная стѣна, съ 12-ю дверями.

Во всѣхъ городахъ и селеніяхъ, какія проходили мы отъ Нангазаки до Фирандо, жилища обывателей построены въ одну улицу, иногда столь длинную, что надобно цѣлый часъ времени проходить ее. Домы по обѣимъ сторонамъ такихъ улицъ вообще довольно обширны, но никогда не выше двухъ этажей. Живутъ только въ нижнемъ; верхній служитъ кладовою. Видя строенія правильныя, опрятныя снаружи, можно-бы съ перваго взгляда почесть ихъ каменными; такъ обманывается зрѣніе искуснымъ шпукатуреньемъ, которое накладываютъ на бамбуковый плетень, составляющій основаніе стѣнъ. Внутреннія раздѣленія состоятъ изъ ширмъ, которыя ставятся и убираются по волѣ. Неоднажды устроивали такимъ образомъ комнаты для насъ, при самомъ пріѣздѣ нашемъ въ гостинницы. Кроватей Японцы не знаютъ. Тюфякъ, брошенный на рогожку, составлялъ для насъ почти всегдашнюю и повсюду постелю. Докторъ Фрайзеръ запасся было койкою, но ее нѣгдѣ было вѣсить, и потому она пригождалась въ дѣло очень рѣдко.

Въ Фирандо оставили мы наши нориманы и пересѣли въ Японскую яхту, которой должно было

зайдши въ Осакка, и потомъ плыть въ Іеддо. Здѣсь расплатились мы съ нашими носильщиками и отпустили ихъ обратно въ Нангазаки. Но банжо не разставались съ нами; они какъ будто приросли къ намъ. Наша яхта, если только можно дать такое названіе тяжелой и некрасивой жонкѣ, представляла пропорціи и формы, довольно странныя для Европейца, привыкшаго къ стройному щегольству Европейскихъ судовъ. Длинная въ 60 футовъ, она имѣла до 25-ти въ ширину на кормѣ, и ужасно расширялась въ срединѣ. Строятъ эти суда изъ сосноваго, или кедроваго лѣса, далеко уступающаго плотностью нашимъ лѣсамъ. Мачта ставится одна, но въ случаѣ нужды можно положить на борды двойной рядъ веселъ и плыть греблею. Огромнѣйшій сарай занимаетъ всю корму, и какъ на Китайскихъ корабляхъ, возвышается на необыкновенную высоту надъ палубою; иногда онъ переходитъ даже въ ширину за края корабля, придавая ему самый нелѣпый видъ.

На такомъ кораблѣ надобно было намъ плыть до Іеддо. Докторъ Фрайзеръ и я отправились водою охотно, но бѣднаго г-на Блокфіуса привело это въ совершенное отчаяніе. Къ большому облегченію своихъ носильщиковъ, почти всю дорогу отъ Нангазаки до Фирандо прошелъ онъ пѣшкомъ, и не слушая крика и спора нашихъ банжо, отчаянно собиралъ правы вправо и влѣво отъ дороги; иногда даже терялся, пугался, пропадалъ, только вечеромъ возвращаясь къ намъ, усталый и счастливый, хотя съ изодранными башмаками и съ плать-

емъ въ лоскушьяхъ, восхищенный тѣмъ, что могъ обогатишь свое собраніе какими нибудь рѣдкими находками. Вообразите послѣ этого его горе! Уже онъ познакомился въ общихъ чертахъ съ богатою флорою Японіи, уже многое нашелъ онъ: прелестную, широколистную *гарденію* (gardène, Канскій жасминъ), Ааронову бороду (gouet, *arum*) Японскую *конжаку*, или *драконтію* (Dracontia polyphyllum), которая пахнетъ трупомъ и служитъ убійственнымъ средствомъ для сохраненія чести Японокъ; *тилимъ* (Trapa), растущій на поляхъ съ сарачинскимъ пшеномъ; Японскую *лилію* (liciet de Japon); Индійскую *азалею* (azalée des Indes), съ волнующимся плюмажемъ; вѣерную пальму (chamaerops); колючую *сою*, или *долихъ* (dolic à épis), съ ползущимъ стеблемъ и висящими листьями; *корхоръ* (corète), съ двойными цвѣтками; *артемизію* обыкновенную (armoise commune), пухъ которой употребляютъ Японцы для *мокса*, или прижиганія тѣла; стелющійся *меніантъ*, или спрѣлу-траву (ményanthe); многолепестную *нелюмбо* (nélumbo); *канангъ* (uvaria), и множество другихъ растеній. Лѣса, видѣнные по дорогѣ, давали нашему ученому понятіе о томъ, что представитъ ему Японія по части деревьевъ и кустарниковъ. Каждое деревцо, каждый кусточикъ занимали его — тутъ видѣлъ онъ: дубъ, *вакцинію* (airelle), *гордъ*, или *віорнъ* (viburnum), клент (érable), *линдерію*, *мирику* (galé), и особенно прелестное изъ деревьевъ, безподобную *пегніючку* (thuya du Japon), съ высокимъ, прямымъ стволомъ,

съ зелеными съ одной, серебристыми съ другой стороны листьями. Когда нашему естествоиспытателю удавалось захватить красивый образчикъ этого прозябенія, онъ подбѣгалъ къ нашимъ нориманамъ и заставлялъ насъ дивиться своей драгоцѣнности. . . .

Послѣ всего этого, судите о печали г-на Блокфіуса, когда надлежало ему отказаться отъ образа путешествія, столь удобнаго для его ученыхъ трудовъ! Что теперь могло вознаградить его за всѣ сокровища прозябаемаго царства? Какія нибудь рыбы, неуловимыя въ водѣ и свойственныя всѣмъ странамъ? Кой-какія замѣчанія объ атмосферѣ, о фосфорическомъ сіяніи волнъ? Бѣдная награда за столько потерянныхъ наслажденій! Вотъ почему, когда онъ взошелъ на несчастную Японскую жонку, на немъ лица не было! Онъ не замѣчалъ, что его рыжій парикъ, всегда столь прямо, столь правильно надѣтый на голову, былъ сдвинутъ на бокъ; носъ его, всегда румяный, сдѣлался пунцовымъ, краснымъ; изъ маленькихъ, сѣрыхъ глазъ его сверкали признаки досады и негодованія; онъ почти ничего не ѣлъ за обѣдомъ, а это было уже сильнѣйшимъ и самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что въ душѣ естествоиспытателя кипѣла страшная буря гнѣва и печали. . . .

Будучи моложе ученаго естествоиспытателя, нашъ докторъ посмѣивался украдкою надъ его мимикою, превосходною въ порывѣ естествоиспытательнаго гнѣва и горя. За обѣдомъ, докторъ перемигивался со мною, указывая на признаки печали

задумчиваго Блокфіуса, выраженные глубокими морщинами на его челѣ. Сжалясь наконецъ надъ ученымъ нашимъ, мы принялись ушѣшать его. Въ Осакка, можетъ быть, или въ окрестностяхъ Іеддо, говорили мы, предстанется намъ снова возможность путешествовать по землѣ. Наши разговоры успѣли развеселить нашего товарища. Какъ всѣ люди, надеждою лучшаго въ будущемъ, онъ ушѣшился за скорбь настоящаго.

Вѣтеръ подулъ попутный, и мы пустились въ самое продолжительное, и самое скучное плаваніе между Японскими островами. Послѣ двѣнадцати дней медленнаго, тоскливаго переѣзда, пристали мы въ *Осакка*, гдѣ, по точному смыслу нашихъ паспортовъ, намъ не льзя было прожить болѣе сутокъ. Осакка находится въ числѣ пяти городовъ Японіи, непосредственно зависящихъ отъ *Кубо*, или гражданскаго властителя государства; четыре другіе суть: *Нангазаки*, *Іеддо*, *Сакай* и *Міако*. Они составляютъ *гокозіо*, или союзъ городовъ приморскихъ и торговыхъ.

Осакка управляется почти такъ-же, какъ Нангазаки, двумя правителями, поочередно смѣняющими другъ друга. Находясь на приморьѣ, въ 4-хъ льё отъ Міако, мѣстопребываніи Дапри, Осакко важный городъ, богатый запасами, населенный дѣятельными купцами и лѣнивыми сластолюбцами. Японская знать старается имѣть хоть маленькій клочекъ земли въ Осакка, называемомъ по-Японски *позорищемъ наслажденій*. При пособіи рѣки *Іодо-Гава*, протекающей по городу, и многочисленныхъ

каналовъ, выкопанныхъ въ окружающей городъ долинѣ; здѣшнее народонаселеніе, состоящее изъ 150,000 человѣкъ, дѣйствительно, пользуется всѣми наслажденіями, какія только можетъ соединить дѣятельность человѣческая съ благодѣяніями природы, богатой и плодородной. Осакка городъ поэтовъ, художниковъ и роскошныхъ богачей.

Но полиція здѣсь столь-же неугомонна, какъ и въ другихъ мѣстахъ Японіи. Едва вошли мы въ лучшую гостинницу города, офицеръ отъ томозама явился къ намъ, съ повелѣніемъ немедленно предстать передъ надзирателей, на которыхъ возложенъ надзоръ за пріѣзжими иностранцами. Устали ль вы, или нѣтъ, весело-ли вамъ, или скучно, все равно—надобно повиноваться, идти и выдержать допросъ неумолимаго судилища. Мы нашли Японскихъ чиновниковъ засѣдающими въ сараѣ, довольно обширномъ, возвышенномъ надъ улицею, и окруженномъ открытою галлереею. Они занимали тутъ высокую подмостку, и исполняли отсюда обязанности своего званія съ удивительною важностью. Трое изъ нихъ занялись съ нами, и видъ каждаго изъ нихъ былъ такъ выразителенъ, что я рѣшился срисовать ихъ, пока они толковали съ моими товарищами. До сихъ поръ, я не встрѣчалъ еще съ такими истинно *Японскими* фигурами; въ ихъ губахъ, маленькихъ и сжатыхъ, въ ихъ глазахъ, неподвижныхъ и узкихъ, въ ихъ лбахъ съ выпуклостями, можно было однимъ разомъ видѣть хитрость и недовѣрчивость, соединенныя съ какою-то врожденною добротою. Послѣ многихъ рас-

просовъ каждому изъ насъ, прилежно разсмотрѣны были наши паспорты; намъ подали потомъ чаю и конфектовъ, и учтиво отослали насъ домой.

Пробираясь къ нашей гостинницѣ, мы уснѣли свернуть въ сторону и взглянуть на Осаккскую крѣпость, самую важную и лучшую въ Японіи, послѣ укрѣпленныхъ замковъ въ Міако и Іеддо. Пространство крѣпости будетъ около квадратной мили. Ровъ, наполненный водою, и двойная стѣна, составляютъ всю защиту. На внутреннемъ гласисѣ видно очень немного пушекъ, и небольшое число амбразуръ въ стѣнахъ показываетъ, что вообще число артиллерійскихъ орудій здѣсь незначительно. — Въ прогулкѣ нашей встрѣчались намъ только простолюдинки, довольно некрасивыя и неопрятныя, и невольно изумлялся я, что не вижу ни одной изъ знаменитыхъ красавицъ, которыми такъ славится Осакка, Милосъ Японскій, Черкасія восточной Азіи. Но при переходѣ черезъ мостъ, устроенный по одному изъ городскихъ каналовъ, счастье поблагопріятствовало намъ: красавица, изъ числа прелестницъ Осакка, сидя въ небольшой пѣлежкѣ, на двухъ колесахъ, везомая служанкою, катилась на встрѣчу намъ. Она была въ самомъ дѣлѣ прелестна и привлекательна; ея волосы, вбуклепные по сторонамъ головы, завязанные въ кольцо на верхушкѣ, были украшены разбросанными въ нихъ натуральными цвѣтами; шелковое платье ея, съ узорами, красиво обнимало ея колѣна; она сидѣла подогнувъ ноги, небрежно облокотясь, играя своимъ вѣеромъ, и кокетничая самымъ ловкимъ мане-

ромъ. Тѣлежка, въ которой везли ее, была щегольская и богатая, простая, маленькая одноколка, на двухъ тяжелыхъ колесахъ, мастерски украшенныхъ рѣзьбою; надъ нею возвышался навѣсъ, съ красивымъ верхомъ и шелковыми занавѣсками. Оглобли тѣлежки, сзади придѣланныя, соединялись на концѣ, и были убраны рѣзьбою. Вообще, колясочка эта могла почесться образцомъ изящества и роскоши, и красавица Японская мастерски нѣжилась въ ней, улыбаясь роскошно въ своемъ подвижномъ будуарѣ.

Мы заспали банжо нашихъ, въ гостинницѣ, въ большой тревогѣ о продолжительности нашего отсутствія. Желая успокоить ворчливость ихъ, пригласили мы почтенныхъ надзирателей нашихъ позавтракать вмѣстѣ чаемъ, съ пирожками изъ муки сарачинскаго пшена, бѣлыми и зелеными; эти пирожки чрезвычайно уважаются въ Осакка и Міако. Знаменитый Міако былъ отъ насъ всего въ 4-хъ льё, и мы хотѣли было нарушить строгое предписаніе о нашемъ маршрутѣ, данное правительствомъ, прося позволить намъ осмотрѣть славный религіозный городъ Японіи. Но дѣло оказалось неисполнимо. При невозможности личнаго обозрѣнія, надлежало ограничиться чужими разсказами.

Міако (что значитъ: *столица*), называемый также *Кьо* (пребываніе Государя), находится въ долинѣ, обставленной холмами. *Камо-Гава*, рукавъ рѣки *Іодо-Гава*, протекаетъ по его восточной части. Ни одинъ городъ въ Японіи не сравнит-

ся богатствомъ памятниковъ съ этимъ мѣстомъ пребыванія духовнаго властителя Японіи. Тутъ воздвигнутъ дворецъ его, обширное строеніе, окруженное со всѣхъ сторонъ стѣнами и рвами. По срединѣ его находится обширный четыреугольный дворъ, отъ котораго идутъ во всѣ направленія пятнадцать улицъ, обитаемыхъ знатнѣйшими чиновниками. *Кубо*, или *Сеугунъ*, политическій и гражданскій властитель Японіи, исполнительная власть въ государствѣ, также имѣетъ дворецъ въ Міако, построенный изъ тесанаго камня и окруженный двумя рвами, изъ коихъ одинъ сухой, а другой наполненъ водою. Но самый удивительный памятникъ въ Міако составляетъ храмъ *Фокози*, знаменитый въ цѣлой Азіи своимъ исполинскимъ истуканомъ *Дайбутса*, или «Великаго Будды,» прозваннымъ *Рузіана* (блистающій). Статуя эта, на образецъ Индійскихъ, представляетъ Будду сидящаго на цвѣткѣ лотоса. Прежде была она бронзовая, позолоченая, но землетрясеніе 1662 года разрушило ее, и въ 1667 году замѣнили ее деревянною статуею, обклеенною позолоченою бумагою. Вся вышина этой громады составляетъ 80 футовъ, изъ коихъ семдесятъ занимаетъ сама статуя, а десять цвѣтокъ лотоса. Внутренность храма, выстланная бѣлымъ мраморомъ, поддерживается 96-ю кедровыми столпами. Неподалеку отъ этого капища, въ ближнемъ строеніи, виситъ колоколъ, едва-ли не величайшій въ свѣтѣ: онъ въ 17-ть футовъ вышины, и вѣситъ 1,700,000 Японскихъ фунтовъ, что равняется почти 2,000,000

фунтовъ Голландскихъ. — Послѣ этого обширнаго храма, самый красивый есть храмъ *Квансона*. Тутъ находится его исполинская статуя, съ 36-ю руками; вокругъ нея разставлено шесть другихъ статуй, также огромнѣйшихъ, изображающихъ героевъ, и безсчетное количество мелкихъ боговъ, постепеннаго роста, такъ, что головы ихъ составляютъ наклоненную постепенно линію; потому можно ихъ всѣхъ обозрѣть однимъ взглядомъ, хотя, по словамъ Японцевъ, количество ихъ простирается до 333,333.

Міако считается не только духовнымъ городомъ въ Японіи, но, кромѣ того, онъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ и промышленныхъ городовъ въ Японіи. Это Римъ и Генуя, Бенаресъ и Калькутта Японіи. Здѣсь обрабатываютъ лучшую мѣдь, дѣлаютъ лучшій фарфоръ, ткутъ шелковыя издѣлія, бьютъ золото и серебро, и закаливаютъ сталь. Вся монета, обращающаяся въ Японіи, выходитъ изъ Міако. Здѣсь печатаются учебныя книги, и дворъ Даири есть академія, гдѣ дѣятельно поддерживаются литература, науки и художества. Здѣсь составляютъ также лѣтописи государства и оффиціальный календарь, предоставленный знаменитымъ ученымъ людямъ въ Міако, хотя печатается онъ въ области Изе, священной землѣ Японской, куда ходятъ Японцы на поклоненіе, и гдѣ построены главнѣйшіе Японскіе храмы. Въ Міако, какъ говорятъ, находится 500 храмовъ и до 600,000 жителей.

На другой день оставили мы Осакка, и перебрались опять на нашу Японскую жонку. Переѣздъ до Іеддо былъ скучный, но за то скорѣе, нежели я надѣялся. Стараясь развлечь скуку жизньи нашего на жонкѣ, мы обратились къ г-ну Блокфіусу. Это былъ драгоцѣнный оригиналъ, превосходный ученый по своей части, но сущее дитя во всемъ томъ, что не касалось предмета его занятій. Это былъ естествоиспытатель, какихъ видимъ весьма много. Онъ держался единственно подробностей; только раздѣлялъ породы, отличалъ малѣйшія разности, выводилъ классификаціи и номенклатуры, вѣрилъ только въ Линнея, слѣдовалъ только ему, искалъ только положительнаго и вещественнаго. Никто лучше его не могъ-бы составить травника, никто скорѣе и вѣрнѣе его не сказалъ-бы имени каждой былинки. Но послѣ этой терминологіи, послѣ этого мѣлочнаго разбора вещей, у него не должно было ничего болѣе спрашивать. Онъ старался все анализировать, и за то отвергалъ всякій синтезъ, нисходилъ до самыхъ послѣднихъ дробей науки, но не хотѣлъ восходить даже къ самымъ главнымъ ея выводамъ. Философическаго взгляда, мысли о сравненіи и критикѣ, свѣтлаго ума, объемлющаго общность — ничего этого у него не было, и все это переходило даже предѣлы его понятій. Но тѣмъ сильнѣе была его способность ученаго крохоборства, тѣмъ болѣе привязывался онъ къ сбору матеріяловъ, которые предоставлялъ другимъ соображать и приводить въ общность. Онъ имѣлъ свои большія достоин-

ства, и притомъ все забавное этихъ достопочтенныхъ. Нарочно спорили мы съ нимъ и заводили въ споры нашего добродушнаго ученаго, жарко защищая разныя схоластическіе тезисы, толкуя о пестикахъ и листочкахъ — предметѣ безконечнаго изслѣдованія его ученыхъ собратій. За то, когда могли мы застрѣлить какую нибудь изъ красивыхъ ушокъ, называемыхъ *Китайскими*, мы спѣшили порадовать подаркомъ ея нашего ушѣшителя.

Въ такихъ-то занятіяхъ, отъ нѣчего дѣлать, достигли мы Іеддскаго залива, 27-го Октября 1830 года. *Тонькъ*, рѣка, протекающая черезъ Іеддо, наноситъ въ устья ея столько ила, что онъ завалилъ уже гавань, и корабли принуждены теперь останавливаться въ далекомъ разстояніи отъ береговъ. Мы бросили якорь, отъ города почти въ пяти миляхъ, и намъ позволено было отправиться въ Іеддо сухимъ путемъ.

Едва прошелъ часъ послѣ нашего прибытія въ гавань, какъ лодка жонки нашей уже перевезла насъ въ одно значительное селеніе на берегу, гдѣ ждали насъ норимоны и носильщики. Невозможно составить себѣ полной идеи о богатствѣ и плодоносіи окрестной стороны. Не только самыя долины здѣсь обработаны, но даже холмы покрыты насажденіями до вершины ихъ. Система распредѣленія участками земли, кажется, подкрѣпляетъ и усиливаетъ обширную здѣшнюю дѣятельность земледѣльцевъ. Кромѣ взноса податей частью произведеній земли, земледѣлецъ Японскій освобожденъ отъ всякой другой повинности. Пѣшъ

здѣсь и общихъ земель (terrains communaux), всѣмъ принадлежащихъ и никому не приносящихъ пользы. Кто пренебрегаетъ тщательною обработкою земли, у того отнимаютъ его участокъ и отдаютъ другому. Луговъ здѣсь нѣтъ; все вспахано и засѣяно. Но всего болѣе отличаетъ Японское земледѣліе разнообразность и обиліе удобреній; ничто не пропадаетъ у Японцевъ, и то, что считается у насъ тягостью городовъ, здѣсь сберегаютъ, какъ самую величайшую драгоцѣнность.

Всего болѣе представлялись намъ поля съ сарачинскимъ пшеномъ, попомъ съ кукурузою, рожью, ячменемъ, пшеницею. И каждое поле, не смотря на обширность засѣва, было выполото, какъ будто какая нибудь гряда въ Европейскомъ огородѣ; съ трудомъ можете отыскать на здѣшней пашнѣ какую нибудь дикую траву. Сарачинское пшено сѣютъ здѣсь въ Апрѣлѣ, а собираютъ въ Ноябрѣ; въ этомъ мѣсяцѣ засѣваютъ пшеницу и ячмень, которые жнутъ въ Маѣ и Іюнѣ.

Подлѣ земледѣльческихъ полей, встрѣчали мы особенныя насажденія сахарныхъ тростей, хлопчатой бумаги и индиго. Въ иномъ мѣстѣ, при переходѣ черезъ холмы, нашъ почтенный товарищъ, г-нъ Блокфіусъ, указывалъ намъ, то на купу камфарныхъ деревъ, или Индійскаго лавра, то на отдѣльное деревцо *rhus vernix*, изъ котораго течетъ гуммь, почитаемая за главное основаніе чернаго лака, столь употребительнаго въ Китаѣ и Японіи. Далѣе, подлѣ сладкаго померанца, замѣчалъ онъ *citrus Japonica*, дикій родъ лимоновъ, особен-

но свойственный здѣшней странѣ. Въ садахъ по дорогѣ были новыя находки и открытія: груши, памильмусы, Какійскія смоквы, банапы, плоды жакъера и фрагарьера, кокосы, и множество другихъ, немепѣе вкусныхъ плодовъ, иные еще на деревахъ, другіе уже спятные, давали намъ настоящее понятіе о богатствѣ, какимъ обладаетъ Японія въ этомъ родѣ прозябеній. Немного странъ могутъ сравниться съ нею въ семъ отношеніи. Японцы извлекаютъ масло, для освѣщенія и пищи, изъ сезама, orbresin driandrios, сумаха, if-gingko, chore oriental, камфарника, laurier glauque, азедараха и кокоса. Прогуливаясь около живыхъ заборовъ по полямъ, мы наслаждались яркимъ цвѣтомъ и силою произрастанія ихъ. Заборы эти составляли переплетенные вмѣстѣ проелисшный померанецъ, гарденія, вибурнъ, негніючка, колючій долихъ, сприція. Ближе къ приморью росли кокосъ, вѣерная пальма, цика, кустовая недотрога.

Уже около двухъ часовъ продолжали мы путь свой, а ничто еще не возвѣщало намъ приближенія къ какому городу, въ которомъ живетъ до 1,400,000 народа. Не было видно куполовъ, башенъ, колоколенъ, шпицовъ, ни одного зданія, столь издалека означающихъ собою столицы Европы и Азіи — соборовъ, минаретовъ, пагодовъ, па, маяковъ, бельведеровъ, крѣпостей. Ничего, ничего рѣшительно не видѣли мы, кромѣ однообразныхъ вершинъ кедровъ и лимоновъ! Но только одно измѣняло и показывало намъ, что мы вблизи города обширнѣйшаго: это было безчисленное

множество народа, кипѣвшаго по дорогѣ, мужчинъ, женщинъ, дѣтей, стариковъ, ремесленниковъ, посадскихъ, солдатъ, бонзовъ, знатныхъ людей. Толпы были такъ многочисленны, что можно было подумать, будто все народонаселеніе городское вышло прогуливаться по прелестнымъ окрестностямъ. Дорога наша была превосходная, какъ вообще всѣ дороги въ Японіи, широкая, обсаженная по бокамъ кашпанами. Гдѣ-бы вы ни поѣхали по Японіи, всюду найдете такую дорогу, великолѣпно обдѣланную, даже въ самыхъ утесистыхъ скалахъ.

Отъ времени до времени, по высотамъ, въ сторонахъ, полузакрытые купами деревьевъ, выставлялись храмы, красивой и богатой постройки, съ аллеями кипарисовъ и листвяницъ, сходившими на дорогу. На перекресткахъ этихъ, обыкновенно, встрѣчали мы нищихъ, просящихъ милостыни у проѣзжающихъ и благочестивыхъ поклонниковъ. Съ самаго переѣзда нашего на берегъ, насъ одолѣвали нищіе, мужчины и женщины, монахи и всякаго званія люди. Иные цѣплялись за наши норимоны, и по цѣлымъ милямъ не отставали отъ насъ, даже и получивши подаяніе. Особенно безстыдны показались намъ какія-то три женщины, довольно опрятно одѣтыя, благопристойнаго вида и пріятной наружности; переводчикъ объяснилъ намъ, что это дочери горныхъ жрецовъ, *комано бикуни*, имѣющія особенное право просить милостыню, за ежегодную плату, которую взносятъ онѣ въ храмъ Изейскій. Потомъ, въ одномъ переходѣ между горъ, напала на насъ цѣлая толпа нищихъ. Впереди всѣхъ

была какая-то простолюдинка, въ лохмотьяхъ, съ корзиною и пустымъ горшкомъ, привязанными по бокамъ; грудное дитя было у нея на рукахъ, а другое дитя, калѣка, на коспыляхъ, тащилось впереди. Мать вопила о помощи, протягивая руку съ чашечкой. За этими несчастными шла семья немногимъ жалкая. Это было семейство, которое, за какое-то преступленіе, осудили скитаться по міру; старики, дѣти и женщины сидѣли въ большихъ плетушкахъ, поставленныхъ на спинѣ сильнаго вола. Здоровые мужчины изъ этого семейства шли пѣшкомъ, опираясь на палки; одинъ впереди читалъ на распѣвъ какіе-то стихи, или родъ пѣсни, и безпрестанно протягивалъ притомъ руку съ чашечкой.

По мѣрѣ приближенія нашего къ городу, толпы народа становились особенно тѣснѣе и любопытнѣе. Знатныя Японки приказывали своимъ норимонамъ останавливаться вдоль дороги, чтобы лучше разсматривать насъ, и казались очень недовольными, когда мы опускали шторы въ своихъ носилкахъ. Поставленные въ одну линію по дорогѣ, норимоны представляли намъ, какъ будто подвижную улицу, безпрерывно измѣнявшуюся въ глазахъ нашихъ.

Тамъ прибыли мы къ предмѣстіямъ *Синагава* и *Таканава*, составляющимъ собственно одну длинную улицу. За этими предмѣстьями начинается городъ, и его легко можно было опознать по большому числу карауленъ, безпрерывно встрѣчавшихся. Мостъ *Нипонбасъ*, служащій точкою для

измѣренія начала всѣхъ путевыхъ разстояній въ Японіи, и полуденною линіею здѣшнихъ астрономовъ, находится съ этой стороны, неподалеку отъ предмѣстія Таганава. Мы перешли его, и потомъ, послѣ получасовой ходьбы вдоль безконечной улицы, остановились у обыкновеннаго мѣста пребыванія Голландскихъ посольствъ. Это было довольно дрянное строеніе, состоявшее изъ трехъ небольшихъ комнатъ, худо меблированныхъ, съ рогожками, вмѣсто постелей, и съ низенькимъ диваномъ для сидѣнья.

Едва остановились мы здѣсь, явился переводчикъ, съ тѣхъ поръ невольный товарищъ всѣхъ нашихъ прогулокъ и посредникъ всѣхъ нашихъ разговоровъ, на все пребываніе наше въ Японіи. За нимъ слѣдовали четыре ученые Японца, два астронома и два лекаря, получившіе позволеніе видѣться и говорить съ нами. Долго было-бы пересказывать всѣ ребяческіе вопросы, какіе они намъ дѣлали, иногда спрашивая довольно ловко, по большею частью вовсе нелѣпо. Особенно докторъ нашъ едва успѣвалъ говорить при двойномъ допросѣ своихъ Японскихъ собратій; одинъ спрашивалъ его о леченіи ранъ, другой объ лихорадкѣ, тотъ о головной, этотъ о зубной боли. На все надобно было отвѣчать сообразно мѣрѣ познанія вопрошающихъ, и притомъ опредѣленно, ясно, подробно. Докторъ нашъ — надобно отдать ему въ этомъ справедливость — показалъ терпѣніе необыкновенное, и еще болѣе совѣсти при своемъ медицинскомъ допросѣ. Японскихъ врачей легко узнать

но ихъ головной уборкѣ; не сохраняя, подобно другимъ Японцамъ, волосовъ только на верхушкѣ головы, они, или отпускаютъ ихъ вполнѣ, или совершенно брѣютъ. Другіе ученые люди сообразаются съ общимъ обычаемъ, и оставляютъ только пучекъ сверху головы.

Первый выходъ нашъ на другой день былъ для обозрѣнія царскихъ дворцовъ, мѣстопребыванія *Кубо*, или *Сеогуна*, императора, или лучше сказать, *полководца Японскихъ войскъ*, въ буквальномъ переводѣ его шитула. Дворецъ этотъ находился въ удаленной отъ насъ части города, и потому отправились мы въ норимонахъ. Безконечное зданіе дворца образуетъ собою отдѣльный городъ, окруженный стѣнами и рвами, наполненными водою, черезъ которые наброшены мосты подъемные. Въ окружности будетъ оно около пяти миль. Кромѣ царскаго жилища, находится въ этой оградѣ дворецъ наслѣднаго принца, особенно огороженный стѣнами и укрѣпленіями. Цитадель, обширная, просторная, крѣпкая, заключаетъ въ себѣ множество улицъ, съ домами, гдѣ живутъ князья, вельможи и семейства областныхъ правителей, содержимые здѣсь вмѣсто аманатовъ, въ залогъ вѣрности. Караульни, съ 1000-ю человѣкъ солдатъ въ каждой, разставлены подлѣ каждыхъ воротъ дворцовыхъ.

Самый дворецъ Кубо раздвигается на высотахъ, въ огромномъ объемѣ, и превышаетъ всѣ другія строенія, хотя и воздвигнутъ онъ только въ одинъ этажъ. Надъ нимъ построена четыреуголь-

ная башня, украшенная великолѣпными кровлями. Такая башня считается въ Японіи знакомъ старшинства, и ее позволено всякому воздвигать тамъ, гдѣ онъ старше всѣхъ другихъ. По этому, въ Іеддо только сеугунъ имѣетъ право на башню владычества, но за то всякій помѣщикъ пользуется подобнымъ правомъ въ своемъ помѣстьѣ, и первенство вездѣ означается здѣсь подобными башнями.—Общность царскаго дворца, по внѣшнему виду, довольно красива и величественна. Но внутреннее убранство ни сколько несоотвѣтствуетъ красотѣ внѣшности. Почти единственную мебель дворца составляютъ широкія и длинныя рогожки, распятыя на полахъ комнатъ. По этой причинѣ, главная, или аудіэнцъ-зала, называется залою *сенъсіо-сики* (сша рогожъ); въ ней собираются, при торжественныхъ случаяхъ, вельможи, чиновники, князья, и иногда, при большихъ пріемахъ, бываетъ въ ней около тысячи человѣкъ.

Отсюда отправились мы обозрѣвать самый городъ. Іеддо безмѣренъ, занимая безконечное пространство по берегамъ рѣки, протекающей черезъ него многими рукавами. Эти естественные пути сообщеній, при множествѣ каналовъ, которыми перерѣзаны окрестности, дѣлаютъ легкимъ всякій перевозъ, и отъ того припасы здѣсь такъ дешевы, что можно прожить шестью копѣйками въ день, считая на наши деньги. Кромѣ осѣдлыхъ жителей здѣшнихъ, въ Іеддо всегда есть еще временное народонаселеніе Японцевъ, стекающихся

сюда тысячами изъ всѣхъ концовъ государства. Каждое семейство живетъ здѣсь въ отдѣльномъ домѣ, которые, большею частію, строятся въ два этажа. Передняя часть домовъ занимается лавками, или мастерскими, передъ которыми обыкновенно растягиваютъ родъ занавѣсокъ, чтобы прохожіе не заглядывали и не развлекали работниковъ. Раскладка товаровъ и вывѣски Японскія нехуже Китайскихъ.—Улицы и площади красивы и опрятны, такъ, что трудно даже представить себѣ возможность поддержанія подобной чистоты, когда съ утра до вечера движется по нимъ безчисленная толпа народа. Не смотря на званіе столицы, городъ управляется двумя томозамами, какъ Нангазаки, и у нихъ есть свои оттона, банжо и обыкновенный причетъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ.—Дѣлится Іеддо на кварталы; потомъ на улицы, изъ которыхъ почти каждая, окружаясь крытыми галлереями, обыкновенно бываетъ занята людьми одного ремесла. Такъ, на примѣръ, плотники живутъ въ одной улицѣ, портные въ другой, ювелиры въ третьей. Подобнымъ образомъ распредѣляются и торговцы; каждая вѣтвь торговли имѣетъ свое отдѣленіе домовъ, и даже каждый родъ припасовъ свой особенный рынокъ. Рыбный базаръ здѣшній чрезвычайно обширенъ, удивительно опрятенъ, и особенно хорошо снабженъ разными родами рыбы, рѣчной и морской, свѣжей и соленой.—Гостинницы находятся подлѣ тѣхъ домовъ, гдѣ нанимаютъ лошадей и норимоны съ носильщиками, соединяя такимъ образомъ двѣ про-

живописности для путешественника — пріѣздъ и отъѣздъ, жилище и отдыхъ.

Знатные и почетные особы живутъ въ особенной части города, имъ отдѣленной. Тутъ, на каждомъ домѣ, увидите вырѣзанный, раскрашенный, раззолоченый на фасадѣ гербъ хозяина. Японцы дорожатъ этимъ, неменѣе какихъ нибудь Англійскихъ Девоншировъ и Нортумберландовъ. И въ этой части, какъ въ другихъ отдѣленіяхъ Іеддо, находятся ворота на концахъ каждой улицы. Каждый вечеръ ворота эти запираются, и при нихъ ставится стража, такъ, что въ случаѣ бунта, или какого нибудь смятенія, выходъ бываетъ загороженъ, и виновники не избѣгаютъ немедленной поимки.

Полицейскіе уставы, введенные въ Іеддо и во всей Японіи, опредѣлительны въ своемъ значеніи, направлены къ общему благу, извѣстны каждому и уважены каждымъ. Впрочемъ, малѣйшее нарушеніе строго наказывается.—Улицы выпянуты по веревкѣ, и каждое новое построеніе должно сообразоваться съ назначенною линіею. Для домовъ опредѣлено два этажа, не болѣе; только крѣпости и замки пользуются правомъ построенія выше. Каждый обыватель обязанъ содержать въ чистотѣ, и на свой счетъ, каменный тротуаръ, находящійся передъ его домомъ. Все пространство города убито каменьями, или мѣлкимъ кремнемъ, такъ, что образуетъ крѣпкую мостовую. Внѣшность домовъ вообще мало украшается, ибо къ улицѣ всегда

помѣщаютъ у Японцевъ отдѣленіе служителей, а хозяева, большею частію, живутъ во внутренней части домовъ, гдѣ устроиваются позади дома обширные и прохладные сады. Домъ Японца всегда заперъ, и обыкновенно самыя окна закрываютъ снизу ставнями, или деревянными жалузями. Кромѣ того, всѣ домы строятся во дворахъ, и передъ ними бываетъ небольшая площадка, окруженная стѣною; площадка эта, отдѣляющая домъ отъ улицы, плотно убитая кремнемъ, служитъ для помѣщенія свиты знатныхъ людей, если они посѣщаютъ хозяина.

Въ Іеддо считается нѣсколько сотъ большихъ и красивыхъ зданій, извѣстныхъ въ Японіи подъ именемъ *тзіаіа*, или чайныхъ домовъ. Въ каждомъ городѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ есть свой тзіаіа, мѣсто роскоши, гдѣ собираютъ всѣ роды забавъ, самыхъ утонченныхъ и дорогихъ. Любимое наслажденіе Японцевъ проводить здѣсь вечера, въ обществѣ молодыхъ дѣвушекъ, называемыхъ *тесакье*. Тутъ-же находятся *гхееко*, или игральщицы на *самсье* (родъ гитары о трехъ струнахъ). Прелестныя, ловкія, нерѣдко хорошо воспитанныя, эти музыканши обольщаютъ своею музыкою и танцами привычныхъ посѣтителей чайнаго дома. За то подчиваютъ ихъ закусками и сакки. Тзіаіа такъ многочисленны въ Японіи, что въ Іеддо образуютъ они большія улицы; обыкновеніе посѣщать ихъ столь всеобще, что не только мужчины не дѣлаютъ изъ этого тайны, но даже иногда водятъ туда женъ своихъ, слушать концерты на

самсье. Японскія лѣтописи говорятъ, что учрежденіе такихъ домовъ относится къ царствованію сеугуна Іоритомо. Этотъ воинственный государь, всегда имѣя въ полѣ большія арміи, далъ особенныя привиллегіи тѣмъ, кто откроетъ подобные домы на дорогахъ, гдѣ проходятъ его солдаты; съ тѣхъ поръ начались они, и сперва сдѣлались пристанищемъ путешественниковъ, а потомъ, перенесенные въ города, стали мѣстами сходбищъ болѣе предосудительныхъ.

Познакомясь съ общею характеристикою Японской столицы, мы не знали, куда дѣвать намъ остальные часы дня. Переводчикъ пригласилъ насъ посмотрѣть на борьбу, которая въ этотъ день должна была привлечь къ себѣ множество народа. Два знаменитые атлета, нарочно пріѣхавшіе съ разныхъ концовъ Японіи, должны были помѣряться силами, и народъ тысячами собирался смотрѣть на нихъ. Мы охотно согласились, хотя г-нъ Блокфіусъ, уставши собирать и разсматривать камешки по улицамъ (о другомъ онъ не заботился), сердечно желалъ отправиться на квартиру, отдохнуть, и разобрать свои находки.

Мѣсто знаменитой битвы было назначено въ предмѣстіи Іеддо, на лѣвомъ берегу Тоньяка. Когда мы пришли къ дверямъ театра, человѣкъ, приставленный для сбора денегъ за входъ, сдѣлалъ намъ знакъ, одинакій во всѣхъ земляхъ и у всѣхъ народовъ; мы достали изъ кармановъ по нѣскольку *сени*, маленькихъ мѣдныхъ монетъ, и при посредствѣ ихъ, двери свободно отворились передъ нами.

Внутренность позорища была уже наполнена любопытными зрителями. Кругомъ арены, огороженной деревянной загородкою, на подмосткахъ, построенныхъ амфитеатромъ, тѣснилась толпа народа, пестро одѣтаго и шумнаго, вызывая соперниковъ на бой, возбуждая ихъ крикомъ и движеніями. Это походило на Римскій циркъ. Выше всѣхъ, въ какой-то клѣткѣ, походившей на бельведеръ, находились высшіе чиновники полиціи, бывшіе тутъ, какъ надзиратели за зрителями, и какъ герольды боя, на всякій случай.

По данному знаку, борцы выступили на арену. До-пояса были они совсѣмъ нагіе, а далѣе надѣты на нихъ были широкіе шаровары, подтянутые веревкою. На головахъ были у нихъ сѣтки, изъ которыхъ висѣли сзади длинныя ихъ косы. На широкихъ поясахъ находились мѣдныя бляхи, съ гербомъ Японіи. Другими бляхами украшались переда ногъ и ладони. Оба атлета казались одаренными удивительною крѣпостью тѣла. Въ коротких, квадратныхъ туловищахъ, толстыхъ членахъ, широкихъ плечахъ, жилистыхъ рукахъ, можно было замѣтить расположеніе къ силѣ необыкновенной. По всегдашнему обыкновенію подобныхъ битвъ, соперники щадили себя взаимно, старались болѣе показать свои крѣпкія формы и становиться въ красивыя положенія. Наконецъ, утомленные этою гимнастическою игрою, они напали жестоко одинъ на другаго, схватились, отчаянно боролись, пока одинъ не помѣрялъ плечами земли. Золотая монета, цѣна выигрыша, была отдана судьями побѣди-

шелю, но побѣжденный показалъ однакожъ себя такимъ снисходительнымъ противникомъ, что вѣроятно, и ему достался изъ этого выигрыша участокъ.

Съ полчаса занята насъ эта народная забава. По окончаніи ея, мы слѣдовали за толпою, оставившею позорище борьбы, и уже хотѣли поворотить на дорогу къ своему жилищу, когда одинъ изъ чиновниковъ, присутствовавшій на зрѣлищѣ съ своимъ семействомъ, прислалъ служителя къ нашему переводчику. Присылка эта была на счетъ нашъ, и состояла въ слѣдующемъ приглашеніи; «*Корпзуки-Дофа проситъ благородныхъ чужеземцевъ отдохнуть въ его домѣ, и раздѣлить съ нимъ чай.*» Переводя намъ такое приглашеніе, переводчикъ прибавилъ отъ себя, что Корпзуки-Дофа былъ одинъ изъ знатныхъ чиновниковъ государства, обладатель нѣсколькихъ обширныхъ домовъ, и правитель четырехъ областей.

Охотно согласились мы на вѣжливое приглашеніе столь почетнаго человѣка, и вскорѣ очутились передъ однимъ изъ его домовъ. Это было зданіе удивительное, болѣе щегольское, болѣе затѣйливое, болѣе красивое, нежели самый дворецъ царя Японіи. Черепицы, покрывавшія кровлю, были пальца въ два толщиною; по черному цвѣту, наглазурены были на нихъ изображенія, и по словамъ нашего переводчика, блескъ ихъ могъ сохраняться болѣе 50-ти лѣтъ. Комнаты были обиты кедровыми досками, издававшими пріятное

благоуханіе; балконы, каждый изъ одного куска, удивительно вырѣзаны; стѣны убраны барельэфами и изящными стилобатами; столбы, архитравы, подножія обиты позолоченою мѣдью, съ превосходною насѣчкою; простѣнки покрыты богатою живописью, гдѣ исторія Японская являла свои памятныя событія. Вотъ что нашли мы въ богатомъ, вельможескомъ домѣ Коризуки-Дофа, любимца нынѣшняго сеугуна Японскаго. Изъ комнатъ перешли мы въ садъ, обширную загородку, усаженную кедрами, кипарисами, соснами и яблонями. Ручей протекалъ по саду, и оживлялъ водою множество бассеиновъ, фонтановъ и водопадовъ. Подъемные мосты, бельведеры, поставленные на утесахъ, кіоски, подземные гроты, всѣ нечаянности, остроумно разсчитанныя, показывали стараніе, которое прилагалъ хозяинъ къ отдѣлкѣ этой части своего великолѣпнаго жилища.

Насладившись удивленіемъ, какое возбуждали въ насъ чудеса его богатаго дома, со всею изысканною вѣжливостью, хозяинъ пригласилъ насъ въ залу, гдѣ былъ приготовленъ чай. Драгоцѣнные конфекты, отличныя печенья занимали большое плато, поставленное на низенькихъ треножникахъ. Мы присѣли кругомъ этой великолѣпной мебели, на рогожкахъ, нарочно постланныхъ по полу. Послѣ угощенія, слѣдуя Японскому обычаю, Коризуки-Дофа спѣшилъ показать намъ свои фарфоровыя и желѣзныя чаши и вазы, съ незапамятныхъ временъ служившія въ семействѣ его для приготовленія и сохраненія чая. Первою изъ этихъ драгоцѣн-

ностей была фарфоровая ваза, цѣнимая обладателемъ ея неменѣе 200,000 франковъ. По его разсказу, она срабошана была на островѣ *Маори*, составлявшемъ часть древней Японіи, и, Богъ знаетъ когда, провалившемся въ море, при жестокомъ землетрясеніи. Отъ времени до времени, продолжалъ хозяинъ, ловцы погружаются въ глубину океана и выпаскиваютъ оттуда вазы, цѣнимыя въ безумную цѣну. Та, которую мы теперь разсматривали, надобно согласиться, была не очень красива, но именно это доказывало ея древность и умножало цѣну. Она походила на боченокъ съ узкимъ горломъ; масса, изъ которой была она сдѣлана, казалась удивительно нѣжною, и цвѣта бѣлозеленоватаго. Кажется, что здѣсь, дѣйствительно, цѣнится Японцами только уродливость и странность вещи, доказывающія древность ея. Кромѣ драгоцѣнной главной вазы, намъ показывали множество другихъ вещей фарфоровыхъ, чашекъ, ковшиковъ, воронокъ, и наконецъ котелъ и треножникъ желѣзные. Треножникъ, починенный во многихъ мѣстахъ, и, по мнѣнію всякаго Европейца, годный только въ ломъ, былъ оцѣненъ хозяиномъ его въ 10,000 франковъ, котелъ въ 20-ть тысячъ, другія подобныя вещи въ 3, 4, 5, 6000 за штуку. Подобныя собранія составляютъ драгоцѣнные фамильные памятники Японцевъ. Каждая вещь осторожно завернута бываетъ въ шелковую ткань, и хранится въ ящичкѣ изъ драгоцѣннаго дерева.

Время было уже воротиться намъ домой. Мы успѣли осмотрѣть всѣ уголки въ домѣ богатаго

Японца; подивились подвижной роскоши его перегородокъ, дѣлающей изъ такого жилища настоящій театръ, гдѣ декорація можетъ перемѣниться мгновенно, по волѣ хозяина; какъ любопытные знатоки, мы осмотрѣли тутъ всѣ мѣлкія лаковыя мебели, красиво и превосходно отдѣланныя; мы видѣли разрисованные и раззолоченые обои на стѣнахъ вельможескаго жилища, образцы древняго и лучшаго фарфора, въ чемъ даже Китай завидуетъ Японіи. И все это въ одинъ день, почти за одинъ взглядъ— присовокупивъ къ этому общій очеркъ столицы Японской, съ множествомъ подробностей, каковы: дворецъ великаго сеугуна, зрѣлище улицъ и отдѣленій города, физіогномія жителей, народный циркъ, площади, рынки, магазины, мастерскія, памятники, крѣпости, жилища высшихъ и низшихъ званій. Все это было уже намъ знакомо, какъ будто старожиламъ Японіи. Я говорилъ, что нашъ докторъ успѣлъ въ это время повидаться и поговорить съ туземными врачами, но чуть было не забылъ я сказать, что г-нъ Блокфіусъ успѣлъ потребовать и получить особенное позволеніе осматривать, сколько было ему угодно, придворные сады. Выходило по счету, что мы успѣли сдѣлать многое. Мнѣ оставалось только приводить собранныя уже мною понятія и впечатлѣнія въ систематическій порядокъ, помогая себѣ новыми, послѣдовательными изысканіями, и дополняя работою на досугѣ то, чего недоставало къ замѣчаніямъ быстрымъ и общимъ, размышленіемъ совершенствуя очевидность, а личнымъ обозрѣніемъ по-

вѣряя то, что могъ я еще почерпнуть изъ мѣстныхъ извѣстій. Такъ поступалъ я вездѣ въ путешествіи моемъ. Въ Іеддо тѣмъ легче было мнѣ все это, что переводчикъ нашъ былъ одинъ изъ отличнѣйшихъ ученыхъ Японцевъ. Многое просто писалъ я подъ его диктовку.

ГЛАВА XLIII.

ЯПОНІЯ. — СНОШЕНІЯ СЪ ЕВРОПОЮ, МИССІОНЕРЫ, ХРИСТІАНСТВО. — ПОСОЛЬСТВА ГОЛЛАНДЦЕВЪ. — РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

Я сказалъ уже о томъ, что Португальскіе мореплаватели, первые, пристали къ Японскимъ берегамъ, въ срединѣ XVI-го вѣка. Принятые съ удивительною терпимостью, во всѣхъ портахъ Японіи, немедленно принялись они за распространеніе Католицизма. Народъ былъ расположенъ принять новое духовное ученіе. Потому-ли, что приношенія знатныхъ влекли Японцевъ къ исповѣданію, столь утѣшительному въ скорбяхъ и страданіяхъ; потому-ли даже, что въ установленіяхъ прежней своей духовной іерархіи находили Японцы нѣкоторое сходство съ нововводимою религіею—власть духовную и власть гражданскую, пѣніе въ храмахъ, уединеніе, постъ и строгую жизнь въ обителяхъ; или наконецъ, примѣръ многихъ знатныхъ

увлекалъ тысячи людей, бывшихъ подъ ихъ зависимостью. Но только слѣдствіе въ томъ состояло, что въ концѣ XVI-го вѣка, обширныя области Японскія были подчинены владычеству Римской церкви, управлялись своими пресвитерами и священниками, имѣя множество христіанскихъ храмовъ, и при нихъ тысячи прихожанъ.

Въ 1549 году, знаменитый Католическій миссіонеръ, *Францискъ Ксаверій* прибылъ въ Японскую область Бунго, и вскорѣ правители области, *Арима* и *Омура*, потребовали у него крещенія. Когда достопамятный проповѣдникъ скончался, въ 1598 году, въ Японіи считалось *около полутора-милліона* христіанъ. Прежде еще этого времени, въ 1582 году, Японское посольство явилось въ Римѣ, и смиренно преклонялось передъ тропомъ папы Григорія XIII-го. Главными представителями Японіи были при семъ случаѣ *Маніо-Ито*, двоюродный братъ правителя Фирогаскаго, и *Михаилъ Цинга*, родственникъ знаменитыхъ Японцевъ Арима и Омура.

Но вскорѣ Японское правительство возымѣло подозрѣнія, смотря на чудесные успѣхи новаго исповѣданія. Внимательно начало оно разсматривать дѣйствія чужеземцевъ, которымъ позволило у себя столь довѣрчивое гостепріимство. Стали думать о томъ что было сдѣлано, о слѣдствіяхъ этого, о поведеніи новыхъ пришельцевъ въ различныхъ странахъ, гдѣ они появлялись. Неблагопріятные для Европейцевъ примѣры недовѣрчивости

слѣдовали одинъ за другимъ. Въ Міако удостовѣрились наконецъ, что Португальцы, властители столь многихъ земель, въ Гоа, Малакка, Макао, и въ Японіи стараются утвердить власть свою такъ, какъ вездѣ, гдѣ только они ни были, и что подъ ихъ видимыми дѣйствіями можетъ скрываться тайная политическая цѣль, опасная власти Японскаго правительства.

Все это привело мгновенно къ быстрому рѣшенію — уничтоженіе всякаго вліянія Европейцевъ было опредѣлено и утверждено. Въ 1589 году, послѣдовало повелѣніе Японскаго правительства, которымъ осуждался на смерть каждый христіанинъ, если онъ не откажется отъ своей вѣры. Исполненіе приказа произведено такъ грозно и строго, что уже въ слѣдующемъ году 20,000 человѣкъ приняли смерть мучениковъ. Не только не упадала ревность Японскихъ христіанъ при всѣхъ ужасахъ, но, казалось, приобрѣтала еще болѣе подкрѣпленій, становилась сильнѣе и дѣятельнѣе. Число новообращенныхъ въ 1591 и 1592 годахъ простиралось за 12,000. Даже самъ Кубо тогдашній, или сеугунъ, принялъ христіанскую вѣру, съ множествомъ своихъ воиновъ.

Въ 1597 году, при Дайфу-Зама, снова началось гоненіе, самое жесточайшее, изобрѣтательное на свирѣпости неслыханныя; сорокъ лѣтъ продолжалось оно, и во все это время погибло въ мученіяхъ, какъ говорятъ, около 50,000 человѣкъ. Въ иныхъ областяхъ, христіанъ жгли медленнымъ ог-

немъ; въ другихъ распинали на крестахъ; иногда умерщвляли ихъ тѣмъ, что лили на тѣло горячую воду, до послѣдняго издыханія, или прожигали мясо до костей горячимъ желѣзомъ; иногда сѣкли до крови, и потомъ выставляли спрадальцевъ на палящій зной, гдѣ терзали ихъ тысячи насѣкомыхъ; иногда запирали въ подземелья, наполненныя ядовитыми змѣями. Словомъ, если только вѣрить разсказамъ современниковъ, въ царствованіе Камбо-Зама свирѣпость безчеловѣчія дошла до такой степени, что словъ недоставало выразить ее, и слезъ плакать объ ней.

Столь страшная система жестокостей, безпрерывно и сряду поддержанная тремя властителями, въ теченіе сорока лѣтъ, едва могла однакожъ истребить въ Японіи христіанство—столь глубокіе корни пустило здѣсь усердіе благочестивыхъ проповѣдниковъ. Остальные послѣдователи Католицизма, оставшіеся вѣрными ему, гонимые во всѣхъ мѣстахъ Японіи, сбѣжались, въ числѣ 30,000, и затворились въ крѣпости Симабара. Здѣсь осадили ихъ войска Японскаго правительства. Заперные отвсюду, умирая голодомъ и жаждою, они не сдавались. Крѣпость взята была наконецъ штурмомъ, и всѣ осажденные, до единаго, были умерщвлены въ одинъ день. Когда наступилъ вечеръ, побѣдители (говоритъ современный историкъ) бродили въ крѣпости по лужамъ крови, уже непзсыхавшей.

Этимъ рѣшительно уничтожилось христіанство въ Японіи. Въ 1630-мъ году не было уже здѣсь *ни одного христіанина*. Кто не погибъ, тотъ отрек-

ся отъ вѣры. Гоненіе простерлось даже на всѣ предметы, принадлежавшіе христіанскому ученію, но и тѣмъ не ограничилось. Изгнаніе и вражда объявлены были народу, который ввелъ въ Японію христіанство. Ни одинъ корабль Португальскій не могъ послѣ сего остановиться въ гаваняхъ Японіи, и ни одинъ Португалецъ, подъ жестокою казнью, не могъ ступить на Японскую землю.

Въ это время явились здѣсь Голландцы, желая воспользоваться преслѣдованіемъ Португальцевъ. Увѣряютъ, будто они успѣли добиться милости только многократнымъ отреченіемъ отъ всякаго, даже малѣйшаго подозрѣнія въ христіанствѣ, рѣшительно отказываясь отъ религіознаго родства съ другими Европейцами, что такъ жестоко преслѣдовали повелители Японіи. Можно повѣрить, ибо чего не сдѣлаетъ жажда корысти! По крайней мѣрѣ, всякими пожертвованіями, Голландцы успѣли въ своемъ предпріятіи; имъ позволили сначала посѣщать Фирандо, потомъ ограничили ихъ на Дезима, но до сихъ поръ, только они и Китайцы раздѣляютъ монополію иностранной торговли въ Японіи. Первое посольство Голландское прибыло въ Японію въ 1611 году. Въ Іеддо застало оно Испанское посольство, великолѣпное и горделивое, которое своими неумѣстными требованіями, своею наглостью и притязаніями, вывело изъ терпѣнія Японцевъ, и было выслано изъ Японской столицы.

Въ 1637 году явилось новое посольство Голландское, начальникомъ котораго былъ *Вагнеръ*. По

страннному стеченію обстоятельствъ, этотъ посланникъ Голландскій прибылъ въ Іеддо какъ будто для того, чтобъ быть свидѣтелемъ страшнаго пожара, опустошившаго сей обширный городъ, при чемъ сгорѣлъ даже дворецъ кубо. — Посланникъ *Индейкъ* отправился въ Іеддо въ 1661 году, и представилъ въ подарокъ Японскому государю огромнаго казуара. «Возьми свою большую птицу назадъ,» говорили ему Японцы—«она вся не стоитъ того, что съѣдаетъ.»

Отъ посольства 1661 года, мы перейдемъ прямо къ Кемпферову, которое происходило въ 1690 году. Кемпферъ принадлежитъ къ людямъ, оказавшимъ великія заслуги географическимъ познаніямъ, особливо безцѣнныя въ то время, когда невѣжество и фанатизмъ обезображивали всѣ извѣстія, собираемыя Европейцами въ отдаленныхъ странахъ. Кемпферъ составилъ описаніе Японіи, неполное во многихъ отношеніяхъ, но до сихъ поръ самое подробное, вѣрное и опрятное изъ всѣхъ, какія только изданы объ Японскомъ архипелагѣ. Повѣствованіе Кемпфера о посольствѣ, при которомъ онъ находился, писанное имъ самимъ, имѣетъ всю прелесть, все добродушіе книги, составленной подъ живыми впечатлѣніями самовидца. Вотъ какъ разсказываетъ Кемпферъ объ аудіэнціи своей у сеугуна:

«Властитель Японіи скрывался отъ насъ въ такой темной загородкѣ, что мы съ трудомъ могли-бы замѣтить его присутствіе, если-бы разго-

воръ не измѣнилъ ему. Но и говорилъ онъ однакожъ такъ тихо, какъ будто хотѣлъ сохранить совершенное инкогнито. Княжны царскаго рода и придворныя дамы находились прямо противъ насъ, за непроницаемою рѣшеткою. Я замѣтилъ, что бумажныя трубки были вставлены въ рѣшетку, чтобы лучше можно было удовлетворять любопытству невидимыхъ зрительницъ. До тридцати трубокъ насчиталъ я, и это заставляетъ меня думать, что число дамъ, бывшихъ на аудіэнціи, простиралось до сего количества.

«Макино-Бинго, путеводитель посольства, сидѣлъ отдѣльно на возвышенной рогожкѣ, въ открытомъ мѣстѣ, направо отъ насъ, то есть, къ сторонѣ государя Японіи. Налѣво, въ другомъ отдѣленіи, сидѣли совѣтники перваго и втораго разряда. Галлерея за нами была наполнена главнѣйшими чиновниками Двора, и людьми, принадлежавшими къ дворцовой службѣ. Другую галлерею, которая вела въ отдѣленіе самого государя, заняли дѣти, жены Его Величества, и нѣсколько жрецовъ, закрывавшихъ свои лица. Таково было расположеніе театра, гдѣ намъ должно было разыгрывать наши забавныя роли.

«Первый толмачъ сѣлъ немного повыше насъ, чтобы лучше разслушивать вопросы и отвѣты, а мы взяли мѣста влѣво отъ него, всѣ рядкомъ, приблизившись съ поклонами и преклоненіями къ сторонѣ царской отгородки.

«Тогда Бинго сказалъ намъ отъ имени своего государя, что Его Величество охотно насъ ви-

дишъ. Толмачъ, передавшій намъ такое привѣтствіе, передалъ взаимно и отвѣтъ нашего Посланника; онъ состоялъ въ глубочайшей благодарности, за милость, какую изъявляетъ намъ Его Величество, позволяя свободную торговлю въ своихъ земляхъ. Толмачъ преклонялся въ землю при каждой рѣчи своей, и говорилъ такъ громко, что могъ быть слышимъ государемъ; но все, что выходило изъ устъ государя, передаваемо было тихонько Бпиго, какъ будто-бы слова монарха Японіи были слишкомъ драгоцѣнны, священны даже, такъ, что не могли быть прямо внимаемы нисшими чиновниками.

« Послѣ первыхъ привѣтствій, все, что слѣдовало за первоначальною церемоніею, могло показаться настоящею комедіею.

« Начали дѣлать намъ самые смѣшные вопросы, о лѣтахъ, объ имени каждаго изъ насъ. Все это заставили насъ записать на лоскуткѣ бумаги, который передали Японскому государю, сквозь его рѣшетку. Посланнику былъ сдѣланъ допросъ, въ одно время политическій и географическій, а мнѣ медицинскій.

« Когда это кончилось, государь Японіи, бывшій до тѣхъ поръ довольно далеко отъ насъ, приблизился къ правой сторонѣ нашей, и сѣлъ за своею загородкою такъ близко къ намъ, какъ только было возможно. Ему вздумалось составить себѣ изъ насъ увеселительное зрѣлище; поочередно заставляли насъ ходить, останавливаться, са-

диться, вставать, какъ будто дѣло шло объ осмотрѣ лошадей, которыхъ покупаютъ. Потомъ надлежало намъ, для угожденія Его Величеству, привѣтствовать другъ друга, прыгать, представлять пьяныхъ, говорить, какъ умѣли, по-Японски, читать по-Голландски, рисовать, надѣвать и скидать наши плащи. Послѣднимъ приказаніемъ заставили насъ пѣть и плясать. Я въ свою очередь— прибавляетъ Кемпферъ — плясалъ, какъ умѣлъ, и пѣлъ Нѣмецкую, сколько помнится мнѣ, любовную пѣсенку. Думаю, что Его Японское Величество полюбовался моимъ искусствомъ.»

Такимъ-то испытаніямъ подвергали терпѣніе бѣдныхъ Голландцевъ, составлявшихъ свиту Посланника, счастливаго тѣмъ, что его самого, по крайней мѣрѣ, не заставляли играть роли шута. На этотъ разъ велѣли только Посланнику скинуть и надѣть свой плащъ. Но когда, на слѣдующій годъ, этотъ-же Посланникъ явился въ Іеддо, шутливый монархъ Японіи, видно, помня еще прошлогоднія гимнастическія забавы, потребовалъ, чтобы не теряя времени, и даже не отдохнувши, Голландцы явились забавлять его. Они явились и принуждены были снимать свои плащи, стоять, вертѣться, пѣть, плясать, притворяться спорящими, привѣтствовать одинъ другаго. Все это чрезвычайно забавляло повелителя Японіи. Онъ хотѣлъ еще сверхъ того, чтобы ему представили, какъ приглашаютъ въ Голландіи обѣдать, какъ отецъ говоритъ съ сыномъ, мужъ съ женою. Для разнообразія комедіи, вывели къ Голландцамъ пѣ-

сколько дѣтей, которыхъ они должны были пяшчить, носить на плечахъ, скакать, держать на рукахъ; заставили ихъ снимать и надѣвать свои парики, стряхивать съ нихъ пудру, разстегивать и снова застегивать пряжки. Бѣдные Голландцы все исполняли, зная, что ихъ вовсе не думаютъ этимъ унижать и смѣяться надъ ними. Самый знаменѣйшій изъ Японскихъ вельможъ почелъ-бы себя счастливцемъ, находясь на ихъ мѣстѣ, если-бы только великому сеугуну угодно было найдти его способнымъ для развлеченія высокой скуки своей въ праздные часы.

Въ оплату за угодливость добрыхъ гостей, повелитель Японіи приказалъ попотчивать иностранцевъ удивительнымъ пиромъ, на Японскій манеръ. Передъ каждымъ изъ гостей поставленъ былъ маленькій столикъ, съ различными блюдами, и съ маленькими костяными палочками, замѣнявшими ложки и вилки. Передъ каждымъ было еще положено по два маленькіе хлѣбца, по куску бѣлаго сахара, витушкою сдѣланнаго, по пяти *кайноки* (родъ миндалю), по девяти ломтиковъ пирожковъ различныхъ сортовъ, одни изъ муки съ медомъ, другіе бобовые, сарачинскаго пшена, иные продолговатые, другіе квадратные, и нѣкоторые наконецъ съ гербомъ даири. Послѣднимъ кушаньемъ явилось огромное блюдо, съ гороховою мукою и сахаромъ. Но все это составило только первую перемѣну блюдъ. На второй были вареная рыба, съ превосходнымъ соусомъ; устрицы, съ уксусомъ, въ своихъ раковинахъ; гусятина, разрѣзанная въ тоненькіе

ломтики, рыба жареная, яицы печеныя. Питье состояло единственно изъ превосходнаго сакки.

Послѣ посольства, при которомъ находился Кемпферъ, до того, которое описалъ Тунбергъ, не произошло ничего достойнаго памяти. Самый Тунбергъ, одинъ изъ обстоятельныхъ наблюдателей Японіи, говоритъ весьма немногое о своемъ пребываніи въ Іеддо и событіяхъ при дворѣ Японскаго властителя. Болѣе занятой медициною и естествознаніемъ, нежели этикетомъ и дипломатіею, Тунбергъ даже не старался пробиться въ залу аудіэнціи, куда ввели одного посланника Фейта. Дверь закрывалась ковромъ. Зала составлена была изъ трехъ частей, одна выше другой ступенью, образуя въ совокупности около 45-ти футовъ пространства.

Властитель Японіи находился въ глубинѣ залы, имѣя по правую руку своего наслѣдника. Послѣ исполненія предписаннаго привѣтствія, Посланникъ остановился на противоположной сторонѣ. Налѣво тянулась безконечная комната, безъ сомнѣнія, та самая, которую называютъ Японцы *Сенъ-сіо-сики* (отдѣленіе ста рогожекъ); въ ней находились знатные сановники государства, *ками*, или государственные чиновники, и всѣ были рядомъ, поставленные по ихъ званію и чину. Аудіэнція не была продолжительна. Едва только вошелъ посланникъ, три Японскіе офицера возвѣстили объ немъ, восклицаніями: «*Голланда капитана!*» Эти слова, взятыя изъ испорченнаго Португальскаго нарѣчія, вѣроятно, означали: «Вотъ Голланд-

скій чиновникъ! » По этимъ словамъ, Посланникъ принужденъ былъ стать на колѣни, протягивая правую руку въ рогожкѣ, и преклоняясь лбомъ въ землю. Послѣ того долженъ онъ былъ выйдти, такъ, какъ пришелъ, не произнеся ни одного слова.

Таковы подробности, переданныя намъ Кемпферомъ и Тунбергомъ, о дипломатическихъ сношеніяхъ между Голландцами и Японскимъ Дворомъ. Безъ сомнѣнія, другія посольства немного отступали отъ установленнаго порядка, и исторія одного посольства достаточна для поясненія всѣхъ остальныхъ.

Сношенія Японцевъ съ Россіею представляютъ напротивъ нѣчто новое и не всѣмъ извѣстное. Около 1804 года, въ первый разъ, оффиціяльное посольство Русское явилось отъ имени Россійскаго Императора въ Японіи. Оно было на кораблѣ *Надежда*, которымъ начальствовалъ знаменитый Крузенштернъ. Посланникомъ былъ каммергеръ Рязановъ. Мы не упоминаемъ объ экспедиціи Русскаго чиновника Лаксмана, который посланъ былъ отвезти нѣсколько Японцевъ, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе близъ Камчатки, и безуспѣшно старался притомъ завесть переговоры и торговлю съ Японіею.

Русское посольство вступило въ Нангазакскую гавань, и немедленно наложено было на Русскій корабль строгое запрещеніе, такъ, что ни одинъ изъ офицеровъ, ни даже самый Посланникъ не могли сойдти на землю. Только послѣ многихъ сно-

ровъ, позволено было наконецъ Рязанову, который былъ тогда боленъ, переправиться съ свитою своею на маленькій островокъ Мегазаки, укрѣпленное мѣсто, недалеко отъ Голландской факторіи на Дезима.

Въ день, назначенный для этой переправы, князь Физенъ, правитель области, послалъ свою собственную шлюпку для Русскаго посланника. Это была лодка, въ 120 футовъ длиною, раздѣленная на три части тремя перегородками. Въ срединѣ находилось главное отдѣленіе, расположенное на маленькія комнаты ширмами, изъ шелковыхъ, лиловаго цвѣта тканей, съ гербами князя Физена. Стѣны, покрытыя лакомъ, представляли такіе-же гербы, изъ золотой мозаики. Покрышка шлюпки, изъ превосходной ткани, лаковый полъ, устланный рогожками, дополняли убранство, и особенно той комнатки, гдѣ помѣстились Посланникъ и его главные чиновники. Когда великолѣпная эта шлюпка отвалила отъ корабля, и пушечными выстрѣлами съ береговъ поздравляли отвалъ ея, зрѣлище было прекрасно.

По прибытіи на берегъ, Посланникъ занялъ назначенный ему домъ. Домъ этотъ, на половину ружейнаго выстрѣла отъ берега, былъ деревянный, состоялъ изъ девяти небольшихъ комнатъ, очень плохо меблированныхъ. Снаружи походилъ онъ на деревянный сарай, выстроенный кое-какъ, безъ всякой стройности. Небольшой навѣсъ прикрывалъ отъ непогоды двухъ часовыхъ, охранявшихъ входъ къ Посланнику. Полъ во внутреннихъ

покояхъ былъ покрытъ новыми рогожками, но вся мебель заключалась въ широкихъ мѣдныхъ жаровняхъ, служившихъ вмѣсто печей. Въ окна вставлены были плохія рамы, заклеенныя бумажными листками, даже непромазанными масломъ.

Здѣсь-то помѣстили Русское посольство, огородивъ жилище его палисадомъ, который продолжался до самаго моря, такъ, что лодки подплывали къ берегу между двумя рядами бамбуковой загородки. Ворота, съ двойнымъ замкомъ, замыкали входъ съ моря, и не льзя было ни войдти, ни выйдти безъ позволенія банжо, у которыхъ находились ключи отъ замка воротъ.

Запертой въ столь неудобномъ жилищѣ, подъ нестерпимымъ надзоромъ, Русскій Посланникъ принужденъ былъ пять мѣсяцевъ ждать отвѣта на вопросы, посланные касательно его въ Іеддо. Наконецъ, послѣ пяти мѣсяцевъ ожиданія, прибылъ въ Нангазаки одинъ изъ знатнѣйшихъ Японскихъ чиновниковъ, съ оффиціяльнымъ полномочіемъ, принять Русскаго посланника на аудіэнціи, и говорить съ нимъ о томъ, зачѣмъ прибылъ онъ въ Японію.

Апрѣля 4-го, Посланникъ, по назначенію Японскихъ чиновниковъ, отправился изъ Мегазаки, опять въ великолѣпной шлюпкѣ князя Физена, и присталъ къ берегу въ настоящемъ Нангазаки, гдѣ ожидалъ его великолѣпный поримонъ. Долго спорили предварительно объ этикетѣ, пока условились въ немъ кое-какъ. Рѣшительно отказавшись

отъ всякаго противнаго Европейскимъ обычаямъ привѣтствія, Русскій Посланникъ принужденъ былъ однакожъ согласиться снять съ себя башмаки и отдать шпагу, при входѣ въ залу аудіэнціи.

По всѣмъ улицамъ города, гдѣ вели Русскихъ, домы были закрыты коврами, съ гербами Японскими, и такъ при томъ, что невозможно было видѣть ни домовъ, ни жителей. Изрѣдка только высматривались кое-гдѣ головы изъ-за торжественной закрышки улицъ.

Вотъ какъ составлялось шествіе посольства: впереди выступали сорокъ человѣкъ Японцевъ, различныхъ званій, и между ними много банжо, сопровождаемыхъ своими служителями. Потомъ шли Японскіе солдаты, безъ ружей, вооруженные только палками. За тѣмъ являлся паримонъ Посланника, несомый восьмью человѣками, и за нимъ шелъ Русскій знаменоносецъ; потомъ чиновники посольства, толпа гражданскихъ Японскихъ чиновниковъ, банжо и толмачей; наконецъ, въ заключеніе, человѣкъ двадцать Японскихъ солдатъ, въ предшествіи офицера верхомъ, и за ними толпа нисшихъ Японскихъ офицеровъ и слугъ ихъ.

Скинувъ съ ногъ башмаки свои, Посланникъ, съ своею свитою, пошелъ по длинному переходу, въ комнату, стѣны которой были убраны красивыми ландшафтами. По срединѣ комнаты находилось все потребное для куренья табаку — трубки, коробка съ табакомъ, зажженная жаровня, и даже плевальница. Началось куренье, а потомъ гостей попотчивали чаемъ. Послѣ получасоваго

отдыха, Посланникъ вступилъ въ залу аудіэнціи, только съ двумя старшими чиновниками. Полномочный министръ Іеддскаго Двора сидѣлъ уже на рогожкѣ среди этой обширной почетной залы. Разговоръ начался съ его стороны множествомъ вопросовъ, весьма грубыхъ. Подробныя объясненія о дѣлѣ отложены были до второй аудіэнціи, которая совершилась на другой день. При этомъ вторичномъ свиданіи, уполномоченный Японскій передалъ Русскому Посланнику, изъ своихъ рукъ, съ приличнымъ обрядомъ, весьма любопытную бумагу, образчикъ ловкаго ухищренія и дипломатической логики Японцевъ, который, впрочемъ, сдѣлалъ-бы честь и нашей Европейской дипломаціи, столь опытной въ дѣлахъ подобнаго рода. Вотъ «содержаніе» ноты Японскаго Двора:

«Въ прежнія времена, корабли всѣхъ народовъ свободно приходили въ Японію, и сами Японцы имѣли позволеніе посѣщать чуждыя земли. Но уже болѣе ста пятидесяти лѣтъ тому, какъ предокъ Японскаго властителя повелѣлъ не позволять подданнымъ выходить за предѣлы государства, а въ государство позволять пріѣздъ только Китайцамъ, Голландцамъ, Корейцамъ и жителямъ острова Риккіна. Въ послѣдствіи, торговля съ двумя послѣдними изъ означенныхъ народовъ была прекращена, и сношенія торговыя остались только съ Китайцами и Голландцами. Многіе народы, въ различныя времена, старались установить связи дружбы и торговли съ Японіею, но были отвергаемы, въ силу запрещенія, издревле сдѣланнаго, и по-

тому, что опасно установить дружескія сношенія съ неизвѣстнымъ государствомъ, когда такія сношенія не утверждаются на основаніяхъ равенства. Дѣйствительно, дружба подобна цѣпи, которая, для достиженія къ цѣли особенной, должна составляться изъ опредѣленнаго числа колецъ. Если одна только часть цѣпи крѣпка, а все остальное слабо, то вскорѣ увидимъ слабѣйшія кольца расторгнутыми. Слѣдовательно, цѣпь дружбы будетъ всегда невыгодна слабѣйшимъ частямъ. Тринадцать лѣтъ тому, Русскій корабль, подъ начальствомъ лейтенанта Лаксмана, приставалъ къ берегамъ Японскимъ. Теперь другой корабль прибылъ въ Японію, съ Посланникомъ великаго повелителя Россіи. Первый былъ встрѣченъ съ нѣкоторою недовѣрчивостью, но второй дружески. Властитель Японіи охотно исполнилъ то, что было ему возможно, и что согласно съ законами его государства. Ему пріятно видѣть прибытіе втораго Русскаго корабля, какъ доказательство высокой дружбы, которую чувствуетъ къ нему повелитель Россіи. Великій государь Русскій прислалъ къ нему Посланника и много драгоцѣнныхъ подарковъ. Если принять то и другое, то повелитель Японіи долженъ, по обычаямъ своей земли, отправить отъ себя посольство къ Русскому государю, съ подарками одинаковой цѣнности. Но закономъ утверждено, чтобы ни одинъ корабль и ни одинъ человѣкъ не выходили изъ Японіи. Съ другой стороны, Японія такъ бѣдна, что не можетъ представить ничего столь драгоцѣннаго, чтобы

равнялось съ подарками Русскаго Государя. Посему, повелитель Японіи рѣшительно не можетъ, ни принять Русскаго посланника, ни взять отъ него подарковъ. Потребности Японіи невелики, и произведенія иностранныя для нея мало нужны. Если небольшаго количества предметовъ истинно-полезныхъ недостаетъ въ Японскомъ государствѣ, и если привычка сдѣлала для Японіи необходимыми нѣкоторыя потребности, торговля съ Голландцами и Китайцами достаточно доставляетъ все это, а дальнѣйшая роскошь не есть такое дѣло, которому должно покровительствовать. Весьма трудно было-бы установить здѣсь обширную торговлю, ибо законъ строго воспрещаетъ всякое сообщеніе между Японскимъ народомъ и иностранными мореходцами. »

Эта объяснительная нота составляла все, чѣмъ властитель Японіи отвѣтствовалъ на предложенія Русскихъ. Сколько ни старался Рязановъ, онъ ничего не могъ услышать отъ уполномоченнаго Японскаго, чтобы удалялось отъ буквальнаго смысла объяснительной ноты. Надобно было отправляться обратно, и въ Апрѣлѣ 1805 года, Рязановъ оставилъ Японію, весьма недовольный Японцами, и Голландцами, которыхъ, безъ сомнѣнія, должно было почитать главною причиною неудачи.

Корабль *Надежда,* оставивъ Нангазаки, посѣтилъ Русскія селенія въ Америкѣ. Рязановъ возвратился потомъ въ Россію черезъ Сибирь. Но онъ не доѣхалъ до Петербурга, и умеръ на пути, въ маленькомъ Сибирскомъ городкѣ, Красноярскѣ. Че-

резъ нѣсколько времени потомъ, двое Русскихъ морскихъ офицеровъ, Хвостовъ и Давыдовъ, на двухъ небольшихъ судахъ, обозрѣвали Курильскій архипелагъ, который длинною цѣпью простирается отъ Камчатки до самой Японіи. Мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о подробностяхъ этой экспедиціи. Знаемъ только, что Хвостовъ и Давыдовъ нашли Японскія селенія на островахъ, считавшихся подвластными Россіи. Дѣйствуя вооруженною рукою, съ горстью людей, они разорили эти селенія, откуда бѣжали Японцы, послѣ нѣкотораго сопротивленія. По возвращеніи Хвостова и Давыдова въ Россію, все дѣло это казалось забытымъ, когда мщеніе Японцевъ возобновило его самымъ непріятнымъ образомъ.

Въ Апрѣлѣ 1811 года, то есть, лѣтъ шесть спустя послѣ отбытія Рязанова изъ Нангазаки, Русскій капитанъ Головнинъ былъ отправленъ для обозрѣнія Курильскихъ острововъ и береговъ Монголіи. Онъ начальствовалъ шлюпомъ *Діаною*, и исполнивъ предписанія Правительства, зашелъ въ селенія Японцевъ на Курильскихъ островахъ. Здѣсь увидѣлъ онъ непріязненное расположеніе мѣстнаго Японскаго начальства, хотѣлъ объясниться съ правителемъ селеній, и въ доказательство мирнаго расположенія, самъ отправился для переговоровъ. Нарушая всѣ народныя права, Головнина захватили, и какъ плѣнника, отправили на островъ Матмай. Корабль принужденъ былъ отплыть въ обратный путь безъ своего начальника, хотя оставшійся на кораблѣ лейтенантъ Рикордъ сильно спорилъ съ

Японцами объ ихъ насильственномъ поступкѣ, и даже принимался стрѣлять изъ пушекъ. Впрочемъ, насильственныя мѣры были-бы здѣсь безполезны, потому, что Головнинъ и его товарищи уже находились въ это время на многолюдномъ Матмаѣ, куда невозможно было появиться съ небольшимъ кораблемъ. Но благородный Рикордъ, оставляя враждебную землю Японскую, поклялся, что возвратитъ свободу своему капитану. И дѣйствительно, послѣ этого, казалось, онъ существовалъ только для исполненія своего великодушнаго намѣренія.

Въ Августѣ слѣдующаго года, Діана, подъ начальствомъ Рикорда, снова явилась близъ Японскихъ селеній, съ большими силами, и съ полномочіемъ вести переговоры. Планъ освобожденія Головнина состоялъ однакожъ не въ томъ, чтобы принудить Японцевъ къ согласію вооруженною рукою. Рикордъ старательно искалъ случая освободить своего товарища, и послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ отдыхѣ и переговорахъ, встрѣтился такой случай. Видя непреклонное упорство Японскаго начальства, онъ захватилъ Японскій корабль, съ шестьюдесятью человѣками экипажа. Капитанъ этого корабля, по имени *Каши*, и нѣсколько Японцевъ, увезенныхъ Рикордомъ въ Камчатку, должны были оставаться заложниками въ безопасности Головнина.

Только при вторичномъ путешествіи Рикорда, и послѣ новыхъ продолжительныхъ переговоровъ, устроилось наконецъ дѣло. Діана появилась въ

1813 году уже подлѣ острова Матмая. Переговоры начались съ тамошнимъ правителемъ, при посредствѣ Каши. Въ Іеддо безпрестанно отправлялись курьеры и нарочные. Рикордъ говорилъ столь сильно и упорно, что изъ столицы Японской прислано было наконецъ повелѣніе отпустить Русскихъ плѣнныхъ. Октября 6-го 1814 года, послѣ двухъ съ половиною лѣтъ томленія въ неволѣ, капитану Головнину возвратили свободу, и этимъ единственно обязанъ онъ былъ дружбѣ своего благороднаго лейтенанта Рикорда. Немало также споспѣшествовало успѣху великодушіе честнаго Каши, Японца, взятаго въ плѣнъ Рикордомъ; поведеніе его во все время переговоровъ было превосходно.

Но, между тѣмъ, хотя благосклонный пріемъ и обѣщанія дружбы послѣдовали за освобожденіемъ Головнина, хотя Рускихъ пріятельски принялъ послѣ того правитель Матмая, и не принуждалъ даже на аудіэнціи снимать обуви—уступка неслыханная и величайшая! — все таки однакожъ, Рускіе ничего не пріобрѣли отъ своихъ сношеній съ Японцами. Земля Японская была снова затворена имъ, и романическое приключеніе Головнина осталось случайнымъ событіемъ въ исторіи Россіи и Японіи.

Только Голландцы изъ всѣхъ Европейцевъ остаются донынѣ единственными обладателями торговой монополіи съ Японцами. Только имъ одним одолжены мы, въ слѣдствіе сего, и всѣми географическими новѣйшими свѣдѣніями объ Японіи. Сочиненіе Головнина, смотрѣвшаго на Японію сквозь

рѣшетки Хакодадской темницы своей на Матмаѣ, составлено изъ слуховъ и разсказовъ, повѣренныхъ по возвращеніи въ Россію съ прежними описаніями Японіи. Лучшее изъ всѣхъ новѣйшихъ извѣстій доставлено въ Европу Голландцемъ Тицзингомъ, долгое время бывшимъ въ должности правителя Нангазакской факторіи Голландцевъ. Многаго еще можно теперь ожидать отъ сочиненія Зибольда, который долго жилъ въ Нангазаки, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Іеддо, и по возвращеніи въ Европу соединился съ ученымъ Клапротомъ, для передачи любопытству публики результатовъ своихъ продолжительныхъ и обстоятельныхъ изслѣдованій.

ГЛАВА XLIV.

ЯПОНІЯ. ОБЩІЙ ВЫВОДЪ. ГЕОГРАФІЯ, ИСТОРІЯ: НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ, ПРАВЛЕНІЕ, ЗАКОНЫ, НРАВЫ, ОБЫЧАИ, ХАРАКТЕРЪ, ЗНАНІЯ, ИСКУСТВА, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТОРГОВЛЯ, РЕЛИГІЯ.

Японія, находясь между 29° и 41° шир. сѣверной, и 127° и 141° долготы южной (отъ Парижскаго меридіана), состоитъ изъ архипелага, главные острова котораго суть: *Нифонъ*, *Кьузьу* и *Сикокфъ*. Можно почитать отдѣльною областію *Матмай*, островъ, находящійся на сѣверъ отъ Нифона, прилежащій къ Курильскимъ островамъ, хотя собственно этотъ островъ включается въ область *Мутсъ*, или *О-Сьу*, на Тозандо. Японское государство дѣлится на десять *до*, или отдѣленій, весьма неравныхъ пространствомъ и народонаселеніемъ. За исключеніемъ двухъ изъ нихъ, состоящихъ изъ небольшихъ острововъ *Ики* и *Тзу-Сима*, восемь остальныхъ подраздѣляются на множество *кокфъ*, или частей, которыя опять дѣлятся на

уѣзды, или *кори.—Гокинай,* первое отдѣленіе, состоящъ изъ пяти частей, образующихъ собственность даири, шакъ, какъ *гокозіо* есть собственность сеугуна. Обширный островъ Нифонъ заключаетъ въ себѣ: *Гокинай, Токайдо, Тозандо, Фокурокудо, Саниндо, Саніодо, Нанкайдо.* Островъ *Ики,* островъ *Тзу-Сима,* и область *Матмай,* съ подраздѣленіями *земли Іеззо,* южными *Курильскими* островами, и островомъ *Такакай,* дополняющъ означенную здѣсь географическую номенклатуру, самую новѣйшую и самую исправную, какая только намъ извѣстна. Поставленная такимъ образомъ между Океаномъ и Японскимъ моремъ, *Японская земля* отдѣляется на западъ, отъ Кореи, проливомъ *Тзу-Сима,* а на сѣверъ, отъ Іеззо, проливомъ *Тзу-Гаръ,* или *Сангарскимъ,* какъ называютъ его Европейцы.

Названіе: *Японъ, Жапонъ, Жапанъ,* какъ произносятъ различно Европейцы, или *Нифонъ,* какъ произносятъ туземцы, первоначально происходитъ отъ Китайскаго слова: *Джифонъ,* значащаго: *рожденіе солнца.* Славный Маркъ-Павелъ называетъ Японское государство *Зипангу* (а не *Зипангри,* какъ находимъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ его книги); это Китайское названіе: *Жи-пенъ-куе* (царство происхожденія солнца). Однимъ изъ древнѣйшихъ именъ Японіи было *Уо,* или *Іамато,* по-Китайски *Го,* и оно гораздо древнѣе названія Япона. Основатель Японской монархіи, по преданію туземцевъ, именовалъ большой островъ *Аки-тзу-тзима* (ос-

провъ спрекозы), будто-бы потому, что онъ походитъ видомъ на это насѣкомое.

Три главные острова Японскаго архипелага, и особливо *Нифонъ*, вообще покрыты высокими волканическими горами. По длинѣ Нифона, на 300 льё отъ С. В. къ Ю. З., проходитъ цѣпь горъ, которыхъ вершины почти всѣ одинаковой вышины, и пересѣкаются только отъ одного мѣста до другаго пиками, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ. Эта цѣпь горъ дѣлитъ рѣки, текущія въ Океанъ, на востокъ и югъ, отъ текущихъ на сѣверъ, въ Японское море. Но высочайшая изъ горъ Японскихъ не принадлежитъ однакожъ къ сей цѣпи: это *Фузино-Іама*, безмѣрная пирамида, увѣнчанная снѣгами и ледниками, которые прошибаются самому палящему зною Японскаго лѣта. Гора эта находится въ области *Суру-Іа*, на предѣлахъ области *Кай*. На вершинѣ ея жерло волкана, главнѣйшаго и самаго дѣятельнаго изъ всѣхъ огнедышущихъ горъ Японскихъ.

Составленная единственно изъ острововъ, Японія не можетъ имѣть длинныхъ и широкихъ рѣкъ. Важнѣйшія находятся на Нифонѣ, въ западной части этого острова, гдѣ плоскость обширнѣе другихъ. Здѣсь текутъ: *Іодо-Гава*, выходящая изъ внутренняго озера *Биба-но-митзу-Уми*, и впадающая въ заливъ Осаккскій; *Кизо-Гава*, *Тенріо-Гава* (рѣка небеснаго дракона), впадающая въ море тремя устьями; *Камакафи*, раздѣленная до самаго истока на два рукава, отдѣльно текущіе; *Ара-Гава*, одинъ рукавъ которой протекаетъ черезъ

Іеддо, подъ славнымъ Нифонбасомъ; *Уками-Гава*, *Фигами-Гава*, *Казаба-Гава*, и *Могами*, главная изъ рѣкъ области *Дева*, соединеніе множества источниковъ, нисходящихъ съ снѣжныхъ горъ *Мутскихъ*.

Изъ всѣхъ озеръ въ Японіи, самое значительное и самое глубокое *Бива-но-митзу-Уми*, о которомъ упомянуто выше. Его изображаютъ на Европейскихъ картахъ подъ именемъ озера *Oitz*. Происхожденіемъ своимъ обязано это собраніе водъ волканическому явленію, котораго время и подробности сохранились въ Японскихъ лѣтописяхъ. «Въ 285 году до Р. Х.», говорятъ онѣ, «чудное пониженіе большаго пространства земли образовало въ одну ночь обширное хранилище прѣсной воды. Но въ ту-же ночь и въ тѣ-же часы вышла изъ нѣдръ земли Фузи-но-Іама, высочайшая изъ горъ Японскихъ, находящаяся въ области Суру-Іа. Въ 82 году до Р. Х., изъ глубины озера появился большой островъ *Тзи-ку-го-Сима*, и донынѣ оспается на озерѣ, длина котораго будетъ около $72\frac{1}{2}$ Англ. миль, и $22\frac{1}{2}$ мили ширины, въ самомъ обширномъ пространствѣ.»

Хотя вся Японія находится въ умѣренныхъ широтахъ, но она не наслаждается однакожъ столь благорастворенным климатомъ, какъ можно-бы подумать, посмотря на карту. Соотвѣтствуя положеніемъ своимъ Испаніи, Италіи, Сициліи, Японія совсѣмъ не имѣетъ, подобно имъ, умѣренныхъ холодовъ зимою, и солнечныхъ лучей, столь усладительныхъ лѣтомъ. Брошенная среди бездны Океана, прозваннаго въ этой сторонѣ *моремъ тумановъ*,

открытая холоднымъ вѣтрамъ, дующимъ съ Тартарскаго материка, незакрытая никакими Пиринеями, подобно Испаніи, никакими Альпами, подобно Италіи, Японія нерѣдко страдаетъ отъ холода въ Январѣ, Февралѣ и Мартѣ, отъ ужасныхъ бурь въ эпоху равноденствія, и отъ дождливой непогоды въ Іюнѣ, Іюлѣ и Августѣ.

Туземцы, населяющіе Японскій архипелагъ, кажутся, по нѣкоторымъ сходственнымъ чертамъ, принадлежащими къ племенамъ, населяющимъ Китай и Татарію. Между тѣмъ, дѣйствіемъ-ли продолжительнаго отдѣленія ихъ, или отъ другой какой нибудь неизвѣстной причины, между Японскими островитянами и народами ближайшаго материка есть различія, которыхъ нельзя не признать. Въ этомъ отношеніи можно послушать мнѣнія ученаго изслѣдователя, голосъ котораго достоинъ уваженія, именно, Клапрота. Вотъ что говоритъ онъ:

«Поколѣніе Японское, съ перваго взгляда, похоже на Китайцевъ, лицомъ и внѣшностью; но тщательно сличая и изслѣдуя характеристическія черты сихъ двухъ племенъ, легко замѣтишь различіе между ними. Я самъ занимался такимъ изслѣдованіемъ, бывши на предѣлахъ Китайскаго государства, имѣвши случай встрѣчать Китайцевъ и Японцевъ. Глаза Японцевъ, хотя протянутые такъ-же косо, какъ глаза Китайцевъ, между тѣмъ шире къ носу, и рѣсницы кажутся у нихъ поднятыми къ верху, когда глазъ бываетъ открытъ. Волосы Японцевъ

собственно не черные, но темные; у дѣтей, менѣе 12-ти лѣтъ, находите всѣ другіе оттѣнки, даже льнянаго цвѣта, и есть Японцы съ волосами совершенно черными и почти курчавыми, съ глазами совершенно косыми и кожею весьма темною. Въ нѣкоторомъ разстояніи, цвѣтъ кожи у людей низшихъ званій кажется желтымъ, почти такимъ, какъ цвѣтъ сыра; въ горожанахъ находятъ различіе цвѣтовъ кожи, смотря по образу жизни, а въ чертогахъ знатныхъ Японцевъ нерѣдко встрѣтите женщинъ столь бѣлыхъ, и съ такимъ живымъ румянцемъ, какъ Европейскія женщины. Съ другой стороны, бродяги по дорогамъ отличаются цвѣтомъ кожи между мѣдью и темною землею. Это вообще цвѣтъ всѣхъ поселянъ Японскихъ, особливо на тѣхъ частяхъ тѣла, которыя наиболѣе подвержены дѣйствію солнечныхъ лучей.

« Различное происхожденіе Китайцевъ и Японцевъ совершенно подтверждается языкомъ Японскимъ, въ которомъ всѣ корни совершенно различаются отъ коренныхъ словъ, какія встрѣчаемъ въ языкахъ сосѣдей Японіи. Хотя Японцы приняли значительное число словъ Китайскихъ, но сіи слова не составляютъ части языка существенно коренной; они введены переселеніями Китайцевъ, и особливо Китайскою литтературою, послужившею основой для литтературы Японской. Корни Японскихъ словъ столь-же мало походятъ на Корейскіе, и совершенно чужды они языкамъ *Аиновъ*, или Курильцевъ, обитающихъ на Іеззо. Наконецъ, Японскій языкъ не представляетъ никакого сход-

ства съ языкомъ Манджуровъ и Тунгузовъ, занимающихъ материкъ Азійскій противъ Японіи.»

Таково мнѣніе Клапрота, и съ нимъ согласенъ Малтебрюнъ, почитающій Японцевъ *аборигенами* ихъ земли, народомъ переходящимъ за предѣлы положительной исторіи. Другіе опровергали мнѣніе двухъ упомянутыхъ нами ученыхъ, и стояли за единородство Китайцевъ съ Японцами. Для этого ссылались на сходство общихъ чертъ внѣшности, бритье головъ, косые глаза, плетушку на верху головы, множество одинакихъ обычаевъ, образованность, почти однообразную и однородную, промышленность одинаковую, производящую нѣ-же предметы, касательно необходимости и роскоши. Во всемъ этомъ, и въ множествѣ другихъ подробностей, находили единство происхожденія обоихъ народовъ. Различіе физическаго типа объясняли противоположностью образа жизни и климата. Различіе языковъ старались растолковать потерею первобытнаго, общаго обоимъ народамъ языка, части котораго однѣ сохранились у Китайцевъ, другія у Японцевъ. Ссылались еще, для объясненія различій, на вторженія Монголовъ въ Китай, и на то, что областное нарѣчіе можетъ совершенствоваться, и составить отдѣльно образованный языкъ. Вообразите, что колонія Британскихъ мужиковъ населила архипелагъ какой нибудь, образовала, облагородила свое нарѣчіе—по этимологическимъ разысканіямъ, оно оказалось-бы, послѣ перехода въ полный языкъ, вовсе чуждымъ языку Французскому. Дѣлить до безконечности самобыт-

ности родовъ (говорятъ намъ), потому только, что есть оттѣнки различій между народами, не значитъ-ли это вести насъ въ совершенный хаосъ этнографическихъ изысканій, и безъ того уже столь перепутанныхъ, что гораздо лучше постараться теперь соединять, нежели раздѣлять народы, и связывать ихъ взаимно, нежели разъединять болѣе и болѣе. Изъ всего, и изъ множества другихъ подробностей, которыя долго было-бы излагать, заключаютъ такъ, что семейство Китайскихъ народовъ (очевидное отдѣленіе и смѣсь другихъ) представляетъ своихъ родичей въ томъ кругѣ, который должно обводить около *Китая*, включая сюда *Японію* и *Корею*, и смѣшенные отрывки котораго видимъ въ *Тонкинѣ*, *Кохинхинѣ*, и отчасти въ *Сіамѣ*. Здѣсь мѣсто *Китайскаго племени*, рѣзко отличеннаго среди другихъ племенъ, каковы: *Индійское*, *Манджурское*, *Малайское*, уже не имѣющія никакого, ни близкаго, ни отдаленнаго сродства съ Китаемъ.

Не зная, какъ рѣшить весь этотъ споръ о происхожденіи Японцевъ, я довольствуюсь тѣмъ, что изложилъ сущность его.

Какъ у всѣхъ другихъ народовъ, у Японцевъ, была своя баснословная исторія. Туземныя лѣтописи утверждаютъ, что Японскій архипелагъ сначала управлялся семью какими-то богами, или духами небесными. Трое первоначальныхъ, изъ числа этихъ боговъ, родились сами собою; четыре остальные имѣли женъ. За этими небесными царями слѣдовало пять земныхъ геніевъ, изъ которыхъ пер-

вымъ была дочь солнца, по имени *Тен-сіо-дай-синъ*, то есть, *великая богиня ясности*. Это главное божество, изъ обожаемыхъ донынѣ въ Японіи, а особенно въ области Изе, гдѣ полагаютъ ея постоянное пребываніе. Японцы вѣрятъ, что ихъ *даири*, или духовные государи, происходятъ отъ Тенъзіо-дай-сины, и слѣдственно, что они суть неземнаго происхожденія. Династія даріевъ началась за 660 лѣтъ до Р. Х., отъ *Зинъ-Му* (духовнаго воителя). Явясь откуда-то съ западныхъ береговъ, онъ покорилъ всю Японію, за исключеніемъ сѣверной оконечности, которая долгое время послѣ сего была еще занята аборигенами, называвшимися *Іеви*.

Съ Зинъ-Му начинается лѣтописная исторія Японіи. Общее мнѣніе то, что Зинъ-Му былъ Китайскаго происхожденія. Онъ образовалъ въ Японіи общественность, и мало по малу, передъ успѣхами земледѣлія и промышленности, принуждены были уступить ему варварскія племена, заселявшія тогда Японію. Переселенія Китайцевъ на Японскій архипелагъ происходили нѣсколько разъ и въ разныя времена. Лѣтописи Китайскія повѣствуютъ, на примѣръ, что около 1195 года до Р. Х., обитатели восточнаго Китая, угнетаемые богдыханомъ Ву-И, переправились въ большомъ количествѣ, мужчины, женщины и дѣти, на *ближніе острова*, гдѣ и основали селенія. Зинъ-Му слѣдовалъ потомъ, вѣроятно, съ значительною толпою искателей приключеній, ибо иначе трудно былобы объяснить, какъ могъ онъ одинъ завоевать

Японскія земли. Послѣ Зинъ-Му являлись еще новые колонисты, между прочимъ три ста паръ молодыхъ юношей и дѣвушекъ, по разсказу явно аллегорическому, посланныхъ будто-бы отъ богдыхана Тзинъ-ши-гуангъ-ти, подъ начальствомъ *Зико-Фука* (Зинъ-Фу), искуснаго врача, на небывалый островъ *Фо-рай-Сунъ*, искать тамъ воды безсмертія. Лѣтопись присовокупляетъ, что послѣ тщетнаго исканія острова и драгоцѣннаго питья, Зико-Фукъ присталъ съ своею дружиною къ Японіи, въ 209 году до Р. Х. — Предводитель юныхъ Китайскихъ переселенцевъ умеръ и погребенъ здѣсь, на горѣ Фузи-но-Іама, и какъ онъ принесъ въ Японію знанія и науки, бывшія дотолѣ въ ней неизвѣстными, то послѣ смерти его воздали ему почести божества.

Отдѣляя отъ всѣхъ этихъ разсказовъ баснословную часть ихъ, можно извлечь два положительныя заключенія, изъ коихъ первое то, что нынѣшніе обитатели Японіи, какъ-бы ни думали объ нихъ Клапротъ и Малыпебрюнъ, едва-ли аборигены туземные, и по крайней мѣрѣ, что первобытныя племена туземцевъ Японскихъ перемѣшаны были съ переселенцами Китайскими. Зинъ-Му, приста паръ юношей и дѣвушекъ Зико-фука, и колоніи другихъ временъ, долженствовали составлять большія дружины и толпы многочисленныя, ибо иначе не могли онѣ восторжествовать надъ первобытными дикарями Японіи. Здѣсь происходило то-же, что вездѣ — образованные колонисты подчинили себѣ племена первоначальныхъ дикарей. Второе заключе-

ніе явно изъ всѣхъ разсказовъ—одинаковое происхожденіе нынѣшнихъ жителей Японскаго архипелага и народовъ Китайскаго материка. Не смотря на сильныя противорѣчія, это почти неоспоримый выводъ историческаго разсказа. Если только допустить вѣроятность Японской повѣсти о завоеваніяхъ Зинъ-Му, вопросъ о происхожденіи Японцевъ оказывается рѣшеннымъ.

Во всякомъ случаѣ, Зинъ-Му должно почесть основателемъ династіи Японскихъ государей, наслѣдники которыхъ донынѣ сохранили въ Японіи власть духовную. Первоначально сіи властители соединяли въ особѣ своей всѣ власти, гражданскія, политическія, военныя, религіозныя, были въ одно время полководцами и понтифексами, законодателями и патріархами. Государственное образованіе Японіи, кажется, составляло въ древнѣйшія времена правленіе чисто феодальное, и форма эта такъ усвоилась Японіи, что по наружности продолжается она даже до сихъ поръ. Японія была раздѣлена между множествомъ маленькихъ владѣтелей, подчиненныхъ главному властителю, но независимыхъ одинъ отъ другаго. Потомки Зинъ-Му оставались въ этомъ положеніи до конца XII-го вѣка, почти неограниченными монархами Японскими. Но изнѣженные мало по малу владычествомъ мирнымъ и безспорнымъ, они допустили управлять отъ своего имени *кубо*, или *сеугуновъ*, начальниковъ войска, повелѣвавшихъ въ то-же время народною милиціею. Вскорѣ эти сеугуны сдѣлались тѣмъ-же, чѣмъ были у насъ во Франціи *Палатные Меры*, при

нашихъ Rois fainéans. И когда, наконецъ, около 1190 года, сеугунъ *Іоритомо*, изъ рода *Гхензи*, послѣ продолжительнаго междоусобія, спасъ царствовавшаго тогда даири отъ честолюбивыхъ намѣреній бунтовщика *Фейке*, побѣдителю дали титулъ равный генералиссимусу, и мѣстомъ пребыванія его назначили *Кама-кура*.

Съ этой эпохи началось преобладаніе сеугуновъ. Но полное похищеніе ими власти законныхъ государей совершилось однакожъ неранѣе XVI-го вѣка. Съ тѣхъ поръ стали существовать въ Японіи два государя, одинъ по имени, другой на дѣлѣ, *Даири* и *Кубо*. По своему божественному происхожденію, даири для Японцевъ составляетъ неизмѣнный предметъ религіознаго благоговѣнія, утвержденный вѣками. Даири, царствовавшій въ 1822 году, считался 121-мъ потомкомъ Зинъ-Му. Можно подозрѣвать тутъ большой обманъ. Имя *даири*, что значитъ *внутренность дворца*, и запрещеніе называть его другимъ какимъ нибудь именемъ, показываетъ недостовѣрность продолжительнаго родословія Японскихъ монарховъ. Что касается до сеугуновъ, Японцы не скрываютъ, что поколѣніе Іоритомо давно прекратилось въ этомъ высокомъ званіи. Нынѣ царствующая династія ихъ началась только съ 1585 года, и предокъ ея первый переѣсъ пребываніе кубо въ Іеддо.

Даири никогда не оставляетъ своего пребыванія въ Міако. Это вѣчная тюрьма его. Гарнизонъ, содержимый сеугуномъ, стережетъ знаменитаго плѣнника, и позволяетъ ему выходить изъ дворца его

только въ храмы, и то въ установленные праздничные дни. Никакой государственный доходъ не поступаетъ въ казну даири, и потому гражданскій соправитель великодушно снабжаетъ его деньгами на содержаніе его великолѣпнаго Двора. Это дополняется еще нѣкоторыми предоставленными даири средствами дохода: духовныя званія, всѣ подчинены его выбору, но онъ не отдаетъ ихъ даромъ, а продаетъ. Онъ продаетъ также почетныя званія пищеславной знати Японской, и иногда даже самому сеугуну, который, изъ политической предосторожности, поддается безвредной прихоти своего сотоварища. Словомъ — деньги, шпулы, знаки отличія, все это въ изобиліи отдано духовному владыкѣ Японіи, но за то тщательно удаленъ онъ отъ всякаго политическаго вліянія, и отъ всякой исполнительной власти. Единственное недвижимое владѣніе, оставленное ему, составляетъ городъ Міако, съ округомъ. Чтобы развлечь чѣмъ нибудь скуку заключенія, и отвратить даже самую легкую мысль о возвращеніи власти, постарались бѣдному даири предписать тяжкій образъ жизни, совершенно занятой церемоніяломъ и безпрерывнымъ этикетомъ. Даири не только священная особа для всѣхъ, но онъ священъ въ собственномъ своемъ мнѣніи, и ему строжайше запрещается почитать себя принадлежащимъ къ людямъ смертнымъ и преходящимъ. Онъ обязанъ величать себя богомъ, говорить, дѣйствовать, какъ богъ, и не только передъ народомъ, но и во дворцѣ своемъ, передъ своими при-

ближенными, даже оставаясь одинъ. Если онъ всего этого онъ несовершенно сходитъ съ ума, то, по крайней мѣрѣ, долженъ помѣшаться. Вѣря, что онъ *богъ*, бѣднякъ не станетъ уже увлекаться ничтожнымъ честолюбіемъ земли, необходимо долженъ презирать все земное величіе, и предоставить такія мѣлочи сеугуну. А только этого-то и хотятъ хитрые, хотя и ничтожные передъ его божественностью товарищи.

Но, быть Японскимъ богомъ довольно тяжело, и божественность даири стоитъ ему каждый день, каждый часъ, каждый мигъ, множества всяческихъ заботъ. Запрещено ему касаться ногами земли, и когда надобно переступить куда нибудь, его садятъ на плеча свои избранные служители, или несутъ въ норимонѣ, или, когда онъ непремѣнно самъ хочетъ идти, надѣваютъ ему на ноги сандаліи, съ подошвами, въ двѣнадцать пальцевъ толщиною. Быть на свободномъ воздухѣ ему не позволяется, и хотя солнце услаждаетъ весь міръ своими лучами, бѣдный даири не смѣетъ унизить себя прикосновеніемъ свѣта солнечнаго къ святому тѣлу своему.

Тѣло даири считается столь священнымъ, что бѣдняку не позволяютъ стричь волосъ и обрѣзывать ногтей. Все это исполняютъ особенные служители, ночью, когда даири уснетъ. Пробудившись, и увидя похищеніе святыни, онъ обязанъ приходить въ величайшую ярость, и еслибы кто нибудь открылъ ему виноватыхъ, долженъ наказать ихъ.

Прежде, даири принужденъ еще бывалъ цѣлое утро просиживать на своемъ тронѣ, съ тяжелою, тройною короною на головѣ, важно, задумавшись, и совершенно не двигаясь. Малѣйшее движеніе рѣсницы при такомъ сидѣньи считалось предзнаменованіемъ бѣдствія и гибельныхъ послѣдствій. Но еслибы даири покачнулъ головой — ужасъ распространился-бы по всему государству, всѣ Японцы трепетали-бы, думая, не разверзаются-ли уже бездны Океана, готовясь поглотить ихъ проклятые острова! Кое-какъ, это сидѣнье, столь тягостное бѣдному даири, и столь ужасающее народъ, было уничтожено.

Одежду даири составляетъ шелковое черное полукафтанье, сверхъ котораго надѣвается еще красный длинный кафтанъ. Кромѣ этого закутываютъ его святость въ огромную симару, изъ тончайшаго шелковаго флера. Шапка у даири конической фигуры, подобная шапкѣ Далай-Ламы, съ которымъ вообще у него большое сходство; кругомъ шапки находятся зубчики, въ родѣ вѣнца, въ три ряда, на подобіе тіары. Лобъ даири бываетъ раскрашенъ бѣлою и красною краскою.

Даири всегда угощаютъ великолѣпнымъ столомъ. Каждый вечеръ приготовляютъ ему богатые ужины, во всѣхъ двѣнадцати отдѣленіяхъ его дворца, и когда онъ назначитъ, въ которомъ именно отдѣленіи угодно ему совершать свою трапезу, всѣ снаряды угощенія переносятся въ назначенное отдѣленіе изъ другихъ. Пока даири кушаетъ, гремитъ оглушающая музыка. Посуда на столѣ его

бываетъ глиняная, и ее тотчасъ бьютъ, едва только снимутъ со стола. Японцы свято вѣрятъ, что еслибы кто нибудь изъ нихъ прикоснулся къ кушаньямъ, оставшимся послѣ даири, исключая членовъ царскаго семейства, у такого безбожника тотчасъ распухнутъ горло и ротъ, и онъ немедленно задохнется.

Наслѣдованіе сана даири установляется совѣтомъ духовныхъ, который всегда назначаетъ въ преемники мнимому богу и царю кого нибудь изъ ближайшихъ людей умершаго, малолѣтныхъ и возрастныхъ, сына, дочь, даже иногда вдову прежняго даири. Выборъ и перемѣна тщательно скрываются отъ народа. По примѣру нашей старинной поговорки — Le Roi est mort, vive le Roi — Японцы также могутъ восклицать: «Даири умеръ — да здравствуетъ Даири!» Нигдѣ эта формула, для изъявленія безпрерывности временной власти, не можетъ быть приложена такъ вѣрно, какъ въ Японіи.

Придворные, окружающіе даири, и такъ-же святые, какъ и онъ самъ, занимаются только духовными предметами. Подобно старинным Католическимъ прелатамъ, они имѣютъ эпархіи, куда ежегодно отправляются на нѣсколько мѣсяцевъ. Даири имѣетъ двѣнадцать законныхъ женъ, которыя одѣваются въ шелковыя платья, столь нелѣпо широкія, что въ церемоніяльной одеждѣ своей почти не могутъ ходить.

Будучи духовнымъ властителемъ Японіи, и богомъ, разумѣется, даири долженъ считаться по

всему выше сеугуна, своего главнаго министра и полководца. Хотя въ сущности, вся власть въ государствѣ принадлежитъ сеугуну, но онъ обязанностью почитаетъ не оспоривать у даири никакихъ внѣшнихъ формъ первенства, хотя совершенно и всячески ограждаетъ на дѣлѣ власть, у него похищенную. Такъ, во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, касающихся политическихъ отношеній государства, законодательнаго нововведенія, дипломатическаго вопроса, сеугунъ посылаетъ къ своему товарищу, спросить его согласія. Подобныя посылки и спросы производятся съ величайшею пышностью, чтобы поразить народъ величіемъ обряда, и увѣрить его въ добромъ согласіи, какое существуетъ между двумя властителями. Съ своей стороны, даири постоянно содержитъ въ Іеддо нѣсколько духовныхъ сановниковъ, для надзора за поступками сеугуна, во всемъ томъ, что касается религіи. Даже нѣсколько почетныхъ женщинъ присылаются изъ Міако въ Іеддо, съ довольно странным назначеніемъ—наблюдать за хозяйствомъ во дворцѣ Іеддскомъ, и доносить даири, если сеугунъ вздумаетъ измѣнять своимъ супругамъ. Все это дѣлается въ добромъ согласіи, какъ установленіе, освященное вѣковымъ обычаемъ. Въ каждый новый годъ, сеугунъ посылаетъ богатые подарки даири, и между ними непремѣнно должна быть бѣлая цапля съ черною головою, которую самъ сеугунъ обязанъ добыть, выѣзжая въ поле съ соколами. Выѣздъ для этого, и присылка цапли по-

томъ, считаются важнымъ государственнымъ дѣломъ.

Но кромѣ постоянныхъ дружескихъ сношеній, рѣдко проходитъ безъ того пять лѣтъ, чтобы одинъ разъ, въ теченіе этого времени, сеугунъ не посѣщалъ лично даири, въ его священномъ дворцѣ. Пышность и церемоніяльность при такихъ посѣщеніяхъ бываютъ столь велики, что для приготовленій употребляется не менѣе восьми мѣсяцевъ. Монтанусъ передалъ намъ описаніе одного изъ этихъ великолѣпныхъ путешествій, исчисливъ всѣ подробности роскоши, наблюдаемой при такомъ случаѣ. Въ назначенный день, говоритъ Монтанусъ, улицы Міако, съ утра были усыпаны тальковымъ порошкомъ, отъ чего казались онѣ блестящими, будто покрытыя серебряною пылью. Рано потянулось шествіе, съ лаковыми ящиками, гдѣ положены были драгоцѣнные подарки, съ придворными дамами въ норимонахъ, офицерами, чиновниками, на лошадяхъ, въ сопровожденіи служителей, которые держали вожжи, или шли съ зонтиками. За этимъ авангардомъ катились три каретны, везомыя каждая парою черныхъ воловъ, покрытыхъ малиновыми шелковыми попонами. Каретны эти были чудомъ роскоши и искуства, и ихъ цѣнили неменѣе 400,000 франковъ каждую; ободья у нихъ были позолоченые, а спицы колесъ покрыты золотомъ и финифтью; въ каретахъ сидѣли три любимицы сеугуна, и потомъ несли за ними, въ норимонахъ, другихъ подругъ сеугуновыхъ. Богатство, ѣхавшихъ въ недальнемъ разстояніи, ка-

ренъ дайри и сеугуна было выше всякаго описанія. Золото, серебро, шелкъ, лучшая живопись, самый блестящій лакъ, рѣзьба, изящество формы соединялись въ этихъ чудесахъ Японской художественности. Вообразите впечатлѣніе, какое все это должно производить на народъ, при свитѣ, состоящей въ нѣсколькихъ тысячахъ молодыхъ знатныхъ Японцевъ, въ шелковыхъ и парчевыхъ платьяхъ, на лучшихъ, какія только есть въ государствѣ, лошадяхъ! Изъ всѣхъ конныхъ и пѣшихъ полковъ присланы были сюда избранные люди, увеличить собою великолѣпіе свиты двухъ государей Японіи.

Послѣ такого торжественнаго шествія, начинаются въ Міако бесѣды и совѣщанія между дайри и кубо. Они продолжаются недѣлю, и обрядъ оканчиваютъ вручеміемъ взаимныхъ подарковъ. Монтанусъ говоритъ, что въ его время политическій властитель Японіи представилъ духовному своему владыкѣ: 3000 слитковъ серебра, двѣ сабли, съ ножнами изъ чистаго золота, двѣсти узорчатыхъ парчевыхъ платьевъ, триста платьевъ атласныхъ, 12,000 пезановъ шелку, пять большихъ серебряныхъ вазъ, съ мускусомъ, и десять дорогихъ коней, съ уборомъ. Можетъ быть, этотъ реэстръ, и самыя подробности обрядовъ и великолѣпія, слишкомъ увеличены легковѣрнымъ и хвастливымъ путешественникомъ XVII-го вѣка — тогда это было въ обычаѣ—но если почесть правдою только половину, и того довольно для изумленія самаго невнимательнаго зрителя!

Таковы отношенія между двумя Японскими властителями. Понятно, что кубо, дѣйствительный Государь Японіи, охотно готовъ ушѣшать мнимаго владыку своего мнимымъ преимуществомъ. Но въ основаніи, кубо настоящій повелитель государства, а потому и настоящее мѣсто правительства находится въ Іеддо. Туда являются *даміо*, феодальные владѣльцы, между которыми раздѣлена вся Японія. *Гокозіо*, или непосредственное владѣніе кубо, управляемое отъ его имени *обанжо*, или намѣстниками, какъ уже говорилъ я, составляютъ только *пять* областей. Все остальное дѣлится между 200-ми даміо, составляющими вассаловъ и данниковъ кубо. Независимость этихъ мѣлкихъ государей постепенно ослабѣваетъ болѣе и болѣе. Система кубо постоянно состоитъ въ томъ, чтобы понемногу уничтожать подчиненныхъ ему отдѣльныхъ феодаловъ, что и производится весьма успѣшно. Нынѣ, изъ 200 даміо, независимыхъ одинъ отъ другаго, обладателей удѣловъ, или *кокфовъ*, самовластныхъ прежде безъ исключенія, остается только трое, въ *Каміа, Сатзума, Сендаи*, которыхъ можно еще почесть свободными отъ надзора и отчета сеугуну; всѣ другіе суть простые намѣстники его въ своихъ наслѣдственныхъ областяхъ, принужденные оставлять семейства свои въ Іеддо, какъ заложниковъ, или аманатовъ, ручательствомъ за свое повиновеніе. *Сендайскій даміо* первый и главнѣйшій изъ всѣхъ. Когда является онъ въ Іеддо, 30,000 человѣкъ сопровождаютъ его, и свита его кажется почти

царская. Его посѣщенія сеугуну производятся съ великолѣпіемъ необыкновеннымъ. Впереди развѣваются несомыя знамена, а потомъ, въ ящикахъ, на палкахъ съ золотыми макушками, на подушкахъ, несутъ аллебарды, копья, ружья, пистолеты, плюмажи, лошадиные хвосты бѣлаго цвѣта, и стрѣлы въ богатыхъ колчанахъ. Наконецъ являются осѣдланные кони, соколиная и псовая охота, оркестръ музыкантовъ, сотни палаикиновъ и норимоновъ, а въ заключеніе ящики, превосходно лакированные, гдѣ лежатъ кирасы и шлемы князя. Вся процессія его чиновниковъ, офицеровъ, солдатъ, слугъ, прислужниковъ, идетъ въ опредѣленномъ порядкѣ и извѣстной стройности; всякій напередъ знаетъ свое мѣсто, по закону этикета, изучаемому съ младенчества; каждый хранитъ уставъ, важно, благопристойно, не смѣя сдѣлать ничего что ему запрещено, и особенно не имѣя даже идеи, что можно проступиться въ чемъ нибудь, доказывающемъ важность, величіе и могущество тѣхъ, кто его выше.

Будучи самыми значительными людьми въ государствѣ, даміо несутъ тяжести, равныя ихъ преимуществамъ. Обязанные выполнять всѣ расходы по мѣстамъ своихъ управленій, они принуждены еще выгадывать суммы, которыя должно имъ посылать въ Іеддо, какъ дань, ставить отряды войскъ въ распоряженіе кубо, содержать въ своихъ резиденціяхъ великолѣпные дворы, и по приказу кубо немедленно являться, для представленія своего

личнаго обожанія властителю Іеддо. По всему этому, кромѣ пяти, или шести, всѣ даміо довольно бѣдны, между тѣмъ, какъ сеугунъ получаетъ отъ нихъ доходу отъ 600 до 800 милльоновъ ежегодно.

Власть кубо, среди этого покорнаго феодализма, ограничивается однакожъ въ правахъ своихъ. Главнѣйшіе даміо призываются для составленія высшаго совѣта, сзываемаго по волѣ, но имѣющаго власть рѣшительную. Имя его *Тзинъ-джо-но-зіо*, то есть, Совѣтъ средній общій. Онъ дѣлится на *Сикъ-бу-но-зіо*, совѣтъ законодательства и народнаго ученія; *Тзи-бу-но-зіо*, совѣтъ главный внутреннихъ дѣлъ; *Минъ-бу-но-зіо*, совѣтъ дѣлъ народныхъ, или общей полиціи; *Фіо-бу-но-зіо*, совѣтъ главный военный; *Гхіо-бу-но-зіо*, совѣтъ уголовныхъ дѣлъ; *Ойко-уро-зіо*, совѣтъ финансовый; *Кунай-но-зіо*, совѣтъ царскаго двора. — Все государство раздѣлено на восемь большихъ отдѣловъ, именуемыхъ *до*, то есть, *пути*. Эти до подраздѣляются на 68-мь *кокфовъ*, или областей, заключающихъ въ себѣ 622 *кори*, или округа.

Число войска, выставляемаго отъ даміо сеугуну, сообразуется съ мирнымъ, или военнымъ состояніемъ государства. Во времена Кемпфера, войско Японское состояло изъ 138,000 пѣхоты и 38,000 конницы. Кромѣ этого, содержимаго князьями, сеугунъ имѣлъ еще на собственномъ своемъ счетѣ 100,000 солдатъ и 20,000 лошадей, что составляло гарнизоны въ крѣпостяхъ, гвардію и лич-

ную вопискую свиту сеугуна. И пѣхота и конница дѣлятся на множество разныхъ участковъ. Надъ каждыми пятью солдатами поставленъ начальникъ, называемый «*коммиссаромъ сарачинскаго пшена*,» потому, что онъ принимаетъ на пятерыхъ подчиненныхъ раціонъ пшена изъ казенныхъ магазиновъ. Пять такихъ коммиссаровъ подчиняются офицеру, въ родѣ подпоручика. Надъ десятью этими офицерами находятся офицеръ въ родѣ капитана, и два поручика. Далѣе слѣдуютъ чины въ родѣ нашихъ баталіонныхъ командировъ и полковниковъ. Жалованье почти всегда выдается сарачинскимъ пшеномъ. Установленнаго мундира нѣтъ; отъ того видна ужасная пестрота въ одеждѣ солдатъ и офицеровъ; каждый одѣвается, какъ можетъ и какъ хочетъ, въ высшихъ чинахъ носятъ кирасы и брони, украшая шапки солнцами, мѣсяцами и всякими другими эмблеммами. Хотя ружья употребляются въ Японской арміи, особливо съ фитилями, но можно сказать, что сабля любимое оружіе Японцевъ. Люди всѣхъ званій носятъ на поясахъ сабли, фута въ три длиною, немного кривыя, и съ толстымъ обухомъ. Люди военные и знатные надѣваютъ по двѣ сабли, обѣ на одну сторону. Закалка сабель Японскихъ превосходна. Особливо старинныя сабли превзойдутъ всякій Дамасскій клинокъ, и Японцы увѣряютъ, что доброю саблею, удальцы ихъ могутъ разрубить человѣка на-двое, отъ головы до ногъ.—Военное званіе чрезвычайно уважается въ Японіи. Простолюдинъ, говоря съ солдатомъ, обязанъ называть его *сама* (господинъ),

и оказывать ему знаки почтенія. Это, и платье военныхъ людей, шелковое, иногда вышитое золотомъ и серебромъ, вводило Европейцевъ въ забавный обманъ; простые солдаты Японскіе казались имъ важными чиновниками, и смиренно кланялись они стражѣ своей, думая, что все это весьма значительный народъ.

Отправленіе правосудія въ Японіи дѣлается весьма просто и правильно. Уложенія здѣшнія неогромны, потому что при неподвижности правовъ не бываетъ надобности ни въ какихъ новыхъ прибавкахъ. Японцы сравниваютъ свои уложенія съ бронзовою колонною, которой не должны вредить ни время, ни непогоды. Они соглашаются, что законы, составленные въ древнѣйшія времена, могутъ теперь казаться слишкомъ строгими, но мысль, что древность и неизмѣнность составляютъ главную силу закона, заставляетъ ихъ воздерживаться отъ всякихъ перемѣнъ. Для уменьшенія буквальной строгости употребляется милостивое изъясненіе, и приложеніе не въ полной силѣ. Впрочемъ, полиція, употребляемая, какъ предупредительное средство, уменьшаетъ число преступленій въ государствѣ. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ столь строгаго надзора полицейскаго, какъ въ Японіи. Нерѣдко, когда въ слѣдствіе тайнаго розыска полиціи, откроется, что дѣло, кажущееся весьма важнымъ по суду, въ сущности и по совѣсти не таково, правительство произвольно прекращаетъ преслѣдованія и устраняетъ судъ. Это называютъ здѣсь *найбунъ*. Противоположное этому име-

пуется *омите-муки*. Въ послѣднемъ случаѣ, дѣло предается полному суду, и обвиняемый Японецъ судится публично, подвергаясь всей строгости закона. Въ областяхъ непосредственно подвластныхъ кубо, какъ-то, въ Нангазаки, рѣшенія даетъ комиссіи изслѣдователей, подъ предсѣдательствомъ правителя, который потомъ отвѣчаетъ за рѣшеніе. Судьи, составляющіе комиссію, боясь отвѣта, не щадятъ ничего, ни строгости, ни времени, ни допросовъ, чтобы дознаться истины. Рѣдко бываетъ, чтобы при судѣ продолжительномъ истина наконецъ не открывалась. Тогда немедленно рѣшаютъ дѣло. Въ случаѣ необходимости, позволяется пытка, но общепринятое мнѣніе почти рѣшительно не допускаетъ ее, и потому рѣдкіе примѣры пытки случаются только при важныхъ преступленіяхъ.

Въ Іеддо, передъ дворцомъ сеугуна, а также и въ мѣстахъ пребыванія областныхъ правителей, передъ ихъ жилищами, поставлены ящики, въ два фута длиною, назначенные для принятія жалобъ противъ чиновниковъ правительства. Всякій Японецъ, почитающій себя обиженнымъ, можетъ положить въ ящикъ просьбу. Два офицера находятся безпрестанно подлѣ ящика, и должны замѣчать, кто кладетъ въ него просьбы. Каждая просьба должна быть запечатана жалобщикомъ, и подписана имъ, съ означеніемъ его жилища. При соблюденіи такой формы, просьба отсылается въ Іеддо, а въ противномъ случаѣ сжигается, если только бумага безъ подписи не будетъ три раза положена

въ ящикъ; тогда ее отправляютъ вмѣстѣ съ другими прошеніями. Все, что получается такимъ образомъ въ столицѣ, въ назначенные дни открывается передъ самимъ сеугуномъ, и онъ все прочитываетъ. Если жалоба основательна, немедленно приступаютъ къ розыску и изслѣдованію. При открытой розыскомъ правдѣ, виновный, кто-бы онъ ни былъ—банжо, отпопа—предается строгому суду и наказанію; но если жалоба окажется несправедливою, ужасное наказаніе падаетъ на ябедника; посадивъ на лошадь, возятъ его по городу, въ предшествіи превеликаго бумажнаго знамени, гдѣ написаны его имя, возрастъ и преступленіе; на каждой площади, на каждомъ перекресткѣ читаютъ приговоръ клеветнику, и потомъ везутъ его на извѣстное мѣсто казни, гдѣ рубятъ ему голову.—Въ собственныхъ сеугуновыхъ областяхъ, правитель не можетъ осудить на смертную казнь, безъ подтвержденія государя. Феодальные властители болѣе независимы, но за то они почти никогда не опредѣляютъ смертной казни, ибо такое рѣшеніе почитается безславіемъ цѣлой области, и кромѣ того князья опасаются строгихъ выговоровъ сеугуна, который упрекаетъ ихъ въ подобномъ случаѣ испорченностью нравовъ между людьми, имъ подчиненными. Вообще, какъ въ судебномъ, такъ и во всякомъ другомъ отношеніи, Японцы находятъ болѣе выгодъ жить подъ управленіемъ князей, нежели подъ непосредственнымъ правленіемъ кубо; у князей правленіе болѣе отеческое, налоги не столь тяжелы, и ихъ не такъ

строго взыскиваютъ. Сверхъ того, болѣе бываетъ сближенія между народомъ и правителемъ въ феодальныхъ областяхъ, гдѣ чиновники почти всегда опредѣляются на всю жизнь, и даже передаютъ должности свои по наслѣдству, нежели въ областяхъ, гдѣ всякій почти годъ пріѣзжаютъ новые правители, не столько заботясь о благосостояніи подвластныхъ, сколько объ угожденіи своему отдаленному властителю. — Большая часть важныхъ преступленій, какъ-то: убійство, контрабанда, зажигательство, воровство, подвергаются смертной казни. Если преступникъ благороднаго происхожденія, какъ милости проситъ отъ позволенія погибнуть не отъ руки палача, по самому себѣ разрѣзать брюхо. Получивъ такое позволеніе, одѣвается онъ въ лучшее свое платье, сзываетъ родныхъ, прощается съ ними, открываетъ себѣ животъ и рѣжетъ его вдоль и поперегъ. Этимъ родомъ смерти очищается всякое преступленіе, и обычай разрѣзывать себѣ брюхо дѣло столь обыкновенное въ Японіи, что каждый знатный Японецъ всегда носитъ при себѣ орудіе, которымъ законно можетъ исполнить такое кровавое дѣло. За одно слово, за малѣйшую обиду, при бездѣльной ссорѣ, Японецъ чертитъ ножемъ свой бѣдный животъ, и странный обычай этотъ такъ всеобщъ, что слыша о подобномъ родѣ самоубійства, никто ему не удивляется, и только спрашиваютъ, что̀ было тому причиною? Дѣтей знатныхъ семействъ учатъ съ самаго дѣтства, какъ должно имъ, въ случаѣ необходимости, исполнить разрѣзыванье

живота ловко и съ пріятностью, даютъ имъ въ этомъ уроки, какъ умереть такимъ образомъ съ честью, и уроки эти выслушиваются ими такъ-же охотно; какъ знатные Европейцы охотно слушаютъ уроки въ танцованьи. Это направленіе понятій, съ самаго юнаго возраста, внушаетъ Японцу совершенное презрѣніе къ смерти. Предпочитая смерть малѣйшей обидѣ, Японцы, горячо стремятся предупредить безчестіе торжественною, благородною разрѣзкою живота своего. Фанатическая заботливость о чести составляетъ одну изъ замѣчательныхъ сторонъ народнаго характера между Японцами, и сохраняетъ въ немъ какую-то твердость, не смотря на продолжительность мирнаго состоянія государства. Законы позволяютъ каждому произвольное самоубійство, и только требуютъ для этого установленной формы. Чтобы самоубійство было произведено по закону, надобно несчастной жертвѣ одѣться въ бѣлое платье, особеннаго фасона, безъ гербовъ и украшеній; потомъ завѣшиваютъ внѣшность дома бѣлыми тканями, закрывая гербы хозяина; собираются родные, и особеннымъ кинжаломъ несчастный разрѣзываетъ себѣ животъ. Гражданскіе и военные чиновники всегда бываютъ готовы на подобное дѣло, до такой степени, что кромѣ обыкновенной одежды, въ дорогу берутъ съ собою платье, необходимое для законнаго самоубійства.

Однажды два чиновника, служившіе при Дворѣ сеугуна, встрѣтились на лѣстницѣ; одинъ сходилъ внизъ, держа въ рукахъ пустую чашу; другой

шелъ къ верху съ блюдомъ, назначеннымъ для сегупова стола. Случайно, они столкнулись саблями. Дѣло было совершенно ничтожное, но сходившій съ лѣстницы оскорбился, и напрасно извинялся другой, говоря, что это бездѣлка, что если сабли ихъ и задѣли одна другую, то въ сущности онѣ стоятъ одна другой. «Я докажу тебѣ, что ты ошибаешься — возразилъ обиженный — и что твоя сабля моей не стоитъ.» — Выхвативъ кинжалъ свой, онъ разрѣзалъ себѣ животъ. Не говоря ни слова, другой бѣжитъ, ставитъ блюдо на царскій столъ, возвращается, запыхавшись, къ своему умирающему сопернику, кричитъ ему: «Если-бы обязанность службы меня не задержала, тебѣ не удалось-бы опередить меня!» Онъ разрѣзалъ себѣ немедленно животъ, и горделиво говорилъ потомъ, умирая: «Видите-ли, что моя сабля не хуже его!»

Подобныя событія происходятъ здѣсь безпрестанно. Въ 1808 году, Англійскій военный корабль, *Фаэтонъ,* вошелъ въ Нангазакскую гавань дальнимъ проливомъ, который до того времени считался непроходимымъ, и потому не былъ охраняемъ стражею. Только тогда замѣтили нежданнаго гостя, когда корабль былъ уже близъ Папенберга, въ одной льё отъ Нангазаки. Ничего не опасаясь, мѣстное начальство думало, что это Голландскій корабль, и не препятствовало его приближенію. Но едва разсмотрѣли Британскій флагъ, страшная тревога распространилась во всемъ городѣ. Правитель поспѣшно призвалъ войско, находившееся

въ окрестностяхъ; Японскія лодки спѣшили захватишь выходъ изъ залива дерзкому посѣтителю, и 11,000 солдатъ стало на берегу, готовясь дорого разсчитаться съ Англичанами за ихъ безполезную отвагу. По счастью, капитанъ корабля замѣтилъ всеобщее волненіе, и поспѣшилъ убраться съ наступившимъ приливомъ, прежде нежели могли воспрепятствовать его уходу. — По нашимъ понятіямъ и образу отвѣтственности чиновника, что̀ должно было слѣдовать изъ этого происшествія? Виноватъ-ли былъ правитель Нангазаки? Военный судъ Европейскій могъ-ли осудить его? Безъ сомнѣнія — нѣтъ. Но Японскіе законы не такъ снисходительны, и ничѣмъ не льзя было оправдать передъ сеугуномъ небрежности, произведшей слѣдствія столь неожиданныя. Правитель рѣшился предупредить безчестіе суда и приговора. Посовѣтовавшись съ своимъ *гокаро*, или главнымъ адъютантомъ, и сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія по должности, онъ оставилъ казенный домъ, гдѣ жилъ, чтобы не осквернить его своею смертью, удалился въ садовую бесѣдку, и опорожнивъ послѣдній стаканъ сакки, по обычаю, разрѣзалъ себѣ животъ. Желая докончить скорѣе его смертныя страданія, одинъ изъ друзей дорѣзалъ несчастнаго самоубійцу. Заливъ Нангазакскій ввѣряется охраненію князя Физена, и онъ долженъ былъ также подлежать строгой отвѣтственности; но, какъ смерть правителя уже очищала преступленіе, то князь былъ наказанъ только стодневнымъ арестомъ въ его дворцѣ. Потомъ заставили его

заплатишь годовой доходъ, 1000 кобанговъ (около 28,000 рублей), вдовѣ и дѣтямъ несчастнаго правителя.

Презрѣніе смерти и частыя самоубійства существуютъ въ Японіи не въ однихъ благородныхъ званіяхъ; между простолюдинами они встрѣчаются нерѣже , но только ихъ менѣе замѣчаютъ. Отъ всего этого является между Японцами какое-то щегольство рѣшимостью на самоубійство , хвастовство этимъ, хотя такое нелѣпое направленіе умовъ вовсе не доказываетъ мужества. Увѣряютъ самовидцы , что Японцы , готовые рѣзать сами себя по одиначкѣ , между тѣмъ большіе трусы въ битвахъ и сраженіяхъ. Прибавимъ однакожъ , что многіе споряшъ противъ этого , увѣряя , что на войнѣ они весьма храбры и мужественны.

Устраняя обвиненіе въ трусости , за Японцами останется еще довольно значительныхъ пороковъ: они сластолюбивы, безпорядочны въ домашней жизни, суевѣрны , горды , недовѣрчивы , мстительны, какъ Корсиканцы, до того, что изъ рода въ родъ передаютъ свою ненависть. Но многія добрыя качества замѣняютъ у нихъ нравственные недостатки. Понятливые , умные , промышленные, готовые на всякую идею образованія , великодушія и благородства души , чувствительные ко всему доброму и прекрасному , Японцы , по слишкомъ унижаемые , по излишне превозносимые, по безпристрастному соображенію худа и добра составляютъ народъ болѣе достойный похвалы , нежели осужденія , умный , просвѣщенный , и одинъ

изъ наиболѣе преуспѣвшихъ въ Азіятскомъ образованіи. Одаренные здравымъ смысломъ и настойчивостью, они умѣютъ утвердиться въ томъ что поняли, и осуществить понятое терпѣливымъ трудомъ. Феодальная покорность, въ какой живутъ Японцы, не исключаетъ у нихъ идей личной независимости и народнаго достоинства. Аристократическія преимущества терпимы у нихъ потому только, что они не тягостны. Ихъ князья и знатные имѣютъ главное основаніе власти своей въ томъ, что справедливо управляютъ людьми, подчиненными имъ по праву наслѣдства. Впрочемъ, каждому званію предоставлены здѣсь свои обязанности и свои права, свой участокъ рабства и своя доля свободы.

Народонаселеніе Японское дѣлится собственно на восемь званій. Они суть: *даміо*, которыхъ владѣнія и титулъ наслѣдственны; *шадамодо*, второй классъ знатныхъ, раздѣляющіе съ даміо права на государственныя должности; *духовенство*, подчиненное даири; *солдаты*, которые за долговременную службу получаютъ степень *доссиновъ*; наконецъ *купцы*, весьма многочисленные и богатые въ Японіи, но мало уважаемые, хотя ссужаютъ при случаѣ деньгами князьямъ, *ремесленники*, *земледѣльцы*, и небольшое число Корейскихъ и Китайскихъ *невольниковъ*. Званію земледѣльцевъ хуже всѣхъ въ Японіи, ибо рѣдко земля, ими обрабатываемая, принадлежитъ имъ; они нанимаютъ ее у владѣльца, отдавая за то при пятыхъ доли произведенія, и

обыкновенно это бываетъ лучшій участокъ сбора, когда между тѣмъ съемщики земель, почти всегда, живутъ недостаточно, въ бѣдныхъ хижинахъ, ими самими построенныхъ. Самымъ низкимъ занятіемъ почитается въ Японіи живодерство, и люди этимъ занятые принуждены исправлять должность палачей и тюремщиковъ; они составляютъ особый цехъ, и имѣютъ право собирать милостыню въ установленные дни перваго и послѣдняго мѣсяцевъ въ году.

Въ слѣдствіе всего этого общественнаго дѣленія, каждый Японецъ живетъ въ своихъ правахъ и въ своей обязанности, что и производитъ относительную независимость каждаго, равно для всѣхъ полезную. Дѣятельный ремесленникъ такъ-же пользуется общимъ уваженіемъ, какъ чиновникъ и благородный. Впрочемъ, при климатѣ умѣренномъ и при землѣ плодоносной, у Японцевъ мало нуждъ, ибо у нихъ мало потребностей. Съ уваженіемъ правимый высшими, любя свои законы, зная ихъ, увѣренный, что *никто* не исключенъ изъ ихъ власти, Японецъ остается доволенъ своимъ состояніемъ, и старается улучшить участь свою, не выходя изъ ея предѣловъ. Нигдѣ не ограждена такъ сильно безопасность лица и имѣнія, какъ въ Японіи. Идущій благоразумно путемъ жизни своей, не боится здѣсь ни высшаго, ни низшаго себя. Довѣренность къ закону, вѣра въ общую незыблемость установовъ и частное довольство, поддерживаютъ равновѣсіе въ неравенствѣ, согласіе въ разногласіи частностей.

У народа, такимъ образомъ устроеннаго, при учрежденіяхъ, столь мудрыхъ, и правахъ, не уступающихъ имъ, обычаи могутъ имѣть свою странную сторону, но никогда не представятъ они столь нелѣпыхъ и безчеловѣчныхъ уродствъ, какими отличаются отъ всѣхъ народовъ Индія и Малезія. Самый почтенный, возвышающій лучшія способности души человѣческой обычай Японцевъ—благоговѣніе ихъ къ усопшимъ. Низшія званія довольствуются погребеніемъ покойниковъ на кладбищахъ; тѣло обливаютъ благовоніями; потомъ кладутъ въ гробъ, зарываютъ въ землю, и садятъ на могилѣ деревья и цвѣты. Дѣти и ближніе сродники покойника обязаны наблюдать за сохраненіемъ могилы, и исполняютъ это въ теченіе многихъ лѣтъ, иногда даже цѣлую жизнь свою. Они обрабатываютъ, украшаютъ могильный цвѣтникъ, и приходятъ на него отдыхать съ своими семействами. — Но богачей Японскихъ не хоронятъ въ землю, а сожигаютъ, съ великолѣпною церемоніею, при многочисленныхъ собраніяхъ народа. За часъ до того времени, когда должно выносить покойника изъ его дома, толпа родственниковъ, въ лучшихъ платьяхъ своихъ, собирается на то мѣсто, гдѣ должно происходить сожженіе тѣла. Женщины, родственницы, или близкія къ семейству умершаго, являются одѣтыя въ бѣлое платье, съ служанками, одѣтыми также въ бѣлое, ибо этотъ цвѣтъ почитается здѣсь траурнымъ; на головы накидываютъ опѣ полосатыя покрывала. Тогда является старшій жрецъ той секты, къ которой

принадлежалъ умершій. Несомый въ огромномъ норимонѣ, онъ блистаетъ золотомъ и драгоцѣнною одеждою, окруженный нисшими жрецами, одѣтыми въ особенные полукафтанья и плащи изъ чернаго флера. За нимъ слѣдуетъ человѣкъ въ сѣрой одеждѣ, неся зажженную сосновую головню, и послѣдуемый другими, поющими гимны въ честь ихъ бога. Потомъ идутъ, въ два ряда, другіе прислужники, держа копья, на которыхъ повѣшены бумажныя корзины, наполненныя розами и другими цвѣтами изъ бумаги, и потрясая ими отъ времени до времени. Тутъ начинаются отдѣленія людей, несущихъ фонари, покрытые прозрачнымъ флеромъ, и другихъ, имѣющихъ на головахъ маленькія, черныя, коженныя, лакированныя, треугольныя шляпы, на которыхъ пришпилены билеты, съ означеніемъ большими буквами имени покойника. Вся эта процессія, перемѣшанная съ значками и норимонами, бонзами и друзьями покойнаго, духовными и свѣтскими людьми, движется, всходитъ, сближается наконецъ на высоту, гдѣ, въ особенной загородкѣ, бываетъ устроенъ костеръ. Число присутствующихъ при обрядѣ простирается иногда до 500 и 600 человѣкъ, и обширное пространство покрывается ими, прежде нежели тѣло покойника вынесутъ изъ его жилища. Наконецъ является норимонъ покойника; тѣло находится въ немъ поставленное въ положеніи молящагося человѣка, съ опущенною головою и сложенными на груди руками; сверхъ платья надѣвается на мертваго бумажная ряса, съ изрѣченіями изъ священныхъ

книгъ. Кругомъ похороннаго норимона, несомаго шестью человѣками, идутъ дѣти покойника, богато одѣтыя, и самый младшій держитъ факелъ, предназначенный къ зажженію костра. Едва покойникъ достигнетъ мѣста, гдѣ находится костеръ, всѣ присутствующіе, стѣснясь въ загородкѣ, начинаютъ ужасно кричать, и вопли ихъ еще страшнѣе являются отъ звуковъ тридцати тамтамовъ. Костеръ составляетъ большая пирамида сухихъ дровъ, покрытая объяринною тканью. По обѣ стороны ея находятся столики, съ конфектами, фруктами и печеньемъ, а на одномъ отдѣльномъ столикѣ бываетъ поставлена кострюлька, съ горящими угольями, и блюдо съ алоэвыми полѣнами. Когда утвердятъ тѣло на костерѣ, старшій бонза начинаетъ пѣсню мертвыхъ, которой вторитъ все собраніе. Потомъ, размахнувъ три раза факеломъ надъ головою покойника, онъ опять отдаетъ его младшему изъ дѣтей, который несъ прежде факелъ, и тотъ зажигаетъ костеръ, съ той стороны, гдѣ лежитъ голова мертвеца. Тутъ наперерывъ, всѣ спѣшатъ подбросить въ трескучее пламя масла, благоуханій, алоэвыхъ полѣнъ, и всякихъ веществъ, пахучихъ или горючихъ, послѣ чего все собраніе удаляется, въ безмолвіи и задумчивости, оставляя бѣднымъ, что было приготовлено съѣдомаго окрестъ костра. На другой день ближніе и родня покойника приходятъ и собираютъ въ фарфоровый кувшинъ пепелъ, кости и зубы сожженнаго. Покрывши кувшинъ богатымъ покрываломъ, берегутъ его въ домѣ умершаго семь дней, и по-

томъ переносятъ въ мѣсто, гдѣ опредѣлено окончательное погребеніе. Такая погребальная церемонія стоитъ дорого, и знатнымъ людямъ обходится иногда неменѣе 12,000 рублей. Главный расходъ бываетъ тутъ на плату духовенству.

Кромѣ погребальнаго обряда, послѣ смерти каждаго умершаго, есть еще годовой праздникъ для поминовенія всѣхъ усопшихъ, называемый *бонъ*. Въ этотъ день зажигаютъ фонари при дверяхъ каждаго дома. Народъ толпами выходитъ изъ городовъ на срѣтеніе тѣней. Прибывши на мѣсто, гдѣ по общему мнѣнію можно ихъ встрѣтить, каждый начинаетъ привѣтствовать, поздравлять невидимыхъ мертвецовъ, приглашаетъ ихъ ѣсть конфекты и пить чай. Потомъ разстанавливаютъ на могилахъ кладбища множество блюдъ съ лучшими кушаньями. Японцы вѣрятъ, что мертвецы встаютъ въ слѣдующую ночь, и ѣдятъ все оставленное для нихъ на кладбищѣ.—Строжайшій трауръ по умершемъ носится два года. Пока продолжается онъ, должно воздерживаться отъ всякихъ забавъ. Траурное платье, здѣсь и въ Китаѣ, какъ уже говорилъ я, бываетъ бѣлаго цвѣта. Головную повязку при немъ составляетъ широкій вѣнчикъ, съ длиннымъ, развѣвающимся сзади флеромъ. Платье это шьется широкое, безъ отверзтія спереди, и бываетъ подпоясано въ два ряда широкимъ кушакомъ изъ сѣтки. Шаровары составляютъ родъ мѣшка, изъ небѣленой ткани, какъ и все платье.

Рожденіе человѣка дѣлаетъ у Японцевъ гораздо менѣе шума, нежели смерть. Кажется, что въ

Японіи нѣтъ даже законнаго подтвержденія на рожденіе дѣтей, потому, что нѣтъ никакой метрики. Вѣроятно, это происходитъ отъ Японскаго закона, который оставляетъ дѣтей въ полную волю отцовъ, даже съ правомъ на жизнь и смерть ихъ. Потому дѣтоубійство здѣсь весьма часто и рѣдко наказывается. До юношескаго возраста, дѣти подчинены строгой власти родителей. Но едва придутъ они въ возрастъ, какъ перемѣняютъ имена, и съ тѣхъ поръ совершенно свободны отъ опеки родительской. Тогда отцы и матери помышляютъ о женитьбѣ сыновей, если, по семейнымъ отношеніямъ, они не были обручены въ малолѣтствѣ. Свадебный обрядъ отправляется обыкновенно за городомъ, въ полѣ, подъ шатромъ, нарочно поставленнымъ. Тутъ находится алтарь, гдѣ стоитъ идолъ съ собачьею головою, какъ символъ вѣрности. Женихъ и невѣста подходятъ вмѣстѣ, пока жрецъ читаетъ молитву, и потомъ, по данному знаку, невѣста беретъ факелъ, зажигаетъ его на алтарѣ, и представляетъ своему жениху, который зажигаетъ имъ свой. Пока горятъ факелы, всѣ присутствующіе радостно восклицаютъ, и этимъ кончится весь обрядъ. Только для полнаго окончанія бросаютъ въ огонь платья, которыя носила въ дѣтствѣ новобрачная, и которыя теперь уже не годятся для нея.

По странному и неизъяснимому обычаю, Японка должна обезобразить себя въ тотъ день, когда выйдетъ за-мужъ. Она обязана зачернить свои прелестные, перловые зубы составомъ, отвраши-

шельнымъ и ѣдучимъ, выбрить свои красивыя, полумѣсяцемъ брови, вымазать губы зеленою краскою, и напачкать лицо бѣлилами. Обычай требуетъ, велитъ непремѣнно, и каждая порядочная женщина становится чучелою въ день свадьбы. Это отличительный знакъ замужества, и никто не смѣетъ измѣнить обычая столь гадкаго и глупаго.

Супружескія обязанности неодинаково исполняются въ Японіи со стороны мужа и жены. Сколь вѣрны, домосѣдливы и добрыя матери семействъ бываютъ Японки, столь, напротивъ, Японцы склонны къ разсѣянію и шалостямъ. По закону коренному, мужъ можетъ имѣть, кромѣ законной жены своей, одну и даже двухъ любовницъ, и если только состояніе позволяетъ, то рѣдкій Японецъ не пользуется такимъ правомъ. Не смотря на подобный безпорядокъ и происходящее отъ того соперничество въ правахъ, Японки оспаются вѣрны мужьямъ своимъ, нерѣдко живутъ въ согласіи съ любимицами мужа, и почитаютъ ихъ своими сестрами. За то мужъ обязанъ вознаграждать почтительностью къ женѣ, и услугами, безпорядочность своего поведенія. Законная жена первенствуетъ надъ своими соперницами, считается госпожею въ домѣ, и, если только она потребуетъ, любимицы мужа обязаны служить ей. Онѣ не брѣютъ себѣ бровей, однакожъ чернятъ зубы. Имъ не позволяется никогда сидѣть за столомъ хозяина, и одна жена пользуется этимъ великимъ правомъ. Женщинъ въ Японіи, вовсе не запираютъ, какъ это дѣлается всюду на Востокѣ, но

онѣ могутъ всегда показываться въ люди, всюду являясь, и съ открытымъ лицомъ. Свободно ходятъ онѣ по улицамъ, въ домы, въ публичныя бани. Употребленіе бань здѣсь всеобще, и слишкомъ частое наслажденіе ими необходимо должно способствовать раннему старообразію Японокъ.

По Японскимъ законамъ, разводъ позволяется, и состояніе женщины бываетъ въ этомъ отношеніи весьма незавидно. Если отъ жены нѣтъ дѣтей, мужъ легко можетъ разорвать супружество, и даже не обязывается обеспечить чѣмъ нибудь жребія оставленной имъ женщины. Вообще Японскіе законы мало благоволятъ къ прекрасному полу. Женщина не допускается здѣсь въ свидѣтели, и къ какому-бы званію ни принадлежала, всегда зависитъ отъ своихъ родителей. Въ общественной жизни, напротивъ, Японская женщина находится почти въ тѣхъ-же правахъ, какъ Европейская, съ тою только разницею, что въ Японіи мало раздѣляетъ она наслажденія жизни своего мужа, и—несетъ полную долю его заботъ и трудовъ.

Путешествіе по Японіи въ норимонахъ нетрудно и недорого, только медлительно. Почтовыя и постоялыя мѣста учреждены повсюду, строго надзираются, и содержатся, либо на счетъ самого сеугуна, либо на счетъ князей, ему подвластныхъ. Смотря по дорогѣ, остановки учреждены на разстояніи пути отъ $1\frac{1}{2}$ до 4-хъ часовъ. При каждой находятся носильщики для норимоновъ и подставныя лошади, для перевозки тяжестей. Обыкно-

венно бываютъ еще тутъ гостинницы, гдѣ Японцы любятъ отдыхать за чашкой сакки, среди красивыхъ прислужницъ. Когда путешествуетъ знатный человѣкъ, съ большою свитою, онъ отпряжаетъ впередъ нарочныхъ, для подготовленія потребнаго числа носильщиковъ и лошадей. По приморьямъ и около озеръ оставляютъ норимоны, и берутъ лодки, въ которыхъ помѣщаются проѣзжіе и тяжести. Эти суда, удобныя и надежныя, устроены такъ, что ихъ можно тянуть бичевою, въ случаѣ безвѣтрія, или противнаго вѣтра. Почтовыя сообщенія производятся курьерами, изъ которыхъ каждый держитъ на плечѣ палку, на которой прицѣпляется небольшой ящикъ съ письмами. Курьеры скачутъ такимъ образомъ одинъ за другимъ, сопровождаемые почтовымъ надзирателемъ; по пріѣздѣ на мѣсто смѣны, онъ передаетъ ящики другимъ курьерамъ, уже готовымъ. Такимъ образомъ почта идетъ льё по 20-ти въ день. Значекъ съ сеугуновымъ, или княжескимъ гербомъ, поставленный на ящикѣ, иногда колокольчики, слышимые издалека, извѣщаютъ встрѣчныхъ о томъ, что ѣдетъ курьеръ, и даютъ имъ возможность поспѣшнѣе очистить ему дорогу.

Въ Японіи считаютъ три главныя вѣры, подраздѣленныя на множество различныхъ сектъ. Прежніе путешественники почти ничего не передали намъ объ этомъ предметѣ, кромѣ извѣстій весьма смѣшанныхъ. Ученому Клапроту обязаны мы поясненіемъ и исправленіемъ старинныхъ извѣстій. Три

главныя Японскія вѣры суть: религія *Синто*, или Синъ-Сьу, *Буддизмъ* и *Конфуціева*.

Синто, древнѣйшая изъ всѣхъ, была первобытною въ Японіи. Она заключается въ поклоненіи духамъ, или невидимымъ божествамъ, всюду обитающимъ. *Даири*, по своему небесному происхожденію, былъ нѣкогда главнымъ начальникомъ этой вѣры. Прежде всего признаетъ она богиню *Тенъ-сіо-дай-синъ* (великаго духа свѣта), отъ которой происходитъ даири. Главный храмъ этой богини, *Най-Ку* (внѣшній), находится близъ Уза, въ области Изе. Онъ былъ основанъ 11-мъ даири, за 4 года до Р. Х.—Это весьма простое зданіе, окруженное семью другими храмами, посвященными разнымъ богамъ и геніямъ. Недалеко отсюда, на горѣ *Нуки-Нуко-Яма*, находятся двадцать четыре маленькихъ капища, образующихъ собою *Гхе-Кгу*, посвященный духамъ покровителямъ. Здѣсь призываютъ бога *Тоіо-ке-о-дай-зина*, почитаемаго создателемъ земли и неба. Этотъ богъ, защитникъ даири, часто бываетъ предметомъ его особеннаго благоговѣнія. При возведеніи на престолъ каждаго даири, измѣряютъ новаго владыку бамбуковою тростью, и такая мѣрка остается въ храмѣ навсегда; послѣ смерти каждаго даири вносятся въ Най-ку двѣнадцать, или пятнадцать листковъ бумаги, на которыхъ написаны бываютъ имя и дѣянія покойнаго властителя. Всѣ бамбуковыя мѣрки умершихъ даири почитаются, какъ священные *ками* (духи). Кромѣ ихъ храняться еще въ Гхе-Кгу соломенная шляпа, плащъ, для защиты отъ дождя, и заступъ—эмблем-

мы земледѣлія, которое считается въ Японіи вторымъ занятіемъ, послѣ военнаго. Гхе-кгу, подобно другимъ храмамъ, былъ воздвигнутъ также за 4 года до Р. Х.—Онъ окружается четырьмя религіозными памятниками, посвященными землѣ, мѣсяцу, вѣтрамъ, и проч. — Шестнадцать капищъ и капличъ, съ ихъ отдѣльными принадлежностями, построены подлѣ, и восемь другихъ нѣсколько далѣе. Вообще вся область Изе покрыта храмами и мѣстами жертвоприношеній — это *святая область* Японіи. Братъ богини Тенъ-сіо-дай-синъ, по Японскимъ легендамъ, назывался *Фатсманъ*. Главный храмъ его построенъ за 570 лѣтъ до Р. Х., въ Уза, въ области Бунзенъ. Фатсманъ считается богомъ войны, и бережетъ неприкосновенность государства; по этому, къ нему посылаются отъ кубо посольства, въ случаѣ войны.

Богиня Тенъ-сіо-дай-синъ основательница государства, мать даири, по мнѣнію послѣдователей синто, какъ я уже говорилъ, есть первое изъ всѣхъ Японскихъ божествъ, и отъ того происходитъ религіозное благоговѣніе Японцевъ къ ихъ государямъ. Народъ вѣритъ, что если у даири нѣтъ дѣтей, святая прародительница посылаетъ ему дитя отъ себя. Потому, въ случаѣ надобности, при входѣ во дворецъ даири, подъ деревомъ, кладутъ младенца какого нибудь знатнаго рода, и видя его, народъ радуется чуду. Душа даири почитается безсмертною, но не только для одного даири, религія синто признаетъ для всѣхъ людей жизнь человѣка за могилою. Души всѣхъ людей, го-

ворятъ жрецы, должны явиться передъ небесными судіями, произносящими приговоръ. Души людей добродѣтельныхъ помѣщаются въ *така амакавара* (высшую площадь неба), гдѣ дѣлаются онѣ *ками*, или благотворительными геніями; души злыхъ людей повергаются въ *не-покунжи* (царство корней). Японцы воздвигаютъ въ честь разныхъ ками *міа*, деревянные храмы, гдѣ символъ божества помѣщается по срединѣ зданія; символъ этотъ состоитъ въ полоскахъ бумаги, прикрѣпленныхъ къ палочкамъ дерева *финоки* (Thuya japonica), и подобные символы находятся въ Японіи въ каждомъ почти домѣ, ибо почти при каждомъ домѣ есть свой маленькій міа. Подобныя часовенки окружаютъ зелеными вѣтвями сакари, мирта и сосны. Ставятъ въ нихъ по двѣ лампады, чашку съ чаемъ, и множество кувшиновъ съ сакки. Къ этому присовокупляется еще, какъ орудія для богослуженія, или какъ символы, колоколъ, цвѣты, барабанъ, и другія музыкальныя орудія, и наконецъ зеркало, эмблемма чистоты душевной. Хотя просто строимые, но въ соединеніи съ жилищами жрецовъ, міа составляютъ довольно обширныя зданія, украшенныя почетнымъ входомъ. Передъ такими храмами обыкновенно выставляются истуканы двухъ собакъ, *Комаину*, а передъ святилищемъ Тенъ-сіо-дай-зинъ всегда бываютъ два ея товарища *Фино-о* (царь огня) и *Митза-о* (царь воды), слѣдовавшіе за богинею въ ея путешествіи изъ Фіуга въ Идзуміа. Истуканы этихъ двухъ боговъ носятъ во всѣхъ процессіяхъ, отправляемыхъ въ честь Тенъ-сіо-дай-синъ. — Въ на-

значенные дни, міа оглашаются молитвами въ честь богини, основавшей царство добрыхъ дапри, и во славу всѣхъ ипѣхъ; чьи души послѣ смерши сдѣлались ками. Никто не смѣетъ молиться прямо Тенъ-сіо-дай-синѣ, ибо молитва будетъ недѣйствительна, но ея милость испрашивается черезъ посредство *Зинго-зиновъ*, или божествъ покровительныхъ и хранительныхъ. Ками включаются сюда, кромѣ перешедшихъ въ это званіе изъ людскихъ душъ, хотя онѣ и сдѣлались черезъ то ками; но живописныя помѣщены многія, особливо лисицы. Лисица, бурая преимущественно, какъ умнѣйшая изъ всѣхъ другихъ, есть великій ками, и ее вопрошаютъ при затруднительномъ дѣлѣ. Воздвигается сй маленькій храмъ во внутренности дома, и въ немъ ставятъ кушанья, состоящія изъ бобовъ и краснаго пшена. По слѣдствіямъ этой жертвы, можно судить, какъ думаютъ Японцы, объ успѣхѣ или неудачѣ предпріятія. Если кушанье исчезнетъ—это значитъ, что его лисица съѣла, и успѣхъ вѣренъ; если кушанье нетронуто — горе тѣмъ, кто ставилъ его: въ дѣлѣ, о которомъ они молятся, не бывать успѣху!

Нынѣ, жертвы, приносимыя ками, ограничиваются только кушаньями, пшеномъ, рыбою, козлятиною, но въ древнѣйшія времена, кажется, лилась иногда подъ ножемъ жрецовъ человѣческая кровь. Такъ для умилостивленія злыхъ духовъ, каковы: *Кью-синъ-ріо*, девятиглавый драконъ горы *Токакузи*, и другіе неменѣе страшные духи *Іамато*, имъ жертвовали милыми людьми какого нибудь се-

мейства, молодыми и красивыми дѣвушками, или юношами, подававшими хорошую надежду въ будущемъ.

Жрецы религіи синто запускаютъ себѣ волосы, подобно простолюдинамъ, и могутъ жениться. Гробы послѣдователей этой религіи должны имѣть наружную форму тѣла человѣческаго. Въ прежнія времена, когда умиралъ значительный человѣкъ, нѣсколько друзей и слугъ его были похороняемы съ нимъ живые. Потомъ ихъ не хоронили, но они разрѣзывали себѣ животы. Все это уничтожено еще 33-мъ даири, за 3 года до Р. Х., но, вопреки уничтоженію, продолжалось до конца XV вѣка; съ этого времени смерть живыхъ людей замѣнили разбиваньемъ глиняныхъ куколъ.

Каждый округъ въ Японіи имѣетъ своихъ покровителей, боговъ, милости которыхъ испрашиваютъ всѣ люди, переходящіе черезъ мѣста ихъ владычества. Каждый опасный проѣздъ, каждый мысъ, грозящій во время бури, охраняется особымъ духомъ-покровителемъ, которому предлагаютъ жертвы, испрашивая его защиты. Мореходцы, переправляясь черезъ море между Нифономъ и Сикокфомъ, не забываютъ мимоходомъ приносить въ жертву крабовъ, рѣчную рыбу, чеснокъ и скилловъ, *Конфиру*, почитаемому за *тенгу*, или небеснаго пса, хранителя этого моря. Такихъ *тенговъ* представляютъ обыкновенно въ видѣ человѣка, съ крыльями летучей мыши и птичьимъ клювомъ.

Вторая, самая распространенная и болѣе общенародная въ Японіи религія, есть *Буддизмъ*. Начав-

шись во времена древнѣйшія, это вѣрованіе быстро успѣлось въ срединѣ Азіи, обратилось въ Китай и достигло Кореи. Отсюда перешло оно на Японскій архипелагъ, въ 552 году послѣ Р. Х.— Лѣтописи Японскія говорятъ, что въ этомъ году, одинъ изъ Корейскихъ государей отправилъ своего посланника къ даири *Кинъ-мей-тенъ-о*, съ изображеніемъ истукана *Буддо-Сакія*, и съ духовными книгами своей вѣры. «Испытай это новое ученіе,» говорилъ даири одинъ изъ министровъ его. — Нѣтъ, неиспытывай—возражалъ другой — въ нашей землѣ есть уже довольно боговъ, и если мы станемъ поклоняться чуждымъ, наши могутъ этимъ оскорбиться. — Даири избралъ среднее рѣшеніе: не объявилъ себя ни противъ новой религіи, ни за нее, но вскорѣ новая религія начала всюду торжествовать; сперва проникла она въ чертоги знатныхъ, и оттуда разлилась въ умахъ простонародія, которое ослѣпилось ея обрядами, величественными и важными, въ сравненіи съ простымъ богослуженіемъ вѣры отцовъ. Обращеніе сдѣлалось всеобщимъ и число буддистовъ безмѣрнымъ; не только потребовали жрецовъ буддійскихъ изъ Кореи и Китая, но множество Японцевъ отправилось еще на материкъ Азіятскій, изучать буддизмъ въ знаменитыхъ его обителяхъ и проповѣдывать потомъ на своей родинѣ. Долго дошло наконецъ, что многіе даири, забывши боговъ отцовъ, тайно принимали буддизмъ, а князья царской крови явно брили себѣ головы и дѣлались бонзами, нимало не возбуждая народнаго негодо-

вапія. Въ 805 году, 50-й даири принялъ буддійскую вѣру торжественно, самъ явился въ тотъ мрачный храмъ, гдѣ должно было совершиться обряду приняпія, поставилъ въ чертогахъ своихъ истуканы буддійскіе, и велѣлъ изъяснять себѣ духовныя книги новой вѣры.

Когда такимъ образомъ буддизмъ сдѣлался первенствующимъ и общенароднымъ вѣрованіемъ, правительство объявило его главною вѣрою государства. Это произошло безъ сопротивленій и безъ гоненій, и страннымъ слѣдствіемъ такого событія было то, что послѣдователи синто приняли буддизмъ, не думая, что нарушаютъ этимъ прежнюю вѣру свою. Мало по малу, обѣ религіи какъ-то смѣшались въ глазахъ народа. Теперь видите въ Японіи идолы буддійскіе въ капищахъ синто, а истукановъ ками ставятъ въ буддійскихъ храмахъ, и трудно угадать мѣру соединенія обѣихъ вѣръ и причину подобныхъ смѣшеній.

Считаютъ въ Японіи *восемь* главныхъ сектъ буддійскихъ, и ихъ продолжительная и запутанная родословная можетъ быть любопытна только для ученыхъ и филологовъ. Вообще главное различіе заключается въ нѣкоторыхъ книгахъ духовныхъ, принимаемыхъ одними, отвергаемыхъ другими, но кромѣ того есть еще много религіозныхъ предметовъ, раздѣляющихъ секты буддійскія. Самая замѣчательная секта *Икко-Сіо* (истинное наблюденіе вѣры), основанная *Синъ-Раномъ*, ученикомъ *Гхенъ-Ко*. Жрецы, ей слѣдующіе, составляютъ главный религіозный коллегіумъ въ Японіи. Они почитаются

родственниками даири, отращиваютъ волосы на головѣ, носятъ по двѣ сабли, и въ путешествіяхъ одѣваются, какъ знатные Японцы. Норимоны ихъ подобны употребляемымъ среднимъ званіями, но убранство лошадей, на которыхъ ѣздятъ они, не уступаетъ убору лошадей княжескихъ. Они ѣдятъ рыбу и мясо, и вступаютъ въ супружество съ знатнѣйшими Японскими семействами. Вообще жрецы этой секты богаты, сильны, уважены, и съ сеугуномъ обходятся, почти какъ равные съ равнымъ. При вступленіи на престолъ новаго сеугуна, они не получаютъ отъ него, подобно жрецамъ всѣхъ другихъ исповѣданій, грамотъ, укрѣпленныхъ красною печатью, но только представляютъ ему отъ себя подписки, у которыхъ печати бываютъ изъ ихъ крови, и которыми обязываются они защищать новаго государя отъ всякихъ опасностей.

Гораздо болѣе странная секта именуется *Жамабо* (люди спящіе въ горахъ). Это родъ пустынниковъ, которымъ народное изувѣріе придаетъ сверхъ-естественныя знанія и даръ волхвованія. Отъ другихъ буддистовъ отличаются они тѣмъ, что жрецы ѣдятъ мясо и женятся. Жизнь ихъ проходитъ въ странствованіяхъ по горнымъ вершинамъ, почитаемымъ святыми мѣстами. Они ходятъ босые, но платье носятъ весьма широкое. Огромная шапка ихъ, въ видѣ каршуза, съ длинными лопастями по плечамъ, и длинная перевязь, концы которой связываются назади, придаетъ имъ видъ странный и неуклюжій. Одѣяніе другихъ бон-

зовъ болѣе свободно. Иные брѣютъ голову, другіе имѣютъ право оставлять пучекъ волосовъ на головѣ, но всѣ одѣваются въ широкіе кафтаны, какими отличаются вообще буддійскіе жрецы Азійскаго материка.

Буквально говоря, Японія покрыта буддійскими храмами, называемыми *зи*. Самый огромный и лучшій храмъ *Фо-ко-зи*, о которомъ сказывалъ я, говоря о столицѣ дапри Міако, и гдѣ находится огромный идолъ *Будды блистающаго*. Неподалеку отъ него видно капище, называемое *Мими-тсука* (гробница ушей). Тутъ погребены уши и носы Корейцевъ, убитыхъ въ сраженіи съ Японскимъ государемъ *Тайко*. Побѣдитель велѣлъ обрѣзать ихъ послѣ сраженія, посолить, и въ бочепкахъ переслалъ въ Японію.

Будду почитаютъ въ Японіи просто святымъ человѣкомъ, но обожаютъ его, какъ бога, и кромѣ него поклоняются еще какимъ-то вымышленнымъ богамъ буддійскимъ, называя ихъ *Амида*, или *Ксака*, и *Канонъ*. Послѣдній сынъ перваго. Такъ, по крайней мѣрѣ, передали намъ имена этихъ боговъ путешественники, наблюдавшіе религію Японцевъ. Амиду представляютъ подъ разными видами, но всего болѣе изображаютъ въ видѣ человѣка съ собачьею головою, держащаго кругъ въ рукѣ, и ѣдущаго на седмиглавой лошади. Ему жертвуютъ разными кушаньями, ставя ихъ въ храмахъ, и вѣроятно, жертвы эти достаются потомъ жрецамъ. Изъ всѣхъ истукановъ Капона, или правильнѣе *Кангъ-вона*, лучшій находится на открытомъ мѣ-

сшѣ, въ пустынномъ и дикомъ ущеліи близъ Міако. Туда сходятся Японцы со всѣхъ сторонъ, поклоняться исполинскому кумиру своего бога, изображеннаго съ двадцатью руками, держащаго двадцать стрѣлъ; на груди его написано семь дѣвскихъ головъ. Голова идола, его положеніе и принадлежности, напоминаютъ буддійскіе религіозные памятники въ Индіи. Еще храмъ Канона, замѣчательный, такъ, что объ немъ стоитъ упомянуть, находится близъ Осакка; это красивое зданіе, съ кривыми кровлями, которыя украшены фигурами, съ рѣзьбою по стѣнамъ снаружи, и съ великолѣпными садами. Въ этомъ храмѣ служатъ двѣсти жрецовъ, живущихъ въ строеніи, прилегающемъ къ храму.

Японскій буддизмъ перенялъ, кажется, въ своихъ обрядахъ, многое изъ нелѣпостей брамінскаго идолослуженія. Между Японцами встрѣчаются примѣры такого-же безумнаго фанатизма, такой-же страсти къ самоубійству въ честь своей религіи, какія видимъ въ Бенаресѣ, Ягтернаутѣ, Мадрасѣ, Пондишери и вообще въ Индіи. Изувѣры здѣсь также топятся, сжигаются, заставляютъ душить, раздавливать себя во имя своего идола. Иные приковываютъ себя къ святымъ утесамъ и гибнутъ голодомъ. Другіе предпринимаютъ отдаленныя путешествія босыми ногами и съ открытою головою. И въ Японіи есть свои жоги, какъ въ Индіи, родъ отшельниковъ, которымъ предписывается самая строгая жизнь. Они служатъ обычными путеводителями пилигримовъ въ безче-

ловѣчпомъ обрядѣ *вѣсовъ*. Этотъ обрядъ состоитъ въ слѣдующемъ: послѣ продолжительнаго страпствованія, изувѣры приходятъ наконецъ къ извѣстной горной вершинѣ, возвышающейся за облака. Тушъ жоги устроиваютъ коромысло, на которомъ цѣпляютъ пѣчто въ родѣ большихъ вѣсовъ. На одну изъ досокъ, составляющихъ такія вѣсы, повѣшенную надъ стремнинами горы, поочередно садятся пилигримы, между пѣмъ, какъ на другой доскѣ накладываетсп тяжесть, утверждающая равновѣсіе. Въ этомъ положеніи, каждый пилигримъ долженъ сказать свою полную исповѣдь въ грѣхахъ, и если бонзамъ покажется, будто кто нибудь старается что нибудь скрыть, они потрясаютъ доску, и несчастный исповѣдникъ падаетъ въ бездны, съ высоты болѣе 500 туазовъ. Съ благоговѣйнымъ ужасомъ смотрятъ на это зрѣлище товарищи грѣшника.

Третье вѣрованіе, также довольно многочисленное въ Японіи, есть религія *Сукдо*, или ученіе Конфуція. Въ 284 году по Р. Х., при царствованіи даири *Озинъ-Тено*, прибыли въ Японію изъ Кореи люди, изученные вѣрѣ Китайскихъ ученыхъ. Они принесли въ Міако книгу Конфуція, или *Ронъ-Го*, представили ее даири, и изъяснили свое исповѣданіе одному изъ его сыновей. Знаменитый *Во-Нинъ*, бывшій начальникомъ этой духовно-литературной миссіи, оказалъ потомъ такія услуги Японіи, что его причли въ боги послѣ смерти, и съ этого времени распространилось въ Японіи письмо Китайское.

Со временъ Озинъ-Тено до нашего времени, идеографическіе знаки Китайскіе остаются въ употребленіи у Японцевъ, такъ, какъ и самый языкъ Китайскій. Письмена употребляются наиболѣе въ ученыхъ книгахъ, но это не мѣшаетъ имъ быть вообще вѣдомыми между народомъ. «Между тѣмъ (говоритъ Клапротъ) Японцы видѣли, что по устройству своему, языкъ ихъ разнится значительно отъ Китайскаго, и поелику Китайскіе знаки часто имѣютъ многія значенія, то Японцы признали необходимость писанія, которое удаляло-бы всѣ такія неудобства. Потому, въ первыхъ годахъ VIII-го столѣтія, изобрѣтена была *Японская силлабическая азбука*, именуемая *Кана-Кана* и *Фиро-Кана*, совершенно приспособленная къ языку туземному. Употребленіе этихъ письменъ всеобще въ Японіи, и рѣдко найдете Японца, который не умѣлъ-бы ихъ читать. Съ тѣхъ поръ, какъ Японцы начали имѣть письменный языкъ, литтература ихъ, изъ столѣтія въ столѣтіе, оказывала болѣе и болѣе успѣховъ. Къ сожалѣнію, она едва извѣстна въ Европѣ; но по немногому числу книгъ, которыя успѣли мы получить отъ Японцевъ, видно, что у нихъ есть книги всякаго рода, особенно сочиненія историческія, а равно и другихъ множество.»

Употребленіе бумаги началось въ Японіи съ VII-го вѣка; типографіи Японскія печатаютъ на манеръ Китайскій, то есть, Японцы вырѣзываютъ выпуклыя буквы на доскахъ, какъ мы гравируемъ выпукло по дереву, и начало этого иску-

сива въ Японіи относится къ 1205 году. Слѣдовательно, Японцы опередили насъ въ печатаньи книгъ почти 250-ю годами.

Склонность Японцевъ къ литературѣ и ученью не уступитъ охотѣ къ этимъ предметамъ Китайцевъ. Любя изучать иностранные языки, Японцы мучатъ вопросами всякаго, обо всемъ, что онъ знаетъ. Тунбергъ не зналъ куда дѣваться отъ распроса своихъ толмачей. Солдата Японскаго всегда увидите при его постѣ съ книгою въ рукахъ. Общее чтеніе народа составляютъ наиболѣе историческія повѣсти, или стихотворенія, гимны въ честь боговъ, описательныя идилліи, любовныя пѣсни.

Театръ Японскій, по многимъ подробностямъ, приближается къ театру Китайскому, о которомъ я говорилъ подробно. У Японцевъ такія-же трагедіи, такіе-же актеры, такія-же плясуньи и машины. Но декораціи Японскія гораздо лучше. На сценѣ являются домы, мосты, сады, фонтаны, горы, лѣса, и иногда обольщеніе глазъ бываетъ превосходно. Сцена измѣняется въ виду зрителей. Въ каждой пьесѣ непремѣнно должно быть *двѣнадцать* дѣйствующихъ лицъ, мужчинъ и женщинъ. Актрисы принадлежатъ къ Японской вольницѣ, но актерами бываютъ нерѣдко молодые люди хорошихъ семействъ, играющіе по охотѣ. Пьесы театральныя состоятъ изъ любовныхъ похожденій героическихъ временъ, но есть и трагическія драмы, гдѣ развязку составляетъ ядъ и кинжалъ. Содержаніе всегда берется въ старинныхъ лѣтописяхъ.

Едва зрители увлекутся состраданіемъ, является смѣшное лицо, въ родѣ Итальянскаго арлекина, начинаетъ шутить, и превращаетъ слезы въ громкій хохотъ. Пляски обыкновенно начинаютъ и заключаютъ каждое сценическое представленіе.

Ученыя свѣдѣнія Японцевъ находятся почти на одинаковой степени съ свѣдѣніями Китайцевъ. У знатныхъ людей найдете географическія карты, но грубыя и нелѣпыя. Только въ Іеддо есть небольшой астрономическій комитетъ, похожій на Пекинскій Математическій трибуналъ. Подобно Китайскому трибуналу, комитетъ Іеддскій обязанъ сочинять календарь и вычислять затмѣнія. Головинъ упоминаетъ объ Японцѣ *Мамія-Ринзо*, который посланъ былъ къ нему, во время его заточенія, чтобы усовершенствоваться въ Астрономіи. Этотъ Японскій астрономъ слылъ чудомъ учености между земляками, и между тѣмъ, не шутя, спрашивалъ у Русскаго капитана, что такое секстанъ и компасъ?

Медицина Японская отстала не столько, какъ Японская Астрономія. Европа одолжена даже Японіи нѣсколькими лекарствами, болѣе или менѣе употребительными. Накалываніе (accupuncture), на примѣръ, которымъ недавно хотѣло воспользоваться въ Европѣ шарлатанство медиковъ, было изобрѣтено въ Японіи. Чтобы уничтожить колотье, Японскіе врачи втыкаютъ больному въ тѣло, золотыя, или серебряныя, острыя иголки. Прижиганіе (моха), котораго употребленіе всеоб-

щее и дѣйствіе менѣе сомнительно, началось первоначально также на Японскихъ островахъ. Берутъ для этого немного сухаго моху, сдѣланнаго изъ стебля артемизіи, кладутъ его на больное мѣсто тѣла, и послѣ призванія какого-то духа, зажигаютъ. Мохъ горитъ медленно, почти безъ пламени, обжигаетъ кожу и тѣмъ вылечиваетъ. Это не только употребляютъ, но даже злоупотребляютъ въ Японіи. Туземцы нерѣдко дѣлаютъ себѣ прижигу, какъ предохранительное средство, ежемѣсячно. Если рана не разбаливается сама собою, ее расправливаютъ толченымъ лукомъ. Лекаря Нангазакскіе прописываютъ прижигу отъ всего, но особливо отъ подагры. Обыкновенно, прижиганіе дѣлается на верхней части тѣла, и отъ того въ Японіи у рѣдкаго мужчины, и даже у женщинъ, не бываетъ множества слѣдовъ прижиги. Японскіе врачи сущіе невѣжды въ Анатоміи. Для распознанія болѣзней щупаютъ однакожъ они пульсъ больнаго. Кровопусканіе и діэта кажутся имъ вовсе безполезнымъ дѣломъ. Напротивъ, всегда совѣтуютъ они больному побольше ѣсть, и пить чаю, сколько можетъ онъ болѣе.

Рукодѣльная промышленность въ Японіи равняется съ Китайскою и Индійскою. Есть мастера для отличной обдѣлки желѣза, мѣди и стали. Я говорилъ уже о превосходствѣ Японскихъ сабель, не уступающихъ Дамасскимъ и Харассанскимъ. Шелковыя и изъ хлопчатой бумаги издѣлія, фарфоръ, мѣлкія галантерейныя вещицы, а также

бумага, лаковыя подѣлки, стеклянныя вещи, и множество другихъ предметовъ, доведены у Японцевъ до высокой степени совершенства. Въ инструментахъ для измѣренія времени они такъ успѣли, что могутъ составить и устроить карманные часы. — Главнѣйшія торговыя мѣста въ Японіи суть *Осакка, Нангазаки, Кази-но-Мотсъ.*

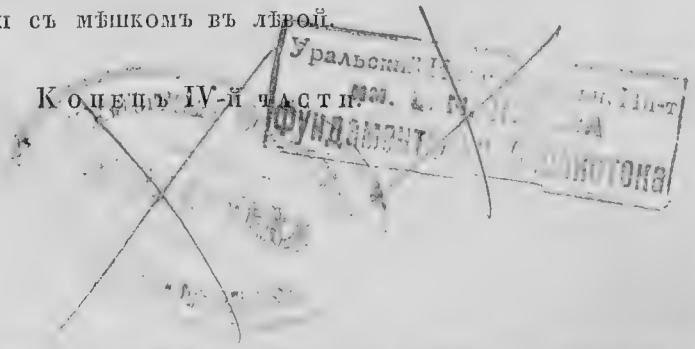
Нѣкогда флоты Японскіе являлись по окрестнымъ морямъ и плавали даже въ Индію, но послѣ губительнаго междоусобія между Японцами-язычниками и Японцами-христіанами, и изданія потомъ строгихъ запрещеній, въ 1585 году, Японія не имѣетъ ни одного военнаго корабля, и купеческія суда Японцевъ строятся только для прибрежнаго плаванія. Выходъ изъ государства запрещенъ такъ строго, что даже заведенный нечаяннымъ случаемъ, плѣномъ, насильственно или кораблекрушеніемъ въ иностранныя государства, Японецъ не избѣгаетъ строгаго преслѣдованія, а нерѣдко жестокаго наказанія, по своемъ возвращеніи въ отечество.

Единственный, открытый чужеземцамъ портъ Японскій—*Нангазаки,* и сюда допускаются только Голландцы, Китайцы и Корейцы. Число кораблей, которые каждый изъ сихъ народовъ можетъ присылать въ Нангазаки, опредѣлено и предварительно назначено. Но если внѣшняя торговля Японская ограничена такимъ стѣснительнымъ образомъ, за то внутренняя находится въ дѣятельномъ и цвѣтущемъ состояніи. Никакая таможня, никакой внутренній налогъ не задерживаютъ въ Японіи

производства туземныхъ купцовъ, при чемъ торговыя сношенія облегчаются превосходными дорогами и удобствомъ прибрежнаго плаванія вокругъ всего государства. Всѣ гавани Японскія наполнены туземными судами; торжища, лавки, ярмарки годовыя завалены произведеніями всякаго рода и издѣліями самой разнообразной промышленности.

Главный вѣсъ въ Японіи составляетъ *пикуль*. Мѣры погонныя опредѣляются *наттами*. Воображаемую для счета монету представляетъ *таиль*, равный Голландскому рейхсдалеру, и раздѣляемый на десять частей, или *ма*.—Торговля съ Голландцами производится мѣною товара на товаръ. Вывозъ золота изъ Японіи запрещенъ. Главнѣйшія дѣйствительныя монеты здѣшнія суть, золотыя, *кобанги*, серебряныя, *кодамы*. Первыя самая крупная монета, и не зная назначенія ея, можно почесть ее медалью; она квадратная, плоская, съ углами немного округленными, очень тонка и заклеймена гербомъ даири. Кодама измѣняется фигурою, величиною и чеканомъ; бываетъ, то продолговатая, то круглая, шарообразная, вдавленная съ одной стороны и плоская. Обыкновенно ставится на ней изображеніе *Дайкокфа*, Плутуса Японскаго; его представляютъ сидящимъ на двухъ бочкахъ сарачинскаго пшена, съ молоткомъ въ правой рукѣ и съ мѣшкомъ въ лѣвой.

Конецъ IV-й части.



ОПИСАНІЕ

рисунковъ, принадлежащихъ къ *четвертой* части *Всеобщаго путешествія.*

Листы. Изображ.

LXX. 138. Видъ Китайскихъ укрѣпленій въ протокѣ рѣки *Чу-Кіанеѣ* (Тигровой), или Bocca de Tigris (пасть тигра), между берегомъ и островомъ *Ванеѣ-Тонеѣ* (ч. IV. стр. 11).

LXXI. 139. Видъ Китайскаго селенія, на берегу Чу-Кіанга, и стоящаго вдали *та*, или башни (ч. IV, стр. 16).

140. Видъ Китайскаго жилища, построеннаго изъ старыхъ лодокъ, на берегу Чу-Кіанга (ч. IV, стр. 16).

LXXII. 141. Видъ улицы въ Кантонѣ (ч. IV. стр. 30).

142. Изображеніе Кантонскихъ Китайцевъ, цырюльника, почетнаго жителя, простолюдина и разнощика (ч. IV, стр. 32).

LXXIII. 143. Видъ части Китайскаго отдѣленія въ Кантонѣ (ч. IV, стр. 81).

144. Изображеніе гражданскаго мандарина, въ полной одеждѣ, и Кантонскаго фактора (Comprador) Европейскихъ конторъ (ч. IV, стр. 86 и 43).

LXXIV. 145. Видъ стѣны и воротъ Китайскаго отдѣленія въ Кантонѣ (ч. IV, стр. 36).

146. Изображеніе Китайскаго милиціоннаго солдата, и воина изъ Тигроваго полка, отборнаго войска Китайскаго (ч. IV, стр. 95 и 184).

Листы. Изображ.

LXXV. 147. Видъ Китайскаго моста объ одной аркѣ, съ торжественными вратами, на немъ построенными (ч. IV, стр. 141).

148. Изображеніе жены Китайскаго мандарина, дитяти и служанки (ч. IV, стр. 91).

LXXVI. 149. Два изображенія Китайца, осужденнаго на *кангу*, и полицейскаго сторожа за нимъ (ч. IV, стр. 94).

150. Изображеніе ногъ Китайской знатной женщины (ч. IV, стр. 92).

LXXVII. 151. Видъ Китайскаго гидравлическаго способа, замѣняющаго шлюзы (ч. IV, стр. 141).

152. Изображеніе Китайскаго развощика съѣстныхъ припасовъ, и шѣлежки съ парусомъ (ч. IV, стр. 97).

LXXVIII. 153. Видъ части Пекинской стѣны и городскихъ воротъ (ч. IV, стр. 142).

154. Изображеніе Кантонскаго полицейскаго мандарина, несомаго въ паланкинѣ (ч. IV, стр. 103).

LXXIX. 155, Видъ *Великой стѣны*, отдѣляющей Монголію отъ Китая (ч. IV, стр. 146).

156. Видъ Китайской крѣпости и *пей-занга*, или торжественныхъ воротъ, близъ Пекина (ч. IV, стр. 143).

LXXX. 157. Видъ части дворца *Юанъ-Мингъ-Юанъ*, близъ Пекина (ч. IV, стр. 144).

158. Изображеніе Китайскаго поселянина и семейства его (ч. IV, стр. 97).

LXXXI. 159. Видъ башни, или *та*, близъ *Сы-Чы*, въ Китаѣ (ч. IV, стр. 143).

160. Изображеніе богдыхана *Фу-си*, и идола, находящихся въ Пекинскомъ храмѣ *Тиванъ-Миао* (ч. IV, стр. 158).

LXXXII. 161. Изображеніе Китайскихъ лодокъ съ ловучими клѣтками, для перевоза по водѣ утокъ (ч. IV, стр. 204).

162. Изображеніе жонки, изъ Китайской области *Чы-Кіао* (ч. IV, стр. 205).

Листы. Изображ.

LXXXIII. 163. Изображеніе Китайской жонки, для перевоза большихъ грузовъ, въ Кантонѣ (ч. IV, стр. 205).

164. Изображеніе большой Китайской военной жонки (ч. IV, стр. 205).

LXXXIV. 165. Видъ *Напа-Кіанга*, столицы на островахъ *Лыу-Чыу* (ч. IV, стр. 211).

166. Видъ погребальницы на Лыу-Чыу (ч. IV, стр. 211).

LXXXV. 167. Изображеніе *Коли*, одного изъ старшинъ въ Напа-Кіангѣ, и жены его (ч. IV, стр. 214).

168. Изображеніе *бодеза*, или жреца Лыу-Чыускаго, и еще одного изъ начальниковъ Напа-Кіангскихъ (ч. IV. стр. 216).

LXXXVI. 169. Изображеніе *Укома*, начальника въ Напа-Кіангѣ, и семейства его (ч. IV, стр. 215).

170. Изображеніе Лыу-Чыускаго идола *Куанеб-Іонга*, или богини прощенія (ч. IV, стр. 221).

LXXXVII. 171. Изображеніе жонки, везущей въ Китай изъ Лыу-Чыу подати (ч. IV, стр. 236).

172. Видъ сада жрецовъ, на Лыу-Чыу (ч. IV, стр. 219).

LXXXVIII. 173. Изображеніе свиты, сопровождающей Укома въ его прогулкѣ (ч. IV, стр. 219).

174. Изображеніе *Корейскихъ* матрозовъ и ихъ начальника (ч. IV, стр. 264).

LXXXIX. 175. Видъ Японской военной караульни, близъ Нангазаки (ч. IV, стр. 286).

176. Изображеніе Японцевъ, привѣтствующихъ другъ друга при встрѣчѣ (ч. IV, стр. 284).

XC. 177. Видъ крѣпости близъ Нангазаки, торжественно убранной флагами (ч. IV, стр. 283).

178. Изображеніе Японскихъ солдатъ, коннаго и пѣшаго (ч. IV, стр. 285).

XCI. 179. Видъ улицы въ Нангазаки (ч. IV, стр. 294).

Листы. Изображ.

180. Изображеніе Японокъ высшихъ званій, на Нангазакскомъ гуляньѣ (ч. IV, стр. 295).

XCII. 181. Видъ *Оннайскаго* дворца въ Японіи (ч. IV. стр. 306).

182. Видъ *Фирандской* крѣпости, въ Японіи (ч. IV, стр. 306).

XCIII. 183. Изображеніе трехъ Японскихъ чиновниковъ, въ *Осакка* (ч. IV, стр. 312).

184. Изображеніе Японской щеголихи, и ручной колясочки, въ которой она прогуливается (ч. IV, стр. 313).

XCIV. 185. Изображеніе Японскихъ нищихъ, и семейства, осужденнаго на изгнаніе (ч. IV, стр. 321).

186. Изображеніе народнаго цирка и борцовъ Японскихъ (ч. IV, стр. 330).

XCV. 187. Изображеніе аудіэнціи Голландскихъ посланниковъ въ Іеддо (ч. IV, стр. 343).

188. Изображеніе торжественной жонки, на которой везли Русскаго посланника въ Нангазаки (ч. IV, стр. 348).

XCVI. 189. Изображеніе Буддійскаго идола *Амида*, въ Японіи (ч. IV. стр. 407).

190. Изображеніе Буддійскаго идола *Канона*, или *Канеб-Вона*, близъ Міако (ч. IV, стр. 407)

XCVII. 191. Видъ храма Кангъ-вонова, находящагося близъ Осакка (ч. IV, стр. 408)

192. Изображеніе Буддійскихъ жрецовъ, различныхъ сектъ, въ Японіи (ч. IV, стр. 406).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Стр.

ВСЕОБЩЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. *Китай и Японія, съ островами Лоу-Чоускими.*

ГЛАВА XXXIV. *Китай. Переѣздъ изъ Макао въ Кантонъ.* Рѣка *Чу-Кіангъ*, или Тигровая. Островъ *Линтинъ*. Контрабанда опіумомъ. Bocca de Tigris и островъ *Вангъ-Тонгъ* — плохая крѣпость Китайская; проѣздъ корабля Альцесты, въ 1816 году; сторожевая Китайская флотилія. Китайскія башни, или *та*. Островъ *Вампоа*. Китайскія оранжереи. Видъ *Кантона*. Жилища и жизнь Европейцевъ. Запрещеніе Европейскимъ женщинамъ жить въ Китаѣ.....

ГЛАВА XXXV. *Китай. Кантонъ. Три города въ одномъ.* Улицы Каншонскія, лавки, торговля, рынки; одежда жителей и промышленность. Видъ площадей. Искусство мастеровыхъ. Китайское отдѣленіе Каншона. Число жителей. Жилище Вице-Короля. Различіе частей города. Пожаръ 1823 года. Третье отдѣленіе — *Кантонъ на водѣ*.—Прелесть его, веселая жизнь. Ловкость и плутовство Китайскихъ слугъ. Посщавщики, или Compradores Каншонскіе..... 30

ГЛАВА XXXVI. *Китай. Кантонъ. Гунъ. Ганисты.* Зрѣлище присяги. Система торговли Каншонской съ Европейцами. *Кангъ-Гонгъ, Ганисты, Гунъ*, факторы. Пошлина. Предметы торговли. Чай, приготовленіе

Стран.

и вывозъ его, сорты и количество. Привозные товары. *Будущность* Китайской торговли. Угощеніе у гаписца. Китайскій обѣдъ. Пирушка у другаго гаписца—театръ и драма Китайская.—Еще пиръ у гаписца—Китайскій городъ; жилище Китайца, костюмъ мандарина; садъ, обѣдъ, жена Китайца.—Прогулка по Кантону—*Кинга*, солдаты, поселяне, Буддійскій пагодъ. Ссора..... 86

ГЛАВА XXXVII. *Китай. Сношенія съ Европейцами. Посольства. Нейгофъ, Макартней, Тзитзингъ и фанъ-Брамъ, Линдзей и Гутцлавъ.* Незнаніе Китая Древними. *Серика.* Древность Китая. *О-ло-пенъ* и *христіанство.* Монголы, Маркъ-Павелъ, Монте-Корвино, Ѳома Пирезъ, Миссіонеры—ихъ успѣхи и упадокъ.—Голландскіе послы и описаніе Нейгофа. Русское посольство и описаніе Беля—Пекинскій Дворъ, забавы его и великолѣпіе. Дальнѣйшія сношенія съ Русскими. Англійскія посольства: *Маккартней*—плаваніе по *Желтому морю* и рѣкѣ *Пеи-Го;* Пекинъ—дворецъ *Юанъ-Минъ-Юанъ; Великая стѣна;* дворецъ *Іе-го;* путь изъ Пекина въ Кантонъ.—Амгерстъ, Тзинзингъ и Брамъ.—Прибрежное плаваніе Линдзея и Гутцлава, отъ Кантона до Кореи..... 104

ГЛАВА XXXVIII. *Китай. Выводъ общій: произведенія природы, правленіе, религія, нравы, обычаи, законы, литтература, науки, искусства.* Затрудненія Китайской географіи. Пространство, земледѣліе, произведенія природы — звѣри, пшицы, рыбы, ископаемыя.—Правленіе, аристократія, управленіе областей, войско, законы.—Письмена, языкъ, знанія, художества, промышленность, литтература—энциклопедія, поэзія, книги Конфуція. — Вѣра.—Женщины—многоженство. Страсть къ играмъ. Пороки и добродѣтели..... 176

ГЛАВА XXXIX. *Отъѣздъ изъ Кантона. Формоза. Лау-Чау.* Разставанье съ Барономъ. Обратное плаваніе въ Макао. Китайскія суда. Опять Китайскій мореходъ. Островъ *Формоза*—произведенія, жители; владѣнія Китайскія.—*Лау-Чау*, столица *Нана-Кіанъ*—добро-

Стран.

душіе и ласковость жителей. Старшина Коми. Посѣщеніе другихъ старшинъ—Укома и его семейство; бодезы, или жрецы. Мадера, Анъ-Ніагъ. Европейская красавица. Сады жрецовъ и храмъ. Ужинъ. Прогулка по острову. Прелесть и богатство природы. Китайская жонка, ея отплытіе и праздникъ..... 200

ГЛАВА XL. *Лоу-Чоу. Исторія, Географія.* Миѳологическое начало Лоу-Чьусцевъ; завоеваніе Китайцами; подданство Китаю; война съ Японіею; пребываніе Беньовскаго. Броутонъ, Галлъ и Бичей. — Происхожденіе, образованіе, языкъ, законы, правленіе. Обряды при воцареніи государей. Доходы, промышленность, положеніе—произведенія природы, мореплаваніе и торговля Топографія..... 240

ГЛАВА XLI. *Японія. Нангазаки.* Разставанье съ Лоу-Чьусцами. Корейцы. Ужасный ураганъ на Японскомъ морѣ—кораблекрушеніе—спасеніе на островъ *Квузу*. Отправленіе въ *Нангазаки*—Японская крѣпость. Японцы, ихъ видъ и одежда; солдаты и офицеры. Голландская факторія и островъ *Дезима*. Прогулка по городу—гулянье; Японскія женщины. Торговля Голландцевъ въ Японіи. Отправленіе въ Іеддо..... 260

ГЛАВА XLII. *Японія. Іеддо.* Дорожные экипажи. Дворецъ *Оннайскій*. Крѣпость въ *Фирандо*. Жилища Японцевъ. Японская жонка. Плаваніе моремъ въ Іеддо. Гнѣ Блокфіусъ и Японская флора. *Осакка* — крѣпость, красавицы. *Міако*, столица *даири*—храмы и идолы. Дорога отъ моря до Іеддо—земледѣліе, нищіе, предмѣстье. *Іеддо*—дворецъ *кубо*, улицы, домы, полиція, чайные домы, или *тзіайа*, народный циркъ и борцы Японскіе. Посѣщеніе богатаго Японца—фарфоръ и рѣдкости..... 304

ГЛАВА XLIII. *Японія. Сношенія съ Европою, миссіонеры, посольства Голландцевъ. Русское посольство.* Прибытіе Португальцевъ въ Японію. Обращеніе въ христіанство Японцевъ, гоненіе, истребленіе Христіанъ, изгнаніе Европейцевъ. Монополія Голландцевъ—посольство Вагнера; описанія Кемпфера и Тунберга; уни-

Стран.

женіе Голландцевъ. Русское посольство—посолъ Рязановъ; пріемъ его и отвѣтъ Японцевъ — Хвостовъ и Давыдовъ. Плѣнъ Головнина и великодушіе Рикорда. Новѣйшія извѣстія..... 356

ГЛАВА XLIV. *Японія. Общій выводъ. Географія, Исторія: нынѣшнее состояніе, правленіе, законы, нравы, обычаи, характеръ, знанія, искусства, промышленность, торговля, религія.* Исчисленіе Японскихъ острововъ; области и дѣленія ихъ. Происхожденіе Японцевъ и споръ о томъ. Историческая миѳологія. Древнія переселенія Китайцевъ. *Даири*, духовный царь Японіи. *Кубо*, или *сегунъ*, политическій властитель Японіи. Дѣленіе властей и отношенія между ними. *Гокозіо*, или удѣлъ кубо. *Даміо*, или вассалы кубо. Верховный совѣтъ, войско, правосудіе и законы. *Ящикъ прошеній*. Склонность къ самоубійству и презрѣніе смерти. Характеръ Японцевъ. Званія и нравственный бытъ. Похороны, свадьбы, домашняя жизнь. Образъ путешествій, почты. Вѣры —*Синто*, боги, храмы, догматы, жрецы; *Буддизмъ* —храмы, боги, секты; религія *Сукдо*, или Конфуціева.—Письмена, литература, театръ, науки, промышленность, монета..... 358

Описаніе *пятидесяти пяти* рисунковъ, принадлежащихъ къ *четвертой* части Всеобщаго Путешествія..... 1

5443